

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

**ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ
IR SCIENTISTS' HERALD**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
научно-аналитического журнала
«ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ»
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА

Карпович Олег Геннадьевич, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, проректор по научной работе, директор Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

ЧЛЕНЫ СОВЕТА

Аникин Владимир Иванович, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Центра мировой экономики Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Бажанов Евгений Петрович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Бразил Дейлтон Рибейро, доктор философии в области права (Университет UNIME, Италия), кандидат юридических наук (Университет Гама Филью (UGF), Рио-де-Жанейро, Бразилия), доктор юридических наук (Университет Итауна (UIT); юридический факультет Святого Августина (FASASETE-AFYA), Бразилия)

Винокуров Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД России

Грибанич Владимир Михайлович, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Гришаева Лидия Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университет им. М.В. Ломоносова

Данельян Андрей Андреевич, доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой международного права Дипломатической академии МИД России

Егоров Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД России

Закаурцева Татьяна Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра евразийских исследований Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Зверева Татьяна Вадимовна, доктор политических наук, заведующая Центром евроатлантических исследований и международной безопасности Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Иванов Олег Петрович, доктор политических наук, профессор Дипломатической академии МИД России

Каширина Татьяна Владиславовна, доктор исторических наук, профессор Дипломатической академии МИД России

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор Казанского федерального университета

Манойло Андрей Викторович, доктор политических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ногмова Аделина Шафиковна, кандидат политических наук, доцент, декан факультета подготовки кадров высшей квалификации

Неймарк Марк Афроимович, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России

Суглобов Александр Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ

Толмачев Петр Иванович, доктор экономических наук, профессор, кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Трунцевский Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Феофанов Константин Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России

Ширинянц Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Штоль Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, главный редактор научно-аналитического журнала «Обозреватель-Observer», член научного совета при Совете безопасности Российской Федерации

Шулепов Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, член научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации

Шутов Анатолий Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, советник ректора Дипломатической академии МИД России

EDITORIAL COUNCIL
Scientific and Analytical Journal
“IR SCIENTISTS’ HERALD”

CHAIRMAN OF THE BOARD

Oleg Karpovich, Doctor of Sciences (Law, Political Science), Professor, Vice-Rector for Research of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Director of the Institute for Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

MEMBERS OF THE BOARD

Alexander Shirinyants, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the Department of the History of Social and Political Studies at the Faculty of Political Science at the Lomonosov Moscow State University

Alexander Suglobov, Honored Economist of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Economics), Professor

Anatoly Shutov, Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Advisor to the Rector of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Andrey Danelyan, Doctor of Sciences (Law), Professor, Vice-Rector for Education, Head of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Andrey Manoylo, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of Lomonosov Moscow State University.

Adelina Nogmova, Ph.D. (Political Science), Associate Professor, Dean of the Faculty of Highly Qualified Personnel Training Candidate of Political Sciences

Deilton Ribeiro Brasil, Post Ph.D. in Law from UNIME, Italy. Ph.D. in Law by University Gama Filho (UGF), Rio de Janeiro. Law Scholar in Masters and Doctorate degrees in Fundamental Rights at University of Itaúna (UIT) and at the Faculties of Law Saint Augustine (FASASETE-AFYA), Brazil, South America

Evgeniy Bazhanov, Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation

Konstantin Feofanov, Doctor of Sciences (Political Science), Vice Chair of the Department of International Relations of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Lidiya Grishaeva Doctor of Sciences (History), Professor of the Moscow State University M.V. Lomonosov, Moscow

Mark Neimark, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Political Science and Political Philosophy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Nikolay Shulepov, Honored Lawyer of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor, Member of the Scientific Advisory Council at the Supreme Court of the Russian Federation

Oleg Ivanov, Doctor of Sciences (Political Science), Professor

Petr Tolmachev, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Professor of the Department of World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Sergey Egorov, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Kashirina, Doctor of Sciences (History), Professor

Tatyana Zakaurtseva, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher of the Center of Eurasian Studies of the Institute for Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Zvereva, Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Center for Euro-Atlantic Studies and International Security of the Institute For Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Valeriy Letyaev, Doctor of Sciences (Law), Ph.D. (History), Professor of the Kazan Federal University

Vladimir Anikin, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher of the Center for World Economy of the Institute for Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Vladimir Gribanich, Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Department of the World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Vladimir Shtol, Doctor of Sciences (Political Science), Editor-in-Chief of the Scientific and Analytical Journal «Observer», Member of the Scientific Council at the Security Council of the Russian Federation

Vladimir Vinokurov, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Diplomacy and Consular Service of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Yuri Truntsevsky, Doctor of Sciences (Law), Professor, Leading Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

ВЕСТНИК УЧЕНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ

Научный периодический электронный журнал «Вестник учёных-международников» издаётся Советом молодых ученых Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации с 2017 г. Публикуется ежеквартально. Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений, мировой экономики и международного права, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

«Вестник ученых-международников» включен в РИНЦ и перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК):

- 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки),
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),
- 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки).

Изданию присвоен номер **ISSN: 2687-0193**

Периодичность: выходит 4 раза в год и распространяется в Российской Федерации.

Научный руководитель

О.Г. Карпович, д. полит.н., д. юр.н.

Редакционная коллегия журнала

Р.Н. Шангараев – главный редактор, к.эк.н.

О.А. Тимакова – заместитель главного редактора, к.полит.н.

И.О. Анисимов – редактор, к.юр.н., ученый секретарь

В.Б. Козюлин – научный редактор, к.полит.н.

Л.Н. Сидорова – научный редактор, к.полит.н.

Н.С. Белякова – редактор, к.полит.н.

А.А. Кашина – редактор, к.полит.н.

Д.О. Мартынова – редактор, к.полит.н.

Е.Е. Гуляева – редактор, к.юр.н, редактор журнала *Скопус* (Бразилия)

Н.А. Фаустова – редактор, к.филол.н.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ЭЛ № ФС 77 – 77083 от 20.11.2019 (предыдущее название: «Вестник молодых учёных-международников», ЭЛ № ФС 77-69319 от 06.04.2017 г.).

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Редакция журнала не несёт ответственности за высказанные авторами публикаций точки зрения на происходящие в России и в мире политические процессы, события, явления.

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

IR SCIENTISTS' HERALD

The scientific periodical electronic journal IR SCIENTISTS' HERALD is published quarterly. The magazine is designed for professional researchers, analysts, practitioners in the field of international relations, world economy, international law, and a wide range of readers interested in Russian and foreign policy.

IR SCIENTISTS' HERALD is included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main results of dissertations for the degree of Ph.D., for the degree of Doctor of Science should be published:

5.1.5. International legal sciences

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relationships, global and regional studies

ISSN: 2687-0193

Periodicity: published 4 times a year (quarterly) and distributed in the Russian Federation.

Scientific adviser

Professor O.G. Karpovich, Doctor of Sciences (Political Science), Doctor of Sciences (Law)

Editorial Board of the Journal

R.N. Shangaraev – Editor in Chief, Ph.D. (Economics)

O.A. Timakova – Deputy Editor in Chief, Ph.D. (Political Science)

I.O. Anisimov – Editor, Ph.D. (Law), Executive Secretary

V.B. Kozulin – Scientific Editor, Ph.D. (Political Science)

L.N. Sidorova – Scientific Editor, Ph.D. (Political Science)

N.S. Belyakova – Editor, Ph.D. (Political Science)

A.A. Kashina – Editor, Ph.D. (Political Science)

D.O. Martynova – Editor, Ph.D. (Political Science)

E.E. Gulyaeva – Editor, Ph.D. (Law), Scopus (Brasil)

N.A. Faustova – Editor, Ph.D. (Philological Science)

The publication is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor), registration number of **EL№FS 77 – 77083, November 20, 2019** (Old name: IR Young Scientists' Herald EL No. FS 77-69319, April 6, 2017).

Copyrights to the published materials belong to the editorial staff of the magazine and the authors of the articles. The editorial position does not necessarily coincide with the opinion of the authors. Reprinting of materials without permission of the editorial board is prohibited. Reference while using materials is obligatory. The editorial board of the journal is not responsible for the opinions expressed by the authors of the publications on the political processes, events and phenomena occurring in Russia and in the world.

E-mail address: vestnik-smu-da@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Карпович О.Г., Шангараев Р.Н.* Арктическая повестка Китая на современном этапе: вопросы взаимодействия старых и новых акторов 12
- Козюлин В.Б.* Потенциал российских инициатив в сфере международной информационной безопасности 34
- Тимакова О.А.* Восточное Средиземноморье в стратегии энергетической безопасности Европейского союза 56
- Хорбаладзе Э.Л.* Индо-Тихоокеанская стратегия США в свете актуальных вызовов современности (на примере QUAD) 70
- Магомедов М.М.* Специфика применения информационно-коммуникационных технологий в политической сфере на современном этапе 78
- Зиннуров И.Х.* Деятельность Россотрудничества по сохранению позиций русского языка в Азербайджане 86

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

- Бочарников И.В.* Тоталитаризм первой половины XXI века – постдемократический, англосаксонский 104
- Борисов А.В.* Гуманитарные усилия России: к вопросу оптимизации 121
- Сардарова М.А.* Процесс преобразований в Саудовской Аравии: реализация программы «Видение 2030» на фоне пандемии коронавируса 136
- Карачин И.О.* Унификация миграционной политики в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) 151
- Исхаков А.С., Шангараев Р.Н.* «Мягкая сила» Турции в странах СНГ 160

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Мартиросян А.Ж.* Формирующиеся международное информационное право и система обеспечения международной информационной безопасности: теоретические векторы 179

Кове О.В. Современные международно-правовые требования к конструкции и оборудованию судов и правила предотвращения столкновений 188

Горелик И.Б. Цифровая революция в отражении международного права: проблемы адаптации и решения 202

Кучина А.М. Международно-правовые аспекты обеспечения безопасности инфраструктуры вещания в киберпространстве 217

Лопатёнков А.А. Эффективность современного развития института международно-правовой охраны всемирного культурного и природного наследия 229

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Гришаева Л.Е. Границы государств и международные региональные конфликты в межвоенный период (1919-1939) 239

Мустафабейли А.М. Иран на пространстве Закавказья: от прошлого к настоящему 279

Сидорова Л.Н. Память о Второй мировой войне в оценках западных исследователей 299

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Добровольский Л.В., Ногмова А.Ш. Роль атомной энергетики в развитии российской экономики 320

Фаркова Н.А., Худякова О.Ю. 345

Харланов А.С., Мустафин Т.А. Эконометрическая модель роста экономики Великобритании

Трибуна молодых ученых

Куликов А.М. Защита национальных интересов России в сфере регулирования государственных закупок в рамках органа по разрешению споров ВТО 355

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ 367

INTERNATIONAL RELATIONS

- Oleg Karpovich, Ruslan Shangaraev*** China's Arctic Agenda at the Present Stage: Old and New Actors Interaction Issues **12**
- Vadim B. Kozyulin*** Potential of Russian Initiatives in the Sphere Of International Information Security **34**
- Olga A. Timakova*** Eastern Mediterranean in the European Union's Energy Security Strategy **56**
- Eka L. Khorbaladze*** Indo-Pacific Strategy in the Light of Current Challenges of Modernity (the Case of QUAD) **70**
- Malik M. Magomedov*** Specificities of the Use of Information and Communication Technologies in the Political Sphere at the Present Stage **78**
- Irek Kh. Zinnurov*** Activities of Rossotrudnichestvo to Preserve Positions of the Russian Language in Azerbaijan **86**

POLITICAL INSTITUTES, PROCESSES, TECHNOLOGIES

- Igor V. Bocharnikov*** Totalitarianism of the First Half of the XXI Century – Post-Democratic, Anglo-Saxon **104**
- Alexey V. Borisov*** Humanitarian Efforts of Russia: to the Issue of Optimization **121**
- Maria A. Sardarova*** Process of Transformation in Saudi Arabia: Implementation of “Vision 2030” in the Context of Coronavirus Pandemic **136**
- Igor O. Karachin*** Unification of Migration Policy in the Eurasian Economic Union (EAEU) **151**
- Askar S. Iskhakov, Ruslan N. Shangaraev*** Turkey's "Soft Power" in CIS Countries **160**

INTERNATIONAL LAW

- Arevik G. Martirosyan*** Evolving International Information Law and System of International Information Security: Theoretical Vectors **179**
- Omar V. Kove*** Modern International Legal Requirements for Constructing and Equipment of Ships and Rules of Preventing Collision **188**

Ilya B. Gorelik Problems of Progressive Development of International Law 202
in the Context of Crime Control Using Digital Technologies

Anastasia M. Kuchina International Legal Aspects of Ensuring Security of 217
Broadcasting Infrastructure in Cyberspace

Andrey A. Lopatenkov Efficiency of Modern Development of the Institute 229
for the International Law on the Protection of the World Cultural and Natural
Heritage

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

Lidiya E. Grishaeva State Borders and International Regional Conflicts in 239
the interwar period (1919-1939)

Ali M. Mustafabeyli Iran in the Space of Transcaucasia: from the Past to 279
the Present

Lidiya N. Sidorova The Second World War memory in Western research 299

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Leonid V. Dobrovolsky, Adelina Sh. Nogmova Role of Nuclear Power in 320
Development of Russian Economy

Natalya A. Farkova, Olga Y. Khudyakova, Alexey S. Kharlanov, 345

Timur A. Mustafin Econometric Model of Growth of UK Economy

YOUNG SCIENTISTS TRIBUNE

Artemy M. Kulikov Protection of Russia's National Interests in the Sphere 355
of Regulation of Public Procurement within the Framework of the WTO
Dispute Settlement Body

NOTICE TO THE AUTHORS 367

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Карпович Олег Геннадьевич,

доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор,
проректор по научной работе, директор Института актуальных
международных проблем, Дипломатическая академия Министерства
иностраннных дел Российской Федерации,
e-mail: iskran@yahoo.com

Шангараев Руслан Насимович,

кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления
во внешнеполитической деятельности, Дипломатическая академия
Министерства иностраннных дел Российской Федерации,
e-mail: r.shangaraev@dipacademy.ru

Oleg Karpovich,

Doctor of Law, Doctor of Political Science, Professor, Vice-Rector, Director of the
Institute for Contemporary International Studies, Diplomatic Academy of the
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
e-mail: iskran@yahoo.com

Ruslan Shangaraev,

Ph.D. (Economics), Associate Professor of the Department of Public
Administration in Foreign Policy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign
Affairs of the Russian Federation,
e-mail: r.shangaraev@dipacademy.ru

АРКТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА КИТАЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТАРЫХ И НОВЫХ АКТОРОВ CHINA'S ARCTIC AGENDA AT THE PRESENT STAGE: OLD AND NEW ACTORS' INTERACTION ISSUES

Аннотация: Арктика имеет стратегические, географические, экономические и геополитические особенности, которые требуют в отношении нее особой политики, а государства региона и внешние игроки должны признавать необходимость сотрудничества и поддержания статуса территории с низкой напряженностью. Однако отсутствие доверия и акцент на сдерживании, а не на диалоге, затрудняют развитие взаимодействия и обеспечение мирного использования данных территорий на основе общепризнанных международных норм и правил.

Ключевые слова: Арктика, Россия, США, Китай, Северная Европа, Арктический совет, милитаризация Арктики.

Abstract: the Arctic has geographic, demographic and geopolitical features that require a special policy towards it, and the states of the region and external players must recognize the need to cooperate and maintain the status of a territory with low tension. However, the lack of trust and the emphasis on deterrence rather than dialogue make it difficult to develop cooperation and ensure the peaceful use of these territories on the basis of generally recognized international norms and rules.

Keywords: Arctic, Russia, USA, China, Northern Europe, Arctic Council, militarization of the Arctic.

Расширение присутствия Китая в Арктике

В начале марта 2021 г. Пекин опубликовал 14-й пятилетний план социально-экономического развития КНР, который определяет политику страны на этом направлении до 2025 г. [24]. В его текст впервые было включено краткое, но предельно четкое заявление о том, что Китай сохраняет повышенную заинтересованность в дальнейшем развитии Полярного шелкового пути в качестве составляющей более масштабной инфраструктурной инициативы «Один пояс, один путь» и готов к прагматическому сотрудничеству по этому вопросу с другими государствами [7; 35].

Упоминание полярных проектов в документе такого уровня, по оценкам экспертов, указывает на то, что Арктический регион становится все более значимым для КНР с экономической, научной и военной точек зрения [15]. Этим шагом руководство Китая стремится подчеркнуть, что вопреки усиливающемуся давлению со стороны ряда западных правительств Пекин продолжит отстаивать свой статус приарктического государства и расширять доступ к судоходным маршрутам и природным ресурсам Севера [14; 15].

Глобальное потепление климата, по прогнозам экспертов, позволит существенно увеличить навигационный период в арктических водах, что сделает рентабельными грузоперевозки по Северному морскому пути (СМП). Китайские компании проявляют повышенный интерес к перспективам развития этой транспортной артерии, так как она позволит осуществлять экспорт из КНР в Европу на 40% быстрее, чем через Суэцкий канал [15]. Для диверсификации поставок энергоресурсов Пекин инвестирует в строительство СПГ-заводов вдоль СМП (в первую очередь это касается предприятий НОВАТЭК на Ямале) [7]. В январе 2021 г. российский танкер «Кристоф де Маржери» впервые доставил груз сжиженного газа с «Ямал СПГ» в Китай без сопровождения ледокола [27].

Расширение своего присутствия в регионе и активизацию навигации Китай также увязывает с необходимостью развивать возможности национальных глубоководных исследований и космических программ [28]. В декабре 2020 г. было объявлено, что Пекин в 2022 г. запустит спутник специально для отслеживания ситуации на северных морских маршрутах [36].

Как подчеркивают западные эксперты, небольших успехов в реализации проектов Пекин добился в сотрудничестве с Россией [36; 37]. Однако в других частях Арктики китайские инициативы в последнее время встречают более холодный прием, особенно если речь идет о позициях США, Канады, Дании, Финляндии и Швеции [2; 22; 23]. Несмотря на то что Китай поддерживает контакты с правительствами арктических государств сразу на нескольких площадках (в частности, КНР стала официальным наблюдателем в Арктическом совете в 2013 г.) [20], многие региональные игроки выражают обеспокоенность по поводу возможных стратегических аспектов активизации Китая за полярным кругом, поскольку это создает потенциальную угрозу их национальной безопасности [31].

В ближайшее время площадкой для противоборства между конкурирующими сторонами может стать Гренландия, которую власти КНР рассчитывают сделать одним из ключевых опорных пунктов Полярного

шелкового пути. Проекты, реализуемые на данной территории, являются частью политики Китая по получению признания в качестве приарктической державы с обширными интересами в регионе. Попытки инвестировать средства в авиационные и морские порты острова также свидетельствуют о том, что китайские власти видят в нем потенциальный логистический и транспортный узел. Кроме того, Китай рассматривает Гренландию сквозь призму собственной продовольственной безопасности (импорт рыбы и морепродуктов), а также спроса на сырье и полезные ископаемые. Китайская горнодобывающая компания Shenghe Resources в партнерстве с австралийской фирмой Greenland Minerals планирует разрабатывать месторождение Кванефельд, чей потенциал, по предварительным оценкам, составляет 100 млн тонн руды [16; 18]. Если этот проект будет введен в эксплуатацию, то Пекин получит ценный источник редкоземельных металлов и урана, в которых экономика КНР испытывает высокую потребность [10].

В своих отношениях с Гренландией Китай опирается на политические контакты и мягкую силу, которая включает в себя научное сотрудничество и продвижение китайской культуры. Гренландские власти высоко оценивают способность КНР финансировать долгосрочные проекты, не нацеленные на получение быстрой прибыли (например, в горнодобывающем секторе). Местные политики рассматривают экспорт в Китай и китайские капиталовложения как возможность получить независимость от Дании [31].

Однако, по мнению экспертов, в эпоху соперничества с США Китаю будет все труднее расширять свое политическое и экономическое влияние на острове. В Белом доме не скрывают беспокойства по поводу присутствия КНР в зарождающейся горнодобывающей промышленности Гренландии и пытаются противодействовать этому, привлекая к сотрудничеству местные силы. У Вашингтона имеются совсем иные планы на данный остров, которые в целом совпадают с настроениями его европейских партнеров. Так, в опубликованном в марте 2021 г. докладе лондонского аналитического центра Polar Research and Policy Initiative Гренландии рекомендуется стать партнером

разведывательной сети Five Eyes, учитывая потенциальную важность страны в будущих цепочках поставок редкоземельных элементов [17].

Как и в случае с большей частью современной мировой экономики, перспективы Полярного шелкового пути в значительной степени зависят от темпов затухания пандемии коронавируса и возврата государств к экономическому росту, поддерживающему спрос на ресурсы. Еще одной переменной на следующем этапе развития этого морского маршрута неизбежно станут Соединенные Штаты. Попытки администрации Дональда Трампа отодвинуть на второй план климатическую повестку в Арктике и представить Китай и Россию главными региональными угрозами вбили клин между Вашингтоном и другими членами Арктического совета, что не способствовало сдерживанию амбиций Пекина. Американский лидер Джозеф Байден, вероятнее всего, постарается осуществить перезагрузку американской арктической дипломатии, для которой приоритетным будет уже многосторонний подход. Таким образом, вопрос о том, расширится ли Полярный шелковый путь за счет присоединения к нему других государств или же он будет преимущественно китайско-российским проектом, остается открытым [33].

Китайский фактор американско-канадских отношений в Арктике

По оценкам зарубежных экспертов, тема присутствия Китая в Арктике в последнее время все чаще фигурирует при формировании канадско-американской политики в этом регионе. Отсутствие у Канады необходимых финансовых ресурсов для освоения арктических территорий и выполнения премьер-министром Джастином Трюдо его предвыборных обещаний увеличить социальную поддержку коренных народов Севера делают Оттаву заложником союзнических отношений с Вашингтоном в ущерб развитию взаимовыгодных экономических связей с Пекином [11].

Как отмечают аналитики, канадские власти при развитии инфраструктуры северных территорий делали ставку на китайских

инвесторов, готовых вкладывать средства преимущественно в местную добывающую промышленность. Несмотря на многократные обещания канадских властей стимулировать добывающую промышленность на севере страны, развитие сектора в этом направлении постоянно тормозится. Основным сдерживающим фактором является высокая стоимость большинства соответствующих проектов, реализация которых не под силу ни государству, ни местным частным инвесторам. В связи с этим китайцы за последнее десятилетие смогли заметно укрепиться в Канаде, скупив часть профильных компаний, либо инвестировав в них значительные средства.

Несмотря на сложную систему государственного регулирования, предусматривающую, в частности, проведение оценки источников иностранного капитала, канадское правительство до недавнего времени не препятствовало доступу компаний из КНР к освоению минеральных ресурсов на севере страны. Оттава, как правило, не возражала и против китайских научных экспедиций в арктических широтах.

Однако на фоне обострения отношений между Соединенными Штатами и Китаем такой подход вошел в острое противоречие с линией Вашингтона, настойчиво навязывающего северному соседу свои опасения в отношении «возрастающих угроз» для Арктического региона со стороны внешних игроков, и прежде всего КНР [9; 21]. Ситуацию усугублял личностный фактор. Прежний глава Белого дома Дональд Трамп не скрывал своего предвзятого отношения к премьер-министру Канады и действовал в беспепелляционной манере, требуя не допускать усиления китайского присутствия в Арктике. Попытки Дж. Трюдо вести двойную игру, по мнению западных политологов, привели к тому, что Оттаве так и не удалось воспользоваться китайскими инвестициями, хотя ее действия все равно вызвали недовольство Вашингтона.

Свидетельством того, что настойчивость американцев достигла своей цели, стал арест по запросу США в декабре 2018 г. в аэропорту Ванкувера исполнительного директора китайской корпорации Huawei Мэн Ваньчжоу за якобы мошеннические сделки и сотрудничество с Ираном. В ответ на это

власти КНР распорядились задержать бывшего канадского дипломата и бизнесмена, а также двум канадцам, отбывающим в Китае тюремные сроки за контрабанду наркотиков, изменили их на смертные приговоры. Тогда канадско-китайским отношениям был нанесен первый серьезный удар. В дальнейшем предвзятое освещение данной ситуации способствовало усилению недоверия канадских граждан и деловых кругов к сотрудничеству с Китаем. В результате, по данным опросов, на текущий момент более половины канадских респондентов (52%) считает КНР самой большой угрозой для национальной безопасности [29]. «Демонизация» Китая политиками и ангажированными экспертами привела к тому, что в Канаде даже представители коренных народов Севера все чаще высказывают сомнения в целесообразности расширения китайского присутствия на их землях. С большим энтузиазмом канадцы отзываются сегодня об американских или даже российских инвестициях [21]. О консолидации антикитайских настроений в канадском истеблишменте свидетельствует и трансформация подхода лидера консервативной оппозиции Эрин О’Тул, заявившей о намерении проводить более жесткую линию в отношении КНР [29].

После смены администрации США и возобновления дружеского диалога между Вашингтоном и Оттавой со стороны официальных лиц Канады участились заявления о необходимости сдерживания арктических амбиций КНР. Так, заместитель министра обороны страны Джоди Томас уверяет, что нельзя недооценивать угрозу эксплуатации Китаем арктических ресурсов. По ее мнению, китайцы «обладают ненасытным аппетитом», в то время как Арктика остается последним не освоенным ими регионом [6]. Следуя рекомендациям США, власти Канады в последнее время пропускают сквозь призму геостратегической целесообразности все контакты местных компаний с их китайскими партнерами.

Показательной, отмечают специалисты, стала ситуация со «спасением» золотодобывающих шахт канадской компании TMC Resources, расположенных на участке Хоуп-Бэй земли Нунавут. Активы должны были

быть проданы китайской компании. Находясь на грани банкротства, последняя почти единогласным решением своих акционеров (97%) должна была быть продана одному из лидеров мировой золотодобычи — китайской корпорации Shandong Gold — за 230 млн канадских долларов [30]. Однако обнародование летом 2020 г. указанных планов вызвало беспокойство в либеральных политических кругах как Канады, так и США. Аналитик Центра стратегических и международных исследований Канады Хизер Конли охарактеризовала сделку как «опасную», вписывающуюся в китайскую модель расширения своего доступа к арктическим водам и установления глобального господства над стратегическими горнодобывающими предприятиями зарубежных стран. Комиссия из местных экспертов, в число которых входил генерал-майор в отставке Дэвид Фрейзер, рекомендовала заблокировать ее, ссылаясь на якобы потенциальную угрозу суверенитету арктической части Канады. В итоге 21 декабря 2020 г. предложение китайской компании было отклонено. Понимая значимость инвестиций в Хоуп-Бэй для проживающего в Нунавуте коренного населения инуитов, правительство Канады все же смогло найти замену Shandong в лице местной горнодобывающей компании Agnico Eagle, заявившей о готовности выкупить ТМАС за 286,6 млн кан. долл. [1]. Примечательно, что Комитет Сената США по энергетике и природным ресурсам, несмотря на отсутствие каких-либо надзорных полномочий в данном вопросе, также пристально следил за переговорами между Shandong и ТМАС [19].

Аналитики отмечают, что блокирование сделки с китайцами стало прецедентом, когда решение канадского правительства было принято на основе лишь гипотетических угроз, которые якобы представляют инвестиции КНР для арктической части Канады. Это наглядно продемонстрировало неспособность властей страны противостоять нажиму Вашингтона и проводить самостоятельную линию по вопросам, касающимся арктических и северных территорий [25].

На политизированный характер решения Оттавы указывает, в частности, эксперт Университета Британской Колумбии Майкл Байерс. Он подчеркивает, что Хоуп-Бэй даже согласно выводам вышеупомянутой комиссии не представляет какой-либо стратегической важности. Залив Хоуп-Бэй расположен вдоль самого южного из нескольких маршрутов, проходящих через канадские арктические острова. Он мелководный и плохо отмечен на картах. Сами шахты находятся в 100 км от ближайшего населенного пункта и отделены от него водными преградами. К шахтам нет полноценной подъездной дороги. В случае, если бы китайские спецслужбы намеревались отсюда следить за радарной станцией Командования воздушно-космической обороны Северной Америки (North American Aerospace Defense Command - NORAD), о чем заявляет Д. Фрэйзер, им пришлось бы расположиться в Кэмбридж-Бэй. Продажа шахт китайской компании не наносила ущерба экономическим интересам Канады и, кроме того, попадала под программу юридической защиты инуитов. В частности, ассоциация коренных жителей Нунавута владеет внушительным пакетом акций ТМАС и имеет особое соглашение, распространяемое на новых владельцев Хоуп-Бэй. Оно предполагает большое количество рабочих мест и существенные финансовые дивиденды для аборигенов [5]. При этом факт приобретения в начале 2020 г. другой китайской корпорацией, Zijin Mining Group, золотодобывающих активов канадской компании в Южной Америке [3] свидетельствует о том, что недопущение превращения Китая в крупнейшего поставщика руд и драгоценных металлов до недавнего времени не было для кабинета Дж. Трюдо одним из приоритетов внешней политики.

Эксперты констатируют, что смена администрации США не привела к снижению значимости китайского фактора в американо-канадском взаимодействии в Арктике. Так, в конце февраля 2022 г. состоялась видеоконференция между Дж. Байденом и Дж. Трюдо. По ее итогам был принят комплексный план расширения двустороннего экономического и военно-стратегического партнерства, получивший название «дорожная

карта». В документе отмечается, что Вашингтон и Оттава нацелены на существенную модернизацию NORAD, повышение безопасности «стратегических» производственных цепочек и надежности поставок минералов, используемых в военной и высокотехнологичной промышленности. «Дорожная карта» предусматривает также расширение американо-канадского арктического диалога в вопросах континентальной безопасности, экономического и социального развития и управления Арктикой [13; 26].

Хотя на текущем этапе отсутствует какая-либо экономическая конкретика будущего партнерства, специалисты не исключают, что Вашингтон в рамках анонсированных администрацией Дж. Байдена нового пакета инвестиций в модернизацию инфраструктуры NORAD и мер по повышению надежности поставок стратегического сырья сможет в перспективе создать более привлекательные условия для вхождения американских компаний в канадские проекты по разработке ресурсов, тем самым снизив острую недофинансированность арктических регионов Канады, вынуждавшую Оттаву сотрудничать с китайцами.

Тем не менее эксперты прогнозируют, что перспективы скорого начала летнего судоходства за Полярным кругом и потенциал использования Северо-Западного прохода (особенно в контексте Полярного шелкового пути) все равно будут стимулировать Пекин интенсифицировать поиски возможностей расширения своего присутствия в канадских арктических водах. Согласно недавним прогнозам, центральный Северный Ледовитый океан может начать полностью освобождаться ото льда в летние месяцы уже к 2035 г. и быть пригодным для арктической навигации. Аналитики также полагают, что демарш Оттавы в ситуации с Хоуп-Бэй вряд ли отпугнет Пекин от инвестирования в канадские арктические ресурсы, учитывая их обоюдную заинтересованность в этом [4]. В результате Оттаве придется все больше втягиваться в русло американской политики нагнетания напряженности в Арктике [11].

Роль Гренландии и Фарерских островов в международной арктической повестке

Арктическая политика Дании строится вокруг ее выхода к арктическим широтам через самоуправляющиеся территории – Гренландию и Фарерские острова (Королевство Дания). В этой связи Копенгаген продолжает отслеживать активность ведущих мировых держав в регионе, прежде всего США и Китая, которые в последнее время пытаются вовлечь в сферу своих интересов вышеуказанные датские территории.

По мнению экспертов Датского института международных исследований (Danish Institute for International Studies – DIIS), мало какие шаги великих держав в Арктике вызвали такой политический и общественный резонанс, как неудачная попытка экс-президента США Дональда Трампа купить Гренландию у Дании в 2019 г. Тем не менее данный эпизод четко показал истинные намерения Вашингтона в отношении Арктики в целом и арктических территорий Королевства Дании в частности [33].

По оценке датчан, такая трансформация в подходе американцев к региону больше, чем какие-либо другие события, вынудила датское правительство принять решение о необходимости пересмотра своей собственной арктической политики. Кроме того, отмечают датские специалисты, на фоне безусловно возросшей активности России и Китая в регионе у Дании появилась еще одна проблема – необходимость реагирования на призывы американцев поддержать их интересы и приоритеты в Арктике. Например, это касается попыток Вашингтона заставить Копенгаген усилить мониторинг воздушного пространства и морских районов в Гренландии и вокруг Фарерских островов для обнаружения российских самолетов и подводных лодок.

В свою очередь, отмечают эксперты, датские власти отреагировали на попытки США оказать давление на королевство. Так, в декабре 2019 г. во время саммита НАТО в Лондоне, в ходе двусторонней встречи с Д. Трампом

премьер-министр Дании Метте Фредериксен заявила о планах датского правительства потратить дополнительно около 200 млн евро на повышение ситуационной осведомленности в Арктике [8].

По мнению экспертов DIIS, «нетрадиционный более заинтересованный американский подход к взаимодействию с фарерскими и гренландскими официальными лицами является относительно новым явлением для региона. Например, во время холодной войны таких контактов было гораздо меньше: ведь обе территории не имели серьезного влияния на внешнюю политику и политику безопасности» [12].

Аналитики констатируют, что для Королевства Дании наряду с вызовами, связанными с соперничеством великих держав в Арктике, одновременно существует другая острая проблема – сохранение вех трех частей королевства. Это связано не только с тем, что две автономные провинции Королевства – Гренландия и Фарерские острова – получили больше независимости от Копенгагена во внешней политике, но и с тем фактом, что проблемы экономики и безопасности все больше связаны с событиями в Арктическом регионе. На этом фоне, по мнению датских экспертов, укрепляется осознание гренландскими и фарерскими политиками возрастающей геополитической значимости территорий, а также все четче прорисовывается их заинтересованность в использовании своего «нового» положения в интересах граждан. В свою очередь, это ведет к появлению осложнений для датского правительства, поскольку экономический рост и развитие в Гренландии и на Фарерских островах напрямую связаны с устремлениями политиков добиться их независимости от Дании. В Гренландии уже давно сильны движения за независимость, и примерно две трети населения выступают за окончательное отделение от Дании. На Фарерских островах наблюдаются аналогичные тенденции, но в меньшей степени.

Датское правительство, в том числе с подачи США, проводит политику по ограничению участия Китая в инвестировании в гренландскую

инфраструктуру. Одним из примеров стала ситуация с планами Гренландии по строительству и модернизации своих аэропортов. Так, в 2017 г. правительство территории инициировало возведение аэропорта в Какортоке и модернизацию аэропортов в Нууке и Илулиссате (проекты на общую сумму примерно 500 млн долл.). При этом китайская компания СССС (China Communications Construction Company) являлась одним из главных участников торгов. Однако Вашингтон оперативно вмешался в процесс и выразил свою озабоченность, а занимавший в то время пост министра обороны США Джеймс Мэттис поднял этот вопрос непосредственно в разговоре со своим датским коллегой Клаусом Хьортом Фредериксеном и сообщил о готовности Соединенных Штатов помочь в финансировании проектов по модернизации гренландской инфраструктуры. В результате датское правительство предложило Гренландии финансирование для строительства аэропортов, чтобы не допустить КНР. Кроме того, в 2020 г. США объявили о 12-миллионном финансовом пакете для Гренландии и вновь открыли свое консульство в Нууке, обозначив намерения укрепить прямые контакты между Вашингтоном и этой датской территорией [33].

Как отмечают датские эксперты, на Фарерских островах также проявляется активность Пекина. Во многом это связано с тем, что фарерцы начали процесс принятия решения о поставщике для развертывания 5G. Споры возникли, когда стало известно, что причиной торговой сделки между Китаем и Фарерскими островами стал выбор Торсхавном китайской фирмы Huawei. Реакцию США ретранслировала Карла Сэндс, назначенный Д. Трампом американский посол в Дании. В интервью фарерской газете она заявила об опасности выбора Huawei. Кроме того, недавно начатые американо-фарерские торговые переговоры, по мнению специалистов, вероятно, станут противовесом в отношении действий китайцев в Арктическом регионе.

Аналитики приходят к выводу о том, что перед Копенгагеном встает сложный выбор перспектив отстаивания национальных арктических интересов за счет своих территорий. Так, с одной стороны, прямое

взаимодействие Вашингтона с официальными лицами в Нууке и Торсхавне может ослабить традиционную роль Дании как хранителя внешней политики и политики безопасности королевства. С другой стороны, это могло бы избавить датчан от давления со стороны США, пытающихся донести до гренландцев и фарерцев тезисы о необходимости придерживаться проамериканской политики в Арктическом регионе.

По мнению экспертов DIIS, при Джозефе Байдене политика США в Арктике вряд ли кардинально изменится. При этом можно ожидать, что риторика Вашингтона смягчится, и, вероятно, он будет уделять больше внимания борьбе с изменением климата. Однако, когда речь идет о традиционной политике безопасности, стратегические интересы США в регионе останутся прежними. В этой связи малые арктические государства должны будут продвигать устойчивое развитие в Арктике и поддерживать надлежащий баланс между урегулированием конфликта великих держав и улучшением их отношений настолько, насколько это возможно [12].

Сотрудничество России со странами Запада в Арктике

В рамках председательства в Арктическом совете в 2021-2023 гг. Россия намерена развивать сотрудничество со странами — участницами международного форума по четырем приоритетным направлениям: население Арктики, в том числе коренные малочисленные народы Севера; охрана окружающей среды, включая изменение климата; социально-экономическое развитие региона; укрепление роли Совета как основной площадки многостороннего сотрудничества. Большое внимание будет уделено Северному морскому пути, в частности навигации, логистике и предотвращению чрезвычайных ситуаций. В повестку дня входят также ядерная энергетика и добыча сырья.

Как отмечают аналитики, в условиях напряженных отношений России и Запада ее председательство в Арктическом совете предоставляет возможность для прагматического сотрудничества по менее политизированным вопросам,

таким как охрана окружающей среды и изменение климата [1]. Это пошло бы на пользу региональной стабильности и могло бы помочь восстановить взаимоотношения. Поэтому арктические государства приветствуют намерение России использовать свое председательство для решения общих задач и в интересах всех сторон.

В прошлом, подчеркивают аналитики, сотрудничество с Россией в рабочих группах Совета было достаточно успешным. Однако было бы наивно полагать, что региональное взаимодействие может остановить или обратить вспять негативную тенденцию, которая за последние годы привела отношения России с Западом к самой низшей точке. Данная ситуация негативно влияет и на безопасность в Арктике, поскольку руководимый Вашингтоном Запад увеличивает там свое военное присутствие и инвестиции в новые виды вооружений [1], а Москва вынуждена реагировать на возникающую угрозу.

Эксперты выделяют две тенденции, ведущие к милитаризации Арктики. Первая — наращивание военной мощи России в сочетании с ее готовностью защищать свои стратегические интересы, что якобы вынуждает западные страны во главе с США увеличивать там собственный военный потенциал. Вторая тенденция — расширение присутствия Китая. Хотя КНР пока следует общепринятым в международной политике нормам и не представляет серьезной угрозы безопасности, ее стремление стать равноправным игроком в регионе воспринимается на Западе как составной элемент усилий по завоеванию глобального влияния. Возможное же углубление китайско-российского сотрудничества в арктических делах оценивается как фактор, изменяющий правила игры и требующий тщательного исследования.

В этом контексте западные государства пытаются снизить уровень своих интересов в области сотрудничества и сформировать позицию сдерживания в отношении Москвы и Пекина. Европейские же страны, зажатые между политикой Соединенных Штатов, направленной на то, чтобы заставить их дать отпор России и Китаю, и их собственными интересами по взаимодействию между всеми крупными игроками, оказываются в особенно неудобном

положении. Риторика же о взвешенной западной стратегии в Арктике включает в себя и вопросы о том, является ли НАТО наилучшей основой для координации подхода Запада к региону и нужны ли новые институты наряду с Арктическим советом для переговоров с Россией в области безопасности.

Ситуация неоднозначна, поскольку политика Кремля характеризуется, прежде всего, предусмотрительностью и прагматизмом. С одной стороны, Москва подчеркивает необходимость сохранения Арктики как зоны мира и сотрудничества, с другой — наращивает там свое военное присутствие в оборонных целях. Особое внимание уделяется укреплению береговой охраны и противовоздушной обороны.

В стратегическом документе по Арктике 2020 г. подчеркивается доминирование невоенных проблем, но в нем также прямо говорится о возрастающем конфликтном потенциале в регионе, что требует постоянного укрепления вооруженных сил и подразделений пограничной охраны. Так, 1 января 2021 г. Северный флот ВМФ ВС России получил статус военного округа и отвечает за обеспечение безопасности на севере и северо-западе страны, российских островов в Арктике и вдоль Северного морского пути, а также боеготовности стратегических ядерных сил на море. Кроме того, флот получил первую атомную подводную лодку класса «Борей-А», вооруженную баллистическими ракетами [38].

Ситуация в регионе напоминает период холодной войны: Арктика представляет для Москвы стратегический интерес, тогда как Запад опасается, что этот регион может быть использован в качестве возможного маршрута для ядерного удара со стороны США. В этом контексте продолжающееся наращивание российской военной мощи носит преимущественно оборонительный характер. Россия увеличила численность перехватчиков «МиГ-31» и модернизировала военную инфраструктуру, в том числе радиолокационные станции и казармы сухопутных войск, в целях обеспечения безопасности границ. Россия также постоянно повышает общую боеспособность своих арктических сил. Эти действия в Арктике являются

оборонительными по своей концепции, но на Западе воспринимаются как угроза европейской и международной безопасности, так как военные учения и некоторые из проектов России ведут, по мнению западных экспертов, к созданию значительного наступательного потенциала [39].

Западные страны, подчеркивают аналитики, не в состоянии помешать России увеличивать военное присутствие на ее территории Арктического региона, даже если при этом у нее возрастают возможности для проведения военных операций далеко за его пределами. Россия перемещает войска на своей территории и тем самым не нарушает никаких соглашений о контроле над вооружениями. Арктика является неотъемлемой частью военного планирования России. Многие из принимаемых ею мер касаются не самого региона, а являются элементами военной стратегии по противодействию предполагаемому военному вмешательству Запада.

Эксперты признают, что наращивание Москвой вооруженных сил в регионе носит в основном оборонительный характер и ее военные действия не нарушают международное право. Они не опасаются возникновения конфликта в Арктике, однако пытаются представить увеличение военного потенциала России как военную экспансию и обвинить в «агрессивных действиях в других регионах».

США и ЕС прежде всего необходимо выбрать и развивать в Арктическом регионе такую стратегию, которая сохраняла бы региональную стабильность посредством сотрудничества. Приоритетом является предотвращение втягивания в гонку вооружений с Россией и поддержание напряженности на максимально низком уровне. ЕС и НАТО не стоит придерживаться стратегии демонстрации военной мощи, потому что это вызовет ответную реакцию России. Для устойчивого развития региона западным странам следует стремиться к расширению сотрудничества с Россией по арктической проблематике – инфраструктуре, логистике, экологическим вопросам, – одновременно укрепляя дипломатическое сотрудничество в области региональной стабильности.

Попытка институционального вовлечения НАТО может поставить под угрозу региональную безопасность. В свете ухудшения отношений между Западом и Россией Арктический совет остается альтернативным каналом для взаимодействия. Это обусловлено подлинно общими интересами и определенной степенью доверия, сложившегося в результате диалога. Представляется, что нарративы, предполагающие «территорию диалога» и «зону мира», играют здесь важную роль. Поэтому Западу следует активизировать работу существующих совместных институтов по предотвращению конфликтов или неприятных инцидентов с Россией и осуществлять необходимое сотрудничество в области безопасности на Крайнем Севере.

Поскольку Соединенные Штаты, скорее всего, сосредоточат свое внимание на противостоянии военной активности России и ограничении присутствия Китая в Арктике, европейские страны могли бы сделать акцент на прагматичном, мирном взаимодействии. Успешное прагматичноеⁱ сотрудничество с Москвой по таким вопросам, как охрана окружающей среды, изменение климата и развитие инфраструктуры в Арктике, может послужить средством укрепления доверия и положительно повлиять на отношения сторон в сфере более чувствительных геополитических вопросов.

Литература

1. Allers R., Racz A., Saether T. Dialing with Russia in the Arctic // German Council on Foreign Relations. 2021. October 26. — <https://www.dgap.org> (дата обращения: 21.05.2022).
2. Arvin J. The latest consequence of climate change: The Arctic is now open for business year-round // Vox. 2021. February 22. – <https://www.vox.com> (дата обращения: 20.04.2022).
3. Assaf D.H., Wakil O., Att M., Li I. Worldwide: Canada Blocks Chinese Acquisition of Arctic Gold Mine // Mondaq. 2020. December 29. - <https://www.mondaq.com> (дата обращения: 20.05.2021).

4. Borunda A. Arctic summer sea ice could disappear as early as 2035 // National Geographic. 2020. August 13. - <https://www.nationalgeographic.com> (дата обращения: 22.05.2022)
5. Byers M. Canada has plenty of reasons to stand up to China. Arctic sovereignty isn't one of them // The Global and Mail. 2020. December 1. - <https://www.theglobeandmail.com> (дата обращения: 20.05.2022).
6. Chen A. China's Arctic Ambitions Pose Growing Threat to Canadian Interests, Top Defence Official Warns // The Epoch Times. 2021. March 12. - <https://www.theepochtimes.com> (дата обращения: 20.05.2022).
7. China steps up plans for Arctic foray raising fears of military build-up // The Economic Times. 2021. March 6. - <https://economictimes.indiatimes.com> (дата обращения: 20.04.2022).
8. Danish PM «not embarrassed» prior to Trump Nato meeting // The Local. 2019. December 4. - <https://www.thelocal.dk> (дата обращения: 21.04.2022).
9. Dean R., Lackenbauer P.W. China's Arctic Gambit? Contemplating Possible Strategies // NAADSN. 2020. April 23. - <https://www.naadsn.ca> (дата обращения: 20.05.2022).
10. Factbox: Miners gear up global rare earth projects as prices surge // Hellenic Shipping News. 2021. March 3. - <https://www.hellenicshippingnews.com> (дата обращения: 20.05.2022).
11. George J. Geopolitical tension in Arctic a hot topic at conference // Nunatsiaq. 2020. December 9. - <https://nunatsiaq.com> (дата обращения: 22.05.2022)
12. Getting by in a Troubled Arctic: The Kingdom of Denmark and the Great Powers // ICDS. 2021. February 26. <https://icds.ee> (дата обращения: 23.05.2022)
13. Jordan R. Biden and Trudeau revamp Canada-US alliance for trade war and military conflict // World Socialist Web Site. 2021. March 3. - <https://www.wsws.org> (дата обращения: 20.05.2022).
14. Junshe Z. US and allies in a show of strength to contain Chinese and Russian interests in Arctic // Global Times. 2021. March 1. - <https://www.globaltimes.cn> (дата обращения: 20.05.2022).

15. Koh S. China's strategic interest in the Arctic goes beyond economics // Defense News. 2020. May 12. - <https://www.defensenews.com> (дата обращения: 20.05.2022).
16. Lanteigne M., Shi M. China Steps up Its Mining Interests in Greenland // The Diplomat. 2019. February 12. - <https://thediplomat.com> (дата обращения: 21.05.2022).
17. Launch of report: The case for a Five Eyes critical minerals alliance focusing on Greenland // The Polar Connection. 2021. March 7. - <https://polarconnection.org> (дата обращения: 21.04.2022).
18. Magistad M. How China's Belt and Road and an Australian mining company could be the deciding issues in the Greenland election // ABC. 2021. March 6. - <https://www.abc.net.au> (дата обращения: 20.05.2022).
19. Monga V. China's Move to Buy Arctic Gold Mine Draws Fire in Canada // The Wall Street Journal. 2020. July 26. - <https://www.wsj.com> (дата обращения: 20.05.2022).
20. Nilsen T. Finland's military blocked a Chinese bid to buy an Arctic airport for climate research flights // Arctic Today. 2021. March 5. - <https://www.arctictoday.com> (дата обращения: 20.05.2022).
21. Oddleifson E., Alton T., Romaniuk S.N. China in the Canadian Arctic: Context, Issues, and Considerations for 2021 and Beyond // University of Alberta. 2021. January 12. - <https://www.ualberta.ca> (дата обращения: 22.05.2022).
22. Ottawa blocks Chinese takeover of Nunavut gold mine project after national security review // CBC. 2020. December 22. - <https://www.cbc.ca> (дата обращения: 25.05.2022).
23. Paul M. A New Arctic Strategy for the EU // SWP. 2021. March. <https://www.swpberlin.org> (дата обращения: 25.05.2022).
24. Pan C., Chen C. China's «two sessions» 2021: Beijing zeroes in on eight core areas for country to become manufacturing superpower // South China Morning Post. 2021. March 5. - <https://www.scmp.com> (дата обращения: 24.05.2022).
25. Quinn E. Canada, the HFO ban & great power competition in the North-Arctic

- news roundup 2020 with Mathieu Landriault // Eye on the Arctic. 2020. December 31. - <https://www.rcinet.ca> (дата обращения: 22.05.2022).
26. Roadmap for a Renewed U.S.-Canada Partnership // The White House. 2021. February 23. - <https://www.whitehouse.gov> (дата обращения: 20.05.2021).
27. Russian LNG Carrier Completes Winter Trips on the Northern Sea Route // The Maritime Executive. 2021. February 19. - <https://www.maritime-executive.com> (дата обращения: 20.05.2022).
28. Select translations of the 14th FYP (2021-2025) and Objectives through 2035 - Part I // Pekingnology. 2021. March 8. - <https://pekingnology.substack.com> (дата обращения: 20.05.2022).
29. Snyder J. Majority of Canadians view China as biggest security threat, with global war of attrition already underway: poll // The National Post. 2021. March 10. - <https://nationalpost.com> (дата обращения: 18.05.2022).
30. Strong W. Ottawa blocks Chinese takeover of Nunavut gold mine project after national security review // CBC. 2020. December 22. - <https://www.cbc.ca> (дата обращения: 22.05.2022).
31. Szymanski P. Wrestling in Greenland. Denmark, the United States and China in the land of ice // Centre for Eastern Studies. 2021. March 2. - <https://www.osw.waw.pl>.
32. Tallis J. For a Biden Arctic Agenda, Look to Governance // Foreign Policy. 2021. February 16. - <https://foreignpolicy.com> (дата обращения: 19.05.2021).
33. Toimetulek rahutus Arktikas: Taani suuriikide huvvaljas // Diplomaatia. 2021. Vebruar. - <https://diplomaatia.ee> (дата обращения: 23.05.2022).
34. Wang Z. Part II of select translations of 14th FYP (2021-2025) and Objectives through 2035 // Pekingnology. 2021. March 8. - <https://pekingnology.substack.com> (дата обращения: 20.03.2022).
35. Zhou L. China planning to launch satellite to monitor Arctic shipping routes // South China Morning Post. 2020. December 10. - <https://www.scmp.com> (дата обращения: 20.05.2022).
36. Шангараев Р.Н. Ключевые проблемы коренных народов арктических

территорий Российской Федерации // Проблематика современных международных отношений и мировой экономики. 2016. С. 123-133.

37. Шангараев Р.Н. Стратегические интересы российско-китайского сотрудничества и вопросы национальной безопасности в рамках развития ШОС // ШОС: возможности и перспективы. материалы международной конференции. 2016. С. 129-140.

38. Северный флот получил статус военного округа // <https://rg.ru/2021/01/01/severnyj-flot-poluchil-status-voennogo-okruga.html> (дата обращения: 20.05.2022).

39. Полицентричный ядерный мир: вызовы и новые возможности / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина; Московский Центр Карнеги. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 222 с.

40. Ногмова А.Ш. Формы и стратегии международного сотрудничества приграничных регионов Российской Федерации // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018. № 2 (16). С. 50-59.

Козюлин Вадим Борисович,
кандидат политических наук, заведующий Центром глобальных исследований и международных отношений Института актуальных международных проблем, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, профессор Академии военных наук,
e-mail: v.kozyulin@dipacademy.ru

Vadim B.Kozyulin,
Ph.D. (Political Science), Head of the Center for Global Studies & International Relations of the Institute of Contemporary International Studies, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Professor of the Academy of Military Sciences,
e-mail: v.kozyulin@dipacademy.ru

ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКИХ ИНИЦИАТИВ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

THE POTENTIAL OF RUSSIAN INITIATIVES IN THE SPHERE OF INTERNATIONAL INFORMATION SECURITY

Аннотация: на мировой арене Россия выступает инициатором важных предложений в вопросе регулирования международной информационной безопасности (МИБ). Большинство российских предложений находит поддержку, поскольку отражает интересы значительной части государств планеты. Однако существует ряд принципиальных для сферы МИБ вопросов, по которым российская позиция кардинально отличается от той, которую занимают некоторые государства, в первую очередь Соединенные Штаты и их западные союзники. Настоящая работа предлагает некоторые подходы по использованию механизмов международного сотрудничества в целях усиления российских позиций и продвижения российских подходов в мире.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, международная информационная безопасность, информационная война, информационное оружие, кибербезопасность, кибератака, кибервойна, киберинцидент, информационная угроза, цифровой суверенитет.

Abstract: Russia is the global initiator of important initiatives in terms of regulating international information security (IIS). Most of the Russian proposals find support, since they reflect the interests of a significant part of the world's states. However, the Russian position radically differs from those taken by some states, primarily the United States and its Western allies, in a number of IIS issues. This paper proposes certain approaches to exploring the mechanisms of international cooperation in order to promote Russian IIS global positions.

Key words: information and communication technologies, international information security, information warfare, information weapons, cyber security, cyber attack, cyber warfare, cyber incident, information threat, digital sovereignty.

От взаимной выгоды к совпадению интересов

Среди мирового сообщества Россия, наряду с США, признана лидером процесса международного регулирования сферы информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Большая часть стран мира поддерживает эту миссию, которую Россия возложила на себя добровольно. В мире достигли согласия в том, что сфера ИКТ требует соблюдения определенных правил и установления ответственности, и российские предложения в этом вопросе встречают понимание.

В 2013 и 2015 году в доклады группы правительственных экспертов (ГПЭ) 3-го созыва был консенсусом включен предложенный Россией еще в 2003 году принцип ответственности государств за вредоносную деятельность в цифровом пространстве, осуществляемую с их территории [1].

В 2019 году Генеральная Ассамблея ООН большинством голосов поддержала российский проект резолюции «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях» [2]. По предложению России, рабочая группа открытого состава (РГОС) признала необходимость уменьшения неравенства в доступе стран к ИКТ.

В 2018 году Генассамблея ООН проголосовала за российский проект резолюции по глобальной кибербезопасности [3].

В международном сообществе практически сформировалось взаимопонимание по вопросам противодействия криминальной и террористической деятельности в цифровых сетях.

Интересы США и России в этих сферах нередко совпадали. В июле 2013 года в ходе встречи Владимира Путина и Барака Обамы на полях саммита G8 в Дублине Россия и США подписали пакет из трех соглашений по мерам доверия в сфере кибербезопасности. В октябре 2021 года Россия и США внесли в ООН совместную резолюцию о нормах поведения в киберсфере и предотвращении преступлений в киберпространстве, которая была поддержана Генассамблеей ООН.

Проблемы правового регулирования цифрового мира

При этом Россия и США являются выразителями двух противоположных подходов по проблематике МИБ, которые коренным образом влияют на перспективы развития ИКТ.

Главное противоречие России с Соединенными Штатами касается ключевого вопроса о применимости международного права к ИКТ-пространству. США считают, что существующего международного права достаточно для эффективного регулирования ИКТ. Россия полагает, что необходимо дополнительное регулирование ИКТ и призывает ГПЭ и РГОС принять юридически обязывающие правила поведения государств в ИКТ-среде, чтобы избежать потенциальных конфликтов.

Предпосылки для превращения инцидентов в ИКТ-среде в военный конфликт уже были. Так, после атаки Stuxnet на ядерный объект в Иране власти этой страны размышляли о военном ответе на кибернападение. Сегодня возможность ответа всеми имеющимися средствами, включая военные, на кибератаку допускают в США, Австралии и странах НАТО (на основании статьи 5 Устава).

Экспертная дискуссия на эту тему включает некоторые вопросы, где Россия может рассчитывать на интеллектуальную подпитку и поддержку международных неправительственных организаций (например, МККК) и западных экспертов. В пользу необходимости дополнительного регулирования ИКТ, как правило, указывают комментарии в ответ на вопросы, может ли кибероперация стать основанием для применения международного гуманитарного права и можно ли признать кибероперации применением вооруженной силы, особенно если они физически не разрушают военную или гражданскую инфраструктуру.

Спорным остается вопрос о разработке правовых механизмов, регулирующих военно-политическую составляющую цифровой безопасности. Российские «Основы государственной политики в области международной информационной безопасности» первой из угроз называют «использование информационно-коммуникационных технологий в военно-политической и иных сферах в целях подрыва (ущемления) суверенитета, нарушения территориальной целостности государств, осуществления в глобальном информационном пространстве иных действий, препятствующих поддержанию международного мира, безопасности и стабильности» [4]. Такой же позиции придерживаются Китай, Бразилия, Белоруссия и другие страны.

По данным Международного Комитета Красного Креста, в настоящее время более 100 государств разрабатывают военный киберпотенциал, хотя лишь немногие публично признали, что они использовали киберсредства для поддержки своих военных операций [5].

Однако Соединенные Штаты не считают эту проблему актуальной, полагая, что проблемы межгосударственного противоборства должны регулироваться международным гуманитарным правом. В области безопасности США и ведущие страны Запада готовы рассматривать только криминальную и террористическую составляющие, предлагая собрать больше информации по военно-политическим аспектам.

Россия, Китай, Бразилия и другие страны предлагают заключить международное соглашение об отказе от создания средств информационного воздействия и агрессивных действий в информационном пространстве, полагая, что содержание информационных потоков в определенных обстоятельствах может служить инструментом воздействия на массы, оружием в межгосударственных конфликтах.

«Западный консенсус» во главе с США считает излишним принятие документа о демилитаризации информационного пространства, считая достаточным рассмотрение вопросов безопасности инфраструктуры.

Западные страны не согласны с российским пониманием содержания термина «угроза», который включает влияние информационных технологий на социально-гуманитарную сферу.

Информационный суверенитет

Россия и ее партнеры выступают за «информационный суверенитет», который подразумевает право государств контролировать информационные потоки в пределах их территориальных границ, формировать информационную политику и обеспечивать информационную безопасность. Соответствующее обоснование Россия представила в ООН в 2011 году в рамках проекта конвенции «Об обеспечении международной информационной безопасности». США были категорически против подписания данной Конвенции. Государственный секретарь США Хилари Клинтон тогда заявила, что Россия «хотела бы расширить возможности каждого отдельного правительства разработать свои собственные правила, что подорвет не только права человека, но и право на свободное перемещение информации. В действительности же правительства, предлагающие эту повестку дня, хотят создать национальные барьеры в киберпространстве» [6].

В 2015 году российское правительство предписало IT-компаниям хранить данные российских граждан на серверах, расположенных в России.

1 января 2022 года для защиты информационного суверенитета вступил в силу закон «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на территории России», который обязал иностранные онлайн-площадки с посещаемостью от 500 тыс. российских пользователей открыть официальные филиалы или представительства в России.

Создание условий для обеспечения технологического суверенитета государств в области ИКТ и преодоления информационного неравенства между развитыми и развивающимися странами стало одним из важных направлений государственной политики России, которое отражено в Указе Президента РФ №213 «Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» от 12 апреля 2021 года.

Аргументы в пользу принадлежности участка сети Интернет к государственной юрисдикции можно найти, в частности, в работе Алексея Даниленкова [7].

Идею о том, что информационные ресурсы должны контролироваться государством, поддерживают многие российские партнеры по СНГ, ОДКБ, ШОС, и это зафиксировано документами, принятыми в рамках этих организаций. По мнению властей КНР, Индии и России, свободное передвижение информации в Интернете может представлять потенциальную угрозу государственности, особенно с появлением технологий «цветных революций».

США и страны ЕС выступают против российских предложений и предостерегают мир от «глобальных последствий авторитарного Рунета», который они представляют в виде изолированного киберкаганата, использующего цифровые информационные технологии для подавления собственных граждан и стремящегося (вслед за Китаем) добиться закрепления принципа полного контроля отдельных государств над их национальными сегментами Интернета. На этой почве «западный консенсус» будет готов

всякий раз выступать против российских инициатив в отношении «цифрового суверенитета».

Угрозы из цифрового будущего

Ускоряющийся научно-технический прогресс регулярно приносит человечеству ИКТ-новинки, а вместе с ними и новые угрозы, из которых лишь часть сегодня возможно предвидеть. Вероятно, технологии будущего будут настолько всепроникающими и всеохватывающими, что сделают для государств неэффективным или даже невозможным только технический контроль за ИКТ. Средств обеспечения кибербезопасности будет недостаточно без регулирования информационно-психологической (психофизической) составляющей. Это может стать проблемой для всех стран мира, включая государства Евросоюза и даже США.

К примеру, Илон Маск разворачивает на орбите сеть спутников Starlink для глобальной раздачи Интернета. Этот канал коммуникаций будет недостижим для контроля государственных властей. Вероятно, российский Госкомнадзор будет бессильен не только регулировать, но даже наблюдать за этим цифровым каналом.

В 2021 году корпорация Facebook поменяла название на Meta, обозначив новый глобальный тренд – создание экосистемы, которая будет включать в себя элементы виртуальной и дополненной реальности со встроенными социальными сетями, рабочими местами и платежными инструментами. В виртуальном мире метавселенной могут появиться виртуальные партии с виртуальной политической деятельностью и виртуальными протестными акциями.

В январе 2022 года стало известно, что для создания своей метавселенной Microsoft покупает Activision Blizzard за рекордные 69 миллиардов долларов. Это сигнал начала жесткой конкурентной схватки за виртуального пользователя.

Российские крупнейшие корпорации – Сбербанк, Яндекс, МТС и ряд других – включились в гонку за лидером, они тоже создают собственные метавселенные. Вероятно, государство не имеет права остаться в стороне от «передела» виртуального мира, чтобы не стать виртуальной колонией американских цифровых ТНК.

С развитием сетей связи 5G мир наполнится предметами «Интернет вещей» (Internet-of-Things, IoT), которые будут взаимодействовать друг с другом или с внешней средой. Предметы производства, транспорта, быта будут нести на себе средства идентификации, измерения и передачи данных. По предположению военных, на одном квадратном километре поля боя будущего будет находиться до одного миллиона военных и гражданских «вещей», передающих информацию через закрытые военные и открытые гражданские сети. Когда «Интернет вещей» сделает свой первый шаг по планете, военные специалисты начнут конструировать системы перехвата, подмены, разрушения «вещей» и сетей связи. Военные аналитики полагают, что человек в этой сети превратится в одну из «вещей», которая будет самой слабой и подверженной влиянию и манипулированию.

IoT-технологии найдут широкое применение в гражданском секторе (маркетинге, торговле), но также и в политической сфере – профайлинге населения и воздействии на общественное мнение. В отчёте Национального разведывательного совета США (National Intelligence Council) 2008 года «Интернет вещей» называется одной из шести подрывных технологий, которая может повысить риски в сфере национальной информационной безопасности [8].

Немаловажно и то, что, вероятно, технологии IoT будут игнорировать государственные границы. Непросто заставить владельцев «вещей» хранить информацию, которой они обмениваются, на национальной территории. Соединенные Штаты серьезно настроены получить монополию на рынке 5G и IoT. Китайские конкуренты Huawei и ZTE были «удалены с поля» под надуманным предлогом нарушения санкций в отношении Ирана.

Можно предположить, что по мере появления новых технологий информационные и информационно-психологические угрозы будут становиться все очевиднее и российские предложения будут находить все больше сторонников среди нейтральных и колеблющихся государств.

В поисках компромисса между цифровым суверенитетом, демонополизацией медиaprостранства и киберневмешательством

Можно заметить, что некоторые страны ЕС также озабочены проблемой цифрового суверенитета. Политики в Польше (Матеуш Моравецкий), Венгрии (Виктор Орбан), Чехии (Милош Земан), Болгарии (Румен Радев) проявляют открытое недовольство агрессивным информационным давлением со стороны Брюсселя и доминирующих в медиaprостранстве западных СМИ. Политики в Румынии высказывались против деятельности «Радио Свободная Европа/Радио Свобода» (RFE/RL) на румынской территории.

В этих странах болезненно воспринимают вытеснение национальных СМИ крупными транснациональными медиакорпорациями, а также энергичное продвижение в национальном медиaprостранстве чуждых дискурсов, способствующих расколу и политизации общественного сознания.

Примечательно, что власти в ведущих странах ЕС также обеспокоены проблемой нарушения цифрового суверенитета. Они предпочитают называть ее «монополизацией» информационного рынка (в первую очередь американскими медиакорпорациями). Брюссель устанавливает квоты на допустимые доли медиарынка, а также требует от иностранных IT-гигантов хранить и обрабатывать данные европейских пользователей на серверах в Евросоюзе. В связи с этим даже сложилась скандальная ситуация, когда Facebook и Instagram могут вовсе покинуть европейский рынок.

Австрия и Франция запретили корпорации Google использование Google Analytics на своей территории. Компания занималась незаконным сбором и передачей данных в США, чем создала угрозу конфиденциальности пользовательских данных [9].

В 2011 году Совет Европы принял декларацию Комитета министров о принципах управления Интернетом. Один из принципов возлагал на государства роль по обеспечению защиты общественных интересов в международной публичной политике, связанной с Интернетом [10]. Российская борьба за сохранение «информационного суверенитета» во многом схожа с европейскими действиями против монополизации информационного пространства ЕС, и здесь можно найти возможность для компромиссных решений.

Проблема нарушения «информационного суверенитета» знакома и Соединенным Штатам, которые в 2015 году были близки к введению серьезных санкций против Китая за хакерские атаки, а в 2016 году резко критиковали Россию за вмешательство в президентские выборы. В первом случае инцидент получил название «экономический кибершпионаж», но во втором случае США фактически отстаивали свой информационный суверенитет. В отношении кибершпионажа Обама и Си Цзиньпин смогли подписать ограниченное по охвату соглашение. Можно предположить, что в интересах Вашингтона подписать также и с Москвой соглашение о «киберневмешательстве», которое станет прототипом документа о соблюдении информационного суверенитета.

Критикуя Китай в начальный период пандемии за установление жесткого контроля за своими гражданами при помощи специальных цифровых приложений, страны Евросоюза в итоге пошли тем же путем и вслед за Китаем стали создавать цифровые способы наблюдения за перемещением и контактами европейцев.

То есть идея цифрового суверенитета, который отчасти подразумевает и контроль за населением страны, в различных формах знакома либо даже близка руководству западных стран. Они, очевидно, не готовы отказаться от деления мира на лагеря – демократический и авторитарный, что заставляет их непременно встречать в штыки любые российские и китайские инициативы. Однако пространство для компромисса существует, и

накапливающиеся факты информационного вмешательства во внутренние дела, цифровых и информационных вторжений во внутривнутриполитические процессы в различных странах будут подводить руководства этих стран к тому, чтобы принять некоторые положения цифрового суверенитета, возможно, облеченные в более гладкие «демократические» формы.

Можно обратить внимание на то, что близкая к этому формулировка принята в опубликованном в 2013 году «Таллинском руководстве по международному праву, применимому в случае кибервойны» (Tallinn Manual on The International Law Applicable to Cyber Warfare). Согласно главе 4 раздела 1 «Суверенитет, юрисдикция и контроль» этого документа, «Суверенитет подразумевает, что государство может контролировать доступ на свою территорию и, как правило, пользуется, в пределах, установленных договорным и обычным международным правом, исключительным правом осуществлять юрисдикцию и власть на своей территории» [11].

Государственный суверенитет над киберинфраструктурой в пределах суверенной территории означает, что, во-первых, государство осуществляет нормативно-правовой контроль над объектами киберинфраструктуры; во-вторых, государство обеспечивает территориально-суверенную защиту объектов киберинфраструктуры. При этом такой контроль и защита осуществляются вне зависимости от того, принадлежат ли такие объекты самому государству, частным организациям или индивидам, и вне зависимости от целей использования таких объектов [12].

Известно, что Россия не поддержала Будапештскую конвенцию и «Парижский призыв к доверию и безопасности в киберпространстве» (Paris Call for Trust and Security in Cyberspace), поскольку эти документы противоречат принципу государственного суверенитета, на котором основаны все российские инициативы в данной области. Между тем страны Запада признают, что участие России и Китая в такого рода соглашениях крайне важно. Россия и Китай также признают необходимость глобальных согласованных действий в этом направлении. Здесь просматривается

возможность компромисса в виде «политики малых шагов», которая позволила бы принять пункты антикриминальной повестки, не вызывающие споров, найти взаимоприемлемые меры по предотвращению использования ИКТ в террористических и других преступных целях, а также по ограничению применения информационного оружия в отношении критически важной инфраструктуры. Из практического сотрудничества и опыта работы на основе согласованных позиций может родиться новое понимание общих интересов и их приемлемое для сторон толкование.

Недостаток согласованного понятийного аппарата нередко становится причиной недопонимания между сторонами. Информационная война, информационное оружие, кибербезопасность, кибератака, кибервойна, киберинцидент – мировое сообщество не может прийти к согласию относительно содержания и применимости этих терминов. Участникам дискуссий очевидна необходимость единообразия терминологического аппарата в сфере информационной безопасности, а также правовое толкование понятий.

Научные мероприятия с участием экспертов из разных стран, в первую очередь малых государств, которые подвержены информационному влиянию из-за рубежа, могли бы выработать и предложить для использования терминологический глоссарий. Он позволит избавиться от разных интерпретаций данных терминов. Нередко эти различия очевидны, и, вероятно, их возможно формализовать: российское толкование информационной безопасности включает информационно-технический и информационно-психологический компоненты. Западные страны ограничиваются только технической сферой. Вне зависимости от отношения к рискам информационных угроз понятиям «информационная угроза», «цифровой суверенитет» и др. необходимо дать определения, чтобы дискуссия сторон стала более предметной.

Между двумя «терминологическими полюсами» можно обнаружить промежуточные (либо смешанные) толкования угроз. Международное

сотрудничество станет эффективнее и плодотворнее, если эксперты придут к консенсусу не только в идентификации названных понятий, но также других угроз, которые возникают в сфере современных ИКТ (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Пирамида рисков причинения ущерба с использованием ИКТ инфраструктуры

Степень риска	Виды рисков	Меры	Необходимые действия
Неприемлемый	<p>Вредоносное применение ИКТ в военно-политических целях:</p> <ul style="list-style-type: none"> • атака на военную инфраструктуру; • атака на гражданскую критическую инфраструктуру (национальную, транснациональную и трансграничную); • нарушение цифрового суверенитета государства с использованием государственных средств; • цифровое вмешательство извне во внутривнутриполитические процессы (например, выборы); • использование цифровых медиа для организации антиправительственных выступлений. <p>Технологическое доминирование в информационном пространстве с целью:</p> <ul style="list-style-type: none"> • монополизации рынка ИКТ; • ограничения доступа других государств к передовым технологиям; • усиления их технологической зависимости от доминирующих в сфере информатизации государств; • сохранения информационного неравенства между 	Запрет, меры доверия	<p>Согласование типов критической инфраструктуры;</p> <p>использование роли ООН в разрешении межгосударственных конфликтов;</p> <p>разработка соответствующих механизмов предотвращения, взаимопомощи, посредничества и разрешения;</p> <p>определение мер по ограничению применения информационного оружия в отношении критически важных инфраструктур других государств;</p> <p>создание институциональной основы для реагирования на международные киберинциденты, влияющие на международную безопасность и мир;</p> <p>координация действий между государствами, а также соответствующими CERT/CSIRT, владельцами затронутой критически важной инфраструктуры, поставщиками безопасности;</p> <p>налаживание трансграничного сотрудничества для устранения критических уязвимостей инфраструктуры, выходящих за пределы национальных границ;</p> <p>публикация государственных стратегий, доктрин и других соответствующих документов в отношении киберпространства;</p> <p>публикация докладов о возможностях ИКТ в военных целях.</p>

	<p>развитыми и развивающимися странами.</p> <p>Создание киберсистем автоматического ответа на кибернападения (пример: Monstermind)</p> <ul style="list-style-type: none"> • нанесение ущерба информационным системам уполномоченных групп аварийного реагирования другого государства (известных как CERTS или CSIRTS); • кибершпионаж. 		
Высокий	<ul style="list-style-type: none"> • Предоставление территории для совершения международно-противоправных деяний с использованием ИКТ; • атака на малые и средние предприятия, онлайн-рынки, поисковые системы и сервисы облачных вычислений, жизненно важных для бизнеса, правительств и граждан; • пропаганда терроризма в Интернете; • кража интеллектуальной собственности с помощью ИКТ (включая коммерческую тайну или другую конфиденциальную деловую информацию). 	Уголовное преследование	<p>Налаживание взаимодействия правоохранительных органов;</p> <p>стандартизация запросов на помощь посредством разработки стандартных операционных процедур;</p> <p>организация киберучений.</p>
Средний	<ul style="list-style-type: none"> • Нарушение целостности цепочек поставок ИКТ-оборудования; • намеренное создание уязвимостей для кибератак в современных ИКТ: • вредоносных программ, • уязвимостей в ПО, • скрытых функций («закладок») в IT-продукции. 	Обмен информацией, меры транспарентности и доверия	<p>Продвижение в глобальном масштабе четких процессов ответственного сообщения об уязвимостях и их раскрытия (ответственность как государств, так и негосударственных субъектов);</p> <p>разработка глобального справочника с передовым опытом;</p> <p>создание руководств по передовой практике, базовых требований безопасности, сертификации и маркировки ИКТ, прозрачности программного обеспечения (например, списка материалов для программного обеспечения);</p> <p>разработка глобального справочника с «плохим» опытом.</p>

Малый	<ul style="list-style-type: none"> • Фейковые новости; • спуфинг и запутывание IP-адресов; • кибербуллинг – общее определение для разных видов травли в Интернете. 	Общественное порицание, образовательные кампании.	Информационные кампании; образовательные программы для журналистов и молодежи; разработка общего лексикона с основанной на консенсусе терминологией и определениями, связанными с использованием ИКТ.
-------	---	---	---

В поиске единомышленников

В конце 2021 года Россия представила новую версию Концепции Конвенции ООН об обеспечении международной информационной безопасности. Для ее скорейшего принятия надлежит спланировать работу по продвижению заложенных в Концепции идей среди государств – членов ООН. Очевидно, что главной площадкой для распространения российской позиции будет Рабочая группа ООН открытого состава по вопросам безопасности в сфере использования ИКТ.

Позицию России по приоритетным вопросам международной информационной безопасности разделяют большинство ближайших партнеров по ОДКБ, СНГ, ШОС и БРИКС. Доводы России находят понимание в Международном союзе электросвязи. Российские аргументы готовы рассматривать «Группа восьми» и «Группа двадцати», неформальная рабочая группа ОБСЕ по мерам укрепления доверия на пространстве этой организации.

ШОС, по сути, является организацией единомышленников в части МИБ, еще в 2009 году заключившей соглашение «О сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности» [13], где изложен перечень основных угроз в области международной информационной безопасности, среди которых разработка и применение информационного оружия, подготовка и ведение информационной войны; использование доминирующего положения в информационном пространстве в ущерб интересам и безопасности других стран; распространение информации, наносящей вред общественно-политической и социально-экономической системам, духовной, нравственной и культурной среде других государств;

угрозы безопасному, стабильному функционированию глобальных и национальных информационных инфраструктур, имеющие природный и (или) техногенный характер.

В последние годы регулирование отрасли информационно-коммуникационных технологий стало популярной темой в БРИКС, на различных площадках которой ИКТ и МИБ обсуждают лидеры государств, профильные министры и экспертные сообщества.

Новаторские форматы этой организации – «БРИКС плюс» и «БРИКС аутрич» – позволяют расширить круг участников дискуссии и погрузить в проблематику МИБ не только малые страны, не имеющие значительных информационно-коммуникационных мощностей, но и «государства-среднячки», такие как Мексика, Индонезия, Турция, Египет, Иран.

Формат «БРИКС аутрич» подразумевает привлечение к мероприятиям организации внешних участников с акцентом на страны, близкие стране-председателю в год ее председательства. «Аутрич» помогает стране-председателю установить или укрепить региональные связи, но одновременно позволяет всей организации наладить субрегиональные связи и расширить диалог Юг – Юг.

Другой формат – «БРИКС плюс» – не ограничивается соседними регионами и предполагает более гибкие глобальные формы сотрудничества с третьими странами и интеграционными объединениями, в первую очередь организационными объединениями развивающихся стран.

В рамках БРИКС многое уже сделано: создана рабочая группа экспертов по вопросам безопасности в сфере использования ИКТ, ведется разработка межправительственного соглашения БРИКС о сотрудничестве в области обеспечения безопасности в сфере использования ИКТ и двусторонних соглашений между странами объединения. В 2016 году участники группы приняли «Совместную программу развития и план действий по ИКТ», а в 2017 году в Сямэньской декларации высказались за изучение возможности «создания института будущих сетей БРИКС». Однако, похоже, БРИКС

недостает воли и энергии для реальных совместных дел (возможно, ввиду очевидного превосходства КНР в сфере ИКТ).

Проблема регулирования ИКТ, взаимопомощь в наращивании и укреплении киберпотенциала и ликвидация «технологического отставания» будут представлять интерес для потенциальных гостей в форматах «БРИКС плюс» и «БРИКС аутрич», поскольку угрозы, связанные с ИКТ, опасны, прежде всего, для развивающихся стран. Отдельная тема, вызывающая особый интерес у большинства государств мира, – проблема использования ИКТ в террористических и иных противоправных целях. Обмен технологиями и опытом в борьбе с этим явлением важен и полезен для широкого круга потенциальных «друзей БРИКС».

Большие данные, которые нередко называют «новой нефтью», сегодня стали колоссальным ресурсом, который многие страны мира пока не научились классифицировать, учитывать, хранить и использовать. Эта проблема глобальна и требует согласованного международного решения. Страны БРИКС в совокупности представляют собой гигантский генератор больших данных. Решения, найденные в рамках пятерки, послужат маяком не только для малых стран, но и для средних государств, пытающихся регулировать эту отрасль и сделать ее безопасной и доходной.

Проблема «государств-середнячков» состоит в том, что их национальный рынок относительно велик, чтобы местные компании могли сделать быстрый старт, но этот рынок не производит достаточного объема данных, чтобы компании могли вырасти до масштабов международной корпорации. Местные «единороги» – социальные сети, предприятия интернет-торговли и электронных услуг – упираются в национальный потолок масштабирования и, как правило, скупаются иностранными супергигантами. Большинство стран мира не могут в одиночку вырваться из «проклятья среднеразмерности». Универсальная платформа БРИКС по управлению большими данными могла бы стать удобной гаванью для многих государств,

которые сегодня находятся в поиске достойного пристанища в глобальном цифровом море.

Все эти вопросы создают благоприятную почву для продвижения российской повестки и поиска новых единомышленников. Российскую повестку можно активнее внедрять через рабочую группу БРИКС по вопросам безопасности в сфере использования ИКТ.

В равной степени возможно придать динамичность деятельности Рабочей группы при Комитете секретарей советов безопасности ОДКБ по информационной политике и информационной безопасности и Группы экспертов государств – членов ШОС по международной информационной безопасности.

Россия уже наладила сотрудничество по вопросам безопасности ИКТ с государствами – членами АСЕАН в рамках диалога Россия – АСЕАН и на уровне двусторонних межведомственных консультаций. Страны этого региона находятся на перекрестье интересов двух технологических гигантов – США и Китая. Специфика региона заключается в том, что здесь стремятся избегать конфронтации и спорам предпочитают компромиссные решения. При правильном позиционировании Россия может стать удобным партнером для обеспечения информационной безопасности государств региона как в техническом, так и идеологическом смысле.

Примером такого сотрудничества до последнего времени мог служить Сингапур. Власти этой маленькой страны привлекают российских специалистов для обеспечения безопасности ИКТ и в определенной степени готовы ориентироваться на российские представления о МИБ. Такое взаимодействие открывает возможность для подписания межправительственного соглашения о сотрудничестве в этой области.

В Евросоюзе тоже видят угрозы для европейского медийного пространства, исходящие от американских IT-корпораций. Как и в России, в ЕС принято требование хранить данные европейцев на территории Европы, а также есть запрет на передачу персональных данных за рубеж. Ряд стран

ощущает инородное вторжение в национальное информационное поле, искусственное насаждение «западных» нарративов. Можно предположить, что в недалеком будущем в странах ЕС заметят неприятную тенденцию к объединению культурного многообразия в глобальную мультикультуру и вытеснению человека из сферы культуры за счет использования ИТ-технологий.

Сегодня правила политкорректности требуют от европейцев игнорировать последствия идеологических экспериментов, если они проводятся под флагом демократии. Политики, которые открыто поднимают вопрос об информационном давлении, объявляются маргиналами. Однако информационные угрозы заявят о себе сами, и тем громче, чем дольше их будут пытаться не замечать.

Пирамида рисков с использованием ИКТ-инфраструктуры

В рамках обсуждения российских инициатив возможно инициировать на одной из международных дискуссионных площадок обсуждение «Пирамиды рисков причинения ущерба с использованием ИКТ-инфраструктуры» с ранжированием рисков по степени вероятности и размеру возможного ущерба.

Важной составляющей этой работы может быть определение превентивных мер, необходимых для противодействия отмеченным угрозам. Работа такого рода позволит подключить международное экспертное сообщество к предметному обсуждению различных видов угроз МИБ (включая кибер- и информационные угрозы), собрать и изучить международный опыт противодействия подобным угрозам, составить перечень необходимых превентивных действий. Участие международного экспертного сообщества в этой работе придаст значимость полученным результатам, привлечет внимание мировых СМИ к данной проблематике, подкрепит российские инициативы в сфере МИБ международной экспертизой.

Литература

1. ГА ООН А/68/98, Группа правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности, 24 June, 2013. [Электронный ресурс] // URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=A%2F68%2F98&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (дата обращения: 30.05.2022)
2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 74/247 от 27 декабря 2019 года «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях». [Электронный ресурс] // URL: <https://daccess-ods.un.org/tmp/574563.36915493.html> (дата обращения: 30.05.2022)
3. Генассамблея ООН проголосовала за российский проект резолюции по глобальной кибербезопасности, D-Russia.ru 06 декабря 2018 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://d-russia.ru/genassambleya-oon-progolosovala-za-rossijskij-proekt-rezolyutsii-po-globalnoj-kiberbezopasnosti.html> (дата обращения: 30.05.2022)
4. Указ Президента РФ от 12 апреля 2021 г. № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности». [Электронный ресурс] // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400473497/#review> (дата обращения: 30.05.2022)
5. Кибервойна и международное гуманитарное право, МККК, 25 февраля 2021 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.icrc.org/ru/document/kibervoyna-i-mezhdunarodnoe-gumanitarnoe-pravo> (дата обращения: 30.05.2022)
6. Международное сотрудничество России в области обеспечения информационной безопасности, Центр стратегических оценок и прогнозов, 14 ноября 2014 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://csef.ru/ru/nauka-i-obshchestvo/445/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-rossii-v-oblasti-obespecheniya-informacionnoj-bezopasnosti-5920> (дата обращения: 30.05.2022)

7. Даниленков А.В. Государственный суверенитет Российской Федерации в информационно- телекоммуникационной сети Интернет, Lex russica, 2017. № 7(128). С. 154-165. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-suverenitet-rossiyskoy-federatsii-v-informatsionno-telekommunikatsionnoy-seti-internet/viewer> (дата обращения: 30.05.2022)
8. Disruptive Civil Technologies. Six Technologies with Potential Impacts on US Interests out to 2025, National Intelligence Council, 11 апреля 2008 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://irp.fas.org/nic/disruptive.pdf> (дата обращения: 30.05.2022)
9. French privacy regulator finds using Google Analytics can breach GDPR, ZDNet, 11 Feb. 2022. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.zdnet.com/article/french-privacy-regulator-finds-using-google-analytics-can-breach-gdpr> (дата обращения: 30.05.2022)
10. Рекомендация CM/Rec (2011) 8 Комитета министров государствам-членам о защите и продвижении универсального характера, целостности и открытости Интернета, Council of Europe, 21 сентября 2011 г. [Электронный ресурс] // URL: [http://hr-online.org.ua/npanel/webdata/299/12_rekomendatsiya_cmrec\(2011\)8.pdf](http://hr-online.org.ua/npanel/webdata/299/12_rekomendatsiya_cmrec(2011)8.pdf) (дата обращения: 30.05.2022)
11. Tallinn Manual on the International Law Applicable to Cyber Warfare, Cambridge University Press, 2013. [Электронный ресурс] // URL: <http://csef.ru/media/articles/3990/3990.pdf?ysclid=kzh5mxb17> (дата обращения: 30.05.2022)
12. Касенова М.Б. Международное сотрудничество и управление использованием Интернета, Международное право и международные организации. 2014. № 1. С. 12.
13. Соглашение между правительствами государств - членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения

международной информационной безопасности», вступило в силу для Российской Федерации 2 июня 2011 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/902289626> (дата обращения: 30.05.2022)

Тимакова Ольга Александровна,
кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политической философии, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации,
e-mail: o.timakova@dipacademy.ru

Olga A. Timakova,
Ph.D. (Political Science), Associate Professor of the Department of Political Theory and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
e-mail: o.timakova@dipacademy.ru

ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В СТРАТЕГИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

EASTERN MEDITERRANEAN IN THE EUROPEAN UNION'S ENERGY SECURITY STRATEGY

Аннотация: Европейский союз объявил о необходимости полностью отказаться от российского газа. В связи с этим возникла угроза энергетической безопасности европейских государств. Еврокомиссия разрабатывает программы срочной диверсификации поставок энергоресурсов. Объявленное в июне 2022 года соглашение о строительстве газопровода «Восточное Средиземноморье» может в среднесрочной перспективе улучшить ситуацию на рынке углеводородов в Европе. Однако регион Восточного Средиземноморья характеризуется нестабильностью, что может угрожать реализации важного для ЕС проекта.

Ключевые слова: Европейский союз, энергетическая безопасность, Восточное Средиземноморье, Турция, Греция, Кипр, Египет, Израиль.

Abstract: the European Union has announced the need to completely abandon Russian gas. In this connection, there was a threat to the energy security of European states. The European Commission is developing programs for the urgent

diversification of energy supplies. An agreement on the construction of the Eastern Mediterranean gas pipeline, announced in June 2022, could improve the situation on the hydrocarbon market in Europe in the medium term. However, the Eastern Mediterranean region is characterized by instability, which may threaten the implementation of an important project for the EU.

Keywords: European Union, energy security, Eastern Mediterranean, Turkey, Greece, Cyprus, Egypt, Israel.

Введение

15 июня 2022 года ЕС подписал Меморандум о взаимопонимании с Египтом и Израилем. Данное рамочное соглашение должно облегчить импорт восточно-средиземноморского газа в Европу, что станет первым договором такого масштаба для Египта и Израиля.

Цель Европейского союза – попытка гарантировать стратегическую энергетическую безопасность в условиях изменения геополитических условий в Европе и политики ЕС по конфронтации с Россией, главным поставщиком энергоресурсов для Союза.

Восточное Средиземноморье играет особую роль в усилиях ЕС по обеспечению энергетической безопасности. Хотя регион и обладает значительным потенциалом для укрепления европейской энергетической безопасности, географическая, геополитическая среда и угрозы безопасности в регионе могут скорректировать планы Евросоюза.

В статье будут рассмотрены эволюция энергетической политики ЕС и особенности рынка энергоресурсов Восточного Средиземноморья. Потенциальная выгода Евросоюза от нового соглашения будет изучена с точки зрения вызовов и угроз, с которыми столкнутся страны Европы в регионе.

«Энергетический союз» Европы

Одним из главных приоритетов Комиссии Юнкера было формирование «Устойчивого энергетического союза» с дальновидной политикой в

отношении изменения климата [5]. А развертывание «Зеленого курса ЕС» [4] с 2019 года прочно базируется на стратегии Энергетического союза 2015 года, которая в значительной степени действует до сих пор и определяет расширенные аспекты энергетической политики и нормативно-правовой базы ЕС. По мнению европейских исследователей, хотя стратегия Энергетического союза амбициозна и устанавливает, что «граждане смогут получать выгоду от надежной, устойчивой, конкурентоспособной и доступной энергии» [11], она представляет собой чрезвычайно сложную задачу, которая включает в себя структурную трансформацию европейской энергетической системы, в том числе производство, закупку, транспортировку, распределение, хранение, ценообразование, торговлю и потребление энергии [17, p. 6].

Для достижения своих целей Комиссия определила пять основных направлений стратегии Энергетического союза:

- энергетическая безопасность, солидарность и доверие между государствами-членами;
- полностью интегрированный внутренний энергетический рынок;
- энергоэффективность и умеренность спроса;
- достижение безуглеродной европейской экономики;
- исследования, инновации и конкурентоспособность на европейском энергетическом рынке [11].

Продвижение импорта природного газа из Восточного Средиземноморья как средство диверсификации поставок и снижения политической зависимости от России, как предполагается, должно повысить энергетическую безопасность ЕС и стать основой необходимой трансформации всей энергетической системы, повысив ее устойчивость.

Декларируемая цель Энергетического союза Еврокомиссии – преобразовать энергетическую систему ЕС в сторону чистой, возобновляемой и устойчивой энергии для реализации положений Парижского соглашения по ограничению выбросов CO² и устранению последствий глобального потепления.

В продолжение экологически-нейтральной политики в декабре 2021 года было достигнуто предварительное соглашение Европарламента и Европейского совета по сети TEN-E [21] (Трансъевропейская сеть – Энергия), которое диктует новые правила для трансграничных энергетических проектов. В частности, новый Регламент поддерживает климатические цели ЕС и «Зеленую сделку». Сеть TEN-E должна на общеевропейском уровне установить, что ЕС прекратит поддержку новых газовых и нефтяных проектов и введет обязательные критерии устойчивости для всех проектов.

Политический курс изменился в условиях специальной военной операции России на Украине. Еврокомиссия представила новый, уточненный план развития Энергетического союза под названием «REPowerEU» [22]. Заявлено о намерении отказаться от российских энергоносителей в значительно более ранние сроки, чем в первоначальном плане. Вместо 2030 года фиксируется установка на снижение зависимости на 2/3 к концу 2022 года и полный отказ от российских энергоресурсов в течение трех лет.

Российские исследователи Института Европы РАН указывают на ряд проблем, с которыми столкнется ЕС при реализации нового плана:

- частичный отказ ЕС от официальной линии на декарбонизацию энергетики в рамках «зеленого курса», включая ускоренное развитие возобновляемых источников энергии и водородных технологий, выразившийся в отходе от признания природного газа неэкологичным топливом и решении о включении его в т.н. «зеленую» таксономию ЕС;

- высокая капиталоемкость СПГ-альтернатив российскому трубопроводному газу и длительность соответствующих инвестиционных проектов (в том числе строительство СПГ-терминалов и большого танкерного флота, способного перевозить альтернативные объемы);

- ожидаемый дефицит финансовых ресурсов в ЕС, связанный с падением производства, инфляцией и предполагаемым увеличением затрат на оборону, в связи с новым витком международной напряженности на континенте [1, с. 57].

Проект Международного энергетического агентства для Европы по отказу от зависимости от российского газа [3] продемонстрировал, насколько легко возможен отказ от климатической повестки. Однако такая политика может привести к международным репутационным потерям ЕС. Развивающиеся государства не раз поднимали вопрос о климатической повестке как новой форме неокOLONиализма со стороны стран Запада [13].

В условиях разворачивающегося кризиса в отношениях Франции и Алжира и ограниченного потенциала Катара в поставках СПГ, именно страны Восточного Средиземноморья могут стать важными партнерами для обеспечения энергетической безопасности ЕС.

«Новая большая игра» Восточного Средиземноморья

Среда безопасности Восточного Средиземноморья характеризуется значительным противостоянием государств региона за максимизацию собственных сфер влияния. Существующее соперничество между пятью странами – Грецией, Египтом, Израилем, Кипром и Турцией – усилилось в связи с открытием запасов природного газа. Дилеммы безопасности еще более усугубляет вовлечение внерегиональных акторов – России, Китая и США, также заинтересованных в ресурсах региона и рассматривающих его как значимый транспортный узел, соединяющий два континента и два океана через Суэцкий канал. В ответ на эти события политологи-международники предположили, что Восточное Средиземноморье находится в процессе становления новой конфигурации регионального комплекса [16; 26].

По оценкам Геологической службы США [7], запасы природного газа Восточного Средиземноморья сосредоточены в Левантийском бассейне и в дельте Нила. Они включают четыре крупных месторождения: израильские поля Тамар и Левиафан, кипрское поле Афродиты и египетское поле Зор. В свою очередь, бассейн дельты Нила содержит 1,8 млрд баррелей нефти, 6,3 трлн м³ газа и 6 млрд баррелей сжиженного природного газа. Левантийский бассейн содержит 1,7 млрд баррелей нефти и 3,6 трлн м³ газа.

Противостояние в Восточном Средиземноморье усилилось с 2019 года. В основном это односторонние действия акторов региона по увеличению своего военно-морского присутствия в акватории и активизации усилий по поиску и разработке новых месторождений газа. Кроме того, государства стремятся гарантировать себе правовой статус исключительных экономических зон (ИЭЗ). Одним из значимых событий стал договор между Турцией и Правительством национального согласия Ливии о делимитации ИЭЗ в Средиземном море в ноябре 2019 года (рис.1) [8].

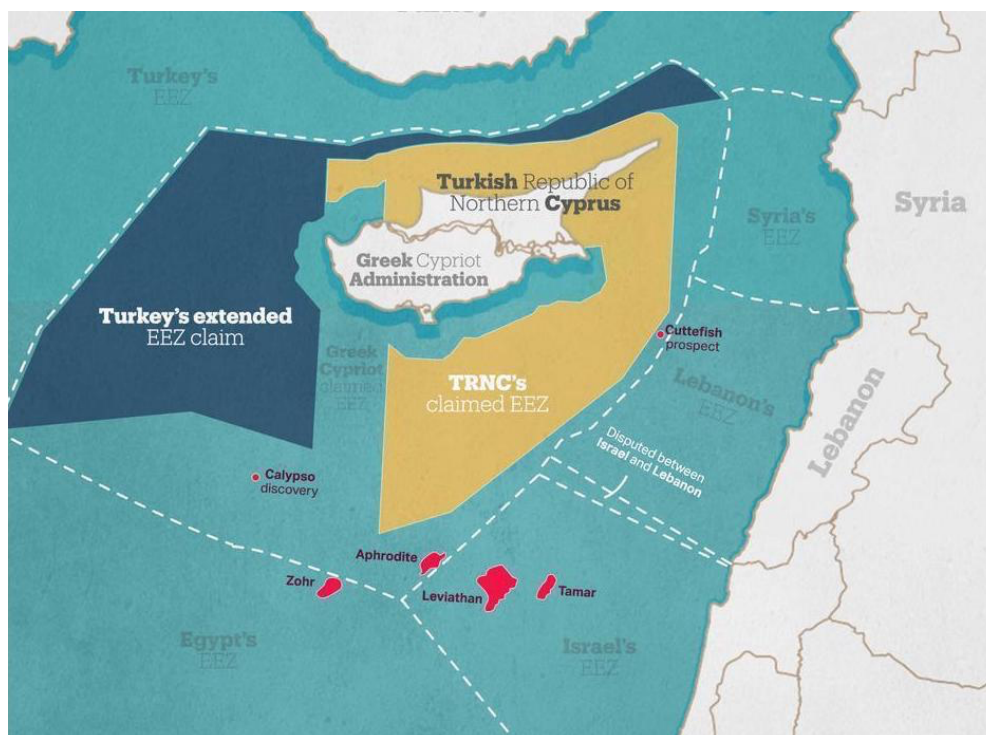

Рис. 1. Исключительные экономические зоны Восточного Средиземноморья. Источник: TRT World [27].

Греция, Египет, Израиль и Кипр, поддерживаемые Соединенными Штатами и Евросоюзом, объявили о несоответствии договора Конвенции ООН по морскому праву [15]. Турция же не является подписантом данной Конвенции и руководствуется национальным законодательством и Конвенцией Монтрё.

Сближение Турции и Ливии было встречено углублением сотрудничества в рамках Восточно-Средиземноморского газового форума в энергетической, экономической и военной сферах. Участники форума, куда

входят Египет, Израиль, Греция, Кипр, Италия, Иордания и Палестинская автономия, официально пригласили Францию стать членом [12].

Европейский союз также признал незаконность соглашения Турции и Ливии и уже в 2019 году решительно осудил «продолжающиеся незаконные действия Турции в Восточном Средиземноморье и Эгейском море» [9]. Впоследствии в 2021 году, после ряда попыток урегулировать ситуацию с Турцией, Европейский совет выпустил резолюцию со схожим содержанием [25]. Требование к Турции отказаться от претензий на Восточное Средиземноморье было закреплено и в Стратегическом компасе Европы, который устанавливает рамки политики ЕС до 2030 [6]. Турция в свою очередь заявила, что претензии, «связанные с Восточным Средиземноморьем, не имеют правовой основы, и до тех пор, пока это не произойдет, Турция по-прежнему будет полна решимости предпринять необходимые шаги с целью защиты своих прав и интересов в районах своей собственной морской юрисдикции...» [18].

Соглашение Турции и Ливии может усложнить реализацию проектов Египта в Восточном Средиземноморье. Среди них проект трубопровода «Восточное Средиземноморье» (EastMed Pipeline), который должен соединить Египет, Израиль, Кипр и Грецию и обеспечивать поставки в Европу до 10 млрд м³ газа ежегодно. На данный момент стоимость проекта оценивается в 6 млрд евро, и его планируют реализовать самое раннее к 2025 году [10].

Переговоры о строительстве трубопровода вошли в активную фазу весной 2022 года. Однако, кроме противоречий с Турцией, которая должна быть исключена из проекта, угрозу для его реализации представляют Соединенные Штаты Америки. США, будучи ключевым спонсором проекта, вышли из него в начале 2022 года. Официальная причина была озвучена как решение больше не поддерживать энергетические проекты, которые не являются экологически чистыми. В том числе указывались обеспокоенность усилением противоречий в регионе и отсутствие экономической и коммерческой жизнеспособности проекта [24]. Более вероятной причиной

считается планомерная поддержка Соединенными Штатами собственных производителей СПГ, которые, согласно заявлению Государственного секретаря США Э. Блинкена, готовы обеспечить потребности ЕС в энергоносителях [20].

Несмотря на усиление процесса консолидации стран-членов внутри ЕС, реализация проекта газопровода «Восточное Средиземноморье» и обеспечение энергетической безопасности ЕС могут оказаться весьма затруднительными.

Противоречия в Восточном Средиземноморье

Основные проблемы, с которыми может столкнуться Европейский союз при проведении собственной политики в регионе, могут быть включены в три группы: межстрановое противостояние, экологическая повестка, борьба за экономическое влияние.

Любой вариант энергетической инфраструктуры в Восточном Средиземноморье требует значительного регионального сотрудничества. В проекте газопровода «Восточное Средиземноморье» отличительной особенностью является исключенность Турции. Турция проводит активную внешнюю политику, претендуя на роль главного регионального актора [2]. Противостояние Турции со странами Юго-Восточного Средиземноморья и с европейскими государствами может серьезно ограничить возможности ЕС в Восточном Средиземноморье. По мнению европейских экспертов, Турция «посылает сигнал всему Западу, что никакое планирование в регионе и для региона не может реально осуществляться без Турции» [27]. В целом, проблема месторождений углеводородов и их разработка чрезвычайно секьюритизированы, и страны готовы встать на защиту месторождений с применением военных методов.

Это не способствует разрешению дилеммы безопасности в региональном комплексе. Региональная политическая нестабильность, появившаяся в 2010 году, создала сложный набор проблем безопасности. По

данным ООН, более 2 млн беженцев попали в Европу, из них более 95% пользовались средиземноморскими маршрутами [19]. Морские и воздушные коридоры перестают быть безопасными, а навигация по GPS оказывается заблокированной [14].

Другой проблемой является экологическая повестка. Внимание к изменению климата и загрязнению окружающей среды на протяжении многих лет усложняло разработку месторождений в Восточном Средиземноморье. С одной стороны, существуют опасения, что при добыче нефти и газа акватория будет загрязняться тяжелыми металлами, как это происходит, например, у побережья Ливии. С другой стороны, нестабильность в регионе – гражданская война в Сирии, неразрешенный конфликт между Израилем и Палестиной, борьба с исламистскими террористами и межгосударственные противоречия – может привести к атакам на инфраструктуру и танкеры. Во время Второй ливанской войны, после атаки Израиля на нефтяные объекты возле Бейрута, более 15 тыс. тонн нефти попало в Средиземное море.

Кроме того, ЕС последовательно продвигает политику отказа от ископаемых видов топлива, включая природный газ. Неопределенность в отношении газовой политики в ЕС и общая нестабильная ситуация в регионе повлияли на инвестиции в регион для разработки недавно обнаруженных месторождений. Несмотря на намерение Еврокомиссии реализовать проект трубопровода «Восточное Средиземноморье», влияние экологических партий в Евросоюзе все еще очень высоко. Именно они могут заблокировать дальнейшие работы.

Исследователи указывают, что, хотя государства имеют ряд сильных стимулов для регулирования морских правовых режимов в Восточном Средиземноморье и согласования границ своих ИЭЗ, существует несколько сдерживающих факторов: государства региона не обладают технологическими и финансовыми возможностями для разведки и разработки месторождений углеводородов и вынуждены полагаться на транснациональные энергетические корпорации. Последние, в частности,

могут отказаться от инициирования геологоразведочных проектов в случае возникновения открытого межгосударственного конфликта из-за спорных границ [23, p. 988].

Геополитическая и правовая нестабильность, вероятность вооруженного конфликта и серьезные ограничения, связанные с экологической повесткой, препятствуют разработке газовых месторождений и потенциально наносят ущерб энергетической безопасности ЕС.

Восточное Средиземноморье в среднесрочной перспективе может стать важным рычагом обеспечения энергетической безопасности Евросоюза. Однако без налаживания взаимодействия с Турцией проект трубопровода «Восточное Средиземноморье» вряд ли осуществим. ЕС должен предоставить Турции стимулы для ведения переговоров. Включение Турции в Восточно-Средиземноморский газовый форум могло бы понизить уровень противостояния между государствами региона.

Одновременно у Европы возникает потребность сбалансировать различные политические приоритеты в регионе, от миграции до экологизации, что затрудняет для ЕС прагматичную изоляцию своих региональных энергетических интересов.

Все это не решает проблему, связанную с острой необходимостью обеспечить энергетическую безопасность Европы уже зимой 2022–2023 гг. Открытая конфликтность с Москвой в публичном пространстве и невозможность добиться 80 % наполненности газохранилищ к отопительному сезону приведут к попыткам евроинститутов и отдельных стран ЕС проведения переговоров с Москвой или через посредников, или в засекреченном формате. Позиции сторон в конечном счете будут зависеть от баланса сил на Украине.

Список литературы:

1. Громько А.А. (рук.) и др. Этап специальной военной операции на Украине. Анатомия антироссийской политики в Европе. М.: Ин-т Европы РАН, 2022. 194 с.
2. Шангараев Р.Н. Идеологические аспекты внешней политики Турции // Обозреватель-Observer. 2017. №11(334). С. 73-82.
3. A 10-Point Plan to Reduce the European Union’s Reliance on Russian Natural Gas. IEA Fuel report – March 2022// International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/reports/a-10-point-plan-to-reduce-the-european-unions-reliance-on-russian-natural-gas> (дата обращения: 21.06.2022).
4. A European Green Deal // European Commission. 18.05.2022. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (дата обращения: 21.06.2022).
5. A new start for Europe: my agenda for jobs, growth, fairness and democratic change // European Commission. 15.06.2014. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/political-guidelines-short_en.pdf (дата обращения: 21.06.2022)
6. A Strategic Compass for security and defence. For a European Union that protects its citizens, values and interests and contributes to international peace and security // European Commission. 25.03.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/strategic_compass_en3_web.pdf (дата обращения: 21.06.2022)
7. Assessment of undiscovered oil and gas resources of the Levant Basin Province, Eastern Mediterranean. United States Geological Survey. URL: <https://pubs.usgs.gov/fs/2010/3014/pdf/FS10-3014.pdf> (дата обращения: 21.06.2022)
8. Baker L., Gumrukcu T., Kambas M. Turkey-Libya maritime deal rattles East Mediterranean // Reuters. 25.12.2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-turkey-libya-eastmed-tensions-explain-idUSKBN1YT0JK> (дата обращения: 21.06.2022)

9. Council conclusions on enlargement and stabilization and association process // Council of the EU. 18.06.2019. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/06/18/council-conclusions-on-enlargement-and-stabilisation-and-association-process/> (дата обращения: 21.06.2022)
10. Elliott S. EU looking to step up energy cooperation with Israel: von der Leyen // S&P Global. 14.06.2022. URL: <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/natural-gas/061422-eu-looking-to-step-up-energy-cooperation-with-israel-von-der-leyen> (дата обращения: 21.06.2022)
11. Energy Union // European Commission. 25.02.2015. URL: https://ec.europa.eu/energy/topics/energy-strategy/energy-union_en (дата обращения: 21.06.2022)
12. France joins East Mediterranean gas forum // Middle East Monitor. 11.03.2021. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20210311-france-joins-east-mediterranean-gas-forum/> (дата обращения: 21.06.2022)
13. Goswami A. Bonn climate conference: Glasgow ‘colonial’ pact shifts burden of climate change to developing countries, say parties // Down to Earth. 14.06.2022. URL: <https://www.downtoearth.org.in/news/climate-change/bonn-climate-conference-glasgow-colonial-pact-shifts-burden-of-climate-change-to-developing-countries-say-parties-83278> (дата обращения: 21.06.2022).
14. Goward D. GPS disrupted for maritime in Mediterranean, Red Sea // GPS World. 15.11.2018. URL: <https://www.gpsworld.com/gps-disrupted-for-maritime-in-mediterranean-red-sea/> (дата обращения: 21.06.2022).
15. Hakki Casin M. Analysis – Strategic, legal aspects of Turkey-Libya deal // Anadolu Agency. 13.12.2019. URL: <https://www.aa.com.tr/en/africa/analysis-strategic-legal-aspects-of-turkey-libya-deal/1673079> (дата обращения: 21.06.2022).
16. Lerman E. New realities in the eastern Mediterranean // Jerusalem Institute for Strategy and Security. 28.11.2018. URL: <https://jiss.org.il/en/lerman-new-realities-in-the-eastern-mediterranean/> (дата обращения: 21.06.2022).

17. Mathioulakis M. (ed.) *Aspects of the Energy Union: Application and Effects of European Energy Policies in SE Europe and Eastern Mediterranean*. Athens: Palgrave Macmillan. 2021. 548 p.
18. No: 178, Press release regarding the EU General Affairs Council conclusions on Turkey // Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs. 18.06.2019. URL: https://www.mfa.gov.tr/no_178_-ab-nin-ulkemiz-ile-ilgili-kararlari-hk.en.mfa (дата обращения: 21.06.2022).
19. Operational portal: Mediterranean situation // UNHCR, the United Nations Refugee Agency. URL: <https://data2.unhcr.org/en/situations/mediterranean> (дата обращения: 21.06.2022).
20. Pamuk H., Renshaw J. US, European allies discuss banning imports of Russian oil // Reuters. 07.03.2022. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/us-europeans-discussing-banning-russian-oil-imports-blinken-says-2022-03-06/> (дата обращения: 21.06.2022).
21. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on guidelines for trans-European energy infrastructure and repealing Regulation (EU) No 347/2013 // Council of the European Union. 17.12.2021. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15036-2021-INIT/en/pdf> (дата обращения: 21.06.2022).
22. REPowerEU: Joint European action for more affordable, secure and sustainable energy. EU Press release // European Commission. 08.03.2022. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_1511 (дата обращения: 21.06.2022).
23. Rubin A., Eiran E. Regional maritime security in the eastern Mediterranean: expectations and reality // *International Affairs*. Vol.95. №5. PP. 979–997.
24. Stamouli N. EastMed: a pipeline project that ran afoul of geopolitics and green policies // *Politico*. 18.01.2022. URL: <https://www.politico.eu/article/eastmed-a-pipeline-project-that-ran-afoul-of-geopolitics-and-green-policies/> (дата обращения: 21.06.2022).

25. Statement of the Members of the European Council // European Council. 25.03.2021. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/48976/250321-vtc-euco-statement-en.pdf> (дата обращения: 21.06.2022).
26. Tziarras Z. (ed.) The new geopolitics of the Eastern Mediterranean: trilateral partnerships and regional security. Nicosia: PRIO Cyprus Centre, 2019. 136 p.
27. Tzimitras H. Eastern Mediterranean Hydrocarbons Prospects: In Need of a Pragmatic Geopolitical Assessment // Istituto Affari Internazionali. 04.03.2019. URL: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/eastern-mediterranean-hydrocarbons-prospects-need-pragmatic-geopolitical-assessment> (дата обращения: 21.06.2022).
28. What is at stake in the Eastern Mediterranean // TRT World. 11.09.2020. URL: <https://www.trtworld.com/magazine/what-is-at-stake-in-the-eastern-mediterranean-39681> (дата обращения: 21.06.2022).

Хорбаладзе Эка Левановна,
аспирант Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова,
Fox International Fellow 2021-2022,
Йельский университет, США,
e-mail: eka.khorbaladze1@gmail.com

Eka L. Khorbaladze,
Post-Graduate Degree Student,
Lomonosov Moscow State University,
Fox International Fellow 2021-2022,
Yale University, USA,
e-mail: eka.khorbaladze1@gmail.com

**ИНДО-ТИХООКЕАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ США
В СВЕТЕ АКТУАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ QUAD)**

**INDO-PACIFIC STRATEGY IN THE LIGHT OF CURRENT
CHALLENGES OF MODERNITY (THE CASE OF QUAD)**

Аннотация: в статье рассматривается влияние Covid-19 на Индо-Тихоокеанскую стратегию, в частности на неформальный четырехсторонний альянс США, Японии, Индии и Австралии – Quad. Целью работы является выявление изменений, произошедших в деятельности Quad после распространения вируса. В качестве методологии исследования были выбраны контент-анализ, институциональный анализ и системный подход. Автором обозначены этапы и цели становления неформального альянса, определены ключевые сферы, которые подверглись значительным трансформациям ввиду глобальной пандемии.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанская стратегия, Quad, неформальный альянс, Covid-19, изменения.

Abstract: the article examines the impact of Covid-19 on the Indo-Pacific strategy, in particular, on the informal quadrilateral alliance of the United States,

Japan, India and Australia – Quad. The aim of the work is to identify changes which have occurred in Quad's activities after the spread of the virus. The method of content analysis, institutional analysis and a systematic approach were applied in the study. The author outlines the stages and goals of the formation of the informal alliance, identifies key areas that have undergone significant changes due to the global pandemic.

Key words: Indo-Pacific strategy, Quad, informal alliance, Covid-19, changes.

Введение

Словосочетание «Индо-Тихоокеанский регион» (далее – ИТР) изначально представляло в большей мере географическое понятие. В науке о международных отношениях данный термин существует давно. Некоторые эксперты считают, что он восходит к 1960-м гг. или даже к периоду колониального прошлого. Но автором этого понятия все же принято считать индийского политолога Гууприта Хурана. В 2007 году термин Indo-Pacific был использован им в журнале *Strategic Analysis*, где, размышляя о важности безопасности морских путей для Индии, автор указал, что с этой точки зрения положение Индии и Японии является схожим [6]. Одновременно с этим в речи экс-премьер-министра Японии Синдзо Абэ в парламенте Индии была озвучена новость о выходе в свет японской концепции «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион». Во время второго премьерского срока С. Абэ впервые появляется предложение о создании «Демократического ромба безопасности Азии» в составе четырех стран, который сегодня известен как Quad [1].

Quad: цели создания и этапы становления

Обозримые черты Индо-Тихоокеанская стратегия стала приобретать перед лицом растущей мощи Китая. Соединенные Штаты начали предпринимать попытки реинтегрировать региональный порядок и объединить региональных союзников и страны-партнеры для реализации

единой стратегии. Политика администрации Обамы – «перебалансировка» в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона – была, по сути, прототипом Индо-Тихоокеанской стратегии и включала три столпа: сотрудничество в сфере безопасности (военный компонент), торговлю и финансы (экономическая сфера), дипломатию [7]. По сравнению с политикой администрации Обамы, стратегия Индо-Тихоокеанского региона (далее – ИТР) Трампа больше фокусировалась на вооруженных силах и безопасности. В 2017 году Д. Трамп в качестве формальной стратегии представил идею концепции ИТР под названием «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» [3].

В целом США стремились придать Quad характер военно-политического блока. С этой целью широко использовались спекуляции по поводу растущей военной мощи Китая и его экспансионистской деятельности в Евразии. В качестве примеров часто приводились проект «Пояс и путь» (далее – ПиП), а также наличие у КНР территориальных споров с целым рядом стран региона. Особенно активно в этом плане эксплуатировалась проблема Южно-Китайского моря, так как именно от него зависит большинство рынков и сфера торговли стран региона. Однако истинная причина, по которой инициатива ПиП беспокоит политическую элиту стран четверки, особенно США и Индию, – это возможное формирование евразийского суперконтинента и «движение за глобализацию нового типа» (с китайской спецификой). Если Пекину удастся реализовать задуманное в рамках ПиП, это приведет к существенным изменениям в геополитическом ландшафте и мировой экономической системе. Интересы Китая будут в большей мере отражены на мировой торговле и финансовой системе, а это означает, что цепочки поставок товаров изменятся, юань будет широко использоваться, а технические стандарты Китая будут в значительной степени приняты как минимум в рамках суперконтинента Большая Евразия. Логично, что это противоречит интересам США, поэтому амбициозная стратегия ИТР состоит из двух ключевых элементов: расширение сотрудничества в области обороны

со странами Индо-Тихоокеанского региона и углубление взаимоотношений в сфере экономики. Однако стоит подчеркнуть, что до пандемии акцент делался именно на военной сфере. В связи с этим США усилили военную мощь в Восточной Азии и Тихоокеанском регионе. Так, американский военный бюджет на 2021 финансовый год предусматривал выделение 1,4 млрд долларов (и ещё 5,5 млрд в 2022 г.) на размещение новых сил, проведение учений, создание инфраструктуры и наращивание потенциала союзников в Индо-Тихоокеанском регионе [5].

Влияние Covid-19 на деятельность Quad

На прошедшем в марте 2021 года первом виртуальном саммите стран «четверки» основное внимание вновь уделили китайской угрозе. Советник президента США по национальной безопасности Джейк Салливан назвал саммит «большим днем для американской дипломатии» и отметил: «Четыре лидера обсуждали вызовы со стороны Китая, и они ясно дали понять, что ни у кого из них нет иллюзий по поводу Китая». Он добавил, что «демократия способна победить автократию» [2].

Так, еще в начале 2021 года развитие военно-технического сотрудничества в рамках Quad являлось приоритетом для неформального альянса. Тем не менее, если до пандемии страны «четверки» резко расходились по экономическим вопросам, особенно в том, как справиться с доминированием Китая в цепочках поставок, глобальный кризис ясно продемонстрировал, что диверсификация цепочек поставок – это в большей мере проблема безопасности. Осознав данный факт, страны с энтузиазмом приступили к расширению экономической повестки. К тому же, если в 2007 году Австралия ввиду тесных экономических контактов с Китаем настороженно относилась к диверсификации экономических связей, в 2021 году из-за ухудшения отношений она активно приступила к поиску потенциальных торговых партнеров. Quad в этом плане –привлекательный вариант.

Следует обратить внимание и на другие важные вопросы, которые были затронуты на саммите, среди них согласование плана по расширению производства вакцин от Covid-19 в Индо-Тихоокеанском регионе. Согласно данному плану страны договорились создать рабочую группу с целью распространения вакцин в ИТР, а также поставить до миллиарда доз вакцин против коронавируса до конца 2022 года. Было также решено создать рабочие группы по вопросам изменения климата, техническим стандартам и совместной разработке новых технологий. Таким образом, судя по итогам первого виртуального саммита лидеров «четверки», неформальная группировка переходит на новый уровень сотрудничества. Можно сделать вывод: четыре страны осознали, что для достижения эффективности их деятельности они должны предоставить региону не только военный противовес Китаю, но финансовую и экономическую альтернативу.

Повестка сотрудничества была еще более расширена на первом очном саммите стран-участниц диалога, который прошел в сентябре 2021 года. Она включала следующие вопросы [4]:

- подведение итогов деятельности рабочей группы по борьбе с Covid-19, обозначение дальнейшего вектора работы в этом направлении;
- создание координационной группы *Quad* по вопросам инфраструктуры;
- борьба с изменением климата;
- борьба с киберугрозами;
- критически важные и новые технологии;
- космос: обмен спутниковыми данными, которые ориентированы на мониторинг и адаптацию к изменению климата, обеспечение готовности к стихийным бедствиям и реагирование на общие вызовы;
- создание обменной программы *Quad Fellowship*;
- важность борьбы с терроризмом в Афганистане, вопрос денуклеаризации КНДР, защита прав человека в Мьянме.

Можно констатировать, что данные шаги демонстрируют качественные изменения работы «четырёхстороннего диалога». Главы стран «четверки» на

саммите сделали упор на более широкое экономическое и технологическое сотрудничество, а не на оборонительные аспекты, как это было ранее. Готовность Китая использовать свои экономические рычаги для достижения стратегической выгоды убеждает лидеров Quad в том, что им необходимо построить более устойчивую и инновационную экономику в регионе, не подверженную давлению Пекина. Следовательно, в перспективе можно ожидать «вертикальное» и «горизонтальное» развитие «четырёхугольника». Под вертикальным развитием подразумевается более глубокая кооперация внутри неформального союза.

С другой стороны, горизонтальное развитие повлечет за собой более широкое сотрудничество с партнерами за пределами Quad. Создание коалиций с государствами-единомышленниками в Юго-Восточной Азии, Евразии, Европе, Африке или Америке имеет важное значение. Тем не менее при расширении сотрудничества за пределами «четверки» необходимо учитывать специфику регионализма, присущего концепции Индо-Тихоокеанского региона.

Заключение

Пандемия внесла значительные коррективы в работу Quad. Но произошедшие изменения связаны и с более фундаментальными причинами, которые требуют от стран «четырёхугольника» выработать масштабную и всеобъемлющую стратегию в регионе. Значительное расширение поля деятельности неформального альянса является одним из этапов на этом пути.

Однако пока непонятно, как может выглядеть подобная стратегия. На данный момент открытыми остаются многие вопросы, например, как будет соотноситься деятельность недавно созданного альянса AUKUS (Австралия, Великобритания и США) с расширением повестки Quad. Затем встанет вопрос, как «четверка» отреагирует на намерения потенциальных членов присоединиться к их работе, то есть готов ли Quad расширяться, а также попытаются ли страны «четверки» разработать альтернативу возглавляемой Китаем инициативе ПиП и объединить с этой целью такие инициативы, как

«Партнерство Японии в области качественной инфраструктуры» и инициативу администрации Байдена “Build Back Better World”. От ответов на эти вопросы в большой мере зависит конфигурация региональной системы взаимоотношений в Индо-Тихоокеанском регионе.

Можно утверждать, что Covid-19 стал катализатором изменений структурных связей в рамках «четырёхстороннего альянса». Ввиду расширения повестки работы Quad, вероятно, в краткосрочной перспективе «четырёхсторонний диалог» будет приобретать черты формального, институционализированного объединения. Это потребует создания новых институтов, которые будут способствовать распределению субсидий стран-доноров, в частности США, в страны Индо-Тихоокеанского региона, финансировать их инфраструктуру и стимулировать создание новых цепочек поставок, что в свою очередь стимулирует выстраивание системы противовеса распространению влияния Китая в регионе. Данный фактор еще больше усугубит дуализацию политической безопасности и экономики в Индо-Тихоокеанском регионе.

Список литературы:

1. Круглый стол «Проблемы стратегии и безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе. Четырёхсторонний диалог США, Японии, Индии, Австралии». 2018. – URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=4166&ret=506&sem=0&year=0 (дата обращения: 12.10.2021).
2. США и союзники поставят в Азию до миллиарда доз вакцин против COVID-19 / ГолосАмерики. 2021. – URL: <https://www.golosameriki.com/a/quad-summitvaccine/5812640.html> (дата обращения: 11.10.2021).
3. Чжао Хуашен. Пояс, путь и открытость: стратегия Индо-Тихоокеанского региона с позиции Китая / Валдайский клуб. 2018. – URL:

<http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/royas-put-i-otkrytost/> (дата обращения: 05.10.2021).

4. Fact Sheet: Quad Leaders' Summit. Official website of White House. 2021. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/24/fact-sheet-quad-leaders-summit/> (date of access: 14.10.2021).
5. FY 2021 Defense Budget. Official website of U.S. Department of Defense. 2020. – URL: <https://www.defense.gov/Spotlights/FY2021-Defense-Budget/> (date of access: 08.10.2021).
6. Kuo M. The Origin of “Indo-Pacific” as Geopolitical Construct. The Diplomat. 2018. – URL: <https://thediplomat.com/2018/01/the-origin-of-indo-pacific-as-geopolitical-construct/> (date of access: 10.10.2021).
7. Obama B. Remarks to the Australian Parliament. Official website of White House. 2011. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/11/17/remarks-president-obama-australian-parliament> (date of access: 07.10.2021).

Магомедов Малик Магомедович,
аспирант Дипломатической академии Министерства иностранных дел
Российской Федерации,
e-mail: malik05.01@mail.ru

Malik M. Magomedov,
Post-Graduate Degree Student,
Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
e-mail: malik05.01@mail.ru

**СПЕЦИФИКА ПРИМЕНЕНИЯ
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

**THE SPECIFICS OF THE USE OF INFORMATION AND
COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN THE POLITICAL SPHERE AT
THE PRESENT STAGE**

Аннотация: в современном стремительно развивающемся мире актуальной становится проблематика применения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в политической сфере. Настоящее исследование посвящено анализу новых технологических форм информационной коммуникации, в частности широкому распространению Интернета, который оказывает существенное влияние на процесс трансформации политического устройства разных стран. В статье также раскрыты особенности политической коммуникации в условиях прогрессирующих информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: ИКТ, информация, коммуникация, политика, управление, трансформация, Интернет, социальные сети, развитие, прогресс.

Abstract: In today's rapidly developing world, the problem of the use of information and communication technologies (ICT) in the political sphere becomes relevant. This study is devoted to the analysis of new technological forms of

information communication, in particular, the widespread use of the Internet, which has a significant impact on the process of transforming the political structure of different countries. The article also reveals the features of political communication in the context of progressive information and communication technologies.

Key words: ICT, information, communication, politics, management, transformation, internet, social networks, development, progress.

Результатом применения информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) стало формирование нового типа общества, которое получило название «постиндустриальное/информационное общество». Однако в литературе данный вопрос является полемичным. Одни теоретики считают, что внедрение ИКТ привело к обратному эффекту – отстранению и изоляции от информационного пространства, что не позволяет рассматривать общество на данном этапе развития как постиндустриальное. Другие полагают, что с появлением глобальных компьютерных сетей (FIDO, Decnet, Usenet, а затем Internet) общество получило право называться информационным. Невозможно не согласиться с мнением авторов второй группы, учитывая, что на современном этапе экономический и технологический прогресс представляется особенно значимым элементом развития, подлинной движущей силой которого выступают именно информационные технологии. Скорость изменений, происходящих под их воздействием настолько велика, что в течение жизни каждого поколения второй половины XX – первой трети XXI в. проходят разные циклы обновлений технологического характера. Все эти процессы вместе с коммуникацией в ее высокотехнологичных формах образуют единое информационно-коммуникационное пространство, влияющее радикальным образом на характерные особенности политической сферы.

Странам, находящимся в авангарде социально-экономического развития, процесс информатизации представляется реальной

действительностью, тогда как для других он пока служит ориентиром развития.

В новом постиндустриальном обществе понятие «информация» практически рассматривается как синоним понятия «знание» в связи с тем, что она выступает краеугольным камнем культурного, технологического, социально-экономического, политического развития. С целью повышения эффективности своей деятельности различные институты активно используют информационно-коммуникационные технологии, т.к. именно они являются предметом потребления у масс.

Коммуникация превалирует над информацией

В политической сфере информационные технологии выполняют две основные функции: информационную (позволяют индивиду беспрепятственно получить доступ к информации) и коммуникационную (вертикальные и горизонтальные информационные взаимодействия индивидов). При обращении к анализу практической реализации данных технологий в политической сфере очевидно, что коммуникативная функция постепенно начинает превалировать над информационной. Активное использование гражданами технологически оснащенных и развитых стран ИКТ иллюстрирует этот переход. Так, М. Кастельс предлагает устоявшееся понятие «информационное общество» заменить на «сетевое», т.к., по его мнению, информационность присуща любому типу общества, а определяющими факторами сетевого общества, которые отражают его сущность, выступают коммуникационные технологии, позволяющие образовывать единую сеть [5, с. 656]. Здесь важно отметить, что именно концепт «коммуникация» представляет собой отражение исторического смысла постиндустриализма. Другие трансформации, происходящие в обществе по отношению к коммуникационной составляющей, являются вторичными.

Одним из наиболее распространенных видов ИКТ является Интернет, который коренным образом отличает информационное общество от

предыдущих типов. В данном пространстве информационно-коммуникационная функция реализуется в большей степени, чем в системах технологий виртуальной реальности и искусственного интеллекта. Сеть Интернет стала тем феноменом, который способствовал информационной революции. Интернет не является инструментом создания новых знаний, однако служит механизмом их трансляции.

ИКТ меняют политику

Опыт второго десятилетия XXI в. демонстрирует, что ИКТ оказывают непредсказуемое и радикальное влияние на трансформацию политического устройства и процессов, связанных с ним.

Во-первых, наблюдаются тенденции виртуализации политической сферы. В данном контексте исследователи ставят во главу угла две основные проблемы: трансформацию демократических институтов и развитие технологии электронного правительства (e-government). Хотя коммуникационные технологии прогрессируют и воздействуют на трансформацию политических процессов [8; 9], сегодня нет однозначного ответа на вопрос об эффективности и положительном или отрицательном характере таких трансформаций. Так, в качестве проблемного аспекта ИКТ рассматриваются необдуманные решения, принимаемые «щелчком мыши», характеризующиеся спонтанностью и импульсивностью. Во-вторых, это «цифровое неравенство» («цифровой разрыв») при реализации политических примеров, которое характеризуется отсутствием доступа к ИКТ для связи между отдельными странами или внутри одной страны между различными социальными группами.

Об активном использовании ИКТ в политической системе и проявлении большего интереса правительств к современным технологиям свидетельствует и участие в политической сфере фигур, стоящих в авангарде развития ИКТ, таких как М. Цукенберг, Дж. Дорси, И. Маск и др.

Передовые разработки ИКТ активно внедряются в политическую систему разных государств. В качестве примера можно привести приложение-

проект федерального ведомства по делам миграции и беженцев и федерального агентства по трудоустройству Германии – Ankommen.

Итак, вернемся к одной из наиболее дискуссионных общественных тем, связанных с такими понятиями, как «e-government» и «e-governance», целью которых выступает цифровизация управленческих задач для минимального личного взаимодействия [4, с. 2445]. Все вышеизложенное позволяет прийти к выводу, что электронное правительство практически реализовано и обладает большим потенциалом ввиду того, что оно имеет возможность взаимодействовать с обществом по таким направлениям, как G2G (государство – государство), где центр и периферия могут осуществлять взаимообмен информацией разного характера; G2C (государство-гражданин), G2B (государство – бизнес) [3, с. 46]. G2C реализуется правительствами государств и посредством таких форм ИКТ, как социальные медиа (Twitter, Telegram, VK (Вконтакте) и прочие социальные сети). Данные медиа являются площадкой для обмена информацией и коммуникации при реализации политических процессов как между правительственными структурами и обществом, так и для осуществления взаимодействия внешнеполитических институтов. G2B представляет собой одну из наиболее заинтересованных в электронном управлении отраслей, так как такая система позволяет делегировать реализуемые функции и выходить на новый уровень.

Цифровая, но всё еще дипломатия

Цифровая дипломатия нередко рассматривается как одно из направлений публичной дипломатии [2, с. 80]. Так, правительство США определяет цифровую дипломатию как сферу, реализуемую с применением сетевых платформ в осуществлении дипломатической деятельности и направленную на взаимодействие с пользователями Интернета из других стран [6]. Программы данного вида дипломатии реализуются на таких крупных платформах, как Google. Еще одним государством, стремительно развивающим свой цифровой дипломатический курс, наряду с ИКТ, является Китайская Народная Республика (КНР). Однако на территории КНР на

сегодняшний день запрещены некоторые общеизвестные социальные сети, аналоги которых были созданы внутри государства и направлены на взаимодействие населения друг с другом. Примером таких информационно-коммуникационных площадок выступает Wechat. Данная сеть объединяет большое количество функций, которые реализуются другими социальными сетями по отдельности.

Затронув социальные сети и их информационно-коммуникационную функцию, нельзя не отметить проблему дезинформации. Данная проблема получила название «fake news» («фейковые новости») и рассматривается как фактическая угроза цифровой дипломатии. Такая дезинформация служит инструментом манипуляции общественным мнением и управлением [1, с. 118]. Фейковые новости направлены на формирование у общества панического настроения, при котором реализуются радикальные массовые действия. Например, в 2018 году в Индии посредством мессенджера WhatsApp была осуществлена рассылка о том, что из тюрем выпускают похитителей детей. Результатом инцидента стали массовые беспорядки и гибель десятков людей. Индийскими властями была принята мера ограничения возможности переадресации непроверенных сообщений в данном мессенджере. Другой пример – взломанный Twitter аккаунта издания The Associated Press в 2013 году, где было опубликовано заявление о взрывах в Белом доме, вследствие которых пострадали сотрудники и Барак Обама. Информация, конечно, была ложной, однако ее результатом стало падение рынка акций.

Твиты меняют природу не только внутривнутриполитических, но и межгосударственных коммуникаций. В период между 2013 и 2015 г. и Иран, и Соединенные Штаты использовали Twitter для демонстрации приверженности каждого государства сделке по иранской ядерной проблеме. Твиты, адресованные иностранным коллегам, таким как министр иностранных дел Ирана Джавад Зариф и государственный секретарь США Джон Керри, были ключевым индикатором небольшого, но очевидного роста доверия между двумя представителями государств, что способствовало заключению сделки.

Эффективность и целесообразность применения электронных публичных коммуникационных платформ не всегда однозначны. С одной стороны, попадание ложной информации в массы может привести к подрыву благополучия отдельных регионов и стран [7], а с другой – ведение правительственными структурами аккаунтов позволяет предоставлять населению всего мира официально подтвержденную информацию, тем самым устраняя потенциальные угрозы.

Таким образом, проведенный анализ особенностей применения информационно-коммуникационных технологий показал, что они могут оказывать разный эффект на политические процессы. Социальные сети как часть интернет-пространства выступают своего рода феноменом, который в полной мере до конца не изучен. В частности, данные вопросы касаются противодействия распространению искаженной и заведомо ложной информации, что оказывает серьезное влияние на функционирование политической сферы. Наряду с этим дискуссионными остаются вопросы возможности социальных платформ стать значимым механизмом коммуникации между институтами власти и гражданами.

Исходя из анализа политических практик разных стран [10], можно сделать вывод о том, что исследования проблем сетевых коммуникаций не могут своевременно отображать изменения, происходящие на информационно-коммуникационных площадках, что объясняется стремительным развитием ИКТ. Тем не менее нельзя не подчеркнуть особую роль информационно-коммуникационных технологий в изменении политического устройства государств.

Литература:

1. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 117—123.

2. Смирнов Н. А. Публичная дипломатия: эволюция концепта в политической науке // Вестник Московского университета. Серия 12: политические науки. 2015. № 1. С. 78–89.
3. Трахтенберг А.Д. Идеологический концепт электронного правительства: как работает риторика разрыва? // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2017. Т. 17 №2. С. 41-58.
4. Bannister F., Gronlund A. 2017. E-Government Research: A brief history // Proceedings of the 50th Hawaii International Conference on System Sciences. Hawaii, 4-7 Jan. P. 2943-2952.
5. Castells M. 2010. The Rise of the Network Society. The Information Age. Economy, Society, and Culture. Oxford : The Wiley-Blackwell. 656 p.
6. Department Of State. The 2015 Quadrennial Diplomacy and Development Review (QDDR). URL: <https://www.state.gov/s/dmr/qddr/index.htm>.
7. Ногмова А.Ш. Формы и стратегии международного сотрудничества приграничных регионов Российской Федерации // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018. № 2 (16). С. 50-59.
8. Миндагалиева А.Ш. Цели, формы и методы приграничного сотрудничества российских регионов со странами СНГ (на примере Казахстана) // диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Москва, 2006 1
9. Миндагалиева А.Ш. Цели, формы и методы приграничного сотрудничества российских регионов со странами СНГ (на примере Казахстана) // автореферат дис. ... кандидата политических наук / Дипломатическая академия МИД России. Москва, 2006
10. Усманов Р.Х., Ногмова А.Ш. Основные направления и тенденции современной политики России в Каспийском регионе: теории и подходы // Дипломатическая служба. 2018. № 1. С. 11-18.

Зиннуров Ирек Хайдарович,
руководитель представительства Россотрудничества в
Азербайджанской Республике, Российского информационно-культурного
центра в Баку (РИКЦ), советник посольства России в Азербайджане,
e-mail: izinnur@gmail.com

Irek Kh. Zinnurov,
Head of the Representative Office of Rossotrudnichestvo in the Republic of
Azerbaijan, Russian Information and Cultural Center in Baku (RICC), Counselor
of the Russian Embassy in Azerbaijan,
e-mail: izinnur@gmail.com

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССОТРУДНИЧЕСТВА ПО СОХРАНЕНИЮ ПОЗИЦИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

ACTIVITIES OF ROSSOTRUDNICHESTVO TO PRESERVE POSITIONS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN AZERBAIJAN

Аннотация: вопрос о статусе русского языка в Азербайджане достаточно актуален. Русский язык на современном этапе не только выступает важным средством межнационального общения на постсоветском пространстве, но и является одним из шести международных языков. Это обстоятельство подчеркивает необходимость выдвижения на первый план понятия «языковая политика государства», что говорит, прежде всего, о том, что язык (проблемы обучения языку, проблемы изучения языка) самым естественным образом выходит за узкие рамки системы исключительно лингвистических дисциплин, т.е. собственно объекта лингвистического анализа, объекта научной теории. Язык сам по себе уже превратился в важный компонент политики в целом.

Ключевые слова: Россия, Азербайджан, Россотрудничество, русский язык, РИКЦ.

Abstract: the issue of the status of the Russian language in Azerbaijan is quite relevant. The Russian language at the present stage is not only an important means of interethnic communication in the post-Soviet space, but is also one of the six international languages. This circumstance emphasizes the need to bring to the fore

the very existence of the concept of "language policy of the state" says, first of all, that language (problems of teaching a language, problems of learning a language) most naturally goes beyond the narrow framework of a system of purely linguistic disciplines, i.e. the actual object of linguistic analysis, the object of scientific theory. Language itself has already become an important component of politics in general.

Keywords: Russia, Azerbaijan, Rossotrudnichestvo, Russian language, RICC.

В Азербайджане проживает самое большое число этнических русских на Южном Кавказе. Они сохранили свою идентичность и культуру, языковую и религиозную самобытность. В Азербайджане не переименованы русские названия сел. Например, в Исмаиллинском районе находится знаменитое село Ивановка, Гедабейском - Славянка, Масаллинском – Калиновка, Губинском – Алексеевка, Владимировка и ряд других. Для российских соотечественников, проживающих в Азербайджане, безусловно, значимым является вопрос использования родного языка и прежде всего получения образования на родном языке [1].

О степени важности языкового вопроса говорит тот факт, что президент Азербайджана Ильхам Алиев, отмечая большую востребованность русского языка в Азербайджане, на состоявшейся встрече с руководителями российских СМИ в Клубе главных редакторов ТАСС подчеркнул: «Что касается обучения на русском языке: да, это сознательная политика. Это мы делаем, естественно, в первую очередь для себя, чтобы те, кто хочет обучаться на русском языке – и азербайджанцы, и не азербайджанцы, – имели такую возможность. Востребованность русского сектора, как мы называем, в школах большая. И обучаются, как я говорил, и азербайджанцы, и не азербайджанцы. Более 140 тысяч детей и более 15 тысяч азербайджанских граждан обучаются в вузах в русском отделении» [2]. Он также напомнил, что в Азербайджане существует государственный вуз, Славянский университет, где в первую очередь изучают русский язык и готовят преподавателей русского и других славянских языков.

Ильхам Алиев в ходе встречи с президентом России Владимиром Путиным в Москве 22 февраля 2022 г. заявил: «Что касается школ, хотел бы только чуть-чуть уточнить, в Азербайджане около 340 школ с обучением на русском языке, в которых обучается более 140 тысяч детей. А более 15 тысяч азербайджанских граждан в Азербайджане обучаются на отделениях русского языка в вузах. Так что это важнейшая, думаю, основа наших отношений и будущего наших связей, потому что русский язык всегда объединял страны бывшего Советского Союза и, конечно, без знания русского языка очень трудно будет налаживать коммуникации будущим поколениям. Поэтому это, как я уже сказал, очень важный фактор в нашей жизни» [3].

Азербайджанский лидер также отметил, что в подписанной им декларации о союзническом взаимодействии России и Азербайджана есть и пункт о гуманитарном сотрудничестве, и оно взаимное. Президент Азербайджана обратил внимание на то, что и в России существуют отделения обучения на азербайджанском языке, около 80 школ. «Мы это очень приветствуем с тем, чтобы азербайджанцы и граждане России, те, кто здесь работает, и их дети могли бы тоже учиться на своем языке», - добавил он. По его словам, это взаимный процесс, идущий полностью в духе сотрудничества. Он также подчеркнул, что в сравнении с другими странами постсоветского пространства Азербайджан служит примером того, как к этому вопросу надо относиться. «Это касается не только образования, это касается и в целом отношения к русскому языку. Очень важно, что в годы, когда мы уже не в одном государстве и новое поколение уже пришло, мы сумели это сохранить. И будем делать все, чтобы это сохранить и на будущее» [3].

Важным обстоятельством является то, что в программных документах Азербайджана придается большое значение дальнейшему совершенствованию процесса обучения русскому языку как иностранному наряду с государственным (азербайджанским) языком.

Статус русского языка и сферы его применения

В Азербайджанской Республике русский язык относится к языкам национальных меньшинств, малочисленных народов и этнических групп, проживающих на территории страны, и используется в качестве языка межнационального общения.

Политика азербайджанского руководства направлена на сохранение и развитие языковой самобытности. Русский язык активно применяется в сферах обслуживания, а также науки и образования, культуры и искусства, туризма, спорта и здравоохранения. В отдельных сферах его применение ограничивается азербайджанским законодательством о государственном языке [4].

Политические, экономические и гуманитарные связи с Российской Федерацией и другими русскоговорящими странами способствуют актуальности русского языка. Установлены экономические связи более чем с 70 российскими субъектами. Лидерами выступают Москва, Московская область и Санкт-Петербург [5; 6]. На основе соглашений развивается сотрудничество между Азербайджаном и российскими субъектами – Москвой, Московской областью, Санкт-Петербургом, Ленинградской областью, Астраханской областью, Волгоградской областью, Кабардино-Балкарской Республикой, Карачаево-Черкесской Республикой, Курганской областью, Республикой Дагестан, Республикой Ингушетия, Республикой Калмыкия, Республикой Татарстан, Республикой Северная Осетия – Алания, Саратовской областью, Свердловской областью, Ставропольским краем, Ульяновской областью, Челябинской областью, Чеченской Республикой; азербайджанскими и российскими городами – Баку и Москвой, Санкт-Петербургом, Казанью (Республика Татарстан), Саратовом (Саратовская область); азербайджанскими и российскими городами-побратимами, такими как Нафталан и Ессентуки (Ставропольский край), Сумгаит и Невинномысск (Ставропольский край); азербайджанскими городами и российскими субъектами – Баку и Ульяновской областью. В 2018 году количество

российских туристов превысило 880 тысяч человек. 700 тысяч российских граждан являются этническими азербайджанцами [7].

В Баку функционируют посольство Российской Федерации в Азербайджанской Республике, Торговое представительство Российской Федерации в Азербайджанской Республике, представительство Российского экспортного центра в Азербайджанской Республике, постоянное представительство Республики Дагестан в Азербайджанской Республике и постоянное представительство Республики Татарстан в Азербайджанской Республике. В развитии двустороннего гуманитарного сотрудничества участвует представительство Россотрудничества в Азербайджанской Республике (далее – Представительство) – Российский информационно-культурный центр в Баку (далее – РИКЦ).

Российские соотечественники, проживающие за рубежом, представлены такими общественными объединениями, как Аварское общество Азербайджана имени Имама Шамиля, Ассоциация русской молодежи Азербайджана, Землячество казаков в Азербайджане, Лезгинский национальный центр «Самур», Общественное объединение «Ак калфак», Общественное объединение «Татарстан», Общественное объединение солидарности народов Азербайджана «Содружество», Общественное объединение участников Ленинградской блокады, Республиканское общество татарской культуры «Туган тель», Русская община Азербайджана, Союз казаков Азербайджана, Центр русской культуры при Русской общине Азербайджана и Центр татарской молодежи Азербайджана «Яшьлек», которые объединены в Координационный совет общественных организаций российских соотечественников Азербайджана. Содействие и поддержку оказывают Ассоциация преподавателей русскоязычных учебных заведений Азербайджана и Азербайджанская ассоциация выпускников российских (советских) вузов «РАММАА».

Издаются газеты и журналы на русском языке. Двустороннее сотрудничество активно освещают газеты «Бакинский рабочий», «Вышка»,

«Ежедневные новости», «Каспий», «Неделя – Живая газета» и «Новое Время», журнал Region Plus, информационные агентства «AzərTAc», «Sputnik-Азербайджан» и «Интерфакс-Азербайджан», телеканал «СВС» и представительство Межгосударственной телерадиокомпании «Мир» в Азербайджанской Республике. В целом освещение внутренней и внешней политики Российской Федерации в азербайджанских СМИ носит объективный характер, издается литература на русском языке, представлены российские печатные издания и телеканалы, транслируются передачи на русском языке. В азербайджанских киноконцертных залах осуществляются показы российских фильмов и выступления российских творческих коллективов. В театрах работают русскоязычные труппы. Функционирует Азербайджанский государственный академический русский драматический театр имени Самеда Вургуну [8].

В Баку многие улицы названы в честь великих российских (советских) деятелей – Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Льва Толстого, Леопольда и Мстислава Ростроповичей и других. Сохранены названия населенных пунктов, основанных русскими переселенцами, – села Славяновка, Новосаратовка, Новоивановка в Кедабекском районе, Ивановка в Исмаиллинском районе, Кировка в Шемахинском районе, Русские Борисы в Геранбойском районе, Вель и Алексеевка в Ленкоранском районе, Привольное в Джалилабадском районе. Функционируют храмы при Бакинско-Азербайджанской епархии Московского патриархата Русской православной церкви (три в Баку, по одному в Гяндже и Хачмазском районе).

Торжественно отмечаются Международный женский день и День победы над фашизмом, юбилеи великих русских писателей и поэтов, новогодние, рождественские и пасхальные праздники, Масленица.

Владение русским языком

По данным Государственного комитета статистики Азербайджанской Республики [9] по состоянию на 2009 год, население страны составляло

8 922,4 тыс. человек, из них 8 172,8 тыс. азербайджанцев; 180,3 тыс. лезгин; 120,3 тыс. армян; 119,3 тыс. русских; 112 тыс. талышей; 49,8 тыс. аварцев; 38 тыс. турок и т.д. При этом на русском языке говорили 7,6 % азербайджанского населения, в том числе 99,9 % русских; 60,9 % удин; 23,7 % лезгин; 21,4 % грузин; 19,3 % евреев; 18,1 % аварцев; 12,1 % татар; 11 % турок и т.д.

Необходимо отметить, что население Азербайджана владеет русским языком в большем масштабе, чем приведено в статистических данных. В Баку, Гяндже и Сумгаите жители свободно говорят как на азербайджанском языке, так и на русском, сформирована би- и поликультурность [10]. Места компактного проживания русских — село Ивановка Исмаиллинского района (3 тыс. человек), село Русские Борисы Геранбойского района (0,6 тыс. человек) [11].

Обучение русскому языку в системе дошкольного и общего образования

В Азербайджане функционируют 4 394 государственные и 32 негосударственные школы, в том числе 309 начальных, 3 333 полных средних, 775 средних общеобразовательных, 13 средних специальных, 5 очно-заочных (вечерних) полных средних, а также 64 школы-лицея, 54 лицея, 15 гимназий, 16 гимназий-интернатов с интегрированным обучением, 1 школа-интернат с интегрированным обучением. В 2021/22 учебном году в школах обучалось 1 589,8 тыс. человек. Изучение русского языка осуществляется в 3 тысячах школ. Обучающихся русскому языку – 500 тыс. человек. Преподавателей русского языка – 6,4 тыс. человек. В 322 школах обучение ведется как на азербайджанском языке (азербайджанский сектор), так и на русском (русский сектор). В 16 школах – только на русском языке. На русском языке обучается 131,4 тыс. человек.

Повышается уровень востребованности обучения на русском языке. Так, в I классы русского сектора принято в 2015/2016 учебном году 13,6 тыс. человек; в 2016/2017 – 15 тыс. человек; в 2017/2018 – 16,4 тыс. человек.

В азербайджанском секторе среднестатистический абитуриент отвечает на тестовые задания верно: на первом этапе – 52,11 % по родному языку, 29,77 % по математике, 37,51 % по английскому языку; на втором этапе – 58,12 % по родному языку, 49,82 % по литературе, 32,29 % по математике, 27,41 % по физике, 32,85 % по химии, 54,07 % по биологии, 40,25 % по истории, 34,78 % по географии.

В русском секторе среднестатистический абитуриент отвечает на тестовые задания верно: на первом этапе – 57,09 % по родному языку, 31,84 % по математике, 51,03 % по английскому языку; на втором этапе – 53,14 % по родному языку, 47,05 % по литературе, 33,52 % по математике, 27,72 % по физике, 33,14 % по химии, 47,92 % по биологии, 31,15 % по истории, 30,71 % по географии. В русском секторе на 100 % заняты вакансии преподавателей начальных классов, 97 % русского языка и литературы, 87 % истории, 86 % биологии, 85 % английского языка, 83 % французского языка, 65 % немецкого языка. 20 % обучается во вторую и третью смены [12]. При этом отмечаются переполненность классов в русском секторе, низкий уровень квалификации преподавателей русского языка и предметов на русском языке, нехватка преподавателей по физике, химии и биологии [13;14;15].

Министерство образования Азербайджанской Республики обеспечивает школы учебной и методической литературой на русском языке. Продолжается реализация проекта «Интенсивное преподавание русского языка» в 50 школах Баку и других районов страны. В 2021/22 учебном году издано 7 030,2 тыс. экземпляров учебников двухсот семидесяти наименований.

Обучение русскому языку в системе высшего образования

В Азербайджане функционирует 51 вуз, в 14 обучение ведется как на азербайджанском языке, так и на русском. На русском языке обучается 25,7 тыс. человек. В Бакинском филиале Московского государственного медицинского университета имени И.М. Сеченова и филиале Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в Баку преподавание

ведется только на русском языке. В филиалах российских вузов обучается 1,2 тыс. человек. В азербайджанских вузах – 6,4 тыс. иностранных граждан из 82 стран (преобладают граждане Турции, Ирана, России, Грузии, Ирака, Пакистана, Индии и Китая) [16;18; 19].

В Бакинском Славянском университете действуют кафедры «Русский язык и межкультурная коммуникация», «Современный русский язык», «История русской литературы», «Русский язык и методика его преподавания», «Общее и русское языкознание» [20; 21; 22].

Образовательные программы совместно реализуют Азербайджанский государственный экономический университет и Высшая школа экономики, Московский государственный гуманитарно-экономический университет; Азербайджанская дипломатическая академия и Московский государственный институт международных отношений.

С декабря 2021 года в Баку на базе Астраханского делового центра функционирует Центр образования, науки и технологий Астраханского государственного университета, выступающий в качестве основы для развития двустороннего сотрудничества в сфере образования и науки, а также повышения квалификации и профессиональной переподготовки преподавателей русского языка азербайджанских школ.

В РИКЦ проходят практику обучающиеся Азербайджанского государственного экономического университета, Бакинского государственного университета и Бакинского Славянского университета.

Реализуется программа «Стипендия мэра Москвы» – финансовая поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, из числа молодежи и предоставление им дополнительной возможности получения высшего образования на русском языке [23].

Альтернативные возможности обучения русскому языку

Образовательные и просветительские мероприятия на русском языке проводятся в Центре русской культуры при Русской общине Азербайджана и

церковно-приходских школах при Бакинско-Азербайджанской епархии Московского патриархата Русской православной церкви, издается журнал «Православный Каспий». При филиале Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в Баку открыта воскресная школа по русскому языку, литературе, математике, химии, физике и биологии (обучение бесплатное) [24]. Предлагаются частные курсы русского языка. Широко представлены услуги репетиторов по русскому языку и предметам на русском языке [25].

При РИКЦ действуют филиал Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина, Учебно-методический центр русского языка и литературы, Центр детского творчества и курсы русского языка. Поддержку оказывает Ассоциация преподавателей русскоязычных учебных заведений Азербайджана. С 2017 года функционирует образовательный портал Uchitelrusdili в качестве учебно-методической онлайн-площадки для преподавателей русского языка из стран Прикаспийского региона. В 2021 году дан старт работе разговорного клуба «Полилог» [26].

С 2009 года ежегодно проводится олимпиада по русскому языку. Организаторами выступают Представительство Россотрудничества, посольство Российской Федерации в Азербайджанской Республике, Министерство образования Азербайджанской Республики и Ассоциация преподавателей русскоязычных учебных заведений Азербайджана. Поддержку оказывают информационные агентства «Sputnik-Азербайджан» и «Интерфакс-Азербайджан». С 2018 года по решению Министерства образования Азербайджанской Республики в олимпиаде могут участвовать обучающиеся 7–9 классов азербайджанских школ с обучением на русском и азербайджанском языках. В 2019 году олимпиада проходила в течение пяти месяцев – с января по май. В 17 городах и районах страны пребывания состоялось 24 региональных тура, в которых приняли участие 3 499 обучающихся 634 школ из 51 населенного пункта. 214 участников признаны победителями. Торжественная церемония награждения победителей,

приуроченная ко Дню русского языка, проходила в Бакинском Славянском университете. В 2020 году олимпиада проводилась в течение двух месяцев – с января по февраль. Проведение мероприятий было приостановлено в связи с карантинными ограничениями. Состоялось 9 туров, в которых приняли участие 1 428 обучающихся из 192 школ Баку и Сумгаита. 111 участников признаны победителями. В 2021 году олимпиада проходила в три этапа в течение трех месяцев, с апреля по июнь, и была посвящена 880-летию со дня рождения азербайджанского поэта и мыслителя Низами Гянджеви. Методическую поддержку оказывают Национальная академия наук Азербайджана и Азербайджанский университет языков, а также газета «Новое Время». В первом этапе приняли участие более 3 500 обучающихся из 338 школ с обучением на русском языке (русский сектор). 1 000 участников признаны победителями первого этапа. Во втором туре участвовали 711 победителей предыдущего этапа. 20 участников признаны абсолютными победителями. Торжественная церемония награждения состоялась в Aquatic Palace и была приурочена ко Дню России.

С 1998 года проводится Пушкиниана. Организаторами выступают Представительство Россотрудничества, посольство Российской Федерации в Азербайджанской Республике, русская община Азербайджана и Ассоциация преподавателей русскоязычных образовательных учреждений Азербайджана. В конкурсах мини-спектаклей, мультимедийных презентаций, сочинений, стихов и рассказов, чтецов и эссе участвуют обучающиеся азербайджанских школ и вузов. В 2019 году Пушкиниана проходила в течение трех месяцев, с марта по май, на площадках Бакинского музея миниатюрной книги, Государственного музея музыкальной культуры Азербайджана, Дома-музея Вагифа Мустафазаде, Дома-музея Кара Караева, Дома-музея Ниязи, Дома-музея Самеда Вургуна, Дома-музея Узеира Гаджибекова, Музейного центра Министерства культуры Азербайджанской Республики, Центра творчества Максуда Ибрагимбекова. Пушкиниана привлекла более 500 участников. Торжественная церемония награждения победителей состоялась в Бакинском

государственном университете к Пушкинскому дню России. В 2020 году проведение мероприятий было приостановлено в связи с карантином.

Представительство Россотрудничества участвует в исполнении дорожной карты по русскому языку. Российским организациям предлагается оказывать содействие и поддержку таким проектам. По линии Россотрудничества обеспечивается поставка учебной, методической и художественной литературы на русском языке для последующей передачи в дар библиотекам азербайджанских школ [27].

Обучение азербайджанских граждан в Российской Федерации за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета в соответствии с квотой, установленной Правительством Российской Федерации, осуществляется в рамках содействия международному развитию (в части подготовки национальных кадров). Потребность в подготовке национальных кадров определяется Министерством образования Азербайджанской Республики. Учитываются международные договоры Российской Федерации в указанной части [28].

В Российской Федерации обучается более 11 тысяч азербайджанских граждан. С 2009 года функционирует Азербайджанское молодежное объединение России (далее – АМОР). Фонд Гейдара Алиева предоставляет «Стипендию АМОР» [29; 30].

В Российской Федерации сформированы онлайн-ресурсы – образовательные программы, способствующие обучению русскому языку и предметам на русском языке с применением дистанционных технологий [31; 32; 33; 34].

Кто и как продвигает русскую культуру в Азербайджане

Подготовку преподавателей русского языка и литературы осуществляют Бакинский государственный университет, Бакинский Славянский университет и филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в Баку; преподавателей по предметам на русском языке –

Азербайджанский государственный педагогический университет. Содействие оказывает Азербайджанский университет языков [35].

Российские гуманитарные проекты реализуются при поддержке Ассоциации преподавателей русскоязычных учебных заведений Азербайджана и Азербайджанской ассоциации выпускников российских (советских) вузов «РАММАА». В процессе регистрации находится Ассоциация русскоязычных журналистов Азербайджана.

В Бакинском Славянском университете действуют российский культурно-образовательный центр «Московская аудитория» и культурно-образовательный центр «Санкт-Петербург», издается журнал «Русский язык и литература в Азербайджане» [36; 37; 38]; в Бакинском государственном университете – Русский центр фонда «Русский мир» (в 2020 году обсуждался вопрос изменения места его нахождения [39]); в Азербайджанском государственном экономическом университете – Русская экономическая школа [40]; в Азербайджанском университете языков – научно-исследовательская лаборатория «Центр руссиеведения» [41]; при Союзе писателей Азербайджана – литературно-творческая ассоциация «Луч», издаются журналы «Литературный Азербайджан» и «Мир литературы», которые объединяют русскоязычных авторов [42].

По линии Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом (далее – ПКДСР) реализуются проекты «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово», «История государства Российского» (Культурно-исторический университет), «Пушкинский день России», фестиваль «Есенинская осень» и Фестиваль культуры народов России.

Потребность в проведении государственного тестирования по русскому языку как иностранному, а также экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации не выявлена.

Вместе с тем по инициативе Россотрудничества и при содействии посольства Российской Федерации в Азербайджанской Республике к

организации тестирования и экзамена привлечен Государственный экзаменационный центр Азербайджанской Республики (ГЭЦ).

Предложения по повышению эффективности поддержки и продвижения русского языка могут включать привлечение Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, как базовой организации государств – участников СНГ по преподаванию русского языка, с целью повышения квалификации и профессиональной подготовки преподавателей русского языка азербайджанских школ и вузов [43]. Целесообразной представляется и организация курсов повышения квалификации в очном формате на территории страны за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета [44; 45; 46].

Интересно также выглядит идея привлечения азербайджанских вузов, осуществляющих подготовку преподавателей русского языка, к реализации проекта «Кафедра – Институт Пушкина» и взаимодействию с консорциумом «Сетевой подготовительный факультет» [47]. Следует предложить включение олимпиады по русскому языку и литературе в Перечень предметных олимпиад, проводимых в рамках азербайджанской системы образования [48].

Сегодня очевидно, если Россия выпадет из процессов экспорта образования и международной академической мобильности, это будет означать не только упущение политических возможностей или экономических дивидендов, но и существенное сокращение инструментария российской «мягкой силы» – продвижения собственной культуры, языка и научных достижений на мировой арене.

В заключение можно отметить, что определение места русского языка в общественно-политической системе современного Азербайджана как суверенного государства приобретает совершенно иное, чем в советское время, политическое значение, что так же естественно и закономерно, как самостоятельное развитие финансово-экономических и иных потенциалов и сфер государства. Вопрос русского языка играет важную роль во внутренней и

внешней политике государства, а его изучению и сохранению уделяется внимание на самом высоком уровне.

Литература

1. Русский язык в Азербайджане востребован // https://multiculturalism.preslib.az/ru_others-V8oDAQCyF7.html
2. Президент Азербайджана о развитии русского языка в стране: Это сознательная политика // <https://1news.az/news/20220224020300852-Prezident-Azerbaidzhana-o-razvitii-russkogo-yazyka-v-strane-Eto-soznatelnaya-politika>
3. Президент Ильхам Алиев: Русский язык всегда объединял страны бывшего Советского Союза // <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/3558945.html> (дата обращения: 21.12.2021).
4. Мнение. Ильхам Алиев: каким был 2019 год для Азербайджана и российско-азербайджанских отношений // 30.12.2019 vesti.ru/videos/show/vid/822346
5. // Сообщение пресс-службы Президента Азербайджана azertag.az/ru/xeber/2077670;
6. Газета «Бакинский рабочий», 26.11.2019.
7. Газета «Бакинский рабочий», 21.12.2019.
8. Газета «Бакинский рабочий», 11.12.2019.
9. Population of Azerbaijan // Официальный сайт статистического бюро Азербайджана <https://www.stat.gov.az/source/demography/?lang=en> (дата обращения: 21.03.2022).
10. Горячева Ю. Асиф Гаджиев: Русскоязычие – один из важных компонентов национального образа жизни Азербайджана // Информационный портал Фонда «Русский мир». Режим доступа: https://russkiymir.ru/publications/243960/?_utl_t=wh (дата обращения: 23.04.2022).

11. *Забелин М.Ю.* Мультикультурализм – основа общественно-политической стабильности Азербайджана // 2019.
12. vesti.ru/videos/show/vid/782762
13. azertag.az/ru/xeber/1876217;
14. azertag.az/ru/xeber/1339058;
15. Протокол восемнадцатого заседания Межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой от 14.12.2019.
16. media.az/society/1067788831;
17. ГЭЦ: абитуриенты осваивают 58% школьной программы // Новости Азербайджана. 21 июня 2021 Режим доступа: media.az/society/1067822620 (дата обращения: 21.03.2022).
18. Газета «Неделя – Живая газета», 24.01.2020.
19. Газета «Новое Время», 06.03.2021.
20. В Азербайджане названо число будущих первоклашек // Новости Азербайджана. 21 июня 2021 Режим доступа: media.az/society/1067821552 (дата обращения: 21.03.2022).
21. Газета «Ежедневные новости», 10.09.2021.
22. Газета «Неделя – Живая газета», 24.01.2020;
23. Газета «Новое Время», 06.03.2021;
24. Министерство образования: В новом учебном году в первый класс пойдут 158 тыс. 608 школьников // Сообщение пресс-службы Президента Азербайджана. Режим доступа: azertag.az/ru/xeber/1881171
25. Протокол восемнадцатого заседания Межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой» от 14.12.2019.
26. Газета «Новое Время», 06.03.2021;
27. Режим доступа: sptnkne.ws/Fgq9.
28. Режим доступа: bsu-uni.edu.az/ru/pulpit.

29. Положение о порядке назначения и выплаты именных стипендий Правительства Москвы, утвержденное Постановлением Правительства Москвы от 08.07.2003 № 534-ПП, base.garant.ru/4001650.
30. msu.az/postupayushim/courses.
31. students.az/ru/search?ContentSearch%5Btype%5D=course.
32. uchitelrusdili.ru.
33. Единая дорожная карта по работе в сфере поддержки и продвижения русского языка в Азербайджанской Республике на 2019-2022 годы //
34. Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 20.04.2014 № 259, base.garant.ru/70640588 (дата обращения: 21.03.2022).
35. Газета «Бакинский рабочий», 16.01.2020.
36. amor.az.
37. russchools.org;
38. pushkin.institute;
39. resh.edu.ru;
40. mos.ru/city/projects/mesh.
41. azertag.az/ru/xeber/1201482.
42. bsu-uni.edu.az/ru/centers/4;
43. bsu-uni.edu.az/ru/centers/5;
44. Режим доступа: bsu-uni.edu.az/ru/journals/1.
45. Режим доступа: bsu.edu.az/ru/content/russkiy_centra.
46. Общественное объединение «Поддержка студентов-экономистов» в Русской экономической школе, 07.03.2018 // Режим доступа: <https://unec.edu.az/ru/iqtisadci-telebelere-destek-ictimai-birliyi-rus-iqtisad-mektebinde/>
47. Режим доступа: adu.edu.az/ru/2018/04/научно-исследовательская-лаборатория-2.
48. Режим доступа: azyb.az/index.php/home.

- 49.Режим доступа: e-cis.info/cooperation/3229/78099.
- 50.Протокол семнадцатого заседания Межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой от 14.12.2018.
- 51.Нота Министерства иностранных дел Азербайджанской Республики от 28.01.2019 № 5/39-240/07/19.
- 52.Письмо представительства Россотрудничества в Азербайджанской Республике от 05.02.2019 № Рз17-001087.
- 53.Резолюция I Международного Костомаровского форума (24-28.05.2021, Москва) // kostomarovforum.ru/o-forume/rezolyutsiya.php (дата обращения: 21.03.2022).
- 54.Перечень международных и республиканских олимпиад по общеобразовательным предметам, международных конкурсов и соревнований и порядок внеконкурсного приема их победителей в высшие учебные заведения, утвержденные Постановлением Кабинета министров Азербайджанской Республики от 22.05.2019 № 229, nk.gov.az/ru/document/3711 (дата обращения: 21.03.2022).
- 55.*Ногмова А.Ш.* Формы и стратегии международного сотрудничества приграничных регионов Российской Федерации // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018. № 2 (16). С. 50-59.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Бочарников Игорь Валентинович,
доктор политических наук, руководитель Научно-исследовательского
центра проблем национальной безопасности, профессор кафедры
информационной аналитики и политических технологий, Московский
государственный технический университет имени Н.Э. Баумана,
руководитель 1 отделения – Отделения общих проблем войны, мира и армии
Академии военных наук,
e-mail: nic.bezopasnost@yandex.ru

Igor V. Bocharnikov
Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Research Center for
National Security Problems, Professor of the Department of Information Analytics
and Political Technologies, Bauman Moscow State Technical University, Head of
the 1st Department – Department of General Problems of War, Peace and the
Army of the Academy of Military Sciences,
e-mail: nic.bezopasnost@yandex.ru

ТОТАЛИТАРИЗМ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XXI ВЕКА – ПОСТДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ, АНГЛОСАКСОНСКИЙ

TOTALITARIANISM OF THE FIRST HALF OF THE XXI CENTURY – POST-DEMOCRATIC, ANGLO-SAXON

Аннотация: в статье анализируются процессы утверждения современной модели тоталитаризма – англосаксонского. Рассматриваются основные признаки проявления данного типа тоталитаризма в современной политической реальности, его истоки и тенденции развития. Определяется связь современного тоталитаризма с эскалацией украинского кризиса, являющегося следствием политики США по ослаблению России и утверждению глобального господства. Делается вывод о возрастающей роли и значении восприятия традиционных ценностей, авторитета государства в

решении важнейших вопросов жизнедеятельности российского общества по противодействию распространению англосаксонского тоталитаризма.

Ключевые слова: англосаксонский тоталитаризм, США, коллективный Запад, антироссийские санкции, украинский кризис, киевский режим, «культура отмены», суверенитет, традиционные ценности.

Abstract: the article analyzes the processes of approval of the modern model of totalitarianism – Anglo-Saxon. The main signs of the manifestation of this type of totalitarianism in modern political reality, its origins and development trends are considered. The connection of modern totalitarianism with the escalation of the Ukrainian crisis, which is a consequence of the US policy of weakening Russia and asserting global domination, is determined. The conclusion is made about the increasing role and importance of the perception of traditional values, the role and authority of the state in solving the most important issues of the life of Russian society in countering the spread of Anglo-Saxon totalitarianism.

Keywords: Anglo-Saxon totalitarianism, USA, collective West, anti-Russian sanctions, Ukrainian crisis, Kiev regime, "culture of abolition", sovereignty, traditional values.

Украинский кризис обнажил острейшую проблему развития современного мирового сообщества – реанимацию тоталитаризма, подобного тому, каким он был в первой половине XX столетия в нацистской Германии, но уже не в рамках отдельно взятого государства, а на глобальном уровне.

Американские политики и аналитики, убеждая всех в том, что только США являются носителями единственно верной системы ценностей, сами не заметили того, что стали апологетами уже нового тоталитаризма – англосаксонского, или «западнистского» (по терминологии А.А. Зиновьева [6]).

При этом в отличие от нацистского, ориентированного на расовую исключительность, современный англосаксонский тоталитаризм

утверждается под лозунгами защиты демократии, прав и свобод граждан, открытого общества, утверждения принципов толерантности, плюрализма и иных демократических ценностей, на протяжении последних 200 лет являющихся доминантами общественного развития. Эти процессы, так и не достигнув пика своего развития, трансформировались в свою противоположность – утверждение закрытого «элитарного» мегаобщества с совершенно иными, противоположными нормами, ценностями и устоями.

Открытое общество строится только для своих – стран коллективного Запада. Все те, кто не входит в эту западнистскую общность, должны нести бремя обеспечения ее благополучия. Права и свободы граждан, в том числе и такие, как право на жизнь и здоровье, также не распространяются на все человечество, а исключительно только лишь на представителей коллективного Запада во главе с США. Это касается и других общепризнанных прав и свобод, закрепленных в том числе Всеобщей декларацией прав человека ООН в 1948 году [2].

Столь же избирателен подход США и их союзников к утверждению принципов гуманизма и других общечеловеческих ценностей. Все это действительно значимо только лишь в отношении представителей стран коллективного Запада и абсолютно ничтожно по отношению к гражданам других государств. При этом, навязав всему миру парадигму плюрализма для внутригосударственного пользования, США не допускают никакого плюрализма, а тем более инакомыслия, когда речь идет об их собственных действиях по установлению глобального господства или тех процессах и явлениях, которые так или иначе затрагивают, как они полагают, их национальные интересы.

Поэтому даже если использовать сомнительное в научном плане определение Х. Арендт и ее последователей, созданное исключительно для характеристики советской системы, то аналогии с тоталитаризмом здесь вполне очевидны. Тоталитаризм, как считает Х. Арендт, предполагает тотальный, всепоглощающий контроль [1].

Именно это и проявляется в настоящее время во всех сферах жизнедеятельности мирового сообщества, от экономики и политики до частной жизни отдельных частных лиц.

Утверждение тотального контроля началось после событий 9 сентября 2001 года, сопряженных с терактами в США и повлекших за собой гибель более 3 тысяч человек, разрушение одного из символов Америки – небоскрёбов Всемирного торгового центра.

Несмотря на то что сама по себе террористическая атака вплоть до настоящего времени вызывает много вопросов в плане ее организации и осуществления, руководство США, воспользовавшись шоком американского общества, сумело провести на законодательном уровне мероприятия по ограничению не только общепринятых гражданских, но и конституционных прав и свобод американских граждан.

Так, в соответствии с так называемым Актом «О сплочении и укреплении Америки путём обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму» 2001 года, более известным как «Патриотический акт», силовым структурам США были предоставлены полномочия по вмешательству в частную жизнь граждан. В частности, полному контролю могли подвергаться телефонные переговоры, СМС-переписка, а также электронная почта любого гражданина, если спецслужбы сочтут необходимым данные действия в связи с обеспечением национальной безопасности. ФБР получило право проверять, какие книги берёт в библиотеке подозрительный гражданин, какие сайты посещает с компьютеров, установленных в общественных местах, а также запрашивать любую дополнительную информацию о лице в других государственных и коммерческих учреждениях.

Таким образом, администрации США удалось протащить с помощью «Патриотического акта» целый ряд мер, которые до той поры рассматривались как нарушение основ американской демократии. После событий 9/11 они для американцев стали вполне приемлемыми.

Данные действия – утверждение тотального контроля и вмешательства в частную жизнь – в последующем получили развитие и на глобальном уровне. С этой целью США совместно с Британией, Канадой, Австралией и Новой Зеландией создали систему глобального электронного шпионажа «Эшелон». Она предназначена для перехвата и анализа телефонных переговоров, факсов, электронных писем и других информационных потоков по всему миру путём подключения к каналам связи, таким как спутниковая связь, телефонная сеть общего пользования, СВЧ-соединения. Примечательно, что по своему составу система «Эшелон» англосаксонская. Ни Францию, ни Германию, ни других союзников и клиентов более мелкого калибра США к участию в ней не пригласили. Это означает, что эти страны, хотя и являются их союзниками, но все же союзниками второго плана, доверие к которым со стороны США весьма ограничено. Более того, периодически эти страны, их официальные лица и структуры являются объектами разработок американских спецслужб. Достаточно вспомнить скандал, связанный с прослушкой ЦРУ канцлера Германии А. Меркель, президента Франции Ф. Оланда и других официальных европейских союзников США.

Наиболее значимой спецификой современного тоталитаризма является то, что он носит глобальный характер. Если в тоталитарных государствах XX века, которыми, конечно, были и нацистская Германия, и фашистская Италия, а также политические системы Чили, Никарагуа, Гватемалы, Гаити, Гондураса и ряда других стран так называемого «заднего двора» США, его проявления носили локальный национальный или региональный характер, то с 1991 года, с момента окончания холодной войны, начинается новый этап в развитии тоталитаризма – глобальный. Во многом это было определено спецификой глобализации, предопределившей не только свободу перемещения товаров, услуг, финансов, людей и информации, но и жесткий глобальный контроль над этими процессами. В этом и проявляется один из основных признаков тоталитаризма – тотальный контроль.

Важнейшей спецификой современного тоталитаризма становится также и то, что он по своей сути является англосаксонским. В XXI столетии принципы формирования Союза англоязычных стран, озвученные Черчиллем в его фултоновской речи «Мускулы мира» [12] 5 марта 1946 года, получили практическую реализацию. Контуры того «братского союза англоязычных стран», под которым У. Черчилль имел в виду особые отношения между Великобританией и Британским Содружеством наций, с одной стороны, и Соединенными Штатами Америки – с другой, обозначились уже к концу XX столетия. В начале XXI века, с момента вторжения американо-британской коалиции в Ирак в марте 2003 года, он стал реальностью. В настоящее время на уровне коллективного Запада происходит постепенная сепарация и выделение его англосаксонского ядра со своими особыми интересами, целями и задачами.

Очевидными проявлениями нового англосаксонского тоталитаризма является диктат США во взаимоотношениях с субъектами международных отношений, в рамках которых целенаправленно внедряется принцип «кто не под эгидой США, тот против них». Именно этим объясняется весьма сдержанное отношение США к Франции, Германии, Венгрии и ряду других стран в противовес более чем благоприятному их отношению к Польше, Украине и странам Балтии, поскольку те открыто демонстрируют свою лояльность США и готовность идти на любые жертвы ради американских интересов.

Права государств – союзников США оказались существенно урезанными, прежде всего в политико-правовой сфере. Например, это касается основополагающего принципа международных отношений – права на суверенитет. Единственное право, которое действительно предоставляется странам коллективного Запада – это право на достаточно высокий уровень жизни, достигаемый в основном за счет эксплуатации и ограбления населения других стран, манипулирования финансовыми потоками, продовольствием и другими ресурсами. Но и это, как показывают события в Греции, Испании,

Португалии, Болгарии, Румынии и некоторых других странах Еврозоны с неустойчивой экономикой, гарантируется далеко не всем, по крайней мере, в равной степени.

Таким образом, страны коллективного Запада, стремившиеся во что бы то ни стало войти в состав «золотого миллиарда», фактически оказались в «золотой клетке», делегировав право на суверенитет вышестоящим структурам – администрации США.

Для союзников США и Британии, не относящихся к англосаксонскому клубу избранных, создаются иллюзии равноправия и их суверенности, особенно в сфере военной и внешней политики.

На достижение этого направлено проведение различного рода саммитов и консультаций (G-7, НАТО, ЕС), носящих, как правило, ритуальный характер. Их главным предназначением является демонстрация солидарности и единства в принятии тех или иных решений. На самом деле лидеры европейских государств и правительств ставятся в весьма жесткие рамки в плане согласования решений, принятых США. Редко кто из лидеров европейских государств осмеливается позиционировать свое несогласие, даже если это противоречит национальным интересам стран, которые они представляют.

Все дело в том, что лица, облеченные полномочиями власти на государственном уровне, по сути, уже не являются главами государств и правительств, а становятся своего рода топ-менеджерами, основное предназначение которых — исполнение политической воли руководства США. Анализ развития последнего десятилетия дает основание полагать, что времена, когда во главе государств и правительств Европы находились лица, для которых национальные интересы своих государств и народов были превыше всего, прошли.

Это позволяет предположить, что США удалось выстроить систему рекрутирования политической элиты европейских стран, главным критерием которой является лояльность американским национальным интересам. Для

того чтобы эта система не давала сбоя, ЦРУ и АНБ «Большого брата» установили режим тотальной слежки не только за высшими должностными лицами союзных им государств, но и чиновниками более низкого уровня, а также гражданами, в той или иной мере вовлеченными в сколько-нибудь значимые политические процессы этих стран.

В этом и заключается феномен единого антироссийского фронта, сформированного в Европе в настоящее время. Этот фронт будет действовать исключительно в интересах США, даже если это будет противоречить национальным интересам европейских стран и народов. Последствия такой безоговорочной и тотальной поддержки большинством стран Европы политики очередного претендента на гегемонию вполне предсказуемы – не только окончательная утрата суверенитета, но и политическая, и в целом системная цивилизационная деградация. Это станет окончательным закатом Европы [3, с. 51]. В этой плане, конечно, ни о каком суверенитете, политическом, экономическом, социальном, духовном и т.д., речи быть не может.

События на Украине стали триггером глобального конфликта коллективного Запада против России. Современное мировое сообщество вступило в новую фазу не только и не столько «холодной войны – 2.0», сколько англосаксонской «Большой игры – 2.0» (по аналогии с соперничеством Англии с Россией за гегемонию в Центральной Азии, которое длилось с первого десятилетия XIX – до начала XX века), предполагающей очередной передел мира в интересах союза англоязычных стран.

Сама по себе Украина, после 2014 года окончательно превратившаяся в неофициальную подмандатную территорию США, фактически стала полигоном прокси-войны (опосредованной войны) против России, которую они ведут на чужой территории с использованием вооруженного потенциала другого государства – Украины.

Англосаксы умудрились подчинить своей «игре» не только Украину, но и все евроконтинентальное сообщество, которое не только поддерживает и

обеспечивает условную легитимацию деятельности киевского режима, но и вовлечено в финансирование и осуществление военных поставок в зону конфликта, тем самым противопоставляя себя России.

От стран коллективного Запада в этой «игре», судя по заявлениям официальных лиц администрации Дж. Байдена, требуется всесторонняя поддержка киевского режима в его вооруженном противостоянии России «вплоть до последнего украинца». Это они и реализуют на практике, оказывая не только поддержку и помощь, но и фактически обеспечивая жизнедеятельность киевского режима как в плане политико-дипломатического прикрытия, так и его финансирования и поставок тяжелых вооружений.

При этом главы и правительства, позиционирующих себя демократическими и цивилизованными, не смущает ни откровенно неонацистский характер киевского режима, ни заведомо очевидные противоречия этой поддержки национальным интересам своих стран и даже неправомерность этих действий, их несоответствие нормам международного права.

В результате действий США и их союзников по антироссийской украинской коалиции фактически не осталось ни одной нормы международного права, которая не была бы ими нарушена. Взамен норм международного права коллективному Западу предложены законы США, такие как «Акт о поддержке свободы Украины 2014 года» и ему подобные документы, определяющие введение различного рода санкций не только против России, но и против всех тех, кто намерен выстраивать с ней конструктивные отношения.

По сути, произошло то, о чем говорил на Мюнхенской конференции 2007 года президент Российской Федерации В.В. Путин: «... чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в

экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере – и навязывается другим государствам» [5].

Начиная с печально известного исполнительного указа президента США Б. Обамы от 6 марта 2014 года, в соответствии с которым под санкции попали российские официальные лица и организации, «угрожающие суверенитету и территориальной целостности Украины», против России было введено более 6 тысяч различного рода санкций. По своему количеству и содержанию они являются беспрецедентными. При этом под угрозой санкций оказались все структуры и образования, вплоть до отдельных государств, стремившихся выстраивать отношения с российскими финансовыми, социально-экономическими, культурными, гуманитарными и иными субъектами, что спровоцировало массовый исход из социально-экономической сферы России зарубежных компаний, банков и предприятий.

Это и есть диктат, своего рода проявление тоталитарных способов воздействия не только на противника, но и на своих союзников.

Вместе с тем США настолько увлеклись санкционной антироссийской политикой, что не заметили, как перешли грань законности, основ не только международного, но и своего национального права. В частности, это касается заморозки и изъятия собственности у Российской Федерации и частных лиц, так или иначе связанных с ней.

Однако подобного рода экспроприации уже имели место в политической практике тоталитарной нацистской Германии. Сейчас они с новой силой и новым содержанием проявляются в политике постдемократических США и их союзников по коллективному Западу. Это при том, что 5-й поправкой к Конституции США зафиксировано, что «...частная собственность не должна изыматься для общественных нужд без справедливого вознаграждения». Иными словами, частная собственность в США провозглашена священной и неприкосновенной. Очевидно, что эта конституционная норма для США стала декларативной. Реальность свидетельствует о том, что священным для США является ослабление России, нанесение ей стратегического поражения и

утверждение своего глобального господства. Главный лейтмотив их внешнеполитической стратегии заключается в реализации идеи фикс «Карфаген должен быть разрушен». Под Карфагеном они, конечно, понимают Россию. Хотя в Античном мире Карфаген, по сути, был пиратским государством, жившим за счет других стран, то есть таким же, как и США, но 23 века назад. И все это делается во имя защиты демократии и свободы (применительно к современному этапу) Украины.

Особую значимость обретает тот факт, что идет процесс солидаризации с откровенно неонацистским режимом, каким в полной мере стал режим власти В. Зеленского. С его приходом к власти киевский режим обрел качества тоталитаризма с элементами лицедейства.

За три года его нахождения у власти были закрыты не только оппозиционные, но и ряд проправительственных СМИ, не отражавших в полной мере точку зрения В. Зеленского. Даже телеканалы, контролируемые экс-президентом страны П. Порошенко, попали под санкции СНБО Украины и вынуждены были прекратить свое вещание. Тем самым окружение В. Зеленского обеспечило полный контроль информационной сферы в стране и подачи новостного контента как населению Украины, так и внешним акторам.

Реальностью Украины является чрезвычайно высокий уровень внесудебных расправ и насилия со стороны спецслужб, а также различного рода иррегулярных формирований, созданных режимом (националистические батальоны, батальоны территориальной обороны и т.д.) по отношению к населению страны. Отмечается всплеск насилия на бытовом уровне. В ряде городов Украины получили развитие самосуды над лицами, подозреваемыми в тех или иных преступлениях или недостаточном украинском патриотизме.

Ложь, беспринципность и провокации стали визитной карточкой В. Зеленского и его окружения. Придя к власти на фоне обещаний достижения мира на Донбассе, В. Зеленский, более чем кто-либо иной из представителей киевского режима, способствовал эскалации напряженности и

провоцировании вооруженного конфликта на территории Украины. Военное положение в стране В. Зеленский использовал для укрепления режима личной власти. Фактически он уже стал диктатором, что вполне устраивает руководство США. По всей видимости, в лице В. Зеленского они нашли очередного того самого «сына» по образу и подобию латиноамериканских диктаторов, таких как А. Сомоса, Ф. Дювалье, А. Пиночет и других, с помощью которых США обеспечивали свой контроль над странами Латинской Америки. В данном случае имеется в виду фраза, приписываемая президенту США Ф. Рузвельту в отношении диктатора Никарагуа «Сомоса возможно и сукин сын, но это наш сукин сын» [10]. К тому же В. Зеленский был замечен в употреблении наркотиков, а это значит, что он вполне управляем и этим, очевидно, пользуются его кураторы.

Таким образом, страны коллективного Запада поддерживают не Украину, а тот, по сути, тоталитарный режим, утвердившийся в стране после государственного переворота 2014 года и обретший все признаки неонацистского в период диктатуры В. Зеленского. Более того, практикуемые вооруженными формированиями Украины заложничество и использование мирного населения в качестве «живого щита» в ходе боевых действий, нанесение ракетно-артиллерийских ударов по жилым массивам населенных пунктов Украины и Донбасса, пытки и издевательства над военнопленными и гражданскими лицами – все это является свидетельством того, что киевский режим обретает все более характер террористического образования, подобного ИГИЛ (деятельность организации запрещена на территории Российской Федерации).

В этом плане вполне объяснимо то, что этот режим поддерживается США. Поддержка же неонацизма на Украине со стороны европейских стран, познавших на себе оккупацию нацистской Германии в период Второй мировой войны объясняется их неспособностью противостоять давлению со стороны США и примкнувшей к ним Британии.

При этом в украинский кризис и поддержку киевского неонацистского режима вовлечены также Австрия, Финляндия, Швейцария и Швеция, до последнего времени являвшиеся нейтральными государствами. Тем не менее страх оказаться вне коллективного Запада вынуждает эти некогда самодостаточные нейтральные государства Европы подключиться к антироссийской политике.

Все это ведет к тому, что страны Европы под эгидой США, доминирующих над ними и сумевших подчинить их своей политической воле, фактически утрачивают свою политическую субъектность и становятся просто географическими понятиями – Украиной, Польшей, Балтией и т.д., подобно тому как американский штат Делавэр, сенатором от которого долгое время был Дж. Байден, является лишь напоминанием об одноименной индейской народности, истребленной американцами в XIX веке. Если на рубеже 30-х – 40-х годов XX столетия Европа окрасилась в коричневый цвет, то сейчас она практически полностью стала звездно-полосатой, англосаксонской, тоталитарной.

К характерным признакам тоталитаризма относится также насаждение «единственно верной» идеологии. Применительно к текущей ситуации подобной, единственно верной, становится идеология «демократических ценностей» в англосаксонской (американской) интерпретации.

Между тем сам по себе феномен «демократии», трактовка которой, по сути, была узурпирована представителями истеблишмента США, давно уже превратилась в идеологему, для утверждения которой в сознании людей используются все допустимые и недопустимые средства и способы, в том числе и манипулятивные технологии. Это обусловлено тем, что, как отмечал А.А. Зиновьев, «эволюция западного мира скрыта мощным покровом идеологической и пропагандистской дезинформации и лжи, которые превосходят таковые времен гитлеризма как по техническим средствам и масштабам, так и по интеллектуальной изощренности и лицемерию» [6].

С учетом того, что американские СМИ не имеют равных в мире по количеству, разнообразию и техническим возможностям, они, по сути, являются мировыми. Их глобальные возможности в полной мере используются для насаждения в мире позитивного образа как самих США, так и той модели «демократии по-американски», которую они утверждают на практике в различных регионах планеты и дискредитации своих соперников, конкурентов и партнеров.

Для продвижения на практике своей модели демократии и обеспечения посредством этого своего господства или, по крайней мере, доминирования в том или ином регионе мира США активно используют также средства насилия, в том числе вмешательство во внутренние дела суверенных государств. По данным специалистов, только за последние полвека США вмешивались во внутренние дела 50 стран посредством агрессии и интервенции [9].

В то же время применение средств вооруженного насилия с целью утверждения своей модели «демократии» возможно лишь тогда, когда американское руководство уверено, что сопротивление будет незначительным или же не будет сопряжено со значительными потерями.

В противном случае делается ставка на ослабление своего противника, в том числе посредством его дискредитации и создания по отношению к нему недружественного или даже враждебного окружения. Это и реализуется в отношении Российской Федерации, причем на протяжении уже длительного периода, по крайней мере, с 2008 года. В августе 2008 года США фактически вынудили грузинское руководство осуществить агрессию против Южной Осетии с тем, чтобы проверить реакцию России. После поражения Грузии в пятидневной войне и принуждения ее к миру процесс дискредитации России, ее институтов и граждан принял целенаправленный, системный и комплексный характер. Начиная с попыток пересмотра итогов Второй мировой войны и обвинений СССР в ее развязывании и, соответственно, ответственности Российской Федерации как его правопреемницы, героизации

пособников нацизма и заканчивая травлей российских спортсменов на Олимпиадах и других международных соревнованиях, запретом на использование гимна и других символов российской государственности на протяжении длительного периода, шла целенаправленная дискредитация и демонизация России, ее народов и граждан.

Все эти процессы чрезвычайно обострились в период эскалации украинского кризиса. Особую роль в этом плане играет реализация концепции «культуры отмены». Зародившаяся в США и распространившаяся по всему Старому Свету эта «культура», предполагающая обструкцию традиционных и утверждение паранормальных ценностей, стала едва ли не основным трендом общественного развития последнего времени. Первой жертвой ее утверждения стали граждане США и стран коллективного Запада, придерживавшиеся традиционных ценностей. На протяжении ряда лет сторонники традиционных ценностей в этих странах подвергались преследованию как расисты, гомофобы, лица, не соответствующие стандартам демократического общества. Одновременно с этим осуществлялось культивирование различных суррогатов общественных отношений, в том числе ЛГБТ-идеологии, различного рода девиаций, нетрадиционных культов и др., подобно тому, как во второй половине XX столетия насаждалась сексуальная распущенность и осуществлялась пропаганда наркотиков.

Вполне закономерно, что Россия, провозгласившая приоритет традиционных ценностей, оказалась на пути распространения этих суррогатов и их расплодения по другим регионам мира, еще не пораженным ими. Именно этим объясняется та ожесточенность, посредством которой США и их союзники по коллективному Западу посредством технологий «культуры отмены» стремятся отменить все то, что связано с Россией, ее историей, культурой, ее настоящим и будущим.

Все это позволяет констатировать, что современная идеология США и коллективного Запада – это и есть «культура отмены», «культура» реформирования массового общественного сознания с целью обеспечения

его контроля для достижения господства. Понимание этого чрезвычайно важно для выработки соответствующих мер для нейтрализации этой идеологии и противодействия ей, а следовательно, и попыткам распространения утвердившегося в Старом Свете англосаксонского тоталитаризма.

Литература

1. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.
2. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
3. *Бочарников И.В.* Украинский закат Европы // Конфликтология. 2014. № 1. С. 51.
4. *Бочарников И.В., Овсянникова О.А.* Национальные интересы Российской Федерации в контексте формирования современного миропорядка. В книге: Научные труды ученых 1 отделения – Отделения общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук. Москва, 2022.
5. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>.
6. *Зиновьев А.А.* Идеология партии будущего. М.: Алгоритм, 2003.
7. *Карпович О.Г., Гришанов А.А.* Российско-американские отношения при администрации Дж. Байдена: надежды и реальность // Международная жизнь. 2022. № 2. С. 34-47.
8. *Карпович О.Г., Манойло А.В.* Политика многополярности: новые вызовы и угрозы. Москва, 2020. (2-е издание, с изменениями и дополнениями).
9. Мировой агрессор: США вмешивалась в дела 50 стран свыше 130 раз. <https://pogovorim.mirtesen.ru/blog/43932818387>.
10. *Оруэлл Дж.* 1984. М. Эксмо, 2022.

11. Словарь крылатых слов и выражений.
https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/3110.
12. Черчилль У. Речь 5 марта 1946 г. в Фултоне // Мускулы мира. М., 2003.

Борисов Алексей Владимирович,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры политологии и политической философии
Дипломатической академии Министерства иностранных дел
Российской Федерации,
e-mail: aborisof@gmail.com

Alexey V. Borisov
Ph.D. (Philosophy),
Associated Professor at the Department of the Political Science and Political
Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation,
e-mail: aborisof@gmail.com

**ГУМАНИТАРНЫЕ УСИЛИЯ РОССИИ:
К ВОПРОСУ ОПТИМИЗАЦИИ**

**HUMANITARIAN EFFORTS OF RUSSIA:
THE ISSUE OF OPTIMIZATION**

Аннотация: в статье рассматриваются современные проблемы гуманитарной деятельности и гуманитарного сотрудничества России. По мнению автора, к ним относятся предельно широкая трактовка гуманитаризма, отсутствие четких целей, которые могут быть достигнуты в результате гуманитарных усилий, неразвитость гуманитарной инфраструктуры, излишняя сосредоточенность на вопросах языка и исторической памяти. Предлагаются основные направления деятельности по оптимизации гуманитарных усилий России.

Ключевые слова: гуманитарная деятельность, гуманитарное сотрудничество, история, мастер-нарратив, «мягкая сила», нация, национальная идентичность, Сеть, ценности.

Abstract: the article deals with modern problems of humanitarian activity and humanitarian cooperation in Russia. According to the author, these include: an

extremely broad interpretation of humanitarianism, the lack of clear goals that can be achieved as a result of humanitarian efforts, the underdevelopment of the humanitarian infrastructure, and excessive focus on issues of language and historical memory. The main directions of activity for optimizing Russia's humanitarian efforts are proposed.

Key words: humanitarian activities, humanitarian cooperation, history, master-narrative, soft power, nation, national identity, network, values.

Геополитические события последнего времени заставляют задуматься о состоятельности отечественных институтов гуманитарного сотрудничества, обеспечивающих трансляцию «мягкой силы» России. Минимальная поддержка, оказанная позиции Российской Федерации на площадках международных организаций, включая Генеральную Ассамблею ООН, негативные, а зачастую откровенно русофобские комментарии в СМИ, премодерация и модерация контента в социальных сетях, стигматизация российских медиа, которые рассматриваются как инструмент государственной пропаганды, указывают на то, что и гуманитарную политику, и усилия по формированию инструментов и продвижению «мягкой силы» можно признать неудовлетворительными.

Необходимо честно признаться в том, что гуманитарные усилия России не адекватны новым геополитическим условиям, а средства, выделяемые на «...доведение до широких кругов мировой общественности полной и точной информации о позициях по основным международным проблемам, о внешнеполитических инициативах и действиях Российской Федерации» [11], были растрочены без видимого эффекта. Признание же должно опираться на анализ сложившейся практики организации и ведения гуманитарной деятельности России. В настоящей статье предлагается авторский взгляд на очевидные проблемы, существующие в отечественной гуманитарной политике, и возможные направления работы по их устранению.

Неоднократное указание на важность гуманитарного сотрудничества и связанных с ним инструментов «мягкой силы», содержащееся в документах стратегического планирования, не сопровождается их последующей концептуализацией и формализацией в нормативных документах и административных регламентах. Именно это приводит к разбросанности в действиях, непониманию возможностей и ограничений применения вышеуказанных инструментов в практике внешней политики России. В разделе «Стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество» Стратегии национальной безопасности Российской Федерации утверждается, что цели внешней политики достигаются в том числе посредством «повышения роли Российской Федерации в мировом гуманитарном, культурном, научном и образовательном пространстве, укрепления позиций русского языка как языка международного общения» [20]. Остается лишь догадываться о том, с какими целями и какими инструментами будет обеспечена роль России в гуманитарном, культурном, научном и образовательном пространстве.

Обращение к Концепции внешней политики Российской Федерации лишь усложняет понимание сути гуманитарной деятельности России. Именно в разделе, посвященном международному гуманитарному сотрудничеству и правам человека, содержатся положения, которые допустимо отнести к задачам, решаемым посредством гуманитарного сотрудничества. К ним относятся мероприятия, направленные на формирование и поддержание этнокультурной самобытности русской диаспоры, создание и консолидацию организаций соотечественников, содействие изучению и распространению русского языка, ведение исторической политики и продвижение отечественной версии исторической памяти, развитие межкультурного диалога. Оставшиеся задачи, содержащиеся в разделе, затрагивают права человека, в том числе права соотечественников [11, с. 23].

Еще один документ стратегического планирования напрямую увязывает гуманитарные усилия России, обращенные вовне, с продвижением

отечественной культуры. В «Основных направлениях политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества» подчеркивается, что «культурно-гуманитарное сотрудничество включает связи в области культуры и искусства, науки и образования, средств массовой информации, молодежных обменов, издательского, музейного, библиотечного и архивного дела, спорта и туризма» [20].

Отечественная трактовка гуманитаризма предельно широка и подразумевает деятельности в области культуры, образования, прав человека, информации и информирования, формированию и поддержанию этнокультурной идентичности, но не сводится только к ней. Именно такой широкий подход и приводит к проблемам целеполагания, организационной и управленческой путанице. Проблема в том, что именно широта описания гуманитарной деятельности, задач, на решение которых она направлена, оставляет без внимания вопрос цели, то есть того, чего мы пытаемся достичь посредством гуманитарного сотрудничества. Более того, зачастую в качестве целей постулируются сами средства.

Концепция внешней политики России выделяет в качестве основных целей, которые, в свою очередь, обозначены как задачи гуманитарного сотрудничества, всестороннюю эффективную защиту прав и законных интересов российских граждан и проживающих за рубежом соотечественников, усиление роли России в мировом гуманитарном пространстве, распространение и укрепление позиций русского языка в мире, популяризацию достижений национальной культуры, национального исторического наследия и культурной самобытности народов России, российского образования и науки, консолидацию российской диаспоры [11]. В этом заключается парадокс отечественного целеполагания – средства и этапы достижения целей становятся ценными сами по себе, что приводит не только к неэффективному использованию ресурсов, но и к принципиальной неизмеримости эффективности гуманитарных усилий России.

Гуманитарная деятельность – лишь инструмент, используемый для достижения определенных целей и продвижения национальных интересов. Не существенно, что отечественное понимание гуманитарной деятельности существенно отличается от принятой в международном академическом и общественно-политическом дискурсе, о чем писали многие, в том числе и автор данной статьи [2]. Если в отечественных документах стратегического планирования указано, что гуманитарная деятельность – один из инструментов «мягкой силы», то справедливо будет предположить, что упомянутые выше задачи не способствуют ее трансляции. Дж. Най – младший и Р. Кеохейн заявляют, что она «...может опираться на привлекательность идей и культуры или способность определять повестку дня с помощью стандартов и институтов, которые формируют предпочтения других» [25, с. 86]. Непонятно, каким образом формирование и поддержание этнокультурной самобытности русской диаспоры, создание и консолидация организаций соотечественников, содействие изучению и распространению русского языка, ведение исторической политики и продвижение отечественной версии исторической памяти могут способствовать продвижению «мягкой силы» России.

Заявление, сделанное весной 2019 г. руководителем Россотрудничества, который в то время являлся депутатом Государственной думы, по-прежнему актуально: «...я продолжаю утверждать: российская гуманитарная внешняя политика по-прежнему бестолкова и неэффективна» [21]. Её «бестолковость и неэффективность» заключается не только в справедливо отмеченном Е.А. Примаковым сведении гуманитаризма к вопросу языка, культуры и соотечественников, но и непонимании того, что в основе гуманитарных усилий должно лежать обещание будущего, не обязательно лучшего, но всегда альтернативного настоящему, будущего, не скованного национальными или этническими границами. Гуманитарный посыл Французской революции был успешен в силу его универсальности. Токвиль, рассуждая о характере Французской революции, отмечал: «Французская же революция собственной

территории не имела; более того, ее результатом было, в некотором роде, стирание с карты всех прежних границ. Видели, как она сближала или разделяла людей наперекор законам, традициям, характерам, языку, делая порой врагами соотечественников и братьями чужеземцев; или, скорее, она сформировала над всеми отдельными национальностями общее духовное отечество, гражданами которого могли стать люди любой нации» [22; 21]. Призыв к миру Вудро Вильсона был услышан именно потому, что он был вненационален и обещал народам лучший мир, в котором «больше не должно быть войн и где братство демократических народов похоронит наследие злобы, доставшееся от предков, и направится к миру товарищества и примирения» [12, с. 224]. Гуманитарным по содержанию было и послание молодой советской республики, опиравшееся на тезис, сформулированный в Манифесте Коммунистической партии: «рабочие не имеют отечества» [15, с. 22]. Права человека служат основой современного гуманизма именно в силу предельно общего характера послания – это обращение к человеку вне всяких границ, утверждение единства человеческого рода.

Любое универсальное послание обращено в будущее. Исторический нарратив создаётся и поддерживается государством. Но он же формирует нацию и легитимирует государство. Обращение в прошлое, по сути, есть обращение к разделенному миру, представляющему собой ресурс нациестроительства. Прошлое в этом случае является набором интерпретаций некогда происходивших событий, но интерпретаций, производимых определенными политическими силами в определенных интересах [17]. Наполеон, строя империю, в своих посланиях народам обращается к истории. Пытаясь отторгнуть Ионийские острова от Венеции, он обращается к теням Спарты и Афин, призывает венгров вспомнить о своем «древнем и знатном происхождении», а поляков – вернуть былое величие нации, которая «...управляла бранденбургским домом, владела Москвой, захватила Видинскую область, освободила христиан от турецкого ига» [10, с. 89-90].

Вненациональный исторический нарратив – редкость. Подобная попытка была предпринята в СССР, когда был выпущен учебник «Русская история в самом сжатом очерке». Автор учебника М.Н. Покровский даже не пытается создать мастер-нарратив, выводит на первый план не нации, а класс и классовую борьбу как решающий фактор развития человеческого общества, сосредотачивая свое внимание на таких вопросах, как общественные движения, этапы экономического развития, нарастание классового антагонизма [19]. Вненациональная трактовка истории была обусловлена несколькими причинами: во-первых, особенностями национальной политики СССР, проявляющейся в попытке преодоления имперского прошлого и реализации «права народов на самоопределение» в рамках единой страны [3; 4; 5; 9; 24]; во-вторых, «мессианизмом» внешней политики молодого советского государства. В мае 1918 г. Ленин, выступая с докладом о внешней политике, заявил: «Мы защищаем не великодержавность: от России ничего не осталось, кроме Великороссии, – не национальные интересы, мы утверждаем, что интересы социализма, интересы мирового социализма выше интересов национальных, выше интересов государства» [13, с. 342]. Именно подобная политическая позиция делала не только возможным, но и необходимым универсальное послание, опирающееся и легитимированное вненациональным историческим нарративом.

Вненациональная история не являлась содержанием послания. Она выступала лишь условием коммуникации, подчеркивая искусственность национальных границ и национальных сообществ, предлагая презреть национальное прошлое в обмен на шанс участвовать в эксперименте по построению «единой мировой социалистической республики». Предложение альтернативной идентичности нуждалось в новых способах и формах коммуникации. Примечательно, что именно в двадцатые годы происходит реформа русского алфавита и предпринимаются попытки перехода на латинский алфавит с целью преодоления «графического барьера, разобщающего наиболее численную группу народов Союза, как от

революционного Востока, так и от трудовых масс и пролетариата Запада» [14, с. 26]. В 1923 году начинается международное радиовещание на эсперанто, который рассматривался в качестве языка мировой революции [6]. Вненациональные формы коммуникации – это не только язык. Первый проект в области советской культурной дипломатии – Первая русская художественная выставка, открытая 15 октября 1922 года в Берлине на Унтерден-Линден. Она знакомила европейцев с советским авангардом, чья беспредметность и политический подтекст привлекали и поражали публику и прессу. Обзоры выставки и рецензии художников и критиков, посвященные выставке, содержали как похвалы творчеству авторов, так и признание того, что советская власть означает не только повсеместное разрушение, но и творческий эксперимент, поиск новой формы государственного и экономического строя [26].

Специфика гуманитарного послания молодой республики определила и специфичность организационной инфраструктуры, которая способствовала его трансляции при минимальных затратах ресурсов. Основу этой инфраструктуры составляли «общественные» организации, создание которых инициировалось советской стороной – Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), а также представителями зарубежной интеллигенции, бизнес-сообществами и представителями зарубежных коммунистических партий. Неправительственный, надпартийный характер организаций особо подчеркивался при их создании. О.Б. Каменева, первый председатель ВОКС, в письме Д.Б. Рязанову, основателю и директору Института К. Маркса и Ф. Энгельса, указывает на то, что «теперь стало "политически неудобно" концентрировать все культурные связи исключительно под колпаком советского государства» [9, с. 81].

Происходило создание сети, которая обеспечивала трансляцию советского гуманитарного послания. Эта сеть, состоящая как из частных лиц, так и из организаций, создававшихся в разных странах людьми, которым был интересен советский «эксперимент» и возможность реализации

альтернативной модели социально-политического устройства, или теми, кто считал сотрудничество с Россией выгодным по целому ряду причин – кооперация научных усилий либо реализация коммерческих проектов. Советский Союз лишь устанавливал правила, по которым он осуществлял взаимодействие с ними или отвергал его. Наличие внутрисетевых правил поведения приводило к тому, что организации, получающие доступ к ресурсам сети, теряли самостоятельность, принимая правила игры, и способствовали, вольно или невольно, реализации советских внешнеполитических инициатив.

Отказ от классовой трактовки истории происходит в конце 20-х – начале 30-х годов XX века, совпадая с неприятием идеи мировой революции и курсом на социализм в отдельно взятой стране, с усилиями по мобилизации советского общества, выразившихся в отказе от политики коренизации и обращении к политике «руссоцентризма» как ключевого элемента строительства новой «исторической общности» – советского народа [5]. Одновременно происходит отказ от экспериментов по переходу на латинский алфавит, подвергаются жесткой критике предложения об обязательном обучении эсперанто в советских школах, создается учебник истории СССР, повествующий об истории русского государства и русского народа, «вводящего в историческое пространство другие нации, делающего их историческими» [1].

Вряд ли можно отнести к советскому посланию послереволюционной эпохи как к разновидности послания гуманитарного. На различных этапах истории СССР воспринимался как альтернатива «великой депрессии», союзник в годы Второй мировой войны, научно-технический гигант в 60-е годы, образец эффективной системы государственного управления, «империя зла» и «старший брат». Все это демонстрация модели государства, которой необходимо следовать либо избегать. Утратив мессианский посыл, СССР до определенного времени не смог, да и не видел в этом необходимости, сформулировать внятное гуманитарное послание.

Оно было провозглашено лишь в период перестройки, что привело к росту симпатий к стране и ее лидеру. Но это гуманитарное послание было целью само по себе. Советская версия гуманизма, изложенная в выступлении М. Горбачева в ООН, которое он сам признает наиболее полным изложением концепции и политики «нового мышления» [8]. Суть послания составляло предложение отказаться от идеологического противоборства, самоограничения во внешней политике больших и малых государств и полное исключение применения силы вовне, деидеологизации межгосударственных отношений, совместного поиска пути к верховенству общечеловеческих идей над множеством центробежных, пусть даже законных, эгоистических мотивов. Примечательно, что в этом же послании, хоть и неявно, содержится предложение новых форм и методов коммуникации, отказа от национальных ценностей как безусловного приоритета [7].

Позднесоветское гуманитарное послание существенно отличалось от революционных инициатив молодой советской республики. В 20-е годы XX века предлагался советский вариант модерна, возможность альтернативного будущего: «... наше влияние на Европу будет заключаться в том, чтобы разогнать в ней самой сгущающуюся азиатчину, если под этим термином разуместь всякую мистическую мысль. Мы хотели бы омыть Европу, восстановить ее пылкий материалистический лик, чтобы тем самым освободить дальнейшее течение ее жизни от разных отмелей и сора» [16]. Горбачев же настаивал на интеграции в мировое гуманитарное пространство, апеллируя к западным практикам гуманизма, в том числе заявляя о приверженности Всемирной декларации прав человека, оповещая Генеральную Ассамблею о намерении «...улучшить у себя дома условия для соблюдения и защиты прав своих граждан» [7]. Вторичность послания, выраженная в признании западных «правил игры» в гуманизм, привела к тому, что горбачевский гуманитарный посыл не был конвертирован во внешнеполитические преимущества. Это лишь одна из причин неудачи

гуманитарной политики, которая, к сожалению, будет повторяться вновь и вновь.

Но и современная попытка выйти за пределы горбачевской модели гуманитаризма лишь привела к отказу от правил, которые группа ведущих государств – победителей в холодной войне пытается навязать под видом основанного на них порядка. Почему-то забывается, что мировой порядок – это не только правила и нормы, но и деятельность множества акторов мировой политики, как государственных, так и негосударственных, которые, преследуя свои интересы, поддерживают эти правила и нормы, понимая ценность сложившейся модели мирового порядка. Происходит выстраивание сетевого взаимодействия, участники которого защищают сложившийся порядок по собственной воле и в своих предполагаемых интересах. Отрицание справедливости существующего порядка, сколь угодно справедливое, не может компенсировать отсутствие желаемой модели мирополитического взаимодействия – справедливого мирового порядка, но модели, которая будет принята и разделяема ключевыми субъектами мировой политики. Подобные действия могут привести и приводят к негативному ответу участников сети, которые, не видя привлекательной альтернативы, будут защищать статус-кво.

Решающим фактором, определяющим слабую эффективность отечественного гуманитаризма, можно полагать «наивное» ожидание немедленной реакции на содержание гуманитарного послания. Нельзя забывать о том, что гуманитарная деятельность должна предполагать кропотливую и целенаправленную работу по созданию гуманитарной инфраструктуры, которая и является ее конечной целью. Гуманитарное послание формирует предпосылки, некую ценностную основу для создания сетей сторонников и друзей России, которые, не отказываясь от гражданской идентичности, что составляет основное требование современного гуманитарного послания России, и не заявляя о своей принадлежности к «Русскому миру», взаимодействуя и активно коммуницируя, смогут оказывать существенное влияние на лиц, принимающих решения на национальном,

региональном и общемировом уровнях. Подсчет количества проведенных мероприятий, направленных на поддержание исторической памяти и изучение русского языка, конкурсов исполнительского мастерства, практикуемый отечественными гуманитарными организациями, такими как фонд «Русский мир» или Россотрудничество, не может быть признан мерилom эффективности, а подобные мероприятия – целью гуманитарного сотрудничества. Число участников марша «Бессмертного полка» в той или иной стране не является показателем пророссийского курса последней.

Цель гуманитарного сотрудничества и гуманитарной политики России в целом может быть сформулирована следующим образом – формирование благоприятной среды для артикуляции и последующей реализации российских внешнеполитических инициатив. Достижение подобной цели невозможно без внятного гуманитарного послания, которое включает принципиально приемлемый для многих альтернативный образ будущего, способного инициировать движение в его поддержку, а также принципы и нормы, которые могут, во-первых, определить параметры и направленность взаимодействия разделяющих данную картину мира акторов мировой политики, а во-вторых, придать этому взаимодействию постоянный, самоподдерживающийся характер.

Литература

1. *Абалов А., Иноземцев В.* Бесконечная империя: Россия в поисках себя. – М.: Альпина Паблишер, 2021. – 421 с. С.243
2. *Борисов А. В.* Гуманитарный вектор внешней политики России // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2019. № 4 (22). – С. 6-23.
3. *Бранденбергер Д.* Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 407с.

4. *Бранденбергер Д.* Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. - М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 367с.

5. *Бранденбергер Д.* Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). - М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 407с.

6. *Власов Д.* Эсперанто в Советском радио-эфире в 1920–1930-е годы // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2013. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/esperanto-v-sovetskom-radio-efire-v-1920-1930-e-gody> (дата обращения: 20.05.2022).

7. Выступление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (7 декабря 1988) URL: <https://news.un.org/ru/audio/2013/02/1002831> (дата обращения: 20.05.2022).

8. *Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. Книга 2. М.: Издательство «Новости», 1995. URL: https://www.gorby.ru/gorbachev/zhizn_i_reformy2/page_4/#4 (дата обращения: 17.05.2022).

9. *Дэвид-Фокс, М.* Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921 - 1941 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2015. - 568 с.

10. *Келдури Э.* Национализм. – СПб.: Алетейя, 2010. - 136 с.

11. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. N 640.

12. *Лассуэлл, Г.Д.* Техника пропаганды в мировой войне. – Москва, 2021. – 237 с.

13. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. - Изд. 5-е. - М.: Издательство политической литературы, 1974. - Т. 36: Доклад о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и московского Совета 14 мая 1918 г. - С. 341-342.

14. *Луначарский А. В.* Латинизация русской письменности // Культура и письменность Востока. — 1930. — № 6. — С. 20–26.
15. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии. М., Политиздат, 1974. - 63 с.
16. Между Востоком и Западом. — В кн.: Запад и Восток. Кн. 1–2. М., 1926, с. 10–13. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/articles/mezhdu-vostokom-i-zaradom/> (дата обращения: 18.05.2022).
17. *Миллер А.* Россия: власть и история// Pro et contra. Т13. № 3-4. 2009. С.6-23.
18. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества. Утверждены Президентом Российской Федерации 18 декабря 2010 года.
19. *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке. Четвертое посмертное издание. — Партийное издательство, 1933. URL: http://sergeyhry.narod.ru/txt/rus_hists_000.htm? (дата обращения: 17.05.2022).
20. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. N 400.
21. *Примаков Е.* «Хватит нам балалаек в гуманитарной политике!». Новые известия. 8.04.2019. URL: <https://newizv.ru/article/general/08-04-2019/evgeniy-primakov-hvatit-nam-balalaek-v-gumanitarnoy-politike> (дата обращения: 14.05.2022).
22. *Токвиль А.* Старый порядок и революция. СПб.: Алетейя, 2008. — 248с.
23. Федеральный закон от 24.05.1999 N 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом».
24. *Хоскинг Д.* Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 544с.

25. *Keohane R. O., Nye, J. S. Jr.* Power and Interdependence in the Information Age // *Foreign Affairs*. Vol. 77, No. 5 (Sep. - Oct., 1998). - p.81-94

26. *Leimer M. E.* Russische Kunstausstellung in Berlin. Онлайн-платформа Dekoder. URL: <https://www.dekoder.org/de/gnose/erste-russische-kunstaussstellung-berlin-1922> (дата обращения: 17.05.2022).

Сардарова Мария Анатольевна,
старший преподаватель кафедры восточных языков, соискатель,
Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской
Федерации,
e-mail: msardarova@yandex.ru

Maria A. Sardarova,
Senior teacher at the Department of Oriental Languages, Post-graduate
Degree Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the
Russian Federation,
e-mail: msardarova@yandex.ru

**ПРОЦЕСС ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В САУДОВСКОЙ АРАВИИ:
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ «ВИДЕНИЕ 2030» НА ФОНЕ
ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА**

**PROCESS OF TRANSFORMATION IN SAUDI ARABIA:
IMPLEMENTATION OF “VISION 2030” IN THE CONTEXT OF
CORONAVIRUS PANDEMIC**

Аннотация: в статье рассматривается реализация программы преобразований Саудовской Аравии «Видение 2030» в контексте кризиса, вызванного пандемией коронавируса. Предприняты попытки определить роль проводимых реформ в преодолении последствий кризиса, а также изучить предварительные результаты реформ и темпы их осуществления.

Ключевые слова: реформы, «Видение 2030», социально-экономическая либерализация, диверсификация экономической базы, пандемия коронавируса.

Abstract: the article discusses the implementation of the Saudi Arabia transformation program “Vision 2030” in the context of the crisis caused by the coronavirus pandemic. Attempts have been made to determine the field of ongoing reforms in overcoming the consequences of the crisis, as well as to consider the preliminary results of the reforms and the pace of their implementation.

Keywords: reforms, “Vision 2030”, socio-economic liberalization, diversification of the economic base, COVID-19.

С момента принятия программы «Видение 2030» в Саудовской Аравии проводится процесс преобразований, который охватывает многие сферы жизни общества. Королевство является одним из значимых государств не только Ближневосточного региона, но и всего мусульманского мира, поэтому происходящие в нем изменения представляют несомненный интерес для окружающего геополитического пространства.

Реформы, инициированные нынешним королем Сальманом бен Абдель Азизом и наследным принцем Мухаммедом бен Сальманом, не являются первой попыткой преобразований в Саудовской Аравии. Программа «Видение 2030» и другие проекты – это этап в цепи реформ, которые в разное время осуществлялись в королевстве [1].

Мотивы запуска программы преобразований 2016 года

В 2016 году в Саудовской Аравии впервые за долгое время был принят дефицитный бюджет. Дело в том, что королевство выделяло огромные средства на проведение военной операции против хуситского движения в Йемене и на поддержку сирийской оппозиции. Кроме того, последствия «арабской весны» и кризисные ситуации во многих государствах региона, а также опасения относительно возникновения волнений в самой Саудовской Аравии подтолкнули правительство к более радикальным реформам. В королевстве в целом давно назрела необходимость избавления от нефтяной зависимости, развития отраслей промышленности, не связанных с нефтью, поддержки частного сектора, превращения страны в государство институтов, а также необходимость наделения женщин правами.

25 апреля 2016 г. Мухаммед бен Сальман, ведущая фигура национального правящего класса, занимавший на тот момент должность заместителя наследника саудовского престола, пост заместителя премьер-

министра и председателя совета по экономическим вопросам и развитию, представил программу социально-экономических реформ, получившую название «Видение 2030», где необходимость проведения структурных преобразований с целью снижения зависимости саудовской экономики от нефти является важной составной частью.

Таким образом, появление «Видения 2030» обусловлено определенными затруднениями, с которыми столкнулось королевство. В первую очередь это финансовые трудности, связанные с резким снижением цен на нефть на мировых рынках, вследствие чего государству пришлось сократить расходы и обратиться к поиску альтернативных источников доходов.

Основные реформы: цели и направления

«Видение 2030» предполагает значительную трансформацию экономики королевства и включает структурные экономические реформы и инициативы по диверсификации экономической базы. Важнейшей целью, поставленной в этом плане реформ, стало избавление от сырьевой зависимости и превращение самой крупной в мире нефтяной компании SaudiAramco из узкопрофильной нефтяной компании в глобальный промышленный конгломерат, а также трансформация Суверенного фонда Саудовской Аравии с совокупными активами выше 430 млрд долл. в крупнейший в мире фонд национального благосостояния. В соответствии с программой преобразований доля ненефтяного экспорта должна увеличиться с 16 % до 50 %, а ненефтяные доходы государства возрасти с 163 млн до 1 трлн саудовских реалов. Предполагается, что уровень безработицы должен быть снижен с 11,6 % до 7 %, а вклад малого и среднего бизнеса в ВВП увеличен с 20 % до 30 % [20].

Согласно программе Саудовская Аравия должна подняться с 25-го места и войти в число 10 передовых стран по индексу глобальной конкурентоспособности. Ожидается, что прямые инвестиции вырастут с 3,8 % до 5,4 % ВВП, а вклад частного сектора - с 40 % до 65 % ВВП [20].

Саудовская Аравия занимает второе место в мире по объему военных расходов, и только 2 % из них приходится на само королевство. Поэтому в программе указана цель – локализовать более 50 % расходов на военную технику к 2030 г. [20].

Развитие промышленности является одним из важнейших пунктов «Видения 2030». В рамках развития промышленности и усовершенствования логистических услуг были установлены следующие цели: повышение доли промышленности в ВВП с 10 % до 15 % к 2030 году, с 272 млрд саудовских риалов (показатель 2020 года) до 400 млрд саудовских риалов в 2025 году, и более 600 млрд саудовских риалов к 2030 году.

Для улучшения имиджа страны и привлечения дополнительных доходов особое внимание стало уделяться сфере туризма и отдыха. С целью увеличения потока туристов происходит упрощение процедур выдачи виз. В «Видении 2030» была поставлена задача создать условия для того, чтобы количество паломников, совершающих умру, возросло с 8 млн человек (2015 г.) до 15 млн и 30 млн в 2020 и 2030 г. соответственно [20]. Однако необходимо отметить, что пандемия коронавируса скорректировала эти планы по крайней мере в 2020 и 2021 г. не в лучшую сторону, отодвинув горизонт выполнения цели.

В 2017 г. Мухаммед бен Сальман в качестве председателя Суверенного фонда Саудовской Аравии объявил о начале реализации проекта строительства футуристического мегаполиса НЕОМ стоимостью 500 млрд долл. США. НЕОМ, который будет функционировать полностью за счет чистой энергии, является ключевой частью «Видения 2030». Помимо этого мегаполиса в рамках программы преобразований был предложен ряд других проектов, которые, как ожидается, принесут прибыль саудовской экономике, диверсифицируя источники ее дохода. Среди них можно выделить туристический проект «Красное море», а также мегапроект в сфере развлечений «Аль-Киддия». Кроме того, было объявлено о запуске крупнейшего в мире проекта, направленного на сохранение культурного

наследия, по восстановлению и развитию города Эд-Дирьии, столицы Первого Саудовского государства [17]. Этот средневековый город является одним из важнейших культурных, туристических направлений в регионе благодаря своему местоположению, сохранившимся здесь объектам всемирного культурного наследия, наиболее важным из которых считается исторический район Эт-Тураиф.

Один из главных пунктов программы преобразований королевства – защита окружающей среды путем повышения эффективности управления отходами, создания комплексных проектов по их переработке, сокращения всех видов загрязнений, борьбы с опустыниванием, а также рационального использования водных ресурсов и развития сектора возобновляемой энергии [20]. Саудовская Аравия запустила национальную программу по возобновляемым источникам энергии, которая направлена на производство 9,5 ГВт возобновляемой энергии к 2023 году. Министр энергетики Абдель Азиз бен Сальман подтвердил планы королевства перенять успешный опыт передовых государств в области возобновляемых источников энергии и стать лидером в производстве водорода и чистой энергии. Королевство планирует к 2025 году производить водород из солнечной энергии, так называемый «зеленый» водород, на заводе, расположенном в городе НЕОМ, стоимостью пять млрд долл. США.

Преобразования, проводимые в стране, не обошли и сферу образования. В исследовании, опубликованном Центром исламских исследований имени короля Фейсала в сентябре 2020 г. и подготовленном саудовским исследователем и политическим аналитиком Наджой аль-Отайби, отмечается, что целью реформы образования является искоренение экстремистского дискурса и поощрение религиозного истеблишмента к продвижению умеренного ислама [4]. В ходе своего выступления на форуме «Будущая инвестиционная инициатива» в октябре 2017 г. в Эр-Рияде Мухаммед бен Сальман заявил: «Мы просто хотим вернуться туда, где мы были, к умеренному исламу, открытому миру, открытому всем религиям» [21].

Постепенно меняется содержание учебных программ, в которых религиозным предметам стало уделяться меньше внимания, ослабляется контроль религиозных институтов над системой образования. В образовательные программы были включены новые предметы, такие как искусство, музыка, философия. Женщины получили возможность изучать архитектуру, политологию, нефтегазовое машиностроение, юриспруденцию. Изменение школьных программ связано с проводимым политическим курсом, который подчеркивает неисламские компоненты саудовской национальной идентичности и истории. Министерство образования сократило религиозную направленность учебных программ. Акцент больше делается на национальной, нежели религиозной идентичности саудовцев.

В соответствии с планом преобразований «Видение 2030» образование должно отвечать потребностям рынка труда. Планируется, что к 2030 г. минимум 5 саудовских университетов войдут в число 200 лучших высших учебных заведений мира [20].

В программе «Видение 2030» отмечается необходимость развивать культуру и сектор развлечений, оказывать поддержку саудовским писателям и кинорежиссерам, развивать культурные объекты, например музеи и библиотеки.

В 2018 г. королевским указом было создано министерство культуры, которое было отделено от министерства информации [15].

Предполагается, что развитие культурного сектора позитивно отразится на укреплении национальной идентичности, будет стимулировать экономический рост, повысит качество жизни в королевстве, а также укрепит авторитет королевства на международной арене [10].

В рамках общей стратегии в марте 2019 г. министерство культуры объявило о запуске 29 инициатив, в число которых входит учреждение международного «Кинофестиваля Красного моря», проведение фестивалей культуры, создание галереи современного искусства, организация биеннале Эд-Дирья, проведение недели высокой моды и многие другие мероприятия,

которые ранее было трудно представить в Саудовской Аравии. Кроме того, в декабре 2019 г. министерство культуры объявило о запуске первой в истории королевства программы стипендий в области культуры, которые предоставляют саудовским студентам возможность учиться в ведущих университетах мира и изучать архитектуру, дизайн, музейное дело, кинопроизводство, литературу и изобразительное искусство [10].

4 ноября 2020 г. Министерство людских ресурсов и социального развития Саудовской Аравии выступило с инициативой по реформированию системы труда. Целью этих реформ является усовершенствование договорных отношений между работником и работодателем, повышение прозрачности трудоустройства, упрощение иммиграционных правил. Реформа в основном касается повышения мобильности иностранцев, приехавших на работу в королевство [14].

Саудовское агентство печати (WAS) приводит заявление Мухаммеда бен Сальмана, в котором он подтверждает преобразования, происходящие в законодательной сфере, подчеркивая, что они должны улучшить ситуацию в сфере прав человека, а также будут учитывать последние международные тенденции в правовой сфере. Изменения затронут закон о личном статусе, закон о гражданских сделках, закон о доказательствах и уголовный кодекс. Вынесенные на рассмотрение нормативные акты составлены в соответствии с современными тенденциями, существующими в международном праве, но в то же время они не противоречат шариату [4].

Мухаммед бен Сальман убежден, что реформы, проводимые в Саудовской Аравии, положительно отразятся на всем Ближневосточном регионе. Выступая на форуме «Инвестиционная инициатива будущего», который состоялся в 2018 г., наследный принц говорил о стремлении превратить Ближневосточный регион в «новую Европу» в ближайшие годы и пообещал большие достижения, которые принесут добро, процветание и прогресс его народу. Он также выразил надежду, что эти цели будут выполнены на 100 % [11].

Предварительные итоги реформ

Почти за шесть лет, что прошли с момента объявления программы, мировая экономика столкнулась со многими трудностями, включая нестабильность на нефтяном рынке, а также последствия эпидемии COVID-19.

В связи с этим возникает ряд вопросов, самыми важными из которых представляются следующие: помогло ли «Видение 2030» решить экономические трудности королевства и отказаться от нефтяной зависимости; какие проекты и реформы удалось претворить в жизнь; с какими трудностями столкнулось королевство при реализации этой программы преобразований.

С началом пандемии COVID-19 экспертами стали высказываться предположения, что экономические трудности, связанные с эпидемией коронавируса, резкое падение цен на нефть, а также военная операция, которую проводит Эр-Рияд в Йемене против хуситов, – все это создаст непреодолимые препятствия на пути реализации масштабных планов и проектов, обозначенных в рамках «Видения 2030». Помимо падения цен на нефть и расходов, связанных с военной кампанией в Йемене, во время пандемии Саудовская Аравия была вынуждена приостановить хадж и умру, которые являются важной статьёй дохода государственного бюджета.

Действительно, экономике королевства был нанесен серьезный урон, что не могло не отразиться на реализации программы «Видение 2030». Во втором квартале 2020 года темпы экономического роста сократились на 7 %. Согласно отчетам Главного управления статистики Саудовской Аравии снижение темпов роста частного сектора достигло 10,1 %, а государственного сектора – 3,5 %. Нефтяной сектор сократился на 8,2 %, а ненефтяной – на 5,3 %. Уровень безработицы вырос до 15,4 % по сравнению с 11,8 % в первом квартале того же года [6]. Дефицит бюджета в 2020 году достиг 293,9 млрд саудовских риалов, увеличившись более чем в 2 раза по сравнению с 2019

годом [13]. В разгар пандемии резко возросли расходы на социальные пособия и субсидии.

Однако уже в конце 2020 года стали публиковаться отчеты, свидетельствующие о позитивных изменениях, происходящих в саудовской экономике.

Главное управление статистики Саудовской Аравии в декабре 2021 года объявило, что ВВП королевства вырос на 7 % в третьем квартале 2021 года по сравнению с аналогичным периодом 2020 года, а по сравнению со вторым кварталом 2021 года – на 5,7 %. Это является самым высоким годовым показателем роста с 2012 года. Экономический рост был обеспечен за счет подъема нефтяного сектора, который достиг 9,3 % в годовом исчислении и 12,7 % в квартальном исчислении. Рост ненефтяных секторов экономики составил 6,3 % в годовом исчислении и 2,6 % в квартальном исчислении. Внутренний спрос значительно вырос в третьем квартале 2021 года. Во всех видах экономической деятельности была зафиксирована положительная динамика [18]. В сентябре 2021 года в частном секторе наблюдался самый быстрый рост с 2015 года, обусловленный новыми заказами и увеличением объема производства. Он может быть объяснен усилиями правительства, направленными на повышение занятости в частном секторе. Уровень безработицы сократился до 11,3 % во втором квартале, что является самым низким показателем с 2016 года. В августе 2021 года уровень инфляции в королевстве понизился до самого низкого уровня за последние 20 месяцев и составил 0,3 % [7].

В декабре 2021 года правительство Саудовской Аравии приняло бюджет, который, как рассчитывает саудовское министерство финансов, будет впервые почти за десять лет исполнен с профицитом, запланированным в размере 24 млрд долл. [22].

Правительству Саудовской Аравии удалось преодолеть многие экономические трудности и смягчить последствия кризиса не только

благодаря росту цен на нефть, который был зафиксирован в 2021 году, и сокращению государственных расходов, но и во многом благодаря реализации программы «Видение 2030». Несмотря на то, что доля доходов от нефти превышает доходы от нефтефтяных секторов экономики, комплексные экономические реформы привели к тому, что нефтефтяные доходы достигли 369 млрд риалов в 2020 году, в то время как в 2015 году они составляли 66 млрд риалов, увеличившись таким образом на 222 %. До реализации «Видения 2030» на нефтефтяной сектор приходилось приблизительно 90 % национальных доходов [5].

Среди достигнутых целей программы «Видение 2030» можно выделить увеличение активов Суверенного фонда Саудовской Аравии более чем на 150 % до 400 млрд долл. США (к концу 2020 года), в то время как в конце 2015 года его активы составляли 152 млрд долл. К концу 2020 года доля фонда в мировом суверенном богатстве возросла до 5 %, тогда как в 2015 году составляла всего 2 %. Он поднялся на 8-е место в мире среди крупнейших фондов национального благосостояния по сравнению с 31-м местом в 2015 году. Мухаммед бен Сальман, который также является председателем совета директоров фонда, объявил о стратегии, направленной на увеличение его активов до более чем 4 трлн саудовских риалов (1,07 трлн долл. США) к концу 2025 года, что подразумевает рост на 167 % в течение 5 лет [8].

В феврале 2022 года Мухаммед бен Сальман заявил, что 4 % акций нефтефтяной корпорации Saudi Aramco будут переданы в Фонд национального благосостояния в рамках долгосрочной стратегии королевства по реструктуризации экономики. Планируется, что к концу 2025 года активы Фонда составят 1 трлн долл. США [16].

Участие женщин в экономике достигло рекордного для Саудовской Аравии уровня в 33,2 % в конце 2020 года, что почти на 10 % превысило показатель, установленный в Национальной программе преобразований на 2020 год [8].

Таким образом, королевству удалось увеличить свои ненефтяные доходы за счет диверсификации экономики, что позволило защитить экономику во время кризиса, развернувшегося на фоне пандемии COVID-19, и смягчить его последствия для частного сектора.

Одним из главных достижений в рамках реализации программы «Видение 2030» является выставление акций нефтяного гиганта Saudi Aramco на продажу в рамках масштабной программы приватизации. В 2019 году правительство Саудовской Аравии продало более 1,7 % акций компании в ходе первых публичных торгов. Это позволило получить 29,4 млрд долл. США [8].

Кроме того, реализация многих проектов «Видения 2030» позволила увеличить приток иностранных инвестиций в королевство. Так, к концу 2020 года объем иностранных инвестиций составил 2,01 трлн саудовских риалов, что значительно превышает показатели, зафиксированные в конце 2015 года, когда объем иностранных инвестиций был равен 1,14 трлн саудовских риалов. По словам Мухаммеда бен Сальмана, поэтапная реализация программы «Видение 2030» должна превратить королевство в самого выгодного инвестиционного партнера в мире [8].

24 января 2021 года наследный принц объявил о новых планах по реструктуризации экономики Саудовской Аравии. Объем производства компаний и предприятий, не связанных с нефтедобычей, должен вырасти до 320 млрд долл. США к 2025 году и составить значительную часть ВВП [8].

Эксперты утверждают, что Саудовской Аравии удалось преодолеть последствия кризиса, вызванного пандемией. В 2021 году было запущено более 10 проектов и инициатив в рамках реализации «Видения 2030», среди которых новая «Ближневосточная зелёная инициатива» стоимостью 10 млрд долл. США, объявленная Мухаммедом бен Сальманом 25 октября 2021 года [19].

В докладе, подготовленном экспертами МВФ, дается высокая оценка действиям Эр-Рияда, направленным на восстановление экономики,

пострадавшей в результате кризиса, вызванного COVID-19. Фонд выделил три фактора, которые помогли правительству преодолеть экономические трудности. В первую очередь эксперты отмечают, что накануне пандемии в Саудовской Аравии был зафиксирован значительный рост в ненефтяных секторах экономики. Реформы, проводимые в рамках «Видения 2030», рассматриваются в качестве ключевого фактора сдерживания кризиса. Кроме того, эксперты МВФ отмечают эффективные меры, принятые правительством для сокращения случаев заражения COVID-19 и смертей, вызванных данным вирусом. В соответствии с Nikkei COVID-19 Recovery Index Саудовская Аравия заняла второе место в списке из 121 государства и десятое место среди 184 государств в Global COVID-19 Index. Еще один важный фактор, на который обратили внимание эксперты МВФ, – это программы поддержки правительством частного сектора [9].

МВФ ожидает, что восстановление экономики продолжится, темпы роста достигнут 5 %, а рост ненефтяного ВВП в 2022 году составит 6,3 %. По прогнозам министерства финансов королевства, профицит бюджета в 2022 году должен составить 7,4 % [9].

Несмотря на то что сроки реализации некоторых проектов в рамках «Видения 2030» пришлось пересмотреть, работа над ними все равно продвигается. По мнению специалистов, реализация задач программы на 70 % или даже 50 % – это залог прогресса [2]. В самом начале пандемии высказывались предположения, что реализация проектов будет приостановлена, но, несмотря на падение цен на нефть и последующее сокращение бюджета, работа над ними продолжается. Многие эксперты полагают, что политическое будущее Мухаммеда бен Сальмана во многом зависит от реализации «Видения 2030». Член консультативного совета проекта НЕОМ Али Шихаби сказал, что скорость его реализации может меняться, поскольку колебание цен на нефть все еще оказывает заметное влияние на бюджет Саудовской Аравии, но работа над ним продолжается и, несомненно, он и другие проекты будут претворены в жизнь [3].

Таким образом, уже сейчас очевидно, что «Видение 2030» позволило смягчить последствия пандемии коронавируса для экономики королевства. В результате кризиса, спровоцированного COVID-19, темпы проведения реформ и реализации проектов стали замедляться. Но уже в конце 2020 года стало понятно, что кризис, благодаря осуществлению программы, удалось преодолеть и реализация проектов – это всего лишь вопрос времени.

К власти в королевстве постепенно приходит молодое поколение, которое осознает, что мир стремительно меняется и необходимо перестраивать свои приоритеты [21]. Безусловно, Мухаммед бен Сальман стремится сделать страну более современной, открытой миру и дружественной бизнесу. Он пытается найти баланс между долгосрочными целями и достижением ощутимого прогресса уже на нынешнем этапе.

Литература

1. *Косач Г.Г.* Эпидемии и реформы: опыт Саудовской Аравии. Международная аналитика. Том 11, №1 (2020). (Kosach G.G. Epidemics and reforms: experience of Saudi Arabia) (In Russ.) <https://www.interanalytics.org/jour/article/view/268/220> (accessed 06.07.2021)
2. *Руденко Л.Н.* Экономические проблемы Саудовской Аравии. (Rudenko L.N. Economic problems of Saudi Arabia) (In Russ.) <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-problemy-saudovskoy-aravii> (accessed 21.02.2022)
3. *Bostock B.* Saudi Arabia is pressing ahead to realize MBS's pet projects — like a \$500 billion futuristic megacity — bypassing budget cuts and shrugging off the pandemic. // Business Insider. 24.09.2020 <https://www.businessinsider.nl/saudi-arabia-is-pressing-ahead-to-realize-mbss-pet-projects-like-a-500-billion-futuristic-megacity-bypassing-budget-cuts-and-shrugging-off-the-pandemic/> (accessed 20.02.2021).

4. Crown Prince announces the development of legislation system. //The official Saudi Press Agency. 08.02.2021. (In Arab.) <https://www.spa.gov.sa/2187777> (accessed 12.02.2022).
5. Faisal Faeq. Vision 2030: A push in the right direction. ArabNews. 26.09.2021. <https://www.arabnews.com/node/1936016> (accessed 05.03.2022).
6. How Saudi Arabia managed to get out with the least damage from the corona crisis. // Al-Arabiya. 08.10.2020. (In Arab). <https://clck.ru/dY5Mp> (accessed 08.03.2022).
7. How Saudi economy came out of the pandemic in 2021: Year in Review.// ArabNews. 05.01.2022. <https://www.arabnews.com/node/1996176/business-economy> (accessed 06.03.2022).
8. Ikram Abdullah. 5 years later. Saudi Arabia's "Vision 2030" diversifies economy and overcomes crises. // Al Eqtisadiyah. 26.04.2021. <https://clck.ru/dY5fd> (accessed 03.03.2022)
9. International Monetary Fund Official to Al Arabiya: 3 factors lift the growth of the economy of Saudi Arabia and the region. // Al-Arabiya. 25.02.2022. (In Arab) <https://clck.ru/dY69T> (accessed 08.03.2022).
10. Ministry of Culture: an achievement that is not measured in time. // Al Riyadh. 04.08.2020. (In Arab.) <https://www.alriyadh.com/1835079> (accessed 12.02.2022)
11. Mohammed bin Salman: the new Europe is the Middle East. // Asharq Al-Awsat. 25.10.2018. (In Arab.) <https://clck.ru/XV6nh> (accessed 15.02.2022).
12. Prince Mohammed bin Salman: rationalizing government performance is one of the main challenges. Asharq Al-Awsat. 29.11.2015. (In Arab.) <https://clck.ru/XeBGT> (accessed 07.07.2021)
13. Saudi Arabia bypasses corona's difficult economic conditions with preventive measures. // Asharq Al-Awsat. 27.12.2020. (In Arab). <https://clck.ru/dY5Qk> (accessed 08.03.2022).

14. Saudi Arabia introduces significant labor reforms. // The Society for Human Resources Management. 11.12.2020. <https://www.shrm.org/resourcesandtools/hr-topics/global-hr/pages/saudi-arabia-labor-reform-initiative.aspx> (accessed 15.02.2022).
15. Saudi Arabia: Establishment of the Ministry of culture and its separation from the Ministry of information. // Al-Arabiya. 20.05.2020. (In Arab.) <https://clck.ru/XV5Mu> (accessed 03.03.2022)
16. Saudi Arabia transfers \$80bn in shares to wealth fund for green projects. 13.02.2022 // The Guardian. <https://www.theguardian.com/business/2022/feb/13/saudi-arabia-transfers-80bn-shares-sovereign-fund-green-projects> (accessed 06.03.2022)
17. Saudi Crown Prince's Vision of a development renaissance for the Gulf region. // Asharq Al-Awsat. 05.01.2021. (In Arab.) <https://clck.ru/XV4tX> (accessed 14.02.2022)
18. Saudi economy records best quarterly growth since 2012...Economy increased by 7%. // Al-Arabiya. 14.12.2021. (In Arab). <https://clck.ru/dY5Th> (accessed 07.03.2022).
19. Saudi Green Initiative. Middle East Green Initiative Summit. 25.10.2021. <https://www.saudigreeninitiative.org/events/middle-east-green-initiative-summit/> (accessed 08.03.2022).
20. Saudi Vision 2030. <https://www.vision2030.gov.sa/v2030/overview/> (accessed 25.02.2022)
21. Vision 2030 takes a dual approach to reforming the Saudi education system. // Asharq Al-Awsat. 10.09.2020. (In Arab.) <https://clck.ru/XV54W> (accessed 26.02.2022)
22. Yousef Saba. Saudi Arabia expects 2022 budget surplus after years of deficit. // Reuters. 13.12.2021. <https://www.reuters.com/world/middle-east/saudi-arabia-announces-955-bln-riyal-budget-2022-spa-2021-12-12/> (accessed 08.03.2022).

Карачин Игорь Олегович,
руководитель аппарата, директор по коммуникациям АНО «Агентство
стратегических инициатив по продвижению новых проектов»,
e-mail: io.karachin@asi.ru

Igor O. Karachin,
Head of Staff, Communications Director at the Agency for Strategic Initiatives,
e-mail: io.karachin@asi.ru

УНИФИКАЦИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ (ЕАЭС)

UNIFICATION OF MIGRATION POLICY IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION (EAEU)

Аннотация: процесс унификации миграционного законодательства в странах – членах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) находится в стадии развития. Сегодня на территории Союза практически не встречаются случаи вынужденной миграции. В основном миграционные процессы связаны с проблемами экономической миграции (трудовой, семейной и т.д.). Исходя из вышесказанного, стоит отметить, что миграционное законодательство постепенно переориентируется именно на эти проблемы. Эффективная миграционная политика обеспечивает национальную безопасность государства, поскольку миграционные процессы на современном этапе развития общества относятся к ключевым факторам, способствующим стабилизации политической и экономической ситуации в странах, а также в интеграционном объединении ЕАЭС.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, свободное передвижение людей, евразийская интеграция, миграционное право.

Abstract: the process of unification of migration legislation in the EAEU member countries is under development. Today, there are practically no cases of forced migration on the territory of the Union, mainly migration processes are associated with problems of economic migration (labor, family, etc.). The migration

policy in the EAEU member countries is aimed at creating a common labor market within the integration association. Based on the foregoing, migration legislation is gradually being reoriented precisely to these problems. The relevance of the research topic lies in the fact that an effective migration policy ensures the national security of the state, since migration processes at the present stage of development of society are among the key factors contributing to either the stabilization of the political and economic situation in the country, or the destabilization of this situation in the state, as well as in the integration unification of the EAEU as a whole.

Keywords: Eurasian Economic Union (EAEU), free movement of people, Eurasian integration, migration law.

Динамика регулирования трудовой миграции в евразийской миграционной системе

1 января 2015 года вступил в силу Договор о Евразийском экономическом союзе. Он сыграл ключевую роль в евразийской интеграции и стал отправной точкой для подлинно общего рынка труда. Соглашение о сотрудничестве в противодействии нелегальной трудовой миграции из третьих государств продолжает действовать параллельно с Договором о ЕАЭС. Договор предусматривает набор основных прав работников ЕАЭС. Статья 1 устанавливает четыре свободы в рамках ЕАЭС, необходимые для построения общего рынка: свобода передвижения товаров, услуг, капитала и труда. Одной из целей Союза, закрепленной в статье 4, является построение общего рынка трудовых ресурсов. Следует отметить, что подавляющее большинство норм трудовой миграции, включенных в Договор, было заимствовано из Соглашения о правовом положении мигрантов и членов их семей. Однако Договор о ЕАЭС вносит ряд новелл и изменений в правовое положение трудового мигранта, развивающееся с 2010 года. Важная новелла касается некоторых правовых определений и понятий, закрепленных в статье 96. В Договоре более не используется понятие «рабочий мигрант», оно заменяется термином «работник государства-члена», под которым понимается гражданин

государства-члена, законно проживающий и законно осуществляющий трудовую деятельность на территории государства трудоустройства, гражданином которого он не является и в котором он не проживает постоянно. Договор упрощает порядок въезда для граждан государств – членов Союза: при въезде на территорию государства-члена по загранпаспорту (не национальному удостоверению личности) они могут быть освобождены от использования миграционной карты, если срок их пребывания превышает не более 30 дней с момента въезда. Договор четко различает работников из государств – членов Союза и трудовых мигрантов из-за пределов Союза (из СНГ и дальнего зарубежья). Последние обязаны получить либо патент на работу (безвизовые мигранты), либо разрешение на работу (визовые мигранты). Квоты для работников из государств – членов Союза не предусмотрены, а в Договоре говорится о содействии организованному найму [9]. Эту практику активно продвигают в регионе Всемирный банк и МОМ. Однако она подвергается критике со стороны многих исследователей, которые считают, что мигрантские сети – более эффективный и естественный инструмент для облегчения мобильности трудовых мигрантов.

Важной реформой в рамках ЕАЭС, которую Евразийская комиссия готовит с 2014 года, является пенсионное обеспечение работников государств – членов ЕАЭС и членов их семей. Соглашение о пенсионном обеспечении трудоспособного населения государств – членов Евразийского экономического союза было подписано 20 декабря 2019 г. и вступило в силу 1 января 2021 г. [11]. Данное соглашение представляет собой важный шаг на пути к обеспечению свободы передвижения в рамках общего рынка, поскольку пенсионные системы стран ЕАЭС различаются по возрасту выхода на пенсию, пенсионному обеспечению и структуре финансирования пенсионных выплат [1]. Согласно статье 3 Соглашения работники государств – членов ЕАЭС пользуются пенсионными правами на тех же условиях, что и граждане государства трудоустройства. Статья 5 устанавливает право члена семьи на получение пенсии в случае смерти работника [12]. Размер

пенсионных пособий зависит от стажа работы на территории государства-члена. Более того, они рассчитываются в соответствии с национальными правилами государства занятости. Соглашение предусматривает механизм экспорта пенсионных выплат между государствами – членами ЕАЭС. В целях реализации Соглашения Совет Евразийской комиссии утвердил порядок и механизм взаимодействия компетентных органов стран ЕАЭС и Евразийской экономической комиссии. Некоторые исследователи отмечают недостаточный уровень обеспечения прав работников в рамках ЕАЭС, указывая на диспропорцию между статусом работников из Российской Федерации и Беларуси, с одной стороны, и работников из Армении, Кыргызстана и Казахстана, с другой стороны. Они относятся к особому режиму в рамках Союзного государства России и Белоруссии, который с точки зрения миграционных вопросов рассматривается как национальный режим. Однако такой дисбаланс является результатом более развитого сотрудничества России и Беларуси, установившегося задолго до Договора о ЕАЭС, не имеющего ничего общего с последним. Анализируя миграционный режим ЕАЭС и его недостатки, некоторые ученые утверждают, что отношения в рамках ЕАЭС в сфере регулирования миграции должны эволюционировать от экономико-политической логики к цивилизационной [14]. Тем не менее нельзя не учитывать, что трудовая миграция является частью экономики государства. Она во многом регулируется рыночными правилами, что подтверждается большинством классических и постклассических подходов к трудовой миграции. Поэтому экономическое обоснование [7] всегда будет иметь приоритет над правами мигрантов, особенно когда речь идет о крупных потоках трудовой миграции, характерных для ЕАЭС с его четким разграничением между принимающими и направляющими странами. Рассмотрим разницу между ЕС и ЕАЭС с точки зрения масштабов внутренней трудовой миграционной мобильности. В ЕС спустя десятилетия после введения режима свободного передвижения только около 3 % граждан активно пользуются этим правом. С 1961 по 1967 г. было выдано 1 753 818

первичных разрешений на работу работникам, перемещающимся в пределах ЕС, что составляет около 1% населения шести государств – членов ЕС [15]. Относительные и абсолютные показатели внутренней трудовой мобильности внутри ЕАЭС во много раз больше. Причина этого кроется в принципиально разной целеполагаемости европейской и евразийской интеграции в вопросах трудовой миграции и свободы передвижения. В Договоре о ЕС положения о свободе передвижения направлены на стимулирование трудовой мобильности между государствами-членами в интересах экономической интеграции и развития общего рынка. Иными словами, договоры стремятся создать в Западной Европе новую миграционную реальность [8, с. 205–223]. Все эти положения способствовали неограниченной трудовой миграции между государствами – членами ЕС. В отличие от ЕС внутрисоюзная трудовая миграция в ЕАЭС значительна, и Договор лишь создает для нее правовую базу и способствует ее облегчению. Это может объяснить, почему ни одно из государств-членов не высказало возражений против положений о трудовой миграции (глава 26 Договора) при подписании Договора. Напротив, в случае Договора о ЕС только Италия, зависящая от иммиграции и денежных переводов, и Бельгия поддержали положения о свободном перемещении работников [5, с. 11–24].

Перспективные направления сотрудничества в сфере миграции ЕАЭС

Неоспоримую важность имеют вопросы связанные с углублением сотрудничества в сфере миграции в государствах – членах Союза. В первую очередь можно выделить такие пункты, как:

- отказаться от практики использования и заполнения миграционных документов, таких как миграционные карты и т.д.;
- осуществлять паспортный контроль для мигрантов из стран ЕАЭС в специальных пунктах с обеспечением приоритетного прохождения;
- определить срок нахождения мигрантов на территории стран ЕАЭС до 90 дней;

- дополнить перечень документов для въезда в другие страны ЕАЭС (возможность прохождения паспортного контроля по внутренним документам).

В целях унификации требований и правил рынка труда стран ЕАЭС Договором предусмотрена разработка единой политики трудовой миграции, которая будет обеспечивать интересы мигрантов в таких областях, как медицинское обслуживание, трудовой стаж, а также социальное обеспечение таких граждан. Немаловажно отметить значение таких норм, как условия трудоустройства граждан государств – членов ЕАЭС. Имеется в виду, что для граждан и мигрантов должна применяться единая практика по условиям трудоустройства. В рамках этого пакта включены также следующие пункты:

- в случае временной нетрудоспособности предусмотреть страховое обеспечение, которое также распространяется и в случае с материнством;

- обязательное медицинское страхование, страхование при несчастных случаях, травмах, а также профессиональных заболеваниях.

Помимо этого, нормы Договора предусматривают бесплатную медицинскую и скорую помощь семьям трудящихся независимо от наличия медицинского страхового полиса. Медицинским организациям возмещаются затраты на эвакуацию пациентов в целях сохранения здоровья трудящегося за счет бюджета государства трудоустройства. В странах Союза предусмотрены единые условия налогообложения доходов трудящихся наравне с гражданами государства трудоустройства. Разрабатывается Договор о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза. Одной из важных проблем в преобразовании и укреплении функционирования рынка труда ЕАЭС является нелегальная миграция в страны Союза. Низкая специализированность мигрантов отражается на национальном рынке труда любой страны, так как из-за большого количества нелегальных мигрантов снижается уровень доступных для граждан рабочих мест. Большое количество мигрантов ЕАЭС приходится на Россию, исходя из территориальных и экономических соображений. Главными факторами миграции в странах ЕАЭС являются вопросы, связанные с экономическими

факторами, такие как трудоустройство, повышение уровня жизни, а также изменение образа жизни. С учетом этого существует угроза со стороны нелегального мигрантства, когда нарушаются законы по перемещению и прибыванию из одной страны в другую. Такие случаи приводят к росту напряженности, нестабильности как в социальном плане, так и в экономико-политическом. Отсутствие ограничений по свободному перемещению позволяет низкоквалифицированным рабочим в условиях легальной миграции довольствоваться ценовым предложением и условиями труда принимающей страны. В таком случае рабочий заинтересован в хорошо оплачиваемой трудовой деятельности в другой стране. Основным из приоритетных направлений для развития рынка труда ЕАЭС является деятельность Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). Программы ЕЭК направлены на организацию занятости населения и формирование компетентных и квалифицированных кадров. ЕАЭС необходимо прийти к единому стандарту образовательного пространства для обучения квалифицированных специалистов. Одной из важнейших перспектив в развитии ЕАЭС становится присоединение других стран к Союзу, что поможет оптимизировать труд, минимизировать нелегальную трудовую миграцию за счет расширения границ ЕАЭС. Подводя итоги, можно констатировать, что в целом общий рынок труда ЕАЭС имеет положительные перспективы в своем развитии на экономическом уровне. Тем не менее очевидно, что созданию весьма значимого общего рынка труда ЕАЭС предшествует отлаженное регулирование национальных рынков труда, на которых должна проводиться политика зависимости повышения заработной платы работников от роста производительности труда, сбалансированной системы налогообложения и достойного социального обеспечения.

Литература

1. *Dyatlov S.A., Feygin G.F., Lebedeva, L.F.* Transformatsiya pensionnykh sistem stran Yevraziyskogo ekonomicheskogo soyuza. *Economy of Region*, 4, 2017. P. 1151–1163, doi. org/10.17059/2017-4-14.
2. *Entin K., Pirker, B.* Bosman’s Second Life? The Eurasian Economic Union Court and the Free Movement of Professional Athletes. *Legal Issues of Economic Integration*, 2019, Issue 2, 46, P. 129– 148.
3. *Gabov A.V., Kashirkina A.A., Lukyanova V.Yu., et al.* Free trade area and the custom union: Legal problems of the post-Soviet integrating unions. Lukyanova, V.Yu., 2012, ed. Moscow: Ankil. ISBN 978-5- 86476-366-7.
4. *Geddes A.* Immigration and European integration: Towards fortress Europe? Manchester: Manchester University Press, 2000. ISBN: 978-0-7190-7466-0.
5. *Groenendijk K.* Forty Years of Free Movement of Workers: Has it Been a Success and Why? In: P. Minderhoud and N. Trimikliniotis, eds., (2009). *Rethinking the Free Movement of Workers: The European Challenges Ahead*. Nijmegen: Wolf Legal Publishers, 2009. ISBN: 9789058504647. P. 11–24.
6. *Ivakhnyuk I.V., Kuzmina E.M.* What is the common labour market in the EAEU for? Center for Integration Prospects Studies, Moscow, 2017.
7. *Korneev O., Leonov, A.* ‘Home-grown’ vs. ‘imported’ regionalism? Overlapping dynamics of regional migration governance in post-Soviet Eurasia. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2021. doi: 10.1080/1369183X.2021.1972566.
8. *Leonov A., Korneev O.* Regional Migration Governance in the Eurasian Migration System. In: A. Geddes, M. Vera Espinoza, L. Hadj Abdou and L. Brumat. *The Dynamics of Regional Migration Governance*. Edward Elgar Publishing, 2019. P. 205– 223.
9. *Mukomel V.I.* Transformation of labour migration: social aspects. In: Gorshkov MK (Ed.) *Russia Under Reforms. Annual Series. 11th issue*. New Chronograph, Moscow, 2012. P. 236–263.

10. *Molodikova I.* Eurasian Migration towards Russia: Regional Dynamics in the Era of Globalisation. In: A. Triandafyllidou, ed., (2018). Handbook of Migration and Globalisation. Cheltenham and Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 2018. ISBN: 9781785367502. P. 334–358.

11. *Poletaev D.V.* From Alertness to Dislike: dynamics of attitude towards cross-border migrant workers between 2002 and 2016 in Russia. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Altai State University. Publishing House of Altai University, Barnaul, 2018: 267–284. <https://book.ivran.ru/f/fen-migr.pdf> (reference date: 14.01.2020).

12. *Yatsenko E.B., Kozietskaya E.V., Gavrilova K.A.* Russian language in the newly independent states. Heritage of Eurasia Foundation, Moscow, 2008.

Исхаков Аскар Салаватович
магистрант, НИУ «Высшая школа экономики».
E-mail: isx.ask@gmail.com

Шангараев Руслан Насимович,
кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного
управления во внешнеполитической деятельности, Дипломатическая
академия Министерства иностранных дел Российской Федерации,
e-mail: r.shangaraev@dipacademy.ru

Askar S. Iskhakov
Master's Degree Student,
National Research University Higher School of Economics.
E-mail: isx.ask@gmail.com

Ruslan N. Shangaraev,
Ph.D. (Economics), Associate Professor of the Department of Public
Administration in Foreign Policy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign
Affairs of the Russian Federation,
e-mail: r.shangaraev@dipacademy.ru

«МЯГКАЯ СИЛА» ТУРЦИИ В СТРАНАХ СНГ

TURKEY'S "SOFT POWER" IN CIS COUNTRIES

Аннотация. Концепция «мягкой силы» в турецком дискурсе не отошла далеко от западного развития, однако больше усилий вкладывается именно в культурный аспект. По мнению турецких исследователей, учитывая, что культура тюркских и мусульманских народов несколько веков находилась под влиянием османской культуры, это дает универсальный характер распространению «мягкой силы» для современной Турции. Этот культурный аспект является ключевым источником ее «мягкой силы» в других странах. Этому также способствуют геополитическое положение Турции на стыке Европы и Азии, этническая, религиозная и языковая общность турок с народами соседних и других регионов, в том числе стран СНГ, возникших с распадом Советского Союза в 1991 г.

Ключевые слова: Турция, «мягкая сила», Кавказ, Средняя Азия, Восточная Европа

Abstract. The concept of “soft power” in Turkish discourse has not moved far from Western development, but more effort is being put into the cultural aspect. According to Turkish researchers, given that the culture of the Turkic and Muslim peoples was influenced by Ottoman culture for several centuries, this gives a universal character to the spread of "soft power" for modern Turkey. This cultural aspect is a key source of its "soft power" in other countries. This is also facilitated by the geopolitical position of Turkey at the crossroads of Europe and Asia, the ethnic, religious and linguistic community of the Turks with the peoples of neighboring and other regions, including the CIS countries that emerged with the collapse of the Soviet Union in 1991.

Keywords: Turkey, soft power, Caucasus, Central Asia, Eastern Europe

«Мягкая сила» Турции в странах Кавказа (Азербайджан, Грузия)

Кавказ играет важную роль в современной турецкой геополитике. После распада Советского Союза в 1991 году и с появлением молодых независимых государств на Кавказе его территория сразу же стала ареной острой геополитической борьбы. Турция активно действует в этом регионе, проводя политику «мягкой силы» через культуру, инвестиции и двустороннее сотрудничество. В Азербайджане и Грузии действует целый ряд турецких культурных и гуманитарных организаций.

Турция была первой страной, признавшей независимость Азербайджана после распада СССР. Экономические и социальные отношения между двумя странами имеют большое значение друг для друга. После получения независимости Азербайджан нуждался в поддержке Турции, чтобы преодолеть трудности в построении государства. В 1990-х годах были подписаны многосторонние соглашения о торговом, экономическом, образовательном, культурном, научном и техническом сотрудничестве, а также соглашения о дружбе и добрососедстве между этими странами [1].

Азербайджан — наиболее близкий союзник Турции на Кавказе и во всем тюркском мире. Турецко-азербайджанское тесное партнерство опирается на прочный фундамент. Язык и этническое родство служат главными факторами интеграции Турции и Азербайджана, взаимопонимания между турками и азербайджанцами, принадлежащих к огузской группе тюркских языков. Хотя население двух стран несколько различается по религиозной принадлежности (турки в основном придерживаются суннизма, тогда как большинство азербайджанцев — шиизма), религия не является препятствием для двух стран и этих народов и не мешает им поддерживать хорошие отношения.

После распада СССР и открытия границ началось быстрое распространение «мягкой силы» Турции в Азербайджане. В сфере образования азербайджанцы получили больше стипендий для обучения в Турции, чем любая другая постсоветская тюркская и мусульманская группа. Такие стипендии были частью более широкой турецкой образовательной инициативы по привлечению и формированию новой постсоветской элиты в Азербайджане. Тысячи азербайджанских студентов продолжают приезжать в Турцию, часто оставаясь в турецких городах или возвращаясь в Азербайджан для укрепления турецко-азербайджанских отношений [2]. В то же время турецкое правительство отправило в Азербайджан несколько сотен своих студентов. В итоге многие азербайджанцы покинули свою страну и поселились в Турции. Между Турцией и Азербайджаном существует значительный миграционный поток, в результате которого в каждой стране образуются диаспоры.

В сфере религии, несмотря на раскол суннитов и шиитов, между Турцией и Азербайджаном продолжается исламское сотрудничество. Агентство по религиозным вопросам в Турции разработало различные программы для подготовки религиозных кадров в Азербайджане, открыло в Баку теологический факультет, а азербайджанское Управление мусульман Кавказа, находящееся в Баку, поддерживает тесные отношения с Турцией [3].

Различные политические и культурные инициативы Анкары в отношении Азербайджана способствовали положительному турецкому имиджу среди азербайджанцев. Концепция «два государства — одна нация», подчеркивающая, что азербайджанцы и турки имеют много общего в культуре, но проживают в двух суверенных государствах, — очень популярна среди всего населения, особенно среди интеллигенции, обеих стран. Среди прозападных азербайджанских интеллектуалов Турция в целом воспринимается как брат и сильный союзник, имеющий нормальные отношения с Европой и США. У азербайджанцев популярна точка зрения, что двусторонние отношения с Турцией являются ключевым компонентом суверенитета Азербайджана и гарантом против какого-либо вмешательства извне.

Азербайджан состоит во многих турецких международных организациях, таких, например, как Союз муниципалитетов тюркского мира, Организация тюркских государств, Международная организация тюркской культуры, Совет сотрудничества тюркских государств, Организация черноморского экономического сотрудничества, Парламентская ассамблея тюркоязычных стран. Турция отводит Азербайджану важную роль в международном взаимодействии. Так, 15 октября 2019 г. в Баку состоялся Седьмой саммит Тюркского совета, в котором приняли участие все президенты стран-членов. Во время этой встречи отметили 10-летие Нахичеванского соглашения о создании Тюркского совета, а также вхождение в этот Совет Узбекистана в качестве полноправного члена. На встрече председательство в Совете официально перешло к Азербайджану. По итогам саммита главы государств подписали Бакинскую декларацию. В 2020 г. во время начавшегося в сентябре Карабахского конфликта генеральный секретарь Тюркского совета Багдад Амреев заявил о поддержке Азербайджана в войне против Армении.

В азербайджанском обществе с большим уважением относятся к Турции не только из-за ее сильной тюркской, но и мусульманской идентичности.

Исламская партия Азербайджана (фактически шиитская) аплодировала ПСР, когда она пришла к власти в 2002 году. В 2004 г. председатель этой азербайджанской партии Мовсум Самедов заявил, что победа ПСР послужила образцом для его собственной партии [4].

Однако, несмотря на привлекательность Турции, вскоре у определенной части азербайджанских интеллектуалов появилось мнение о чрезмерном турецком влиянии, которое, по их представлениям, в долгосрочной перспективе может ослабить азербайджанскую идентичность и затруднить процесс укрепления государственности в Азербайджане. Особенно это касалось движения Гюлена, которое стояло за созданием не менее 30 учебных заведений в Азербайджане, в том числе университета, который стал одним из самых популярных университетов Баку.

Анкара также стала одной из первых стран, признавших независимость Грузии после распада СССР. Уже в 1992 г. между Турцией и Грузией был подписан договор о «Дружбе и сотрудничестве», а через несколько лет был введен безвизовый режим с возможностью пересечения границы по внутренним паспортам. Турция стала одним из первых и основных партнеров Грузии во внешней торговле. В Грузии турецкая «мягкая сила» происходит в условиях, когда Грузия и Турция имеют к настоящему времени устоявшиеся взаимные интересы, которые способствуют сохранению позитивных двусторонних отношений. В Турции важную роль в этих отношениях играют граждане грузинского происхождения, а в Аджарии — большая часть местного этнического грузинского мусульманского населения.

Товарооборот между Тбилиси и Анкарой показывает растущую взаимную экономическую зависимость. На Турцию ныне приходится 80% иностранных инвестиций в Грузию, большинство грузинских сельскохозяйственных предприятий работают в рамках реализуемых Анкарой транснациональных проектов и де-факто являются турецкими, 75% ввозимых в Грузию товаров имеют турецкое происхождение, 80% всех международных инвестиций (например, британских и американских) в Грузию идут напрямую

через компании, принадлежащие Турции. Большинство фирм и предприятий Грузии (70%) завязаны на торговых отношениях со своим южным соседом [5].

Трубопровод Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД), по которому каспийская нефть транспортируется из Азербайджана в турецкий порт Джейхан, проходит через всю территорию Грузии. Точно так же расширение газопровода Баку-Тбилиси-Эрзурум, который почти полностью построен, и железной дороги Баку-Тбилиси-Карс (БТК), которая официально начала функционировать в октябре 2017 года, призваны создать более глубокую экономическую взаимозависимость между Турцией и Грузией. Также следует отметить, что Грузия является старейшим членом турецкой Организации черноморского экономического сотрудничества, где страны активно участвуют в торговом и инвестиционном сотрудничестве.

Для Турции Грузия представляет собой стратегические ворота в Каспийское море. Роль Грузии тем более значительна в этом смысле, что турецко-армянская граница остается закрытой. Точно так же граница с азербайджанским анклавом Нахичевани имеет протяженность всего 11 км, что сильно ограничивает доступ Турции в регион. Турецкие офицеры уже более 10 лет проводят подготовку грузинских военнослужащих по программе взаимодействия с НАТО и сотрудничают с правоохранительными органами страны. С 2012 г. Турция, Грузия и Азербайджан регулярно проводят совместные военные учения.

ТКА с 1994 г. приступила к реализации масштабных проектов, связанных с турецко-грузинским сотрудничеством в сферах туризма, культуры, образования, здравоохранения, гуманитарной помощи, школьного образования. Это агентство, к примеру, реализует проект «Тюркология», когда в рамках грузинских вузов созданы специальные отделы, посвященные изучению Турции. Институт Юнуса Эмре имеет собственный центр в Грузии и на постоянной основе проводит различные культурные и научные мероприятия, например, дни тюркской культуры, курсы повышения квалификации по тюркологии, а также реализует научные проекты. Diyanet

осуществляет реставрацию и строительство мечетей, отбирает студентов для богословских курсов в Турции.

Точно так же Турция является важным соседом для Грузии и представляет собой ворота для нее в Европу, учитывая напряженные отношения Грузии с Россией. Статус Турции как кандидата в члены Европейского Союза также стал важным стимулом для развития хороших отношений с Турцией для Грузии, как, впрочем, и других постсоветских стран. Грузия считает Турцию частью западного блока и важным членом НАТО. Нынешнее сближение Анкары и Москвы еще больше стимулирует Грузию поддерживать хорошие отношения с Турцией. Прозападные и светские элиты в Грузии заинтересованы в европейских устремлениях Турции и рассматривают хорошие отношения с ней как важный фактор благоприятных отношений с Европой.

Однако, в отличие от позитивных отношений на государственном уровне, имидж Турции и ее «мягкая сила» в Грузии имеют пределы и противников. Грузинская православная церковь вместе со связанными с ней консервативными и традиционными религиозными кругами в Грузии часто возмущаются тем, что они считают чрезмерным турецким влиянием. В своё время гюленисты сыграли важную роль в создании Черноморского университета в Батуми, а также трех средних школ в Тбилиси, Кутаиси и Батуми. Антитурецкие настроения проявлялись в этих грузинских кругах, когда шло строительство новой мечети в Батуми и школ-интернатов для молодых мусульман Аджарии [6].

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что политика «мягкой силы» Турции строится на ее геополитических интересах на Кавказе, охватывая исторические, духовные и инвестиционные сферы. Можно отметить наличие высокой зависимости Грузии от Турции и большое влияние турецких экономических и культурных рычагов в качестве средств «мягкой силы» в этой стране. Итоги Нагорно-Карабахской войны 2020 года еще более

усилили позиции Турции в Азербайджане и увеличили влияние публичной дипломатии.

«Мягкая сила» Турции странах Средней Азии

После распада Советского Союза в 1991 году и с появлением молодых независимых государств в Центральной Азии это постсоветское пространство сразу же стало ареной острой геополитической борьбы. Турция направила усилия по оказанию помощи народам этого обширного региона и их молодым государствам в различных социальных, экономических и культурных преобразованиях, в том числе с учетом своих геополитических интересов. Отношения этих стран стали развиваться с Турцией во многих сферах. Для их углубления большую роль играл позитивный образ Турции как второго дома для многих граждан этих молодых государств. Идея укрепления независимых отношений с Турцией и остальным миром и идея тюркства (тюркизма) стали популярными у народов этих постсоветских тюркских республик. В 1991 г. Анкара создала Турецкое агентство сотрудничества и координации изначально для помощи и взаимодействия со странами, имеющими преимущественно тюркское население, и лишь потом эта организация расширила свои рамки сотрудничества. Турция добилась определенных успехов в наращивании своей «мягкой силы», например, за счет финансирования школ в этом регионе, а также предлагая стипендии для молодежи из Центральной Азии для обучения в турецких университетах и культурные обмены. Совместные турецкие школы и университеты в Центральной Азии сыграли значительную роль в обеспечении исламского образования [7].

С 1991 по 1999 годы в Казахстане были созданы 29 школ, в Узбекистане — 18, в Туркменистане — 13, в Кыргызстане — 12, в Таджикистане — 5, в которых обучалось более 16 тыс. учащихся. В Кыргызстане и Казахстане количество школ существенно увеличилось в 2000-е годы. Эти новые школы давали качественное образование. Сторонники Гюлена также основали в этом

регионе несколько турецких университетов — Университет Сулеймана Демиреля в Казахстане, Университет Ататюрка «Ала-Тоо» в Кыргызстане и Туркмено-тюркский университет в Туркменистане. Первыми представителями движения «Хизмет», приехавшими в этот регион в 1990-е годы, были предприниматели. Они построили здесь школы, которые оказались элементом усилий Турции по восстановлению каких-либо связей с новыми республиками. Кроме того, молодые правительства Средней Азии были очень открыты и поддерживали растущее участие «Хизмет» в своих странах. Эти правительства не рассматривали данное движение как религиозное, а как часть межтюркского движения. В итоге многие жители этих стран с благодарностью относились к присутствию «Хизмет», считая это помощью Турции, которую они считают «большим или старшим братом». Эта организация, религиозное движение и транснациональная образовательная инициатива, не имеющие аналогов в исламском мире, сыграли существенную роль в распространении турецкой «мягкой силы» в странах Азии.

После того, как в 2016 году Турция объявила движение Гюлена террористической организацией, его школы в Центральной Азии значительно сократили свое присутствие в регионе, но не прекратили свою работу полностью. Власти этих стран заменили большинство турецких учителей местными кадрами и повысили прозрачность деятельности школ для общественности.

Международные тюркские организации являются ключевым фактором турецкой «мягкой силы» в Центральной Азии. Здесь политика международных тюркских организаций определяется через призму тюркского мира, подчеркивая этнические, культурные и исторические корни, а также экономические аспекты. Их цель состоит в том, чтобы сформировать крупный международный союз между странами с общим тюркским этническим происхождением для консолидации тюркского регионального пространства. Этот тренд заметен в ребрендинге Совета тюркских государств в Организацию

тюркских государств. Некоторые аналитики даже называют политику Турции в Северной Евразии попыткой создания «тюркского НАТО».

Взаимодействие Турции с Центральной Азией после пандемии 2020–2022 гг. стало восстанавливаться. В 2021 г. Чавушолу посетил Узбекистан, Туркменистан и Кыргызстан. Отвечая на вопросы об оборонном сотрудничестве, он сказал, что Узбекистан заинтересован в турецкой оборонной продукции и работает с различными турецкими компаниями, что оружие турецкого производства продемонстрировало себя во время Карабахской войны, что его экспорт в государства Центральной Азии стал новой сферой сотрудничества. Кроме того, он заявил, что Анкара разрабатывает с Узбекистаном преференциальную торговую сделку и соглашение о свободной торговле, а также другие вопросы, включая энергетику, торговлю и транспорт. В связи с этим Анкара недавно возродила региональное торговое соглашение во время виртуальной встречи Организации экономического сотрудничества.

В целом экономическое присутствие Турции в Центральной Азии остается все же скромным, именно этим фактором определяется политика турецкой «мягкой силы» в Средней Азии. Китай и Россия превосходят торговые возможности Турции, которая не является главным торговым партнером ни для одной из стран этого региона, кроме Туркменистана. Тем не менее Турция стремится создать экономическую и культурную основу для расширения сотрудничества, что предполагает замысел создания общего рынка товаров, инвестиций, труда и услуг к 2026–2028 гг.

«Мягкая сила» Турции в странах Восточной Европы (Беларусь, Молдавия, Россия, Украина)

«Мягкая сила» Турции в постсоветских странах Восточной Европы носит специфический характер, учитывая их особенности, которые связаны с тем, что здесь живут представители тюркоязычных и мусульманских народов, которые составляют значительную часть населения.

Турция стала одной из первых стран, признавшей независимость Беларуси после распада СССР. Турция активно занимается инвестированием в эту страну. Турецкие строительные фирмы осуществили 46 проектов на сумму 918 млн долл. с 1991 года, когда они начали работать в этой стране. Объем торговли между Турцией и Беларусью в 2021 году составил 1081,6 млн. долл. (161,8% к аналогичному периоду 2020 года). Объем инвестиций 50 турецких фирм, работающих в Беларуси, составляет 1,5 млрд долл. На 1 января 2021 г. в Беларуси зарегистрировано 126 субъектов хозяйствования с турецким капиталом [8].

С приходом во власть Р.Т. Эрдогана наблюдается рост двусторонних контактов и визитов на высоком уровне между двумя этими странами. Так, в ходе его визита в Минск в 2016 г. были подписаны 9 соглашений о сотрудничестве. В ходе визита состоялось официальное открытие Минской мечети, строительство которой началось в 2003 году. Эта мечеть, принадлежавшая татарско-литовской мусульманской общине, была разрушена в советское время и восстановлена с помощью Управления по делам религий Турции. Мечеть вмещает до 2500 молящихся. Алтарь, кафедра и ковер несут черты османского архитектурного стиля. При входе в мечеть имеются конференц-зал, компьютерный зал и выставочный зал [9]. Данный визит Р.Т. Эрдогана в Беларусь стал первым визитом президента Турции в эту страну.

В 2020 г. Духовное управление мусульман Беларуси, возглавляемое муфтием А. Вороновичем, направило письмо послу Азербайджана в Белоруссии Л.С. Гандилову, содержащее фактическую поддержку белорусского муфтия мирного разрешения Карабахского конфликта, но в пользу Азербайджана. Позже, после подписания мирного соглашения между Арменией и Азербайджаном, А. Воронович написал письмо азербайджанскому председателю Управления мусульман Кавказа А. Пашазаде, в котором поздравил азербайджанцев с победой в Карабахе [10]. Все эти факты означают влияние турецкой «мягкой силы» в Беларуси [11].

Турецкая «мягкая сила» активно ведется в Молдавии, в особенности в Гагаузии. Гагаузия — географически небольшой регион, в котором проживает около 160 тыс. человек. Гагаузы этнически и лингвистически тюрки, но исповедуют православие. По большей части все, что связано с румынским языком или самой Румынией, воспринимается в Гагаузии с подозрением, гагаузы более склонны к сотрудничеству с турками. Помимо множества турецких школ, которые имеются в данном регионе, в 2016 году между Молдовой и Турцией было подписано соглашение о свободной торговле, которое наладило развитие экономических связей между Турцией и Гагаузией. Например, за последние пять лет экспорт из Гагаузии в Турцию увеличился на две трети [12]. В последние годы Турция финансирует проекты в Гагаузии, связанные с гуманитарной сферой, в том числе открытие новых больниц, школ и культурных центров. В 2018 году президент Р.Т. Эрдоган посетил Гагаузию во время поездки в Молдову и принял участие в церемонии открытия Дома культуры, построенного при содействии муниципалитета Алтындаг из Анкары [13]. В августе 2020 года министр иностранных дел Турции М. Чавушолу посетил Гагаузию и открыл генеральное консульство в ее столице Комрате. Тем самым Турция стала первой страной, которая когда-либо открывала консульство в Гагаузии.

Действия Турции на российском пространстве основываются на общем тюркском и религиозном наследии Турции и поволжских, кавказских народов, включают в себя большой спектр контактов в сфере близких культур, традиций, языков и общей их исламской религии, которая по числу последователей занимает второе место по распространённости в Российской Федерации и имеет влияние среди народов, традиционно ее исповедовавших [14]. В различных регионах России, где имеется компактное тюркское население, открывались турецкие школы в республиках Северного Кавказа и культурные центры им. Юнуса Эмре. Активно используется дипломатия. Происходит, к примеру, разнообразное взаимодействие Татарстана и Турции, в том числе на уровне президента Республики Татарстана Р.Н. Минниханова

и Р.Т. Эрдогана. В 2011 году Р.Т. Эрдоган посетил Казань, будучи премьер-министром, в 2018 году Р.Н. Минниханов присутствовал на инаугурации Эрдогана в президенты. Тем самым подчеркивается уровень значимости двухсторонних отношений между Казанью и Анкарой [15]. Турки являются одними из главных и основных инвесторов в экономику Татарстана. В 2015 году после инцидента со сбитым российским военным самолетом и последующим похолоданием отношений между Москвой и Анкарой Р.Н. Минниханов заверил турецкое руководство, что бизнес-интересы Турции в Татарстане в результате инцидента не пострадают, несмотря на введенные санкции против импорта турецких товаров в Россию. Доверие между Татарстаном и Турцией является залогом установления прочных деловых связей, считает глава Агентства инвестиционного развития Республики Татарстан [16], что помогает разрешать сложные отношения в межгосударственных российско-турецких отношениях.

Первым популярным турецким сериалом в России стал «Чалыкушу», снятый в 1986 году. Сериалы «Курт Сеит ве Шура» и «Великолепный век» были показаны на российском телеканале «Домашний» в 2013–2015 гг. Сериал «Султан моего сердца» транслировался на Первом канале, крупнейшем канале России, в 2019 году и занял первое место как самый просматриваемый сериал в России [17]. М. Хрипунова, генеральный директор российского телеканала «Домашний», отметила: «Мы не можем обойтись без турецких сериалов. Турецкие сериалы с большим интересом смотрят в России» [18]. Турецкая кинозвезда Туба Буйюкюстюн стала лицом российского сотового оператора «Мегафон» в 2021 году [19]. В конечном итоге о росте популярности Турции среди населения России свидетельствует не только стабильный высокий удельный вес отдыхающих там российских туристов, но и появление компактных районов, например в Анталье, со значительным русскоязычным населением, которое постоянно проживает там, приобретая недвижимость или арендуя ее на длительный срок. Этот факт есть один из очевидных признаков успешности проведения турецкой «мягкой силы» в России.

После распада СССР Турция стала сотрудничать с Украиной в сфере экономики, безопасности, транспорта, окружающей среды, культуры и туризма как на двустороннем уровне, так и в рамках Черноморского экономического сотрудничества. В плане инвестиций в 2020 году Анкара стала лидером по инвестициям в Украину, которые составили около 3 млрд долл. В 2021 г. товарооборот между этими странами составил 7 млрд долл. Украина и Турция подписали соглашение о создании зоны свободной торговли в начале 2022 г.

На территории Украины проведению турецкой «мягкой силы» во многом благоприятствует большое крымскотатарское население как в самой Турции, так и в Украине. Крымский полуостров имеет давние исторические связи с Турцией — до конца XVIII века он был территорией Крымского ханства [20]. После распада Советского Союза Крым снова стал привлекать внимание Турции. В 1992 году на полуострове были запущены культурно-просветительские проекты через ТІКА, Фонд крымскотатарской культуры и взаимопомощи, Фонд развития Крыма и Меджлис крымскотатарского народа (запрещен на территории РФ). За последние несколько лет ТІКА поддержала, к примеру, восстановление детского сада «Ивушка» в Херсоне [21], в котором также учатся крымско-татарские дети, отремонтировала жильё для 30 крымско-татарских семей, которые покинули полуостров после 2014 г. По решению президента Р.Т. Эрдогана были выделены средства для приобретения 100 квартир для крымских татар в Киеве и других городах Украины [22]. Весной 2022 г. по линии AFAD в Украину из Турции были отправлены 82 грузовика с гуманитарной помощью, а также Турция доставила во Львов 2 грузовика с гуманитарным грузом непосредственно для нужд крымско-татарской общины Украины.

В заключении можно отметить, что внешнеполитическая концепция Турции значительно изменилась с приходом в 2002 г. к власти Партии справедливости и развития. Проведенные ее реформы уменьшили влияние вооруженных сил на внешнюю политику страны, укрепили гражданское

общество, увеличили роль во внешней политике бизнеса и общественных организаций, что вылилось в создании целого ряда некоммерческих и неправительственных организаций. Во внешней политике Турции стала применяться доктрина «стратегической глубины», нацеленность на политический диалог и ставка на экономическую взаимозависимость. Стабильность развития турецкой политической системы и государственности привели к использованию турецкой модели в мире, а также к широкому участию Турции в различных международных институтах.

Институты и ресурсы «мягкой силы» Турции представляют собой систему и действуют для усиления ее влияния во многих регионах и странах, распространяются на многие сферы социальной жизни этих государств и их народов, в том числе стран СНГ. Инвестиции как ресурс «мягкой силы» Турции направлены на широкое двухстороннее сотрудничество и взаимозависимость. Идеология как ресурс «мягкой силы» Турции становится инструментом достижения краткосрочных и долгосрочных политических целей. Турция реализует свою политику «мягкой силы» посредством двустороннего и многостороннего сотрудничества через такие инструменты, как международные организации, некоммерческие и неправительственные организации, через продвижение образования, научного и делового сотрудничества.

На политику «мягкой силы» Турции в Азербайджане и Грузии оказывает сильное влияние геополитический фактор, который определяет форму ее проведения. Для Турции страны Кавказа являются пограничными, здесь формирование имиджа и инфраструктурные инвестиции являются приоритетными инструментами воздействия, а религия в этом регионе играет второстепенную роль. Осуществление «мягкой силы» в Средней Азии характеризуется повышенной интенсивностью в области общей культуры, образования, религии. Народы Средней Азии во многом идентичны с турками в религиозной и языковой сфере, что открывает перед Турцией большие возможности для культурного сотрудничества. Здесь налицо преобладание

социально-гуманитарных проектов над экономическими и торговыми инвестициями. Доля участия Турции в торговом обороте с этими странами не является значительной из-за присутствия более крупных капиталов других стран. Однако ситуация может измениться в пользу Турции с развитием экономических отношений в рамках тюркских союзов, что станет новым резервом роста для ее «мягкой силы». В странах Восточной Европы Турция, опираясь на тюркско-мусульманские меньшинства, с которыми имеется языковая или религиозная общность, проводит продвижение своего имиджа, используя публичную дипломатию, СМИ, а также туризм. Появление в курортных районах Турции значительных компактных русскоязычных диаспор, преимущественно из граждан Российской Федерации, является очевидным следствием успешности турецкой «мягкой силы» не только среди ее граждан, но и среди населения других стран СНГ.

Литература

1. *Исмаилова Л.Г.* Азербайджано-турецкое экономическое сотрудничество и основные направления его совершенствования // Наука, техника и образование. 2017. № 9 (39). С. 1–5.
2. *Lerna K.Y.* The politics of educational exchange: Turkish education in Eurasia // Europe-Asia Studies. 2004. Vol. 56. No. 2, pp. 293–307.
3. *Bayram B.* Between Sunnism and Shiism: Islam in post-Soviet Azerbaijan // Central Asian Survey. 2004. Vol. 23, No. 2, pp. 205–217.
4. *Bayram B.* The AKP/Gülen Crisis in Turkey: Consequences for Central Asia and the Caucasus // Central Asia Policy Brief. 2014. Vol. 16, pp. 1–6.
5. The steel grip of "soft power": Turkey in Georgia // Top War [Электронный ресурс] URL: <https://en.topwar.ru/182200-stalnaja-hvatka-mjagkoj-sily-turcija-v-gruzii.html> (дата обращения: 07.04.2022)
6. Georgians Wary of Turkey's Rising Influence in Batumi // EurasiaNet [Электронный ресурс] URL: <http://www.eurasianet.org/node/82751> (дата обращения: 07.04.2022)

7. Turkey on Diplomatic Push to Close Schools Linked to Influential Cleric // VOA news [Электронный ресурс] URL: <https://www.voanews.com/europe/turkey-diplomatic-push-close-schools-linked-influential-cleric> (дата обращения: 07.04.2022)
8. Белорусско-турецкое торгово-экономическое сотрудничество // Посольство Республики Беларусь в Турецкой Республике [Электронный ресурс] URL: https://turkey.mfa.gov.by/ru/torgovo_ekonomicheskaya_slujba/bel_turk/ (дата обращения: 07.04.2022).
9. Belarus mosque rebuilt from scratch by Turkey to be opened by Erdoğan // Daily Sabah [Электронный ресурс] URL: <https://www.dailysabah.com/religion/2016/11/02/belarus-mosque-rebuilt-from-scratch-by-turkey-to-be-opened-by-erdogan> (дата обращения: 07.04.2022)
10. Мусульмане Белоруссии между польским орлом и турецким волком // EurAsia Daily [Электронный ресурс] URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/06/14/musulmane-belorussii-mezhdu-polskim-orlom-i-tureckim-volkom> (дата обращения: 07.04.2022)
11. Белорусско-турецкое торгово-экономическое сотрудничество // Посольство Республики Беларусь в Турецкой Республике [Электронный ресурс] URL: https://turkey.mfa.gov.by/ru/torgovo_ekonomicheskaya_slujba/bel_turk/ (дата обращения: 07.04.2022)
12. Turkish support for Moldova's Gagauzia priceless: Governor Vlah // Daily Sabah [Электронный ресурс] URL: <https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/turkish-support-for-moldovas-gagauzia-priceless-governor-vlah> (дата обращения: 07.04.2022)
13. Economic ties between Turkey, Moldova to grow stronger // Daily Sabah [Электронный ресурс] URL: <https://www.dailysabah.com/economy/2019/12/30/economic-ties-between-turkey-moldova-to-grow-stronger> (дата обращения: 07.04.2022)

14. *Садриев Р.Ф.* Влияние Сунны на культуру и быт мусульманских народов Поволжья: конец XVIII – начало XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.
15. Реджеп Тайип Эрдоган вступил в должность президента Турции, на инаугурации присутствовал Минниханов // Реальное время [Электронный ресурс] URL: <https://realnoevremya.ru/news/105371-erdogan-vstupil-v-dolzhnost-prezidenta-turcii> (дата обращения: 07.04.2022)
16. ‘Bonds of trust key to building Turkey-Tatarstan business ties’ // Daily Sabah [Электронный ресурс] URL: <https://www.dailysabah.com/business/economy/bonds-of-trust-key-to-building-turkey-tatarstan-business-ties> (дата обращения: 07.04.2022)
17. Türk dizisi, Rusya’yı fethetti! // Turkishtime [Электронный ресурс] URL: <https://turkishtimedergi.com/genel/turk-dizisi-rusyayi-fethetti/> (дата обращения: 07.04.2022)
18. Rus TV Genel Müdürü: Türk dizileri olmadan yaramayız, fakat yeni Türk dizleri de bekliyoruz // Dikgazete [Электронный ресурс] URL: <https://www.dikgazete.com/ozel-haber/rus-tv-genel-muduru-turk-dizileri-olmadan-yaramayiz-fakat-yeni-h463333.html> (дата обращения: 07.04.2022)
19. "Tuba Büyüküstün starred in the Russian commercial" // Teamy [Электронный ресурс] URL: <http://teamy.com/2021/08/03/24142/> (дата обращения: 07.04.2022)
20. *Исхаков С.М.* Борьба татар Крыма за самоопределение (1917 — конец 1930-х гг.) // Исторический вестник. 2021. Т. XXXVI. С. 104–141.
21. TİKA Supports the Education Infrastructure of Ukraine // TİKA [Электронный ресурс] URL: https://www.tika.gov.tr/en/news/tika_supports_the_education_infrastructure_of_ukraine-61416 (дата обращения: 07.04.2022)
22. TİKA Renovated the Residence of Tatar Families in Ukraine // [Электронный ресурс] URL:

https://www.tika.gov.tr/en/news/tika_renovated_the_residence_of_tatar_families_in_ukraine-66657 (дата обращения: 07.04.2022)

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Мартиросян Аревик Жораевна,
научный сотрудник Института актуальных
международных проблем,
аспирант, Дипломатическая академия Министерства иностранных
дел Российской Федерации,
e-mail: a.martirosian@dipacademy.ru

Arevik G. Martirosyan,
Researcher, Post-graduate Degree Student, Institute of Contemporary
International Studies, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation,
e-mail: a.martirosian@dipacademy.ru

ФОРМИРУЮЩИЕСЯ МЕЖДУНАРОДНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И СИСТЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЕКТОРЫ

EVOLVING INTERNATIONAL INFORMATION LAW AND SYSTEM OF INTERNATIONAL INFORMATION SECURITY: THEORETICAL VECTORS

Аннотация: автором предпринята попытка концептуально осветить теоретическое становление системы обеспечения международной информационной безопасности с точки зрения идеи возникновения новой отрасли международного права – международного информационного права, которое охватывает регулирование всего информационного пространства, в том числе с учетом специфики ИКТ. Выявлены особенности воздействия ИКТ на прогрессивное развитие международного права. Предложено широкое определение международного информационного права, и раскрыты его основные характеристики.

Ключевые слова: международное право, международное информационное право, международная информационная безопасность, ИКТ, прогрессивное развитие международного права.

Abstract: the author has made an attempt to conceptually analyze the theoretical formation of the system of international information security from the point of view of the idea of the emergence of a new branch of International law – International information law, which covers the regulation of the entire information space, including ICT. The article also reveals the impact of ICT on the progressive development of international law. The author offers a broad definition of International information law and describes its main characteristics.

Keywords: international law, international information law, international information security, ICT, progressive development of international law.

Международное право в контексте международной информационной безопасности.

Международные отношения обуславливают развитие норм международного права. Международное право, в свою очередь, выступает фундаментом международных отношений, их юридическим каркасом, определяя порядок функционирования. В данном контексте оно может трактоваться как система юридических норм, регулирующих межгосударственные отношения, основополагающей целью которой является обеспечение международного мира и безопасности. Каждому этапу международного права свойственны соответствующие характеристики периодизации международных отношений. Фундамент современного международного права был заложен Уставом ООН, разработанным на фоне кризиса системы коллективной безопасности, обеспечиваемой Лигой Наций [7], который привел к разрушительной мировой войне.

Текущий этап развития международных отношений отличается от предыдущих растущей в геометрической прогрессии зависимости от

информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), их повсеместным внедрением и непрерывным развитием. Так, ИКТ стали движущей силой экономического роста государств, выдвинув технологический аспект вперед, а обладание современными ИКТ рассматривается как важный фактор силы в международных отношениях. Однако, помимо неоспоримых преимуществ во всех областях жизнедеятельности человека, они создают новые уязвимости. «Пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19), охватившая и поразившая весь мир в 2020 г., продемонстрировала существенную роль высокотехнологичного сектора в обеспечении непрерывности социальной жизни, бизнеса и управления» [5], а также в целом в обеспечении информационной безопасности.

В дополнение к этому развитие ИКТ связано с воздействием на международное право. Формирование системы международной информационной безопасности в ее широком понимании с учетом особенностей ИКТ-пространства — глобальная проблема и задача безопасности для государств в условиях цифровой эпохи. На всех уровнях международного сотрудничества имеют место обсуждение и разработка правил регулирования информационного пространства, а проблематика международной информационной безопасности была воздвигнута в статус постоянной повестки Организации Объединенных Наций с 1998 года. [2]

Идея международно-правового регулирования информационного пространства в его широком понимании с учетом ИКТ-составляющей стала предметом дискуссий научного и экспертного сообществ с 1996 года. Первые такие размышления начались с попыток провести анализ понятия суверенитета относительно основополагающего элемента ИКТ-пространства — Интернета, а также путей его дальнейшего регулирования. На основе анализа научного дискурса по вопросу того, как ИКТ влияют на развитие международного права как дисциплины, можно сделать вывод о том, что не существует однозначной позиции, наблюдается плюрализм мнений. Это может быть объяснено тем, что текущий этап развития международных

отношений и международного права в части регулирования информационного пространства в целом и ИКТ в частности характеризуется сложностями в переговорном процессе из-за отсутствия консенсуса международного сообщества по тому, как должна быть сформирована международно-правовая система обеспечения информационной безопасности. Кроме того, наблюдается широкая палитра позиций академического сообщества относительно выделения новой отрасли международного права. Первая группа ученых считает, что новые международно-правовые отношения являются частью предмета уже существующих отраслей международного права, например подотрасли права международной безопасности [1]. Вторая группа выдвигает идею о формировании новой отрасли международного права со своим специфичным предметом регулирования. При этом в рамках второй группы ученых нет единства, встречаются разнообразные наименования отрасли международного права, предметом которой в той или иной степени выступает информационное пространство или его отдельные элементы, в том числе ИКТ и информационная безопасность: международное информационное право, международное киберправо, международное право Интернета, международное цифровое право, международное право массовой информации и многие другие. Особую популярность в западной юридической доктрине имеет международное киберправо, а российской – международное информационное право.

Международное информационное право и его характеристика

А.В. Задорожный, А.В. Пазюк [6], Т.М. Смылова [8], Р.Е. Эннан [9], Ю.А. Ясносокирский [10] являются сторонниками того, что в той или иной степени уже существуют предпосылки появления новой отрасли международного права – международного информационного права: «поскольку современные ИКТ носят трансграничный глобальный характер, возникла необходимость в появлении международного информационного права, которое по своей сути представляет собой формирующуюся отрасль

международного права, принципы и нормы которого регулируют международные отношения в сфере ИКТ и самих ИКТ между субъектами международного права» [10]. Дальнейший нормотворческий процесс относительно международно-правового регулирования информационного пространства и особенностей ИКТ, создание новых правовых и институциональных механизмов обеспечения информационной безопасности лягут в основу данной отрасли. Тем не менее уже сейчас можно говорить о некоторых ее контурах, которые продолжают разрабатываться отдельными государствами и их объединениями.

Особенность данной отрасли также заключается в терминологическом и политическом контекстах, которые требуют времени для достижения международного консенсуса. Это связано с наличием противоречий в понятийном аппарате в области информационной безопасности на глобальном уровне. Так, выделяются евроатлантический и российский подходы: первый сводится к «кибертерминологии», ограничивающей понимание информационной безопасности кибернетическим смыслом тогда, как отечественная позиция направлена на урегулирование всех аспектов международной информационной безопасности в ее широком понимании без обособления ее элементов, отражая ее целостное видение [3].

Что касается определения международного информационного права как отрасли международного права, то в широком смысле можно определить его как совокупность международно-правовых норм, регламентирующих международные информационные отношения. При этом объектом международно-правового регулирования выступает информационная область. Предметом международного информационного права являются любые публично-правовые отношения, возникающие между субъектами международного права в информационной области. Субъектная характеристика международного информационного права, несмотря на особенности развития информационной области в целом и ее ИКТ-составляющих в частности, ограничивается классическим пониманием

субъектов международного права и, соответственно, ими могут быть только участники межгосударственных отношений. Иными словами, негосударственные акторы, участвующие в переговорных процессах по международной информационной безопасности, субъектами международного информационного права не являются, условно их можно отнести к функциональным субъектам в определенных случаях. Обращаясь к принципам, необходимо отметить, что, как и любая другая отрасль международного права, международное информационное право базируется на общих (основополагающих) принципах международного права, закрепленных в Уставе ООН, Декларации о принципах международного права 1970 г., Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. Выработка и принятие отраслевых принципов находятся на повестке механизмов ООН, занимающихся проблематикой международной информационной безопасности. Они все еще находятся на этапе формирования, однако их фундамент был заложен международными принципами создания информационного общества, декларируемыми Окинавской хартией глобального информационного общества 2000 г. [4], Декларацией принципов «Построение информационного общества □ глобальная задача в новом тысячелетии» 2003 г. [11], Тунисской программой для информационного общества 2005 г. [12] и т.д. Говоря об институтах международного информационного права, которые также будут сформированы с учетом особенностей развития ИКТ-пространства, важно подчеркнуть, что уже сейчас заложены их основы, например института ответственности в рамках регулирования ИКТ, а также активно обсуждается вопрос установления международно-правовых рамок института атрибуции относительно ИКТ-пространства. Нормы международного информационного права пока носят необязательный характер и закреплены в международно-правовых источниках международного права и формах наличия правовых норм, предметом которых являются отдельные аспекты международных-правовых отношений, возникающих в информационной области. Что касается

принятия юридически обязательного глобального договора по международной информационной безопасности, то он все еще не выработан, однако ряд государств, в том числе Российская Федерация, активно выступает за принятие всеобъемлющей конвенции под эгидой ООН. Институциональный механизм международного информационного права отражает процессы формирования системы обеспечения международной информационной безопасности и может быть охарактеризован как комплексный, включающий все уровни и форматы международного сотрудничества. Помимо этого, международное сообщество продолжает прилагать усилия по строительству данной системы, и ее окончательное оформление □ долгосрочная задача.

Несмотря на существование различных теорий о расширении предмета уже существующих отраслей международного публичного права или о том, как должна выглядеть новая отрасль международного права (предметом которой также станет регулирование международной информационной безопасности), очевидна необходимость дальнейшего развития научного дискурса по данной проблематике. Вопрос прогрессивного развития международного права особенно актуален в области информационной безопасности: требуется международная система норм, которая будет выступать регулятором международных отношений в рассматриваемой области. Как верно отметил Ю.А. Ясносокирский, «в дальнейшем при определенных условиях международное информационное может превратиться в полновесную отрасль международного публичного права» [10], которая отражает наиболее комплексный подход к изучению информационной области и ее составных элементов и, вероятно, включит в себя данную систему международно-правовых норм.

Литература

1. *Гонтарь Л.О.* Право международной информационной (кибер) безопасности как подотрасль права международной безопасности: понятие, источники, векторы развития. URL: eurasialaw.ru/nashi-rubriki/yuridicheskie

формационное%20право%20–%20система%20норм,отношения%2С%20осу-
ществляемые%20в%20информационной%20сфере/ (дата обращения:
03.05.2022).

10. *Яснокирский Ю.А.* Международное информационное право как регулятор международных отношений в сфере информационно-коммуникационных технологий. *Международная жизнь*, архив 3 номера 2022 г. URL: interaffairs.ru/jauthor/material/2634/ (дата обращения: 03.05.2022).

11. Declaration of Principles: Building the Information Society: A Global Challenge in the New Millennium. Available at: digitallibrary.un.org/record/533621?ln=ru/ (accessed: 12.03.2021).

12. WSIS: Tunis Agenda for the Information Society WSIS-05/TU-NIS/DOC/6 (Rev. 1)-E. 18 November 2005. Available at: www.itu.int/net/wsis/docs2/tunis/off/6rev1.html/ (accessed: 15.03.2021).

Кове Омар Валерьевич,
аспирант кафедры международного права, Дипломатическая академия
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
e-mail: omarkove@gmail.com

Omar V. Kove,
graduate student of Department of international law, Diplomatic Academy of
the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
e-mail: omarkove@gmail.com

**СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К
КОНСТРУКЦИИ И ОБОРУДОВАНИЮ СУДОВ И ПРАВИЛА
ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ СТОЛКНОВЕНИЙ**

**MODERN INTERNATIONAL LEGAL REQUIREMENTS FOR THE
CONSTRUCTING AND EQUIPMENT OF SHIPS AND THE RULES OF
PREVENTING COLLISION**

Аннотация: в статье проводится анализ современных международно-правовых требований к конструкции и оборудованию судов, а также правил предотвращения столкновения судов в море. По мнению автора, основными международно-правовыми актами, регламентирующими данные вопросы, являются Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 г. и Конвенция о международных правилах предотвращения столкновения судов в море 1972 г. Уделяя основное внимание действующим редакциям, автор также исследует предпосылки формирования и изменения указанных международно-правовых актов. В ходе исследования используются формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой методы.

Ключевые слова: международное морское право, безопасность судоходства, СОЛАС, МППСС-72, ИМО.

Abstract: the article analyzes modern international legal requirements for the constructing and equipment of ships, as well the rules of preventing collision at sea.

According to the author, the main international legal acts regulating these issues are the International Convention for the Safety of Life at Sea of 1974 and the Convention on International Regulations of Preventing Collision at Sea of 1972. Focusing on the current editions, the author also explores the prerequisites for the formation and change of these international legal acts. In the course of the research, the author used formal legal, comparative legal and historical legal methods.

Keywords: international maritime law, safety of navigation, SOLAS, COLREGs-72, IMO.

Введение

Несмотря на то что международно-правовые требования к конструкции и оборудованию судов и правила предотвращения столкновения судов в море начали формироваться ко второй половине XIX – началу XX века, научный прогресс, служащий стимулом для развития международного морского права, даёт возможность ИМО вносить изменения в основные договоры, являющиеся составной частью международно-правовой безопасности судоходства в настоящее время.

В данной статье автор пытается определить основные международные договоры, регламентирующие вопросы конструкции и оборудования судов, правила предотвращения столкновения судов в море, представляющие собой основу международно-правового обеспечения безопасности судоходства, а также исследовать предпосылки их формирования и изменения, проанализировать их действующую редакцию.

История вопроса

Международно-правовые требования к конструкции и оборудованию судов начали формироваться еще в начале XX века. Данный период оказался динамичным в части принятия международных конвенций по охране человеческой жизни на море, первая из которых была принята 20 января 1914 г. (далее – Конвенция 1914 г.) в Лондоне [6]. Утверждение первых трех

редакций Международной конвенции об охране человеческой жизни на море во многом связывают с такими крупными катастрофами, как те, которые произошли с судами «Каморта», «Норье», «Титаник», «Императрица Ирландии», «Вестрис», «Сен-Флибер», «Гранкан».

Вторая редакция данного документа была принята уже после окончания Первой мировой войны, в 1929 году. Международная конвенция по охране человеческой жизни на море от 31 мая 1929 г. (далее - Конвенция 1929 г.), в соответствии со ст. 60 главы VII «Общие постановления» [7], заменяла и отменяла действие Конвенции 1914 г. Реновация также нашла свое отражение и во всех последующих конвенциях, принятых в XX веке, что способствовало упорядочиванию процесса установления международных норм. При этом ст. 60 также оставляла в действии нормы и правила, установленные в иных международно-правовых актах, которые касались охраны человеческой жизни на море или относились к этим вопросам и обладали силой на момент подписания Конвенции 1929 г., но лишь в той части, которая не регламентировалась настоящей Конвенцией и не противоречила ей.

31 мая 1948 г. Конвенция 1929 г. была пересмотрена [8]. Необходимо отметить, что Заключительным актом Международной конференции по охране человеческой жизни на море, проходившей с 23 апреля по 10 июня 1948 г. в Лондоне, был также осуществлен пересмотр Правил предупреждения столкновения судов в море, действовавших с 1897 года. Между тем данные правила не стали прилагать к Международной конвенции по охране человеческой жизни на море 1929 г., несмотря на то, что этот вопрос обсуждался на конференции.

Для XX века характерны быстрые научно-технические изменения, которые предоставили возможность международному сообществу улучшить процесс контроля безопасности судоходства посредством принятия новых международно-правовых актов для закрепления дополнительных требований. В связи с этим в 1960 году была принята четвертая [9], а в 1974 году – пятая редакция Конвенции.

Именно Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 г. [10] (далее – Конвенция/СОЛАС 1974 г.) с учетом изменений, которые были внесены Протоколом 1988 г., действует в настоящее время, определяя основные международно-правовые требования, к конструкции и оборудованию судов.

Настоящая Конвенция состоит из 16 глав. Глава I «Общие положения» определяет терминологический аппарат, категорию судов, по отношению к которым применяются требования Конвенции, предписывает применение на судне оборудования, материалов, средств и приборов, которые, по мнению Администрации, столь же эффективны, как и те, которые определены Конвенцией. Правилами главы I устанавливается механизм проверок и освидетельствований судов, в частности пассажирских судов и спасательных средств. Отдельными правилами установлен механизм проверок и освидетельствований грузовых судов, их радиоустановок, конструкций, механизмов, оборудования и снабжения, а также срок действия, действительность свидетельств и их форм. Установлены правила контроля судов государством порта и необходимость проведения Администрацией расследования аварий, которые произошли со всеми ее судами.

В главах II-1 и II-2 подробно разбираются вопросы конструкции: устройство судов, их деление на отсеки, вопросы остойчивости, механические и электрические установки, противопожарная защита. Утверждается, что «каждое пассажирское судно, независимо от его размеров, и каждое грузовое судно длиной (L) 24 м и более по завершении постройки должно подвергаться кренованию, должны быть определены водоизмещение судна порожнем и положения центра тяжести в продольном, поперечном и вертикальном направлении» [10]. В отношении пассажирских судов и грузовых судов, не являющихся танкерами, устанавливается, что «двойное дно должно быть устроено на протяжении от таранной переработки до ахтерпиковой переработки, насколько это практически возможно и совместимо с конструкцией и нормальной эксплуатацией судна» [10].

В части механических установок предписывается, что «механизмы, котлы и прочие сосуды под давлением, а также связанные с ними системы трубопроводов и арматур должны по своей конструкции и изготовлению соответствовать тем эксплуатационным функциям, для которых они предназначены, а их размещение и защита должны сводить к минимуму любую опасность для людей, находящихся на судне, должным образом учитывая при этом движущиеся части механизмов, горячие поверхности и другие источники опасности» [10].

С целью предотвращения пожара и взрыва на судне, а в случае его возникновения - сокращения риска для человеческой жизни, с целью предотвращения повреждению судна, находящегося на нем груза и вреда, который может возникнуть для окружающей среды, правилом 2 части А главы II-2 установлено восемь функциональных требований: «1. разделение судна на главные вертикальные зоны и горизонтальные зоны конструктивными элементами с тепловой изоляцией и без нее; 2. отделение жилых помещений от других помещений судна конструктивными элементами с тепловой изоляцией и без нее; 3. ограничение применения горючих материалов; 4. обнаружение любого пожара в зоне его возникновения; 5. ограничение распространения и тушения любого пожара в местах его возникновения; 6. защита средств выхода наружу и доступов для борьбы с пожаром; 7. постоянная готовность средств пожаротушения к быстрому применению; 8. сведение к минимуму возможности воспламенения паров грузов» [10].

Глава III посвящена специальным средствам и устройствам, используемым на судне. Устанавливаются требования и практика применения радиооборудования для спасательных средств, как для пассажирских, так и для грузовых судов, а также количество необходимой УКВ-аппаратуры двусторонней радиотелефонной связи, количество световых сигналов бедствия, внутрисудовые средства связи, системы громкоговорящей связи на пассажирских судах.

В качестве индивидуальных специальных средств Конвенция определяет специальные круги, спасательные жилеты, гидрокостюмы и защитные костюмы. Отдельными правилами [10] утверждаются требования к укомплектованию спасательными шлюпками и плотами команд, руководств ими, обеспечение сбора и посадки людей в спасательные шлюпки и плоты, места их спуска и подъема, подготовка персонала по действиям в чрезвычайных ситуациях, эксплуатационная готовность, техническое обслуживание и механизм проверок.

Ранее упомянутые положения дополняются отдельными требованиями, которые установлены как для пассажирских, так и грузовых судов. При этом утверждается, что «спасательные средства и устройства могут отличаться от требований, изложенных в части В, при условии, что альтернативные конструкции, меры и устройства отвечают целям соответствующих требований и обеспечивают уровень безопасности, равноценный данной главе» [10].

Отдельное внимание уделяется вопросу радиосвязи, который отражен в главе IV. Так, правило 4 «Функциональные требования» определяет, что «на каждом судне, находящемся в море, должны обеспечиваться:

- за исключением случаев, предусмотренных в правилах 8.1.1. и 10.1.4.3, передача оповещений о бедствии в направлении «судно-берег» по крайней мере двумя отдельными и независимыми средствами, каждое из которых использует различные виды радиосвязи;

- прием оповещений о бедствии в направлении «берег-судно»;

- передача и прием оповещений о бедствии в направлении «судно-судно»;

- передача и прием сообщений для координации поиска и спасения;

- передача и прием сообщений на месте бедствия;

- передача и, в соответствии с требованиями правил V/19.2.3.2, прием сигналов для определения местонахождения;

- передача и прием информации по безопасности на море;

- передача и прием радиосообщений общего назначения на береговые системы радиосвязи или сети связи или от них, с учетом правил 15.8;
- передача и прием сообщений «мостик-мостик» [10].

Для осуществления безопасного мореплавания в главе V предусмотрены правила работы таких механизмов, как навигационные и метеорологические предупреждения, работа метеорологических и гидрографических служб, службы ледовой разведки, поиска и спасания, управления движением судов, установки путей движения судов с целью эффективного судовождения, а также системы судовых сообщений. Положения, направленные на усиление безопасности, также отражены и в иных главах. Так, главы VIII, X, XII, XIV регламентируют дополнительные требования к ядерным судам, за исключением военных кораблей, высокоскоростным судам, построенным 1 января 1996 года и после этой даты [10], навалочным судам [10], а также меры безопасности для судов, эксплуатирующихся в полярных водах [10]. Главы IX, XI-1, XI-2, XIII определяют требования по безопасной эксплуатации судов, систему проверки государств – членов ИМО, установленную самой организацией [10].

Главы VI и VII посвящены правилам перевозки навалочных грузов, зерна и перевозки грузов, относящихся, в соответствии с правилом 1 части А главы VII, к категории опасных грузов. Также правилом 7 части А-1 главы VII дается определение опасных грузов навалом, которые означают «любой материал, кроме жидкости или газа, состоящий из смеси частиц, гранул или любых более крупных кусков материала, как правило, однородных по составу, на который распространяются положения МКМПОГ, загружаемый в грузовое помещение судна без какого-либо временного вида тары, и включает такие материалы, погруженные в лихтеры лихтеравоза» [10]. Отдельными частями данной главы регламентируются требования к конструкции судов, перевозящих опасные химические грузы наливом, сжиженный газ и отработавшее ядерное топливо, плутоний и высокорadioактивные отходы.

Еще одним международно-правовым актом, оказывающим существенное влияние на безопасность судоходства, является Конвенция о международных правилах предотвращения столкновения судов в море 1972 г. (далее – МППСС-72) [5].

По мнению А.С. Скаридова, существовавшие в середине XVII века морские обычаи начали проявляться в виде национальных морских законов. Примерами данного процесса автор считает появление навигационного акта Кромвеля 1651 г., действовавшего до 1849 года, ордонанса Людовика XIV 1681 г. («Кодекс торгового мореплавания»), а также навигационные акты прусского Конвента 1794 г. Перечисленные национальные морские законы регламентировали вопросы плавания парусных судов [2, с. 237].

А.С. Скаридов утверждает, что первый свод правил по предотвращению столкновения судов в море был принят в 1840 году английской лоцманской корпорацией «Trinity House» и это было связано с появлением в начале XIX века паровых судов, которые спровоцировали повышение числа морских происшествий. При этом, уделяя должное внимание английскому судоходству, автор отмечает, что к 1837 году в Российской империи уже существовали Правила для плавания казенных и частных парокорпусов, регламентирующие движение судов во всех проходах и реках России [2, с. 237].

В 1864 году были приняты статьи, которые в виде свода, состоящего из 20 правил, были подготовлены английским правительством и согласованы с правительством Франции. Большим достижением стало принятие на Международной морской конференции, которая проходила в Вашингтоне в 1889 году, ранее упомянутых ППСС, вобравших в себя идеи правил 1864 г.

Как отмечалось, резкий скачок в развитии науки и техники в XX веке дал возможность международному сообществу повышать требования в части безопасности судоходства посредством принятия новых международно-правовых актов. В связи с этим в 1910, 1948, 1960 г. правила предотвращения

столкновения судов пересматривались, а уже 20 сентября 1972 г. в Лондоне были приняты МППСС-72, действующие в настоящее время.

За время существования МППСС-72, которые вступили в силу 15 июня 1977 г., семью резолюциями Ассамблеи ИМО были внесены изменения [11; 12; 13; 14; 15; 16; 17]. Действующая редакция МППСС-72 состоит из пяти частей и четырех приложений.

Часть А «Общие положения» включает три правила, которые регламентируют применение МППСС-72, ответственность, которая может возникнуть в связи с их неисполнением, и дает определение терминологического аппарата.

В пункте (а) правила 1 части А говорится, что МППСС-72 «распространяются на все суда в открытых морях и соединенных с ними водах, по которым могут плавать морские суда» [5]. В дополнение необходимо отметить, что пункт (b) указанного правила утверждает, что «ничто в настоящих Правилах не должно служить препятствием к действию особых правил, установленных соответствующими властями относительно плавания на акваториях рейдов, портов, на реках, озерах или по внутренним водным путям, соединенным с открытым морем, по которым могут плавать морские суда» [5].

Что касается ответственности, то интересным является пункт (b) правила 2 части А, согласно которому «при толковании и применении этих Правил следует обращать внимание на всякого рода опасности плавания и опасность столкновения и на все особые обстоятельства, включая особенности самих судов, которые могут вызвать необходимость отступить от этих Правил для избежания непосредственной опасности» [5]. Отступление от Правил можно определить в следующем высказывании: «необычные действия в необычных условиях» [3, с. 16]. Дело в том, что перед судном порой может возникнуть непосредственная опасность, например в связи с ухудшением гидрометеорологических условий и острейшей нехваткой времени для исполнения предписаний, установленных МППСС-72. В данном случае

судоводитель, руководствуясь своим опытом, должен принять правильное решение.

Часть В, состоящая из трех разделов, затрагивает вопросы плавания судов при различных условиях видимости, в частности плавание судов, находящихся на виду друг у друга, а также при ограниченной видимости. Она регламентирует такие вопросы, как наблюдение за судном, находящимся «в поле зрения», оценка опасности столкновения, действия для предупреждения столкновения, плавание в узкостях и по системам разделения движения, обгон судна, ситуация сближения судов, идущих друг на друга, или при пересечении курсов, действия судна, уступающего дорогу, или же кому уступают дорогу и их взаимные обязанности.

Правило 6 части В устанавливает, что «каждое судно должно всегда следовать с безопасной скоростью, с тем чтобы оно могло предпринять надлежащее и эффективное действие для предупреждения столкновения и могло быть остановлено в пределах расстояния, требуемого при существующих обстоятельствах и условиях» [5]. Это же правило утверждает следующие факторы по отношению ко всем судам, которые должны быть учтены: «состояние видимости; плотность движения, включая скопление рыболовных или любых других судов; маневренные возможности судна, и особенно расстояние, необходимое для полной остановки судна, и поворотливость судна в преобладающих условиях; ночь – наличие фона освещения как от береговых огней, так и от рассеяния света собственных огней; состояние ветра, моря и течения и близость навигационных опасностей; соотношение между осадками и имеющимися глубинами» [5].

Правило 12 части В определяет, какое из парусных судов и каким образом должно уступить место встречному судну:

« - когда суда идут разными галсами, то судно, идущее левым галсом, должно уступить дорогу другому судну;

- когда оба судна идут одним и тем же галсом, то судно, находящееся на ветре, должно уступить дорогу судну, находящемуся под ветром;

- если судно, идущее левым галсом, видит другое судно с наветренной стороны и не может точно определить, левым или правым галсом идет это другое судно, то оно должно уступить ему дорогу» [5].

Часть С определяет правила использования огней на судне, к которым относятся топовые, бортовые, кормовые, буксировочные, круговые и проблесковые огни. Также устанавливаются расстояния необходимой минимальной видимости указанных огней на судах четырех категорий: длиной 50 метров или более; длиной 12 метров и более, но менее 50; длиной менее 12 метров; на малозаметных полупогруженных судах или буксируемых объектах [5].

Часть D регламентирует использование звуковых и световых сигналов. Выделяется два вида звука – «короткий», продолжительность которого около 1 секунды, и «продолжительный» (от 4 до 6 секунд). Правило 34 устанавливает обязанность судов, находящихся в поле зрения друг у друга, использовать звуковые сигналы, которые обозначают: один короткий звук – «Я изменяю свой курс вправо»; два коротких звука – «Я изменяю свой курс влево»; три коротких звука – «Мои движители работают на задний ход» [5].

Данная часть также регламентирует использование звуковых сигналов при ограниченной видимости, определяет сигналы маневроуказания и предупреждения, сигналы для привлечения внимания и сигналы бедствия.

Что касается последней части, то она посвящена проверке соответствия положениям МППСС-72. Так, согласно правилу 39 части F «проверка означает систематический, независимый, документально оформленный процесс получения сведений и их объективной оценки с целью определить, в какой степени выполнены критерии проверки» [5]. Речь в данном случае идет о государствах – членах ИМО, которые периодически проверяет сама организация.

Вышеперечисленные международные договоры, регламентирующие требования к конструкции и оборудованию судов, а также правила предотвращения их столкновения уже к XX веку стали составной частью международно-правовой безопасности судоходства. По мнению А.С. Скаридова, она состоит

из пяти направлений: подготовка экипажа, предотвращение столкновения судов на море, конвенциональное оборудование судов и установление международных правил связи, организация распространения предостерегающей информации, создание систем поиска и спасания на море [2, с. 235]. Именно эти направления и международные договоры, регламентирующие их, являются основой международно-правового обеспечения безопасности судоходства в настоящее время.

Заключение

В ходе исследования автор пришел к выводу о том, что основными международно-правовыми договорами, определяющими требования к конструкции и оборудованию судов, а также регламентирующими обеспечение предотвращения столкновения судов в море, служат Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 г. и Конвенция о международных правилах предотвращения столкновения судов в море 1972 г.

Появление паровых судов в начале XIX века, масштабные морские аварии, а также динамичность научно-технического развития в XX веке явились причиной появления, а затем и изменения, посредством принятия новых редакций правил по предотвращению столкновения судов в море и международных конвенций по охране человеческой жизни на море.

В настоящее время Конвенция 1972 г. подробным образом регламентирует такие вопросы, как конструкция (устройство) судов, деление на отсеки, вопрос остойчивости, механических и электрических установок, противопожарной защиты, специальных средств и устройств, используемых на судне. С целью повышения уровня безопасности мореплавания предусмотрены правила работы метеорологических и гидрографических служб, службы ледовой разведки, поиска и спасания, управления движением судов, системы судовых сообщений и радиосвязи. Закрепляются дополнительные требования к ядерным, высокоскоростным и наволочным судам, а также судам, эксплуатирующимся в полярных водах.

Что касается МППСС-72, то данные Правила регламентируют такие вопросы, как плавание судов при различных условиях видимости. В частности, плавание судов, находящихся на виду друг у друга или при ограниченной видимости. Утверждаются правила использования огней на судне, к которым относятся топовые, бортовые, кормовые, буксировочные, круговые и проблесковые огни. МППСС-72 также определяют использование звуковых и световых сигналов.

Литература

1. *Колумбос Д.* Международное морское право. Пер. с англ. М.: Издательство Прогресс. 1975. – 783 с.
2. *Скаридов А.С.* Морское право: учебник для магистров. М.: Издательство Юрайт. 2012. – 647 с.
3. *Шарлай Г.Н.* МПСС-72 с комментариями. М.: Издательство Моркнига, 2017. -137 с.
4. *Шармоянц А.Н.* Международная конвенция по охране человеческой жизни на море от 31 мая 1929 г. и начало ее внедрения в СССР//Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, Юридические науки.-2018-.Т.4 (70).№1.-С.73-77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnaya-konventsiya-po-ohrane-chelovecheskoy-zhizni-na-more-ot-31-maya-1929-g-i-nachalo-ee-vnedreniya-v-sssr> (дата обращения: 11.02.2022).
5. Конвенция о международных правила предотвращения столкновения судов 1972 года (Подписано в г. Лондон 20.10.1972)//URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/normativnye-pravovye-akty-ministerstv-i-vedomstv/854> (дата обращения: 17.02.2022).
6. Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1914 года (Подписано в г. Лондон 20.01.1914).
7. Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1929 года (Подписано в г. Лондон 10.05.1929)//URL:

<http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/138821-mezhdunarodnaya-konventsiya-po-ohrane-chelovecheskoy-zhizni-na-more-london-31-maya-1929-goda#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 10.02.2022).

8. Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1948 года (Подписано в г. Лондон 31.05.1948)//URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901827?marker=64U0IK> (дата обращения: 10.02.2022).

9. Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1960 года (Подписано в г. Лондон 17.06.1960)//URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901517> (дата обращения: 12.02.2022).

10. Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 года (СОЛАС 74)//URL: <https://docs.cntd.ru/document/901765675> (дата обращения: 15.02.2022).

11. Резолюция Ассамблеи ИМО от 19.11.1981 NA.464(XII)//URL: <https://docs.cntd.ru/document/420383657> (дата обращения: 17.02.2022).

12. Резолюция Ассамблеи ИМО от 19.11.1987 NA.626(15)//URL: <https://docs.cntd.ru/document/420383659> (дата обращения: 17.02.2022).

13. Резолюция Ассамблеи ИМО от 19.10.1989 NA.678(16)//URL: <https://docs.cntd.ru/document/420383666> (дата обращения: 17.02.2022).

14. Резолюция Ассамблеи ИМО от 04.11.1993 NA.736(18)//URL: <https://docs.cntd.ru/document/420383668> (дата обращения: 17.02.2022).

15. Резолюция Ассамблеи ИМО от 29.11.2001 NA.910(22)//URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901005> (дата обращения: 17.02.2022).

16. Резолюция Ассамблеи ИМО от 29.11.2007 NA.1004(25)//URL: <https://docs.cntd.ru/document/420383667> (дата обращения: 17.02.2022).

17. Резолюция Ассамблеи ИМО от 04.12.2013 NA.1086(28)//URL: <https://docs.cntd.ru/document/420383661> (дата обращения: 17.02.2022).

Горелик И.Б.,
аспирант кафедры международного права, Дипломатическая академия
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
e-mail: gorelik.ilya@yandex.ru

Ilya V. Gorelik,
Post-graduate Degree Student of the Department of International Law,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Fed-
eration,
e-mail: gorelik.ilya@yandex.ru

**ЦИФРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ОТРАЖЕНИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА:
ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ И РЕШЕНИЯ**

**PROBLEMS OF PROGRESSIVE DEVELOPMENT OF INTERNA-
TIONAL LAW IN THE CONTEXT OF CRIME CONTROL USING DIGI-
TAL TECHNOLOGIES**

Аннотация: статья посвящена проблемам противодействия использованию цифровых технологий в трансграничных преступных целях. В частности, отмечается тот факт, что комплексность и производительность технологического обеспечения, с помощью которого совершаются киберпреступления, постоянно возрастают. Данное явление приобрело саморазвивающийся характер и особенно актуально в контексте использования цифровых технологий в кибератаках. Технологические особенности осуществления кибератак в информационном пространстве создают трудности в осуществлении процессуальных действий по идентификации территориального источника кибератаки, а также значительно усложняют обнаружение самого преступника. Все озвученные проблемы требуют формирования особой международно-правовой системы с целью поддержания информационной безопасности, а также устойчивого развития

такой системы в соответствии с текущими трендами технологического развития.

Ключевые слова: ООН, современное международное право, конвенция, искусственный интеллект, интернет, цифровые технологии, киберпреступность, кибероперация, кибератака.

Abstract. The article is devoted to the problems of countering the use of digital technologies for cross-border criminal purposes. In particular, it is noted that the complexity and productivity of technological support, with the help of which cybercrimes are committed, is constantly increasing. This phenomenon has become a self-developing one and, in addition, is especially relevant in the context of using digital technologies in cyberattacks. Technological features of the implementation of cyberattacks in the informational space create difficulties in the implementation of procedural actions such as identifying the territorial source of a cyberattack and also significantly sophisticate the detection of the criminal himself. All the problems mentioned require the formation of a special international legal system in order to maintain information security, as well as the sustainable development of this system in accordance with current trends of technological development.

Keywords: UN, modern international law, convention, artificial intelligence, Internet, digital technologies, cybercrime, cyber operation, cyberattack.

Международное право развивается и реагирует (хотя иногда с некоторым опозданием) на происходящие изменения в глобальном социальном пространстве [3, с. 15-16]. Так, создание новых цифровых устройств и повсеместное распространение сети Интернет способствуют появлению сверхсложных технологий. Более того, темпы развития таких технологий обретают экспоненциальный вид, когда «скорость реальной смены парадигм, скорость принятия новых идей удваивается каждые десять лет» [5], вследствие чего возникает еще больше новейших технологий [26].

Сверхсложные цифровые технологии, повышая возможности человека, одновременно создают определенные социальные и политические проблемы.

Показательным примером мог бы служить искусственный интеллект, который уже сейчас активно используется при решении сложных и важных задач в контексте самых разных областей жизнедеятельности. Но при этом существующие «правовые системы все еще далеки от достижения ... консенсуса в отношении установления надлежащих правовых параметров для развития и регулирования систем искусственного интеллекта» [14, с. 67].

Кроме того, «вектор эволюции информационных технологий лежит в направлении перехода от двухкомпонентной человеко-машинной системы “человек – ПК” к трехкомпонентной “человек – ИИ – ПК”» [13, с.407]. Очевидно, такой процесс будет сопровождаться развитием всех трех компонент указанной системы при взаимных конкуренции и совершенствовании в целях оптимизации взаимодействия между ними. Причем наметилась тенденция к замещению человека искусственными системами не только в технологических циклах, но и в социальных отношениях, а также при принятии важных управленческих решений.

В связи с этим исследователями ставится вопрос: насколько эффективным может или должна быть регулирующая роль государства и права в организации киберпространства. В частности, на сегодняшний день не решена проблема создания универсальной международно-правовой системы противодействия использованию информационных технологий в преступных целях. Притом, как отмечают исследователи, компьютерная преступность приобрела самоопределяющий и самодетерминированный характер [8, с. 154].

В то же время технологическая оснащенность киберпреступлений постоянно совершенствуется. Достаточно упомянуть такие технологии, как «Интернет вещей» и блокчейн, которые могут интегрироваться в системы искусственного интеллекта. «Комбинируя датчики, интеллектуальные возможности и приводы устройств “интернета вещей”, можно создавать роботизированные решения, спектр применения которых сегодня быстро расширяется» [7].

В результате таких сложных технических комбинаций оперативно отслеживать логику преступного деяния становится все сложнее, а порой и вовсе невозможно. К тому же сама информация о киберпреступлении может быть труднодоступной «для восприятия человеком — субъектом доказывания – без работающего высокотехнологичного компьютера, а чаще всего и без эксперта, специалиста, чьи заключения ... признаются обязательными при обращении правоприменителя с цифровой информацией» [2, с. 9-18].

В связи с этим исследователи считают, что крайне необходимо проводить работы по прогнозированию возможного использования достижений науки и техники в преступных целях [9, с. 61-64].

Более того, исследователи особенно выделяют проблему юридической регламентации использования технологий искусственного интеллекта в тех случаях, когда они применяются для совершения преступных деяний, или любых других случаях, когда такие технологии становятся опасными для общества и человека. В связи с этим ряд исследователей полагает, что одним из возможных направлений развития юридической науки может быть придание данным объектам особой формы «личности», «электронного лица» и наделения его определенной «правосубъектностью» [25, с. 315-328]. Несмотря на то что такой подход может быть спорным, как представляется, следует в принципе его принять во внимание, учитывая скоротечное и зачастую плохо предсказуемое развитие информационных технологий.

В настоящий момент речь может идти о проблеме распределения ответственности в системе «человек – искусственный интеллект» с учетом отмеченного выше перехода от двухкомпонентной человеко-машинной системы «человек – ПК» к трехкомпонентной человеко-машинной системе «человек – ИИ – ПК» [13, с. 407], чтобы упростить процесс выявления причин опасных для общества действий искусственной системы, которые, в частности, могут произойти из-за ошибки оператора, разработчика, запросов заказчика или действий обладателя этой системы.

В этой связи эксперты отмечают, что если преступное или опасное деяние совершено группой «лиц», в том числе с участием одного или более автономного объекта с «искусственным интеллектом», то речь может идти об их «диффузной» или коллективной ответственности, когда распределение ответственности за преступное действие осуществляется между несколькими членами группы и одним автономным искусственным «лицом» или более [14, с. 66]. Это относится также и к трансграничным киберпреступлениям, когда необходимо установить как прямых, так и транзитных соучастников преступного деяния.

Вопрос заключается не только в том, как привлечь разработчиков или пользователей ИИ к ответственности, но и, как считают эксперты, в том, «как разумно и справедливо применить эту ответственность» [14, с. 66], определить степень ответственности. Необходимо иметь в виду, что «определение юридической ответственности за действия искусственного интеллекта может быть затруднено в большей степени в силу их сложности и специфичности» [11] как по сугубо техническим причинам, так и с точки зрения применения международного права.

Отдельно стоит отметить различные системы с искусственным интеллектом и роботов-андроидов, потенциально запрограммированных на трансграничные криминальные цели или автономно принимающих решения, которые представляют опасность для общества и человека. При этом исследователи подчеркивают, что пока только идет поиск оптимальных «правовых параметров для развития и регулирования систем искусственного интеллекта» [14, с. 67]. При всей сложности решения данной проблемы необходимо, как отметил президент России В.В. Путин, выступая на международном конгрессе по кибербезопасности в 2018 г., обеспечить «гибкое правовое регулирование», которое «должно в полной мере учитывать специфику отрасли, не тормозить, а успевать за прорывным развитием цифровых технологий и надежно защищать экономические свободы, собственность, безопасность, частную жизнь и личное пространство граждан»

[18]. В 2019 году была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, в которой ставится задача создания комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта [23].

В Евросоюзе развернулась дискуссия о том, насколько современное право отвечает возникшей необходимости регламентировать использование искусственного интеллекта. Сам факт дискуссии уже может свидетельствовать о возможности формирования контуров будущего права цифровых технологий, отвечающего глобальным трендам технологического развития.

В 2021 году Европейская комиссия подготовила проект регламента Европейского союза «О европейском подходе для искусственного интеллекта». Как отмечается в самом проекте, данный документ «составлен на основе риск-ориентированного подхода к искусственному интеллекту и предполагает строгие правила в отношении систем распознавания лиц, прямо запрещает использование искусственного интеллекта для создания разного рода социальных рейтингов и принятие автоматических решений, затрагивающих права и свободы граждан» [16]. Проект «предусматривает экстерриториальное применение и под его действие могут попасть не только европейские компании, но и компании иных юрисдикций» [16]. Причем приветствуется предложение о том, что системы ИИ, представляющие высокий риск, должны «проходить предварительную оценку соответствия, прежде чем они могут быть размещены на рынке или иным образом введены в эксплуатацию в ЕС» [16]. Такой подход регулирования использования искусственного интеллекта может соблюсти оптимальный баланс между инновационным развитием и кибербезопасностью. Но тот факт, что проект потенциально затрагивает «иные юрисдикции» [16] противоречит международно-правовому принципу государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств.

В свою очередь, Совет Европы разрабатывает международную конвенцию по искусственному интеллекту, претендующую на универсальность. В рамках созданного в 2019 году Специального комитета по искусственному интеллекту Совета Европы (САНАИ) в Страсбурге (2021 г.) обсуждалась структура будущей Конвенции Совета Европы по ИИ [21].

В России вопрос о возможности кодификации преступлений, совершенных с использованием цифровых технологий, был поставлен еще в начале 1990-х годов прошлого столетия. Более того, неоднократно на международном уровне инициировались обсуждения проблем правовой организации киберпространства. В 1998 году Россия, осознавая наметившиеся опасные глобальные тренды, предложила ООН обсудить разработанный ею проект информационной безопасности, который был положен в основу Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 53/70 от 4 декабря 1998 г. [6].

Непосредственно разработки законодательства в этой области в разных государствах начались в 2000-х годах. Использование транснациональной киберсреды для реализации различных целей, в том числе опасных для мирового сообщества, объективно образует новую совокупность общественных отношений, требующих комплексного правового регулирования и соответствующих законодательных разработок. В частности, это относится к использованию систем искусственного интеллекта в кибератаках и проведении иных операций [19].

Как представляется, новые международно-правовые акты в области обеспечения глобальной информационной безопасности должны исключить возможность принятия одностороннего решения какого-либо государства относительно вероятного источника кибератаки, которое могло бы привести к ответной силовой акции. Причем важно учитывать, что на данный момент агрессия в рамках киберпространства пока выходит за пределы существующих механизмов юридической классификации, а международная система атрибуции субъектов в киберпространстве отсутствует.

Технологические особенности осуществления кибератак в информационном пространстве создают определенные трудности в проведении процессуально-правовых действий по идентификации лица или группы лиц, совершивших такое преступное деяние. Это особенно актуально в случае использования в киберпреступлениях блокчейн-технологий или искусственного интеллекта, что «открывает большие возможности для киберзлоумышленников, позволяя им увеличивать силу атак в плане скорости, объема и сложности до огромных масштабов. Атаки на основе ИИ могут обходить традиционные системы обнаружения более чем в 15% случаев» [24].

В свою очередь, расследование таких преступлений потребует соответствующих международно-правовых договоренностей на уровне региональных международных организаций и межгосударственных соглашений. Кроме того, при расследовании трансграничного киберпреступления в информационном пространстве для определения юрисдикции государств следует заключить международный договор. В целом необходимы уточняющие правовые положения, регламентирующие права и обязанности государств-участников в области обнаружения и расследования преступлений в информационном пространстве.

Как уже было указано выше, использование искусственного интеллекта для осуществления международной кибератаки создаст дополнительные сложности как в расследовании, так и в процессе сбора доказательной базы. А процессуальные процедуры и процесс международных переговоров государств, интересы которых были затронуты в результате такого преступления, могут потребовать значительного количества времени. К тому же неопределенность статуса ситуации с совершением кибератаки или «киберинцидента» грозит потенциальным международным вооруженным конфликтом. Ко всему вышесказанному можно также добавить, что на данный момент отсутствует универсальная международно-правовая система, способная эффективно регулировать применение цифровых технологий.

В связи с указанными особенностями неизбежен вывод о том, что международное сообщество столкнулось с огромной проблемой, для решения которой пока отсутствуют действительно эффективные средства. В качестве возможного решения предлагается создать международный правоохранительный орган, деятельность которого будет направлена на обнаружение и расследование преступлений в информационном пространстве с учетом особенностей законодательства государств, в интернет-пространстве которых совершено преступление [10].

Как представляется, следует разработать универсальную международную модель, объединяющую различные методы правового регулирования использования цифровых технологий. Очевидно, что развивающееся глобальное киберпространство предполагает формирование особой международно-правовой системы, которая будет учитывать современные тенденции развития цифровых технологий, с целью поддержания информационной безопасности и устойчивого развития. Отдельно необходимо учитывать проблему искусственного интеллекта, который играет все большую роль в процессах, обеспечиваемых информационными технологиями (будь то вполне легальное производство или же преступные деяния).

В этой связи велись дискуссии по вопросу о том, насколько современное международное право сможет адаптироваться к виртуальной реальности или в каком направлении оно будет развиваться [4]. Некоторые исследователи склоняются к тому, что совокупность социальных отношений, осуществляемых с использованием цифровых технологий, со временем потребует образовать самостоятельную подотрасль международного права [22]. В пользу необходимости формирования такой отрасли свидетельствует тот факт, что в ряде учебных заведений создаются соответствующие подразделения, разрабатывающие не только модели данной отрасли, но и подготавливающие соответствующих специалистов. Например, кафедра компьютерного права существует в Московском инженерно-

физическом институте, в МГУ образована кафедра компьютерного права и информационных технологий. Хотя в большинстве случаев их деятельность преимущественно посвящена вопросам внутреннего права, а не международного.

Как представляется, следует исходить из того, что инновационное развитие технологий и появление самонастраивающегося искусственного интеллекта, его «соучастие» в трансграничных кибероперациях могут являться еще одним основанием для формирования названной подотрасли международного права. Дело в том, что, как отметил специальный представитель президента России по вопросам в области информационной безопасности В.А. Крутских, в отсутствие международно-правовой системы, регламентирующей процессы в киберпространстве, «есть возможность втягивания человечества в киберконфронтацию и даже кибервойну» [17].

С другой стороны, у этой идеи есть оппоненты среди западных исследователей. Они считают, что для регулирования происходящих процессов в киберпространстве вполне достаточно существующих норм современного международного права [30]. Более того, немецкий исследователь Вольф фон-Хайнегг полагает, что подробная регламентация применения ИКТ в киберпространстве имеет своей целью «изменить международное право таким образом, чтобы это служило интересам Российской Федерации», и использовать международное право как средство для «компенсации технологической отсталости или для повышения государственного контроля над действиями в киберпространстве» [15].

Представим контуры подотрасли международного права, предназначенной для регулирования киберпространства. Международное цифровое право определяет регулирование социальных отношений и процессов в целостном глобальном киберпространстве, состоящем из множества юридических лиц, ресурсов, средств и других элементов, находящихся во взаимосвязи друг с другом, с целью информационной безопасности и устойчивого

инновационного развития в соответствии с трендами развития информационных технологий.

В то же время развивающиеся цифровые технологии и их использование очертили ряд проблемных тем, связанных с применением международного права к цифровой среде. Прежде всего, каким образом противодействовать использованию ИКТ в преступных целях, учитывая тот факт, что все больше цифровые технологии обретают свойство «двойного назначения» [1], а их коммерциализация способствует использованию достижений оборонного сектора в преступных целях.

К числу наиболее актуальных задач, стоящих перед международным сообществом, как отмечают исследователи А.В. Крутских и А.А. Стрельцов, можно отнести «определение порогового уровня ущерба в результате использования ИКТ, превышение которого позволяет квалифицировать его как агрессию» [12]. Это необходимо для разграничения сфер действия внутреннего и международного права в киберпространстве.

В то же время технологические особенности определяют наличие проблем в процессе идентификации возможного преступника. Им может быть высоко подготовленный хакер, использовавший информационно-коммуникационную структуру государства пребывания для совершения противоправного деяния. А, возможно, роль исполнителя преступного деяния может играть система с искусственным интеллектом. Неопределенность ситуации, как подчеркивают исследователи, может «привести к приписыванию факта применения силы к государству, чьи информационные системы были использованы в противоправных целях» [12].

Соответственно, необходима выработка международно-правовых норм, отдельно закрепляющих обязательства государства не допускать использование национального сегмента глобального информационного пространства для совершения преступления, в том числе кибератак со стороны другого государства против третьих стран. При этом, как представляется, не всякое противоправное применение кибертехнологий является угрозой

международной безопасности. Но в любом случае кибератака может спровоцировать международный вооруженный конфликт.

Очевидно, что международное правотворчество не всегда успевает оперативно и адекватно реагировать на вновь возникающие угрозы. Можно предположить, что международное право приближается к точке бифуркации, когда в современном правотворчестве все больше сопрягается материальный и виртуальный подходы [20, с.26]. Тем не менее это не отменяет регламентацию межгосударственных отношений действующими нормами современного международного права. Но реалии развивающихся цифровых технологий требуют адекватного дополнения и самого международного права.

Литература

1. *Буневич К.Г.* Развитие технологий двойного назначения на основе кластерного подхода / К.Г. Буневич, Д.М. Петров // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2013. – №1. – С. 75-79.
2. *Власова С.В.* К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2018. – №1. – С. 9-18.
3. *Данельян А.А.* Международное право: вчера, сегодня, завтра // Образование и право. – 2020. – №2. – С. 11-16.
4. *Данельян А.А.* Киберпространство и международное право // Международный правовой курьер. – 2020. – №1. – С. 7-14.
5. *Дзюбенко И.Б.* Экспоненциальная скорость развития технологий // VI международная научно-практическая конференция «Научные междисциплинарные исследования». – 2021г. – С. 94-104.
6. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности [Электронный ресурс]: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей, 4 January 1999. A/RES/53/70. URL: <https://documents->

dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/760/05/PDF/N9976005.pdf?OpenElement
(дата обращения: 14.07.2022)

7. *Дэниелс Д.* Интернет вещей, искусственный интеллект, блокчейн и профессионализм // Открытые системы. СУБД. – 2019. – №1. – С. 12.

8. *Евдокимов К.Н.* Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика [Текст] : дисс. ... докт. юрид. наук : 12.00.08 / Евдокимов, Константин Николаевич. – М., 2021. – 557 с.

9. *Зимин В.В.* Научно-технические достижения и преступления будущего: вопросы криминологического прогнозирования и упреждающей криминализации // Технологии XXI века в юриспруденции – Екатеринбург, 2019 г. – С. 61-64.

10. *Искевич И.С.* Актуальные определения юрисдикции при расследовании преступлений в информационном пространстве: международно-правовой аспект / И.С. Искевич, М.Н. Кочеткова, А.М. Попов // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2016. – №4. – С. 54-58.

11. *Камалова Г.Г.* Некоторые вопросы уголовно-правовой ответственности в сфере применения систем искусственного интеллекта / Г.Г. Камалова // Вестник удмуртского университета: Экономика и право. – 2020. – Т.30. – №3. – С. 382-388.

12. *Крутских А.В.* Международное право и проблема обеспечения международной информационной безопасности // Международная жизнь. – 2014. – №11. – С. 20-34.

13. *Лоскутов В.К.* Искусственный интеллект // Глобалистика. Энциклопедия. – М., 2003. – С. 407.

14. *Любимов А.П.* Основные понятия искусственного интеллекта. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2019. – 116 с.

15. *Маркова К.* Перевод статьи Вольфа фон-Хайнегга. Международное право и международная информационная безопасность: ответ Крутских и Стрельцову / К. Маркова // Электронный журнал ПИР-Центра «Пульс кибермира». – 2015. – №3.

16. Обзор проекта регламента Европейского союза «О европейском подходе для искусственного интеллекта» (Regulation on a European Approach for Artificial Intelligent) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2021/10/27/obzorproekta_reglamenta_evropejskogo_soyuza_o_evropejskom_podhode_dlya_iskusstvennogo_intellekta_re (дата обращения: 14.07.2022)

17. *Педанов Е. А.* Крутских: за «биопандемией» последует «киберпандемия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/25925> (дата обращения: 14.07.2022)

18. Пленарное заседание Международного конгресса по кибербезопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57957> (дата обращения: 14.07.2022)

19. *Рождественская Я.* Искусственный интеллект мыслит как преступник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3557537> (дата обращения: 14.07.2022)

20. *Ромашов Р.А.* О соотношении материального и виртуального в современном праве / Р.А. Ромашов, В.Ю. Панченко // Юридическая наука. – 2017. – №1. – С. 26-32.

21. Специальный Комитет по искусственному интеллекту Совета Европы (САНАИ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/ca-hai-lfg-2021-oj4-4th-meeting-draft-agenda/1680a3ab71> (дата: обращения 14.07.2022)

22. *Стрельцов А.А.* О предмете и методе информационного права / А.А. Стрельцов // Информационное право. – 2019. – №4. – С. 4-11.

23. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 14.10.2019. – №41. – ст. 5700.

24. Чуквубе Д. Защищаемся от ИИ с помощью ИИ: решения с поддержкой искусственного интеллекта для киберугроз нового поколения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.securitylab.ru/analytics/518993.php> (дата обращения: 14.07.2022)

25. Ястребов О.А. Искусственный интеллект в правовом пространстве / О.А. Ястребов // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т.22. – №3. – С. 315-328.

26. Cietto V. What are exponential technologies and how soon will they manifest themselves? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.quora.com/What-are-exponential-technologies-and-how-soon-will-they-manifest-themselves> (дата обращения: 14.07.2022)

Кучина Анастасия Михайловна,
аспирант кафедры международного права, Дипломатическая академия
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
e-mail: anastasia.kuchina@mail.ru

Anastasia M. Kuchina,
Post-graduate Degree Student at the Department of International Law,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
e-mail: anastasia.kuchina@mail.ru

Научный руководитель:
Гуляева Елена Евгеньевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права Дипломатической академии
Министерства иностранных дел Российской Федерации

Scientific Adviser:
Elena E. Gulyaeva, Ph.D. (Law),
Associate Professor at the Department of International Law,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

**Международно-правовые аспекты обеспечения безопасности
инфраструктуры вещания в киберпространстве**

**International legal aspects of ensuring the security of the broadcasting
infrastructure in cyberspace**

Аннотация: надежная кибербезопасность на фоне развития информационных технологий является обязательным условием для эффективного функционирования индустрии вещания. В статье анализируются подверженность организаций вещания киберпреступности, рассматриваются киберугрозы и кибератаки, с которыми сталкиваются вещатели, а также современное состояние международного сотрудничества по вопросам кибербезопасности вещательных организаций.

Ключевые слова: вещание, медиакомпании, кибербезопасность, киберпреступность, киберугрозы, кибератаки, международное

сотрудничество, Всемирный вещательный союз (WBU), Европейский вещательный союз (EBU), рекомендации.

Abstract: Reliable cybersecurity against the background of information technology development is a prerequisite for the effective operation of broadcast industry. The article analyzes the exposure to cybercrime of broadcasting organizations, deals with cyber threats and cyberattacks faced by broadcasters, as well as the current state of international cooperation on broadcast cybersecurity issues.

Key words: broadcasting, media companies, cybersecurity, cybercrime, cyber threats, cyberattacks, international cooperation, World Broadcasting Unions (WBU), European Broadcasting Union (EBU), Recommendations.

В последние годы индустрия вещания все чаще подвергается киберугрозам и становится объектами кибератак со стороны широкого круга субъектов (преступные группировки, конкурирующие вещатели, отдельные лица и др.). Медиакомпании по всему миру, многие из которых являются ведущими поставщиками контента, тратят значительные ресурсы на борьбу с кибератаками. Кроме того, угрозы продолжают увеличиваться как по объекту, так и по сложности.

Вещательные организации не только поставляют, но и производят контент, часть которого (например, развлекательного характера) находится в открытом доступе для широкой публики, что представляет собой потенциальную уязвимость. На сегодняшний день потребительский спрос на доступ к вещанию в любом месте, в любое время и на любом устройстве повсеместно растет, а производители и поставщики медиаконтента стали в большей степени использовать информационные технологии (далее – ИТ), Интернет и подключенные к нему сети для производства, хранения и доставки информации, включая облачные приложения.

Инструментарий киберпреступности

Для того чтобы стимулировать вещателей инвестировать в развитие передачи сигналов, в том числе трансграничной, необходимо наличие надлежащего уровня защиты от киберпреступности в деятельности организаций вещания.

Еще в 2001 году Совет Европы принял Будапештскую конвенцию по борьбе с киберпреступлениями, где в части 2 статьи 10 предусмотрена «уголовная ответственность за правонарушения, связанные с нарушением смежных прав» [10], к которым, в частности, относятся права организаций вещания.

Говоря о киберпреступности, стоит отметить, что общепринятое определение данного понятия отсутствует. Управлением Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности в рамках инициативы «Образование во имя правосудия» (E4J) при поддержке ученых со всего мира была разработана серия модулей по киберпреступности. Так, «Модуль 1: Введение в киберпреступность» дает определение киберпреступлению, включающее в себя элементы, общие для всех существующих дефиниций киберпреступности. «Киберпреступление – это действие, нарушающее закон, которое совершается с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и либо нацелено на сети, системы, данные, веб-сайты и/или технологии, либо способствует совершению преступления» [7].

Подверженность киберпреступности угрожает доставке вещательного контента из-за ухудшения и уничтожения вещательных сигналов. В результате охрана производства, хранения и доставки вещательных услуг от киберугроз зависит в первую очередь от охраны самих ИТ-систем.

На цифровом рынке медиасервисы сталкиваются с различными видами атак, включая распределенный отказ в обслуживании (DDoS), использование программ-вымогателей, кражу личных данных, в том числе посредством фишинга, кражу цифрового сигнала, интеллектуальной собственности с последующим распространением, что приводит к финансовым потерям.

DDoS-атака используется для ограничения пропускной способности с целью отказа в обслуживании запросов пользователей и полного прекращения работы веб-ресурса [4]. Таким образом, атака направлена на перегрузку сервера и каналов связи.

Программы-вымогатели являются разновидностью вредоносных программ, с помощью которых осуществляется блокировка доступа к системе или шифрование данных с последующим требованием выкупа в обмен на предоставление доступа к данным [5].

С помощью фишинга получают конфиденциальные данные пользователей путем массовых рассылок электронных писем с содержанием ссылок на поддельную страницу, на которой в случае ввода лицом своих логина и пароля мошенники получают доступ к аккаунтам и информации [1, с. 53]. Кроме того, фишинг используется для распространения вредоносных программ посредством рассылки писем с вредоносными вложениями, при открытии которых на компьютер пользователя загружается вредоносное программное обеспечение (далее – ПО) [2].

Кибератаки на электронные СМИ и стриминговые сервисы

Индустрия средств массовой информации, развлечений и технологий, обладающая ценным контентом и известными брендами, стала мишенью ряда громких кибератак со стороны целого ряда злоумышленников.

Самая резонансная кибератака была совершена в апреле 2015 года на французский международный канал TV5Monde, в результате которой вся его инфраструктура была уничтожена. В ходе атаки хакерами, которые утверждали, что они принадлежат к группировке «Исламское государство» (террористическая организация, запрещенная в РФ), были взяты под контроль системы, ответственные за телетрансляцию, взломаны веб-сайты телекомпании, а также опубликованы исламистские лозунги в социальных сетях TV5 Monde [11].

После атаки сотрудники не могли отправлять электронные письма, вместо этого они вернулись к факсимильным аппаратам и компьютерным рабочим процессам, которые требовали тестирования и сканирования на вирусы, в результате чего компания потеряла тысячи евро [9].

В 2017 году стриминговый сервис Netflix оказался втянутым в попытку вымогательства со стороны хакерской группы The Dark Overlord, которая атаковала постпродакшн студию Larson Studios и украла новые эпизоды пятого сезона популярного сериала «Оранжевый – хит сезона». Злоумышленники потребовали от Netflix выкупа соответствующего контента. Однако Netflix отказался выплатить требуемый выкуп, из-за чего серии были слиты в сеть до официальной премьеры [15]. С помощью популярного сериала Netflix планировал расширить свою аудиторию, а в результате утечки, наоборот, повысился риск потери подписчиков и снижения стоимости акций стримингового сервиса на бирже. Несмотря на то что сам Netflix инвестирует денежные средства в усиление защиты от хакерских атак, его контент был зависим от постпродакшн студии, которая не обладала современной системой безопасности и не смогла противостоять утечке информации [3].

В октябре 2019 года крупнейшая частная мультимедийная группа Франции M6 Group стала жертвой атаки программ-вымогателей. Шведская общественная телекомпания SVT, независимый сербский телеканал N1, дочерняя компания CNN и украинский канал «Черноморская ТРК» (Black Sea TV) сообщили о том, что в период с августа 2019 года по январь 2020 года они подвергались кибератакам [14].

Таким образом, сегодня наблюдается рост рисков, связанных со взломами и пиратством в отношении организаций вещания. По мере усиления процессов глобализации и появления новых способов передачи информации, в том числе посредством интерактивного вещания, возрастает актуальность в развитии международного сотрудничества в области кибербезопасности.

Международное сотрудничество вещателей

Международные организации по стандартизации, профессиональные вещательные ассоциации и союзы осуществляют совместную деятельность в целях предотвращения кибератак или смягчения их воздействия и последствий.

Так, Ассоциация международного вещания (AIB) создала Рабочую группу по кибербезопасности, которая объединяет членов AIB со всего мира для обмена информацией и опытом о существующих угрозах для медиакомпаний [8].

Всемирный вещательный союз (WBU) является координирующим органом для союзов вещателей, которые предоставляют вещательные сети по всему миру. В 2018 году WBU подготовил две рекомендации в области кибербезопасности. Первый документ – «Основные элементы управления кибербезопасностью». В нем Технический комитет Всемирного вещательного союза представил разработанный им минимальный набор средств контроля, которые могут быть использованы всеми вещателями для обеспечения базового уровня защиты от кибератак. Данный набор включает 6 основных элементов управления: 1) активная инвентаризация и отслеживание всех устройств в сети с целью предоставления доступа только авторизованным устройствам, а также для обнаружения и блокировки доступа для неавторизованных; 2) запрет установки всего программного обеспечения, если оно не соответствует утвержденному процессу контроля за изменениями; 3) создание безопасных конфигураций¹ для аппаратного и программного обеспечения на мобильных устройствах, ноутбуках, рабочих станциях и серверах, включая своевременное применение программных исправлений; 4) непрерывная оценка уязвимостей и исправление с помощью использования средств автоматизированного сканирования всех систем и пользователей в сети; 5) ограничение административных привилегий (т.е. доступа к

¹ Состав вычислительной системы.

определенным ресурсам и системам); б) организация регулярных курсов обучения кибербезопасности для всех сотрудников с акцентом на обнаружении фишинговых атак [18].

Второй документ – «Рекомендации WBU по кибербезопасности для систем, программного обеспечения и услуг медиапоставщиков». Данные рекомендации предназначены для налаживания взаимодействия с медиакомпаниями с целью достижения ими более эффективного соблюдения лучших практик кибербезопасности. WBU предлагает своим членам и медиакомпаниям в целом применять рекомендации при планировании и проектировании своих систем, программного обеспечения; требовать от поставщиков медиауслуг указывать степень их соответствия принятым рекомендациям; определять собственный минимальный уровень приемлемости риска на основе этих рекомендаций [19].

Кроме того, в 2020 году Всемирный вещательный союз разработал «Рекомендации WBU по кибербезопасности при использовании вещательными организациями облачных сервисов». Например, к ним относятся следующие: 1) разграничение обязанностей между облачным провайдером и вещательной компанией должно быть четко определено и документально зафиксировано перед переносом каких-либо данных; 2) осуществление классификации данных, которые могут быть переданы в общедоступное облако, чтобы избежать передачи конфиденциальных или критически важных материалов; 3) должны реализовываться комплексные средства управления доступом в облако и соответствующие права аутентификации; 4) необходимость шифрования данных в облаке; 5) вещательные организации должны внедрять системы обнаружения вторжений (IDS) для выявления несанкционированного входа/выхода данных; 6) рекомендовано проведение обучения сотрудников для безопасной деятельности в облаке; 7) отмечается важность проведения регулярных аудитов с целью выявления и устранения уязвимостей и пробелов в облачной безопасности и другие рекомендации [20].

В рамках Европейского вещательного союза (ЕВУ) был принят ряд рекомендаций по кибербезопасности. В частности, в 2016 году была разработана и принята «Рекомендация R144 Управление по кибербезопасности для медиакомпаний» с целью защиты информации от несанкционированного доступа, модификации, рассекречивания, кражи или разрушения, независимо от ее формы (электронной, печатной или устной) [16]. Отмечается необходимость создания медиакомпаниями, зависящими от информационных технологий, в своей организационной структуре Управления по кибербезопасности. При этом Рекомендация обращает внимание на то, что кибербезопасность не ограничивается ИТ-системами и должна включать вещательные системы в целом [16]. К обязанностям Управления по кибербезопасности относятся выявление рисков киберугроз и разработка мер для эффективного реагирования на них, решение вопросов информационной безопасности, приведение процессов кибербезопасности в соответствие международным стандартам Международной организации по стандартизации (далее – ИСО) и Международной электротехнической комиссии (далее – МЭК).

Так, под эгидой ИСО и МЭК в феврале 2021 года были опубликованы подготовленные техническим подкомитетом SC 27 «Информационная безопасность, кибербезопасность и защита неприкосновенности частной жизни» объединенного технического комитета ИСО и МЭК технические спецификации ISO/IEC TS 27110, «Информационная безопасность, кибербезопасность и защита неприкосновенности частной жизни – Руководство по разработке концепции кибербезопасности», которые содержат информацию о том, как создать или усовершенствовать систему защиты от кибератак [6].

Данный документ регламентирует процесс создания надежной системы защиты от кибератак и её совершенствования, содержит минимальный набор определений и концепций, согласованных на международном уровне, для использования при разработке инфраструктуры кибербезопасности

независимо от типа, размера или характера организации-создателя, тем самым обеспечивая ее гибкость и универсальность [12].

ISO/IEC TS 27110 дополняет технические спецификации, принятые в 2020 году ISO/IEC TS 27100:2020 «Информационные технологии – Кибербезопасность – Обзор и концепции», определяющие кибербезопасность и соответствующие концепции относительно того, как она связана и чем отличается от информационной безопасности [13].

С учетом того, что в последнее время широкое распространение получает разработка приложений для медиасервисов и медиакомпаний становятся все более уязвимыми к кибератакам, особенно те, что используют веб-сайты, необходимо отметить Рекомендацию Европейского вещательного союза 2019 года *R161* «Политика ответственного раскрытия информации для медиакомпаний», указывающую на необходимость внедрения программы ответственного раскрытия уязвимостей, которая может осуществляться непосредственно компанией при наличии соответствующих специалистов в отделе безопасности, или компания может обратиться к сторонним экспертам для проведения такой программы [17]. Целью программы является анализ IT-инфраструктуры, выявление уязвимостей для их последующего устранения или разработки обходных путей, обеспечение безопасного функционирования организации.

В киберпространстве нет границ, что придает особую важность международному сотрудничеству в обеспечении кибербезопасности. Сегодня вещательные организации посредством международных и региональных объединений стремятся достигнуть эффективного и безопасного функционирования инфраструктуры вещания. Наблюдается расширение направлений сотрудничества с целью принятия новых международных стандартов и отраслевых рекомендаций, отвечающих современным потребностям, обусловленным стремительным прогрессом в области информационных технологий, для дальнейшего предотвращения и

сокращения количества кибератак, а также минимизации потенциального ущерба в случае их реализации.

Литература

1. Казыханов А.А., Байрушин Ф.Т. Фишинг, как проблема для специалистов отдела ИБ // Символ науки. 2016. № 10-2. С. 53.
2. ESET опубликовала отчет о новых атаках хакеров Sednit, 2016 // [Электронный ресурс] Режим доступа <https://www.esetnod32.ru/company/press/center/eset-opublikovala-otchet-o-novuykh-atakakh-khakerov-sednit/> (Дата обращения: 06.06.2022).
3. Хакеры взяли за сериалы // [Электронный ресурс] Режим доступа https://www.gazeta.ru/tech/2017/05/03/10654781/dark_overlord.shtml (Дата обращения: 08.06.2022).
4. Kaspersky. Распределенные сетевые атаки / DDoS // [Электронный ресурс] Режим доступа <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/ddos-attacks> (Дата обращения: 05.06.2022).
5. Kaspersky. Распознавание программ-вымогателей (ransomware): чем отличаются трояны-шифровальщики // [Электронный ресурс] Режим доступа <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/ransomware-attacks-and-types> (Дата обращения: 06.06.2022).
6. ISO. Обеспечение кибербезопасности, 2021 // [Электронный ресурс] Режим доступа <https://www.iso.org/ru/news/ref2629.html> (Дата обращения: 11.06.2022).
7. UNODC. Модуль 1: Введение в киберпреступность // [Электронный ресурс] Режим доступа <https://www.unodc.org/e4j/ru/tertiary/cybercrime.html> (Дата обращения: 05.06.2022).
8. AIB Working Groups // [Электронный ресурс] Режим доступа <https://aib.org.uk/aib-working-groups/> (Accessed: 10.06.2022).
9. Breaching ethically to mitigate PSB cyber hacks // [Электронный ресурс] Режим доступа <https://www.ibc.org/interviews/interview-inti-de-ceukelaire-on-hacking-broadcasters/5613.article> (Accessed: 06.06.2022).

10. Convention on Cybercrime // [Электронный ресурс] Режим доступа <https://rm.coe.int/1680081561> (Дата обращения: 04.06.2022).
11. France's TV5Monde targeted in 'IS group cyberattack' // [Электронный ресурс] Режим доступа <https://www.france24.com/en/20150409-france-tv5monde-is-group-hacking> (Accessed: 06.06.2022).
12. ISO/IEC TS 27110:2021 Information technology, cybersecurity and privacy protection - Cybersecurity framework development guidelines, 2021 // [Электронный ресурс] Режим доступа <https://www.iso.org/standard/72435.html> (Accessed: 11.06.2022).
13. ISO/IEC TS 27100:2020 Information technology - Cybersecurity - Overview and concepts, 2020 // [Электронный ресурс] Режим доступа <https://www.iso.org/obp/ui/#!iso:std:72434:en> (Accessed: 14.06.2022).
14. *Morand Fachot*. Cyber security for broadcasters – a permanent priority, 2020 // [Электронный ресурс] Режим доступа <https://etech.iec.ch/issue/2020-02/cyber-security-for-broadcasters-a-permanent-priority> (Accessed: 08.06.2022).
15. Ransomware, hacking and espionage: five global cyber attacks // [Электронный ресурс] Режим доступа <https://www.ibc.org/ransomware-hacking-and-espionage-five-global-cyber-attacks-/2077.article> (Accessed: 08.06.2022).
16. R144 – Cybersecurity governance for media companies // [Электронный ресурс] Режим доступа <https://tech.ebu.ch/docs/r/r144.pdf> (Accessed: 11.06.2022).
17. R161 – Responsible vulnerability disclosure programme for media companies // [Электронный ресурс] Режим доступа <https://tech.ebu.ch/docs/r/r161.pdf> (Accessed: 14.06.2022).
18. WBU Core Cyber Security Controls // [Электронный ресурс] Режим доступа <https://nabanet.com/wp-content/uploads/2019/08/WBU-TC-Core-Cyber-Security-Controls-2018-10-03.pdf> (Accessed: 10.06.2022).
19. WBU Cybersecurity Recommendations for Media Vendors' System, Software and Services // [Электронный ресурс] Режим доступа <https://nabanet.com/wp->

content/uploads/2018/02/WBU-Cyber-Security-Recommendations-for-Media-Vendors-2018-01-29.pdf (Accessed: 10.06.2022).

20. World Broadcasting Unions Cybersecurity Recommendations on Broadcasters' Use of Cloudbased Services // [Электронный ресурс] Режим доступа <https://worldbroadcastingunions.org/wp-content/uploads/2020/10/WBU-Cloud-Recommendations-2020-10-13.pdf> (Accessed: 10.06.2022).

Лопатёнков Андрей Анатольевич,
заместитель начальника юридического отдела,
ГБУК г. Москвы «ГМЗ «Царицыно»,
e-mail: a.lopatenkov@tsaritsyno-museum.ru

Andrey A. Lopatenkov,
Deputy Head of Legal Department, State museum-reserve “Tsaritsyno”,
e-mail: a.lopatenkov@tsaritsyno-museum.ru

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ВСЕМИРНОГО
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ**

**EFFICIENCY OF THE MODERN DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE
FOR THE INTERNATIONAL LAW ON THE PROTECTION OF THE
WORLD CULTURAL AND NATURAL HERITAGE**

Аннотация: в настоящей статье автором рассматривается понятие института международно-правовой охраны всемирного культурного и природного наследия, а также международно-правовые проблемы развития всемирного культурного и природного наследия. Исследуются основные направления совершенствования института международно-правовой охраны культурного и природного наследия.

Ключевые слова: культурное и природное наследие, управление, международное право, ЮНЕСКО.

Abstract: In this article the author considers the concept of the institution of international law on the protection of the world cultural and natural heritage, as well as international law problems of the development of the world cultural and natural heritage. The article discusses the main directions of developing the institution of international law protection of cultural and natural heritage.

Keywords: cultural and natural heritage, management, international law, UNESCO.

Нормы второй главы Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 года регулируют вопросы национальной и международной охраны объектов культурного и природного наследия. Государства – члены Конвенции 1972 года взяли на себя соответствующие обязательства. Эффективность исполнения государствами принятых на себя обязательств напрямую зависит:

- от проводимой государственной политики по сохранению культурного и природного наследия, придания ему каких-либо функций в обществе;

- от учреждения и деятельности создаваемых в государствах специальных служб, осуществляющих охрану природного и культурного наследия;

- от развития научных и технических разработок и исследований, согласования методов работы, позволяющего сохранить наследие;

- от того, принимаются ли соответствующие юридические, научные, технические, административные и финансовые меры для выявления, охраны, сохранения, популяризации и восстановления этого наследия;

- от содействия созданию или развитию национальных или региональных центров подготовки в области охраны, сохранения и популяризации культурного и природного наследия, а также поощрения научных исследований в этой области [2, с. 21].

В настоящее время все объекты культурного и природного наследия функционируют за счет того государства, на территории которого находятся. Однако не во всех странах выделяется достаточно финансирования для содержания и сохранения таких объектов. В результате предоставленная им защита сводится практически к нулю. Даже несмотря на то, что за последние годы размер ассигнований от государства на поддержание объектов природного или культурного наследия вырос, все равно имеет место нехватка финансов, поскольку потребности субъектов в данной области очень велики.

Снижение эффективности международно-правовой охраны природного и культурного наследия обусловлено также наличием политических и юридических проблем. По своей сути сохранение культурного и природного наследия является общественным делом, а потому все принимаемые в данной сфере решения должны служить обществу и его интересам. Для этого должны соблюдаться соответствующие нормы права об управлении объектами культурного и природного наследия, а также право собственности на них.

В большинстве государств требуется сделать так, чтобы владельцы объектов культурного или природного наследия осуществляли требующиеся для поддержания этих объектов инвестиции, защищали их и сохраняли. При этом сейчас неясно, что может предпринять само государство, если собственники таких инвестиций не делают.

Существуют и проблемы организационного уровня, которые сводятся к тому, что при повышении ответственности за сохранение культурного наследия, деятельность по её планированию, координации, а также обеспечению сотрудничества осуществляется разными субъектами, которые практически не взаимодействуют между собой. В связи с этим требуется формирование единой организации, которая могла бы осуществлять все необходимые мероприятия для сохранения природного и культурного наследия.

Многие страны в настоящее время богаты объектами культурно-исторического наследия. Однако до сих пор лишь в немногих из них удалось составить полные инвентарные описи существующего культурного достояния. То же относится к документированию и классификации соответствующих данных.

Добавляются многочисленные проблемы в социальной сфере, а также в области планирования, подготовки и реализации проектов сохранения культурного наследия. К сожалению, к этим дополнительным серьезным проблемам ведут вооруженные конфликты, в ходе которых под прицелом

часто оказывается культурное достояние. Поэтому очень важно, чтобы специалисты, работающие в сфере охраны объектов культурного наследия, были подготовлены к своевременному вмешательству в ситуацию с целью их защиты или спасения [5, с. 41].

Всему вышесказанному могут во многом способствовать изменения в ЮНЕСКО, которые позволят в итоге более эффективно решать поставленные перед государствами и самой организацией цели по сохранению культурного и природного наследия. Так, необходимо выделить следующие принципы, направления реформирования ЮНЕСКО:

- сосредоточение программ ЮНЕСКО на среднесрочной перспективе, их закрепление в качестве основного элемента работы организации. Периодически следует проводить обзор реализуемых программ, в которых ЮНЕСКО наиболее эффективна, и сосредотачивать усилия на них;

- ЮНЕСКО необходимо занять ключевые позиции в процессе разработки нормативных актов в сфере охраны природного и культурного наследия. Организация должна являться активным участником всевозможных форумов и дискуссий по соответствующим вопросам, должна сама стать ведущей площадкой для их проведения;

- ЮНЕСКО следует стать максимально открытой для государств, общества, различных национальных и международных организаций, частных лиц. Необходимо расширять круг партнеров ЮНЕСКО, для чего стоит разработать новую политику сотрудничества [7, с. 46].

В настоящее время международно-правовая охрана культурного наследия играет только вспомогательную роль по отношению к мерам, применяемым на национальном уровне. Она предполагает формирование системы международного сотрудничества и помощи государствам, если они обратились за ней. Однако при этом отсутствует единый нормативный подход к определению предмета правовой охраны, нельзя говорить об эффективности этой охраны. Между тем в связи с ростом количества преступлений против объектов природного и культурного наследия

актуальным становится вопрос о повышении эффективности международных правовых инструментов, обеспечивающих охрану культурного наследия.

В большинстве стран существует достаточно развитое, комплексное законодательство, обеспечивающее охрану объектов культурного наследия. Предусмотренные законодательством меры и средства реализуются через созданные властные структуры, наделённые необходимыми полномочиями, с целью контроля исполнения законов в этой сфере [6, с.142].

В городском планировании исторические здания и комплексы зданий рассматриваются как ценный ресурс для экономического развития города. Для активации этого ресурса городские и национальные власти проводят политику, направленную на включение объектов культурного наследия в социально-экономическую деятельность, их адаптацию к стандартам современного мира. Многие города стремятся сохранить историческую застройку в контексте бережной регенерации городской среды. Распространенной практикой становится разработка планов управления объектами (в том числе в ходе их реставрации) и историческими территориями, нацеленных на устойчивое использование этих объектов и привлечение ресурсов для их обслуживания [8, с. 10].

Для повышения эффективности политики в области сохранения наследия все чаще прибегают к взаимодействию ответственных за сохранение органов с жителями на самых ранних этапах работы с наследием. Жители могут вовлекаться в процесс сохранения объектов культурного наследия на стадии выявления новых объектов, в ходе разработки защитных регламентов и проектов реставрации, а также в рамках обсуждения самого понятия наследия и критериев его ценности. Это позволяет различным сторонам извлекать из сотрудничества дополнительную выгоду, например, органам власти более эффективно распределять ресурсы, а местным сообществам — обеспечивать защиту и сохранение значимых для них объектов.

Важным здесь является и применение современных технологий. Они обеспечивают быстрое накопление данных об объектах культурного наследия и позволяют сохранять информацию в цифровом виде, делая ее доступной широкому кругу пользователей. Этот процесс относится как к оцифровке обширного объема информации об объектах, так и к созданию их цифровых копий. В 2003 году была опубликована Хартия о сохранении цифрового наследия, призванная подчеркнуть важность сохранения ценных культурных объектов, переведенных в цифровой формат или созданных исключительно в цифровом формате. В 2019 году страны Евросоюза подписали декларацию об оцифровке цифрового наследия, которая включает, например, инициативу по созданию 3D-копий объектов культурного наследия. Использование цифровых технологий, с одной стороны, позволяет обеспечить более эффективный учет объектов культурного наследия и мониторинг их сохранения, с другой — повысить осведомленность жителей, их вовлеченность в процессы сохранения наследия через популяризацию объектов культурного наследия [8, с. 12].

В состав международно-правовой системы по защите объектов культурного и природного наследия входит два компонента: международно-правовой (прежде всего, конвенционный) механизм и международный организационно-правовой (институциональный) механизм. Международно-правовой механизм включает такие элементы, как правообеспечительное нормотворчество, толкование правовых норм и правоприменение. Организационно-правовой механизм содержит в себе деятельность государств, организаций и их органов, предполагающую проведение различных консультаций, встреч, конференций и т.д. Указанные механизмы могут реализовываться как на международном, так и на внутригосударственном уровнях [4, с.31].

Во всех государствах – членах ЮНЕСКО культурные объекты находятся под охраной как внутригосударственного, так и международного права. Каждая страна следит за сохранностью своего культурного наследия. О

результатах такой деятельности государства предоставляют отчеты в Комитет ЮНЕСКО по охране всемирного культурного и природного наследия.

Многие государства далеко не в полном объеме используют имеющийся у ЮНЕСКО потенциал по внесению объектов культурного или исторического наследия в списки. В разных странах действуют разные подходы к выявлению и каталогизации объектов культурного наследия. С учетом особенностей этих подходов наибольшее число объектов представлено в реестре объектов культурного наследия Лондона, наименьшее — в реестрах Парижа. Наибольший прирост количества объектов культурного наследия в период с 2015 по 2021 г. демонстрирует Москва — 504 объекта [8, с. 14]. Во многом такая ситуация возникает из-за того, что этим государствам требуется подвести свои объекты культурного наследия под международные стандарты защиты, придать им международно-правовой статус. После этого можно будет в полной мере использовать имеющиеся у ЮНЕСКО инструменты и преимущества.

Следует отметить и то, что не все конвенции ЮНЕСКО полностью ратифицированы всеми государствами – членами организации, а некоторые ратифицированные конвенции освоены не полностью: не прошли процесс их обсуждения или имплементации. В таких случаях присоединение государства к конвенциям носит формальный характер и не позволяет использовать имеющиеся инструменты ЮНЕСКО для совершенствования законодательства и обеспечения охраны объектов культурного и природного наследия на международном и национальном уровнях.

Система государственного управления культурным наследием по городам сравнения также существенно различается, отражая ключевые культурные и институциональные особенности стран. Выделяются децентрализованная (Москва, Берлин — большая роль региональных властей), централизованная (Париж, Рим — национальное управление вертикалью министерства культуры) и условно-децентрализованная (Лондон — высокая автономность

местных органов власти при поддержке Historic England, специального национального консультирующего органа) модели управления. Можно сделать вывод, что сейчас управление культурным наследием осуществляется в соответствии с национальным законодательством, которое не всегда соответствует международным нормам [1, с. 141].

Таким образом, для обеспечения высокой эффективности международно-правовой защиты объектов культурного и природного наследия требуется развивать и укреплять координацию и сотрудничество с другими субъектами международного права.

В России реализация международных норм о защите природного и культурного наследия сталкивается со следующими проблемами:

- несовершенство действующей правовой базы. В настоящее время вопросы охраны объектов культурного и природного наследия в российском законодательстве затронуты слабо. Какого-либо отдельного нормативного акта, регулирующего связанные с объектами ЮНЕСКО отношения, принято не было и, скорее всего, в ближайшие годы не будет;

- недостаточное финансирование исследуемой сферы, что не позволяет выполнять большинство мероприятий, направленных на восстановление, сохранение и охрану объектов культурного и природного наследия;

– нарушение установленных природоохранных режимов: браконьерство, визуальное загрязнение ландшафта несанкционированной точечной застройкой, добыча полезных ископаемых, функционирование вредных производств, прокладка дорог и коммуникаций, иная незаконная деятельность на охраняемых природных территориях или в их охранных зонах;

– сложность управления природоохранными комплексами, отдельные компоненты которых находятся в ведении или пользовании различных организаций. Более того, в составе национальных и природных парков почти всегда имеются земли разных, не подотчетных данному парку землепользователей, что сильно затрудняет процесс управления;

– недостаточное регулирование туристического использования территорий Всемирного наследия: на фоне отдельных, наиболее популярных мест с необходимой инфраструктурой, посещение которых более или менее отлажено, еще имеется целый ряд малодоступных периферийных районов, рекреационные ресурсы которых недоиспользуются и посещение которых практически не контролируется;

– недостаточно эффективная профилактика и борьба с природными стихиями и разного рода вредоносными факторами окружающей среды, что приводит к повреждению или даже уничтожению объектов культурного и природного наследия;

– нехватка в штатном расписании парков и заповедников квалифицированных кадров, понимающих суть идеологии Всемирного наследия и специфику управления подобными объектами [3, с.56].

Также стоит отметить и слабую информированность субъектов по вопросам сохранения культурного и природного наследия. В настоящее время ЮНЕСКО и иные организации, действующие в той сфере, издают соответствующую литературу, методические руководства, обзоры, однако такие материалы не всегда выпускаются на русском языке. Большинство из них недоступно для российских граждан, так как издано на других языках. В связи с этим можно говорить о том, что сейчас появилась необходимость создания русскоязычного информационного ресурса, где все указанные материалы будут представлены для россиян на родном языке.

Литература

1. *Гайбуллаева Л. И.* Международно-правовая защита объектов материального культурного наследия // Актуальные проблемы права: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2014 г.). — Москва: Буки-Веди, 2014. — С. 141.

2. II конференция ЮНЕСКО в рамках Орловской модели ООН: «Война и мир: проблемы сохранения культурного наследия». Материалы конференции – Орел: ФГБОУ ВО «ОГУ имени И.С. Тургенева», – 2016. – С. 21.

3. II конференция ЮНЕСКО в рамках Орловской модели ООН: «Война и мир: проблемы сохранения культурного наследия». Материалы конференции – Орел: ФГБОУ ВО «ОГУ имени И.С. Тургенева», – 2016. – С. 56.

4. *Лавров В. В.* Актуальные проблемы охраны и использования объектов природного и культурного наследия : учебное пособие для магистратуры/ В. В. Лавров. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. — С. 31.

5. *Максаковская Н.С., Максаковский Н.В.* Проблемы сохранения памятников всемирного природного наследия в России // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Естественные науки. 2018. № 4 (32). — С. 41.

6. *Растимешина Т.В.* Реализация концепции всемирного культурного наследия в российской и международной правовой и политической практике // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2015. - № 4. – С. 142.

7. *Томский Г. В.* О стратегическом преобразовании ЮНЕСКО // Concorde. – 2019. - № 3. – С.46.

8. *Томсон Дж., Бандарин Ф., Бабикс Ф., Пастернак Б., Инглиш Д., Кинг Дж., Деложер А.* Наследие в большом городе. Сравнительный анализ деятельности в сфере охраны культурно-исторического наследия 5 европейских столиц за последние 5 лет. – РwС, 2021 г.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Гришаева Лидия Евгеньевна,
доктор исторических наук, профессор,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
e-mail: ligrish@mail.ru

Lidiya E. Grishaeva,
Doctor of Sciences (History), Professor,
Lomonosov Moscow State University,
e-mail: ligrish@mail.ru

ГРАНИЦЫ ГОСУДАРСТВ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1919 – 1939)

STATE BORDERS AND INTERNATIONAL REGIONAL CONFLICTS IN THE INTERWAR PERIOD (1919 – 1939)

Аннотация: в статье рассматриваются причины изменения границ государств в самый острый межвоенный период (1919 – 1939 гг.), распад крупных империй в XX веке и образование множества «осколочных» государств после Первой мировой войны. Процесс национальной самоидентификации вновь возникших государственных образований проходил сложно и основывался на принципе «права наций на самоопределение». По мнению автора, этот принцип потерпел полное фиаско в государствах, исторически имеющих полиэтничный состав, подвергшийся кардинальным изменениям в результате мировых войн. Отмечается, что новые границы были проведены без учета национально-этнического состава государств. Автор доказывает, что границы государств в принципе весьма подвижны из-за естественных процессов исторического развития – изменения форм государственного правления и государственного устройства, усиления миграционных процессов и углубления процессов ассимиляции населения.

Автор убежден, что изменение границ государств в результате войн в далекий межвоенный период послужило основой для сохранения «замороженных» конфликтов, перешедших в XXI век. Вместе с тем автор справедливо полагает, что решать национальные конфликты надо на основе компромисса, а не войн.

Ключевые слова: Первая мировая война, последствия распада мировых империй, образование «осколочных» государств, принцип «права наций на самоопределение», новые границы и национально-этнический состав населения, Вторая мировая война, международные региональные конфликты.

Abstract: The author writes about the reasons for changing the borders of states in the most acute interwar period (1919 - 1939), about the collapse of large empires in the 20th century, and about the formation of many "fragment" states after the First World War. The process of national self-identification of the newly emerged state formations was difficult, and was based on the principle of "the right of nations to self-determination". According to the author, this principle has suffered a complete fiasco in states that historically have a multi-ethnic composition that has undergone cardinal changes as a result of world wars. The author notes that the new borders were drawn without taking into account the national and ethnic composition of the states. The author proves that the borders of states are, in principle, very mobile due to the natural processes of historical development: changes in the forms of government and state structure, intensification of migration processes and deepening of the processes of assimilation of the population. The author is convinced that the changes in the borders of states as a result of wars in the distant interwar period served as the basis for the preservation of "frozen" conflicts that have passed into the 21st century. At the same time, the author rightly believes that it is necessary to resolve national conflicts on the basis of compromise, not wars.

Keywords: World War I; consequences of the collapse of world empires; the formation of "fragment" states; the principle of "the right of nations to self-determination"; new borders and national-ethnic composition of the population; The Second World War; international regional conflicts.

Распад мировых империй и создание новых государств

В XX веке произошли кардинальные изменения на политической карте мира. Сформировались основные типы государств, обладающих определенной территорией, суверенитетом, аппаратом управления общества и т.д. В результате двух мировых войн распались могущественные империи. Появились новые государственные образования, изменился их статус, форма государственно-политического правления и государственного устройства. Происходило слияние и разделение государств, многие из которых утратили прежний суверенитет, менялись их государственные границы. Новые государственные образования стремились обрести свой собственный суверенитет, а бывшие империи пытались сохранить влияние на подвластном им ранее пространстве прежних метрополий. Произошел не только количественный, но и качественный передел мира в результате распада или объединения государств, потери или увеличения территорий государств после войн, смены формы государственного правления и государственного устройства, приобретения или утраты государственного суверенитета, образования межгосударственных союзов и т.д.

Кардинальные изменения границ государств произошли в межвоенный период (1919 – 1939 гг.) между Первой и Второй мировыми войнами. Неразрешенные политические и социально-экономические противоречия после Первой мировой войны привели ко Второй мировой войне. Рухнула непрочная и противоречивая Версальская система, порожденная Первой мировой войной, и как следствие произошел распад мировых империй. Ялтинская система была создана после Второй мировой войны в условиях ядерной эпохи. Новый тип ядерных вооружений, возникший как результат научно-технического развития в военной области, стал относительно прочным гарантом международной безопасности, не допускавшим возможности нового глобального конфликта из-за угрозы всеобщего уничтожения. В то же время неравномерность социально-экономического и политического развития государств вовсе не исключает

неизменное существование новых и старых государств в раз и навсегда твердо установленных границах. Принципы, на основе которых были определены границы государств, сами по себе противоречат друг другу, что зачастую приводит к международным региональным конфликтам. Так, принцип права наций на самоопределение вступает в антагонистическое противоречие с принципом целостности территории. Рассмотреть сложившуюся ситуацию в межвоенный период и дать объективный анализ основных причин, приведших к изменению конфигурации границ государств, а также обусловивших возникновение в дальнейшем международных региональных конфликтов, является целью данной статьи. Это новый аспект в постановке исследуемой проблемы.

Мировые войны и принципы формирования государств

Начало Новейшего периода в формировании политической карты мира связывается с окончанием Первой мировой войны. Распались четыре крупные мировые империи: Российская, Германская, Австро-Венгерская и Османская (Оттоманская). Изменились границы многих государств, образовались новые суверенные государственные образования. Расширились колониальные владения Великобритании, Франции, Бельгии, Японии (за счет переданных им под управление по мандату Лиги Наций территорий – бывших колоний Германии и территорий бывшей Османской империи).

Обострение противоречий межвоенного периода было предопределено результатами Первой мировой войны. Участие России в Первой мировой войне усугубило социально-экономический и политический кризис в стране, стало одним из факторов, не только ускоривших приближение революционных событий 1917 г., но и обусловивших распад Российской империи. Россия, как бывший член Антанты, не была приглашена на подведение итогов Первой мировой войны и не участвовала в создании Версальской системы, которая оказала существенное влияние на изменение соотношения сил в межвоенный период и определение новой роли России в

мире. Крах Версальской системы был предопределен: он был заложен в ней изначально из-за обострившихся противоречий и нерешенных мировых проблем и в итоге привел ко Второй мировой войне.

Версальская система была создана в течение 1919–1920 гг. Великобританией, Францией, США и их союзниками, с одной стороны, и побежденной Германией и ее союзниками, с другой. Условия договора, выработанного на Парижской конференции в 1919–1920 гг., претендовали на завершение Первой мировой войны [1]. Однако Версальская система игнорировала Россию как главного участника Первой мировой войны, члена Антанты, а ее условия не учитывали интересов России. Так, Россия была отделена от Центральной и Западной Европы «санитарным кордоном» государств, создание которых было узаконено победителями, с целью предотвратить «опасность проникновения большевизма» в Европу. Как ярко и образно констатировал Уинстон Черчилль, выдающийся государственный и политический деятель: «Советская Россия была отгорожена от Западной Европы кордоном неистово ненавидящих большевизм государств, которые порвали с бывшей империей царей, принявшей теперь новую, еще более ужасную форму» [14, с. 23].

Итоги участия России в Первой мировой войне привели к краху Российской империи. В результате создания Версальской системы Германии были поставлены тягчайшие территориальные условия в пользу Франции, Бельгии, Польши, а также обязательства соблюдения независимости Австрии. По Версальскому договору (1919 г.) Польша была превращена в опорный пункт как французской, так и всей англосаксонской системы Версаля, и не только должна была «сторожить» Германию на востоке, но и препятствовать прорыву Советской России в Центральную Европу. Иными словами, Польша стала плацдармом для агрессии и против Германии, и против России. Германия в любом случае напала бы на Польшу из-за Данцига, чтобы обеспечить себе выход к Балтийскому морю. После окончания Первой мировой войны Данциг с прилегающей территорией, в соответствии с

решением Лиги Наций, больше не являлся частью Германии. Однако город не вошел и в состав вновь образованной Польши. «Данцигский коридор» был создан по решению победителей путем передачи части Померании и Восточной Пруссии Польше, которая таким образом получила выход к Балтийскому морю. Но при этом основная территория Германии оказалась отрезанной от ее исторической земли – Восточной Пруссии. Положение осложнялось и тем, что в «Данцигском коридоре» оказался город Данциг, населенный этническими немцами и пользовавшийся правами «Вольного города» по мандату Лиги Наций. Территориальные претензии Германии к Польше угрожали отрезать ее от Балтийского моря. Таким образом, в результате Первой мировой войны, на условиях стран-победителей – членов Антанты, из числа которых была исключена Россия, в 1919 г. был заключен Версальский мирный договор [1]. Для Германии Версальский мир стал символом глубокой несправедливости и национального унижения. Многие исследователи соглашаются [2], что именно так называемый «дух Версаля» сформировал питательную среду для радикальных и реваншистских настроений.

«Право наций на самоопределение»: несостоятельность и противоречивость принципа

Россия до определенного времени находилась в международной изоляции. Победу в Первой мировой войне она не разделила. Международная ситуация в Европе была полностью дестабилизирована, резко изменился расклад мировых сил, а распад крупнейших европейских империй вызвал формирование новых «осколочных», «буферных» государств по национально-этническому принципу. Этот принцип вполне доказал свою историческую несостоятельность, поскольку формирование государств, исходя из фактического закрепления привилегий за определенными нациями и этносами в ущерб другим, то есть неравенства наций, недопустимо. Архаичный и порочный принцип права наций на самоопределение разжигает

националистические настроения, обостряет межнациональные конфликты и порождает расовую ненависть. Представляется, что формирование государства по «национальному» («этническому») принципу потерпело фиаско. Этнически однородных государств нет и не может быть. С самого начала Версальская система содержала целый ряд противоречий, способных разрушить создаваемый мировой порядок. Она сформировалась на основе принципа силы, признании права на самоопределение народов. Осознавая их важность, в то время никто не думал об их двойственной природе и о том, как их будут трактовать в дальнейшем. Версальская система в недостаточной мере учла национальные интересы отдельных государств, что во многом стало причиной Второй мировой войны. Перекройка территорий стран привела не только к ущемлению национальной идентичности, но и разрушению тех экономических связей, которые ранее существовали.

Версальский мир, не устранив коренные межимпериалистические противоречия, породил новые – между победителями и побежденными. Поэтому Версальская система оказалась чрезвычайно противоречивой, неустойчивой и взрывоопасной. Провозглашенный принцип самоопределения наций породил экономический раскол, преодолеть который европейские страны так и не смогли. Это создавало постоянную неустойчивость экономической ситуации в Европе. Конфликты между нациями, которые возникли вследствие принципа самоопределения, породили крах экономических отношений между странами. Версальская система имела двойственный характер. Она юридически утвердила окончание Первой мировой войны, создала перспективы для мирного развития, упорядочила границы новых стран, но не смогла обеспечить прочной стабилизации. Новые европейские границы были проведены без учета этнического состава населения, что обострило проблему национальных меньшинств. Однако создание государства по этническому принципу невозможно ввиду объективного развития миграционных процессов и процессов ассимиляции. Особо подчеркнем пагубность стремления к насильственному пересмотру

границ в Европе и в мире. Версальская система таила в себе семена новой мировой войны. Таким образом, формирование государств на основе «национально-этнического» принципа показало свою несостоятельность, поскольку не существует в мире порядка, когда одна нация выше другой, да и чистых этносов в мире практически нет.

На Парижской конференции 1919–1920 гг. лидеры Антанты фактически перекроили политическую карту мира без участия России. Границы проводились без учета местных исторических, этнических и культурных особенностей, что создало предпосылки для начала нового глобального конфликта. Проигравшие стороны вынуждены были уступить победителям и новым европейским государствам свои этнические территории. Победители в Первой мировой войне пытались выстроить новый миропорядок, не принимая во внимание интересы России, Германии и многих других государств, что явилось фатальной ошибкой. Система, выстроенная лидерами Антанты в 1919—1920 гг., сделала неизбежной Вторую мировую войну и привела к зарождению многих международных региональных конфликтов, возникших из-за формально проведенных границ. По своему географическому положению государства Центральной и Восточной Европы являлись «буферными» между Германией и Советской Россией. Версальское мироустройство породило многочисленные конфликты и противоречия. В их основе лежат произвольно оформленные победителями по итогам Первой мировой войны рубежи новых государств в Европе, юридически закреплявшие передел границ без учета их сложного, неоднородного национально-этнического состава. Это также создало условия для возникновения так называемого Судетского кризиса 1938 г., предшествовавшего разделу Чехословакии в той ее части, где компактно проживало немецкое население. Вместе с тем, бывшие союзники России по Антанте очень быстро признали все «отколовшиеся» части империи независимыми государствами – Польшу, Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву и т.д. То есть плодов «победы» в Первой мировой войне Россия не

разделила. Она оказалась «побежденной среди победителей». Уинстон Черчилль – непосредственный участник Парижской конференции – точно выявил суть подобного «безрассудства победителей», указав, что оно неуклонно вело «от войны к войне» [14, с.13-24]. Таким образом, непрочность Версальской системы была обусловлена заложенными в ней противоречиями построения международных отношений. Неоднозначность самой сути Версальской системы, противоречивость взаимоотношений с Россией обусловили ее крах и привели ко Второй мировой войне. Важными факторами ее неустойчивости были стремление возникших государств укрепить свой суверенитет, утвердить национальную идентичность и в то же время решимость исправить границы, несправедливо определенные победителями и механически разделявшие или объединявшие многие нации и этносы во вновь искусственно созданных государственных образованиях.

Чехословакия: расчленение территории в преддверье войны

Чехословацкое государство было создано по воле великих держав, победителей в Первой мировой войне, согласно системе международных договоров, включая Версальский договор 1919 г. Объединение в одном государстве народов, имевших свои особенности и различия, было достаточно искусственным, поскольку «нарезанием» границ занимались Англия и Франция при непосредственном контроле со стороны США.

Одной из первых задач, с которой столкнулось новое Чехословацкое государство, было определение рубежей, проходившее по национально-этническому принципу. Признав исторические границы Чехии, Моравии и Австрийской Силезии, оно также потребовало установления территории Словакии в соответствии с границами расселения этого этноса. Когда «нарезали» границы, получилось, что разграничительные линии провели формально, не задумываясь о национально-этническом составе тех земель, которые отошли новому государству. Так, на территории Чехословакии оказалось большое число национальных меньшинств, в первую очередь

судетских немцев (их было 3 млн) и венгров, чье враждебное отношение к Чехословакии сыграло важную роль в жизни молодого государства.

В случае с Тешинской (Цешинской) областью возникли территориальные споры с Польшей. Чехи, которых там было 120 тыс., не смогли восстановить свои исторические границы. А поляков на этой присоединенной территории проживало 80 тыс. Все это порождало национально-этнические и территориальные противоречия, ставшие в дальнейшем причиной острого военно-политического конфликта.

Политическая концепция чешских руководителей состояла в стремлении создать славянское государство на этнической основе. Однако чехов было всего 6 млн, а немцев – 3 млн, то есть национальное соотношение для чехов было крайне невыгодным, из-за чего к новому государству решили присоединить словаков и небольшое количество поляков. Так и образовалось независимое Чехословацкое государство с очень неоднородным национально-этническим составом, с включением в него значительных немецких, венгерских и польских национальных меньшинств. Возможно, у великих держав не было злого умысла или намерения, но в то же время совершенно очевидно, что они плохо представляли себе всю сложность национально-этнического состава населения и местные реалии территориального расселения в новом государстве. Они полагали, что, поскольку национальные вопросы в Западной Европе, с их точки зрения, уже были решены, можно не уделять большого внимания национальным проблемам во вновь образованных государствах.

В первой Чехословацкой республике, созданной в 1918–1920 гг., внешне обеспечивалось равноправие национальных меньшинств, включая культурно-языковое. Однако судетские немцы (а количество немецкоговорящего населения на территории государства превышало 20 %) хотели автономии и больше политических прав. Эта тенденция усилилась с приходом нацистов к власти в Германии в 1933 г. Во второй половине 1930-х годов возник кризис в Судетах, где компактно приживали этнические немцы.

Гитлер, защищая судетских немцев, хотел их включения в германский Рейх. В свою очередь, Судеты стремились к полной автономии, с самоуправлением для проживавших в Чехословакии немцев, а затем предполагали совсем отделиться от Чехословакии и присоединиться к германскому Рейху.

Расчленение Чехословакии по Мюнхенскому договору 1938 г. официально не являлось началом войны, но де-факто стало началом реализации насильственных территориальных изменений за счет другого государства. Осуществив еще до Мюнхена аншлюс Австрии, Германия получила возможность обойти чехословацкие оборонительные укрепления на севере и спокойно войти в Чехословакию с другой стороны практически без особых военных усилий. Чехословакия относилась к малым странам Европы и с трудом могла защитить себя от посягательств более крупных государств.

В конечном счете в 1938 г. в Мюнхене, под давлением руководства Великобритании и Франции, представители Чехословакии, которых даже не пустили на основное заседание, где решался вопрос о судьбе их страны, вынуждены были подписать договор о передаче Германии Чехословакией Судетских областей с немецким этническим населением. И сразу после этого президент Чехословакии Эдвард Бенеш принял к исполнению данное соглашение без согласия Национального собрания. Он был готов пожертвовать огромной частью страны в надежде на спасение остальной ее территории, а также тщетно стремился сохранить независимость Чехословацкого государства, а значит, и свою власть. Великие державы утверждали, что они не хотели войны, а лишь руководствовались так называемой политикой «умиротворения» агрессора. Их просчет и недальновидность состояли в том, что будто Чехословакия станет последней жертвой на пути к миру и дальше агрессия не пойдет. Однако Гитлер после Мюнхена не удовлетворился лишь Судетской областью, а захватил всю Чехословакию. Ему надо было завладеть ресурсами, территорией, рабочей силой Чехословакии. Гитлеровский Рейх заполучил первоклассный промышленный потенциал: самые современные заводы, сырьевую базу и т.д.

Судетская область была лишь «затравкой». Фюрер ставил своим войскам следующие задачи: ликвидировать остатки Чехословакии, захватить Мемель (Клайпеду). Ранее этот город входил в состав Германии, но по решению Версальской конференции был отчленен, получив статус «Вольного города».

Вполне очевидно, что Чехословакия стала «заложником» политики «умиротворения» западных держав и жертвой гитлеровской экспансии в преддверии Второй мировой войны.

Польша: обретение суверенитета и экспансионистские тенденции

Отношения России с Польшей складывались сложно. Кризис усилился в результате Первой мировой войны. 14 августа 1914 г. российский император Николай Второй в официальной декларации обещал после войны объединить три части Польши в автономное образование в рамках Российской империи. Однако осенью 1915 г. большая часть российской Польши была оккупирована Германией и Австро-Венгрией, а 5 ноября 1916 г. монархи двух держав огласили манифест о создании самостоятельного Польского Королевства в российской части Польши. 30 марта 1917 г., после Февральской революции в России, Временное правительство князя Григория Львова признало право Польши на самоопределение. 6 октября 1918 г. Регентский совет Польши провозгласил независимое Польское государство. Согласно мирным переговорам в Брест-Литовске советское руководство обязывалось аннулировать все соглашения конца XVIII века о разделах Речи Посполитой. 13 ноября 1918 г. Советская власть денонсировала Брестский договор, поскольку 11 ноября 1918 г. в Германии произошло свержение монархии, власть в Польше перешла к Юзефу Пилсудскому, который незамедлительно обратился к Антанте с просьбой направить в Польшу войска «для защиты страны от большевизма». 16 ноября 1918 г. между польским правительством и германским командованием было достигнуто соглашение, по которому западная граница Польши была установлена в соответствии с довоенной границей между Россией и Германией.

Истоки советско-польского конфликта уходят корнями к Версальскому договору 1919 г. Воссоздание Польского государства было оформлено Парижской мирной конференцией 1919 г. На ней было принято решение об образовании Вольного города Данцига. По Версальскому договору Польша получила Познань, ряд районов Померании и Пруссии – эти территории образовали «Данцигский коридор». По отношению к Советской России Польша заняла враждебную позицию. Среди прочих западных государств агрессивной политике Польши содействовала и Германия. Польское государство, воссозданное в XX в. на развалинах Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской империй, постаралось расширить свои границы не только за счет земель, населенных поляками, но и других народов.

Польша, возрожденная после Первой мировой войны, с первых дней своего существования выступала в качестве агрессора по отношению к России (Украине и Белоруссии) и Литве. 25 апреля 1920 г. началась необъявленная советско-польская война. Она велась в основном на землях, где проживали русские, поляки и другие народности, так что трудно было однозначно закрепить за кем-то национально-этническое превосходство. Основной целью руководства Польши во главе с Юзефом Пилсудским было восстановление Польши в исторических границах Речи Посполитой 1772 г., «от моря до моря», с установлением контроля над Белоруссией, Украиной, Литвой и геополитическим доминированием в Восточной Европе. С советской стороны первоначальными задачами были обеспечение контроля над западными губерниями бывшей Российской империи (Украиной и Белоруссией) и их советизация. С течением войны целью стала и советизация Польши. Советское руководство считало войну против Польши частью борьбы против всей существовавшей на тот момент Версальской международной системы. В.И. Ленин, подразумевая, прежде всего, идеологическую составляющую, полагал: «Разрушая польскую армию, мы разрушаем тот Версальский мир, на котором держится вся система теперешних международных отношений. Если бы

Польша стала советской, Версальский мир был бы разрушен и вся международная система, которая завоевана победами над Германией, рушилась бы» [7]. Война Польши против России рассматривалась «великими державами» как часть борьбы против большевистского правительства.

В результате советско-польской войны 1920 г. советское правительство вынуждено было пойти на территориальные уступки Польше. По Рижскому договору (1921 г.) [4] Западная Белоруссия и Западная Украина оставались в составе Польши. Вильнюс был присоединен к Польше после войны, начатой поляками против Литвы в 1920 г. На Международной конференции 28 июля 1920 г. Тешинская область была разделена между Польшей и Чехословакией, что впоследствии стало основой для территориальных споров. Выходит, что ни одна из сторон в ходе войны не достигла поставленных конечных целей. Белоруссия и Украина были разделены между Польшей и республиками, вошедшими в 1922 г. в состав Советского Союза. Территория Литвы была поделена между Польшей и независимым Литовским государством. РСФСР, со своей стороны, признала независимость Польши и легитимность правительства Пилсудского, временно отказалась от планов «мировой революции» и ликвидации Версальской системы. Несмотря на подписание мирного договора, отношения между двумя странами оставались напряженными.

17 марта 1921 г. Польский сейм принял конституцию Польской Республики. 20 марта 1921 г. в Верхней Силезии проводился плебисцит, на котором большинство голосовавших высказалось за сохранение области в составе Германии. По решению Совета Лиги Наций 12 октября 1921 г. часть Верхней Силезии была передана Польше. Из-за претензий Польши на всю Тешинскую Силезию отношения с Чехословакией и в дальнейшем оставались напряженными. Западные и северные границы страны были определены на Версальской конференции (1919), по решению которой Польше передавалась часть Поморья, выход к Балтийскому морю, а г. Данциг (Гданьск) получил статус «Вольного города». 28 июля 1920 г. на Международной конференции в

Спа (Бельгия) была согласована южная граница и было принято решение о разделе Тешинской Силезии между Польшей и Чехословакией. Отошедшая Чехословакии часть города на левом берегу реки Олше стала называться Чески-Тешин (Český Těšín), а отошедшая Польше часть города на правом берегу получила название Цешин (Cieszyn). Ожесточенные споры между Польшей и Литвой по поводу Вильно (Вильнюса), этнически польского, но исторически литовского города, закончились его оккупацией поляками 9 октября 1920 г., и его присоединение к Польше было одобрено 10 февраля 1922 г. демократически избранной региональной ассамблеей. Разграничение прошло по демаркационной линии, получившей условное название «линия Керзона» и определившей в период между двумя мировыми войнами восточную границу Польши. Проведенная по территории Польши с севера на юг, она проходила так, что практически все земли с преобладанием польского населения находились на западе, а непольского (литовского, белорусского и украинского) – на востоке.

Первоначально общие условия размежевания были рекомендованы Верховным советом Антанты на Парижской мирной конференции в декабре 1919 г., а в июле 1920 г. английским министром иностранных дел лордом Керзоном эта граница была предложена как линия перемирия. Впоследствии она была принята за основу при установлении границы между Польшей и СССР после Второй мировой войны как результат установления Ялтинской системы послевоенного мироустройства.

Версальский договор, подписанный Польшей 28 июня 1919 г. [1], гласил, что восточные границы Польши должны быть «определены в дальнейшем» (ст. 87). К концу 1919 г. ситуация на советско-польской границе резко обострилась, и 8 декабря 1919 г. Верховный совет Антанты принял «Декларацию по поводу временной восточной границы Польши». Советско-польская граница была установлена по Рижскому мирному договору 1921 г. и проходила значительно восточнее «линии Керзона». В состав Польши были включены территории, которые входили в нее до раздела 1793 г. Это временно

успокоило политическую ситуацию в Польше, но окончательно не стабилизировало ситуацию в Европе. Стратегический просчет стран Антанты явился истоком острого геополитического кризиса накануне Второй мировой войны.

Мюнхен: открытый дележ территорий чужих государств

Межвоенный политический кризис развивался по нарастающей. Особенно это проявилось после прихода Гитлера к власти в Германии в 1933 г. Западные державы, в первую очередь Англия и Франция, вполне осознавали, что Германия поставила целью своего национального возрождения осуществление реванша за поражение в Первой мировой войне. Версаль был одним из самых суровых военных приговоров истории. По образному выражению Ленина, условия Версаля были продиктованы «беззащитной» (!) Германии «разбойниками с ножом в руках» [7]. Однако пересматривать итоги Версаля западные государства не собирались.

Во второй половине 1930-х гг. кризис достиг своего апогея. Система коллективной безопасности была неэффективной, и каждая страна, особенно малая, стремилась обезопасить себя, заключая различные групповые соглашения, направленные против своих соперников.

Кульминацией губительной политики умиротворения стало Мюнхенское соглашение 1938 г. [6] Англии, Франции, Германии и Италии, направленное на расчленение Чехословакии. Заключив Мюнхенское соглашение, западные государства откровенно вступили на путь «умиротворения» нацистской Германии, ограничиваясь лишь формальными протестами всякий раз, когда Гитлер делал очередной шаг по наращиванию военной мощи Германии и реализации агрессивных устремлений: 1933 г. – отказ от уплаты репараций по условиям Версальского договора; налаживание производства военной техники, запрещенное этим же договором; 1936 г. – оккупация Рейнской демилитаризованной зоны; 1938 г. – аншлюс Австрии и т.д. В результате окончательного расчленения в марте 1939 г. Чехословакия

перестала существовать как государство. Чехия целиком отошла Германии, а Словакия, сохранившая внешние атрибуты государственности, была превращена в бесправную марионетку Германии. На рубеже 1938–1939 гг. Германия определила направление дальнейшей экспансии. Гитлер планировал захватить Польшу, к которой у Германии были территориальные претензии из-за ограничения ее выхода к Балтийскому морю, закрепленного Версальским договором 1919 г. Затем, накопив необходимые силы и укрепив тылы, он собирался выступить против Англии, как основной колониальной и морской империи в борьбе за колонии и господство на море, и Франции, с которой у Германии были непримиримые территориальные противоречия из-за Эльзаса и Лотарингии, отошедших к ней после Первой мировой войны также по Версальскому договору.

В отношении СССР нацистская Германия взяла курс на «инсценировку нового рапалльского этапа». Цель этого курса, суть которого откровенно охарактеризовал сам Гитлер, состояла в намерении превратить СССР во временного «союзника» Германии, стремящейся к мировому господству, тем самым временно нейтрализовать его и, таким образом, не допустить вмешательства СССР в неминуемые боевые действия на англо-французской стороне. В свою очередь Сталин в такой ситуации не исключал возможности временного сближения с Германией как альтернативы становившейся проблематичной консолидации с западными странами, занявшими уклончивую, выжидательную позицию относительно СССР и стремившимися столкнуть его с Германией.

Мюнхенский договор 1938 г. западных государств оставил СССР один на один с гитлеровской Германией. И именно в этом контексте, согласно соглашениям, заключенным в Мюнхене, Германии отходили Судеты, которые принадлежали Чехословакии, но где проживали этнические немцы, называвшие себя либо «немецкими чехами», либо «чешскими немцами». Именно с этого момента пошел отсчет открытого передела Европы, который привел к невосполнимым потерям в ходе самой кровопролитной войны в

истории человечества. Следует отметить, что мнение самой Чехословакии в ходе достижения Мюнхенских договоренностей вообще не было принято во внимание.

Таким образом, еще в 1938 г., в результате Мюнхенского соглашения, Англия и Франция уже пошли на открытые договоренности с Гитлером, имея своей целью направить агрессию на восток, в первую очередь на СССР. В правящих кругах Англии и Франции набирала силу так называемая концепция западной безопасности, главным «пророком» которой был британский премьер-министр Невилл Чемберлен. Суть ее состояла в стремлении столкнуть гитлеровскую Германию с Советским Союзом, и, когда оба противника достаточно ослабеют в войне, продиктовать Европе мир, выгодный Великобритании и Франции. Советское правительство решительно выступило против реализации этой преступной концепции. То, что Чемберлен стремился любой ценой избежать столкновения с Германией, переориентировав ее экспансионистские устремления на восток, против СССР, явилось серьезным стратегическим просчетом английской дипломатии, за который потом ей пришлось жестоко расплачиваться. Однако в действительности дело обстояло гораздо сложнее.

После оккупации Чехословакии в Центральной Европе исчезла одна из держав, которая гипотетически была способна послужить делу разгрома германского вермахта. Получив Чехословакию, Германия сильно окрепла. На чешских заводах для Германии изготавливались танки и другое вооружение. Удельный вес Чехословакии в экономике Германии составил 3,8%. В Судетах были хорошие линии укрепления, которые в случае войны германской армии пришлось бы штурмовать, а так Гитлер получил их без боя. Чехословакия также стала отличным плацдармом для нападения на Польшу, которая в 1938 г. считала себя союзницей Германии и вместе с ней приняла участие в разделе Чехословакии. В свою очередь, захват Польши давал в руки Гитлеру наиболее выгодный плацдарм для нападения на Советский Союз. Мюнхенский договор 1938 г. сделал неизбежной немецкую агрессию против Польши и, таким

образом, приблизил начало Второй мировой войны. Мюнхенское соглашение положило начало агрессии не только против народов СССР, но и против народов других стран Европы. Соответственно, именно Мюнхенский договор 1938 г. был одним из основных факторов, который привел ко Второй мировой войне [5]. Провальная и недалёковидная политика западных правительств, попустительствовавших агрессивным экспансионистским устремлениям гитлеровской Германии и надеявшихся направить ее агрессию на восток, главным образом на СССР, привела к тяжелым последствиям для самих этих стран. Оценки мюнхенской политики Запада препятствовали созданию единой системы коллективной безопасности в Европе.

Мюнхенский договор 1938 г. носил ярко выраженный антисоветский характер. С самого начала целью переговоров было развернуть агрессию Германии на восток и столкнуть между собой Советский Союз и Германию. Черчилль мудро и дальновидно предрекал провал Мюнхенского соглашения и дал ему уничижительную оценку: «Расчленение Чехословакии под нажимом Англии и Франции равносильно полной капитуляции западных демократий перед нацистской угрозой применения силы» [16].

СССР, оставшись в одиночестве, вынужден был принять реальность, которую западные государства создали своими руками. Раздел Чехословакии был предельно жестоким и циничным. Можно со всем основанием утверждать, что именно Мюнхенский договор 1938 г. послужил поворотным моментом в истории, после которого Вторая мировая война стала неизбежной. В своем стремлении столкнуть гитлеровскую Германию с Советским Союзом мюнхенские «умиротворители» открыли прямой путь к войне, которая коснулась их раньше, чем Гитлер напал на СССР.

Мюнхенское соглашение 1938 г. является безусловным примером откровенного дележа сфер влияния и территорий других государств, причем без наличия каких-либо секретных протоколов. Англия и Франция согласились на передачу Германии чехословацкой Судетской области на основе «права наций на самоопределение», поскольку по факту на этой

территории проживало более 50% этнических немцев, а Англия и Франция обещали предоставить гарантии безопасности новых границ Чехословакии. Вместе с тем, сами представители Чехословакии, как и представители СССР, не были допущены к обсуждению соглашения. И хотя Англия и Франция в результате Мюнхена не получили каких-либо территорий в Европе, с согласия Гитлера Польше отошла часть территории Чехословакии.

К Мюнхенскому договору 1938 г. не было секретных протоколов. Однако западные государства активно участвовали в дележе Европы, не скрывая своих амбиций. Британский премьер-министр Чемберлен, участник Мюнхена, откровенно и хладнокровно констатировал, что «в настоящее время мы просто являемся свидетелями пересмотра границ, установленных Версалем» [14, с.153]. И хотя Англия не получила конкретных территорий на континенте, ей было важно удержать статус ведущей колониальной державы в противоборстве с Германией. Сохранялись также территориальные противоречия между Францией и Германией из-за Эльзаса и Лотарингии. Еще в преддверии Мюнхена Гитлер открыто заявлял о своих намерениях. Так, в своей беседе от 18 сентября 1938 г. с британским премьер-министром Чемберленом [5] он заметил, что будет сожалеть, если из-за «чехословацкой проблемы» возникнет мировая война. Но эта опасность не поколеблет его в своем решении. Кроме того, фюрер недвусмысленно подчеркнул, что «Германия постоянно будет сохранять в силе требование о возвращении колоний, и что от этого требования Германия никогда не откажется». Это свидетельствует о наличии глубинных противоречий между гитлеровской Германией и странами Запада. Британия и Франция предпочли бросить демократическую страну Восточной Европы на растерзание нацистам, «умиротворить» их за счет территории чужого государства. Более того, не просто бросить, а постараться направить устремления нацистов на восток. К сожалению, этому способствовало и польское руководство. Лидеры Второй Речи Посполитой всеми силами препятствовали созданию системы коллективной безопасности в Европе с участием СССР. Западные страны

считали Мюнхенское соглашение 1938 г. своим несомненным достижением и шли на дальнейшее углубление отношений с гитлеровской Германией, надеясь обезопасить себя [9]. Однако нацистская Германия не удовлетворилась теми территориальными приобретениями, которые ей были предоставлены в Мюнхене западными государствами. В марте 1939 г. Чехословакия была окончательно расчленена и утратила свою независимость. Был образован «протекторат Богемии и Моравии» во главе с немецким наместником, создано марионеточное Словацкое государство, территория закарпатской Украины была включена в состав Венгрии. Следует констатировать, что расчленение Чехословакии гитлеровской Германией в марте 1939 г. ознаменовало собой окончательный слом Версальского миропорядка и явилось суровым приговором мюнхенской политике попустительства западных государств гитлеровской агрессии, приведшей ко Второй мировой войне.

Уже 3 апреля 1939 г. Гитлер отдал первое указание о подготовке военной операции против Польши [9]. В своей знаменательной речи в Рейхстаге 28 апреля 1939 г. он отметил, что одним из главных достижений, полученных за время его правления, было восстановление единства германской нации. А в своей речи от 17 мая 1939 г. фюрер открыто сказал: «Оказалось не так-то просто добиться в Мюнхене от французов и англичан согласия на включение в соглашение также польских и венгерских претензий к Чехословакии». То есть Гитлер тогда, имея целью вовлечь эти государства в осуществление своих экспансионистских планов, фактически работал в интересах руководства этих стран. По сути, он выступал адвокатом польских властей в Мюнхене. Он использовал Англию для усиления Германии и начал угрожать Восточной Европе. Недаром, добившись соглашения в Мюнхене в свою пользу, Гитлер цинично заявил: «Я видел этих людей в Мюнхене. Это - не люди, это - черви!» [9].

Безусловно, очевидна неизбежность урегулирования спорных вопросов передела мира, конфликтных ситуаций в международных

отношениях в конце 1930-х гг., обусловленных крахом Версальской системы. Однако при этом не учитывались все последствия проблемы, создаваемой на практике в существовавших международных отношениях. Весной 1939 г. начался переломный период, когда четко обозначился поворот всех ведущих держав мира в сторону определения своей позиции (взаимные договоренности, заключение тайных, открытых и любых других видов сделок) в связи с войной, неизбежность которой была предreshена. Гитлер явно переоценивал свое влияние и связи, которые у него были в окружении премьер-министра Великобритании Невилла Чемберлена. «Успех» Мюнхенского соглашения, решившего судьбу Чехословакии, вскружил ему голову. Гитлер считал, что молчаливое согласие англичан по поводу оккупации и расчленения Чехословакии в марте 1939 г. предопределяет их невмешательство в предстоящую войну, поэтому уверенно заявил о своих претензиях к Польше.

Мюнхенское соглашение 1938 г. коренным образом меняло положение в Центральной Европе. Захватив Австрию и часть Чехословакии без военных действий, Германия значительно укрепила свои стратегические позиции. В результате отказа от сотрудничества с Советским Союзом военные и политические позиции Франции и Англии оказались резко ослабленными. Была окончательно ликвидирована англо-французская гегемония в Европе, основывавшаяся на Версальском договоре 1919 г. В Мюнхене, по существу, была уничтожена система военных союзов, заключенных Францией с государствами на востоке Европы. Ослепленные антисоветизмом, правящие круги западных держав фактически расчистили гитлеровской Германии путь к развязыванию Второй мировой войны и оказались сами перед лицом нацистской агрессии.

Совершенно очевидно, что существовали острые неразрешенные противоречия после Первой мировой войны. Германию угнетало то, что Франция получила Эльзас, Лотарингию и оккупировала Рур. Имея гарантии на востоке, Германия развязала войну на западе. Вермахт смел французские

войска, падение Франции было стремительным и неожиданным. Германия применяла новую военную стратегию и новую тактику. После падения Франции (с июня 1940 г.) и в ситуации, когда Англия, не имея континентальной армии, одна вела войну с Германией, СССР фактически остался один на один с войсками Германии и ее союзников (Венгрии, Румынии, Финляндии и т.д.). Когда капитулировала Франция, никто даже не мог этого предположить. Англия для Сталина была оплотом империалистической агрессии, и солидаризироваться с ней для СССР было недопустимо, как и для Англии большевистская Россия всегда была главным идеологическим врагом. Вместе с тем СССР не развязывал Вторую мировую войну в военном отношении. Ясно, что именно Мюнхенское соглашение 1938 г. окончательно открыло путь к войне.

Вторая мировая война началась с нападения Германии на Польшу в результате кризиса Версальско-Вашингтонской системы и краха Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской (Оттоманской) империй как рокового итога Первой мировой войны. Советская Россия и Германия оказались за пределами Версальского договора 1919 г. [1], который, определив европейские границы, фактически решил судьбу этих государств без их участия. Это был не мир, а просто перемирие перед новой войной. Польша – одновременно и участник совместного с Германией позорного дележа Чехословакии, и в то же время первая жертва Второй мировой войны, дорогу к которой проложил Мюнхенский договор 1938 г., создав плацдарм для нападения на Польшу. Польша – единственная страна, которая имела одновременно общие границы и с Германией, и с СССР. Польша, таким образом, стала наиболее вероятным местом нападения. СССР двинул границы на запад для укрепления собственной безопасности, но Германия тоже не стояла на месте и в свою очередь продвинулась на восток. Отсюда появился новый отягчающий ситуацию фактор – общая советско-германская граница. Однако СССР преждевременно вступить в общеевропейскую войну не имел возможности.

Целями Германии были осуществление реванша за поражение в Первой мировой войне и создание тоталитарного государства националистического толка. Для этого ей было необходимо расширение собственного геополитического пространства за счет завоевания новых территорий в результате уничтожения как западных государств, так и СССР. В то же время советско-германские Пакты 1939 г. оказались прямым следствием Мюнхенского договора 1938 г. и очередной вехой в роковой цепи событий, позволившей нацистской Германии развязать Вторую мировую войну, которая явилась закономерным и чудовищным итогом краха Версальской системы.

Таким образом, причины начала Второй мировой войны были заложены еще в Версале. Роковая цепь исторических событий очевидна: Версальский договор 1919 г., проигнорировавший Советскую Россию и Германию и ущемивший их геополитические интересы; Мюнхенский договор 1938 г., представлявший соглашение западных стран с гитлеровской Германией и поощрявший агрессивные экспансионистские притязания Гитлера относительно всех европейских стран; советско-германские Пакты 1939 г., которые явились прямым следствием Мюнхенских договоренностей западных стран с Гитлером, установивших неустойчивый нейтралитет, и предотвратили преждевременное вступление СССР в войну со всей Европой, но обусловили стратегический просчет как Сталина, не сумевшего избежать нападения Гитлера на СССР, так и Гитлера, испытавшего крах иллюзий от провала блицкрига, получившего смертоубийственную войну на два фронта и в результате потерпевшего сокрушительное поражение во Второй мировой войне.

В провале европейской политики, приведшей в итоге к новой войне, решающую роль сыграли западные державы, обладавшие достаточным влиянием, чтобы остановить новый мировой конфликт, однако выбравшие путь уступок агрессору по переделу территорий малых государств. Мюнхенское соглашение 1938 г. сделало Англию и Францию пособниками

германской агрессии, привело к окончательному распаду Версальской системы международных отношений и стало роковым шагом к самой разрушительной в истории человечества войне. Черчилль – единственный, кто дал резкий изобличающий анализ Мюнхенского соглашения, высказав о нем суровую правду и назвав его полным и безоговорочным поражением: «Мы потерпели поражение, не начав войны, и теперь последствия этого поражения будут долго давать о себе знать, ибо мы пересекли судьбоносный рубеж истории, за которым все былое равновесие сил в Европе оказалось непоправимо нарушено, а в адрес западных демократий прозвучал жуткий приговор» [15]. Черчилль обладал широким кругозором и глубоким пониманием сути событий.

Польша: роль жертвы и виновника войны

Накануне Второй мировой войны в общеевропейской ситуации двусмысленная роль Польши начинает проявляться с особой силой. Это молодое и крайне амбициозное государство старалось расширить свои границы за счет земель, населенных не только поляками, но и другими народами, однако при этом предоставляя польской нации исключительные привилегии. Польша не желала покорно исполнять роль «буфера», защищавшего Европу от России, с одной стороны, и от Германии, с другой. Политическая незрелость польского руководства привела к тому, что страна быстро оказалась ввергнута в водоворот противоречий крупных европейских держав, в конечном итоге приведших ее к очередной потере государственности. Объективно говоря, в условиях углубления кризиса Версальской системы во второй половине 1930-х гг. Польша не смогла сохранить свой государственный суверенитет.

Во второй половине 1930-х гг. Польша стремилась укрепить свои территориальные завоевания, перешедшие ей от Советской России. В 1934 году был также продлен срок действия польско-советского договора о ненападении, по которому СССР пошел на еще большие территориальные

уступки, определенные Рижским договором 1921 г. [4]. Этот новый Договор установил новые границы между РСФСР, УССР, БССР и Польской Республикой. К Польской Республике отошли обширные территории, находившиеся к востоку от «линии Керзона», с преобладанием непольского населения – Западная Украина (западная часть Волынской губернии), Западная Белоруссия (Гродненская губерния) и часть территорий других губерний бывшей Российской империи (сейчас принадлежащие Украине и Белоруссии). Иными словами, никаких преимуществ от заключения соглашений с Польшей СССР не получил, они диктовались суровой и вынужденной необходимостью в условиях развития общеевропейского политического кризиса 1930-х годов. В марте 1936 г., после военной оккупации Германией демилитаризованной Рейнской области в нарушение Версальского договора, Польша вновь безуспешно пыталась заключить соглашение с Францией и Бельгией о ее поддержке в случае войны с Германией.

«Данцигский коридор»: выход к морю

Особое место в предвоенной истории занимает вопрос о «Данцигском коридоре». Известно, что территория так называемого «Данцигского коридора» была передана Польше по Версальскому договору. «Данцигский коридор» обеспечивал доступ к Балтийскому морю из Польской Померании вдоль нижнего течения реки Висла. За пределами «Данцигского коридора» остался Вольный город Данциг (Гданьск), где немцы представляли большинство населения. «Данцигский коридор» – это наименование польской территории, которая отделила германский эксклав Восточная Пруссия от основной территории Германии. Из-за постоянного германского давления Польша так и не получила полного суверенного контроля над этой территорией. Территориально окружая ее с востока и запада и фактически блокируя со стороны Балтики, Германия держала под своим военным контролем узкий выход Польши к морю. После заключения Версальского

договора этнические немцы в этом регионе оказались в положении меньшинства. После перехода территории «Данцигского коридора» к Польше местное немецкое население болезненно восприняло свой новый «нетитульный» статус. В отношении немцев почти автоматически началась дискриминация. Репатриация в Германию стала выходом для некоторой части местных немцев, не желавших принимать польское гражданство. Вместе с тем численный и экономический вес немецкого меньшинства оставался значительным стимулом для роста немецкого национализма и реваншистских амбиций в самой Германии.

С 1938 г. германское давление, имевшее конечной целью аннексию Данцига, начало постепенно возрастать. Германия настаивала на предоставлении ей права сухопутного и морского транзита через «Данцигский коридор». Под давлением общественности польское правительство отказалось удовлетворить эти притязания. Неуступчивая позиция Польши послужила одним из главных предлогов для нападения нацистской Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. Ввиду обострения советско-польских отношений СССР, ссылаясь «на внутреннюю несостоятельность Польского государства», 17 сентября 1939 г. ввел войска на польскую территорию [5]. Однако польская армия на тот момент уже была фактически разгромлена Гитлером, и мнение о неожиданно ударивших ей в спину советских войсках не соответствует исторической правде.

Советско-германские соглашения 1939 г. – следствие Мюнхена

В условиях кризиса 1930-х годов внешнеполитическая деятельность Советского Союза приобретала судьбоносное значение для будущего Европы и мира. Ясно, что в критические периоды мировой истории тайная дипломатия и секретные протоколы – неизбежные атрибуты внешней политики [12]. Таким образом, политика Сталина по отношению к Гитлеру основывалась на здравом суждении о том, что враждебность Западного мира и Японии к Советскому Союзу могут усугубить изоляцию СССР от международного

сообщества и сделать ее постоянным фактором. Совершенно очевидно, что взаимная неприязнь и противоречия помешали достижению компромисса между Англией и Францией, с одной стороны, и Советским Союзом – с другой.

Пакт Молотова-Риббентропа от 23 августа 1939 г. являлся следствием мюнхенской политики, проводимой правительствами Великобритании и Франции, их нежеланием видеть в СССР союзника по борьбе с возможной агрессией, поскольку советский политический режим, как и германский, они характеризовали как тоталитарный.

Правительство СССР пошло на заключение договора с Германией после того, как окончательно стало понятно, что война Германии с Польшей неотвратима. В Пакте о ненападении и в дополнительных секретных протоколах отсутствуют статьи о военном сотрудничестве двух государств. Пакт о ненападении от 23 августа 1939 г., заключенный Германией и Советским Союзом, никоим образом не превращал их в союзников, хотя это всячески пытаются доказать. В случае победы над Польшей Германия не могла самостоятельно решать вопрос о дальнейшем существовании Польского государства и его границах и должна была бы отдать Вильнюс, который был аннексирован Польшей еще в 1920 году, Литве. Но Гитлер не нуждался в дальнейших переговорах и предпочел начать войну против Польши, которая вскоре превратилась для него в войну на два фронта.

Пакт Молотова-Риббентропа от 23 августа 1939 г. представляет собой важный завершающий политический и дипломатический акт для довоенного кризиса, который был вызван противоречиями между Францией, Великобританией, США и их союзниками, с одной стороны, Германией, Италией и Японией – с другой. Советско-германский Пакт [3] о ненападении являлся следствием этого кризиса, но ни в коем случае не его причиной, и был подписан в тех обстоятельствах, когда предотвратить конфликт на европейском континенте было уже невозможно. Заключение этого Пакта объективно позволило Советскому Союзу сохранить вынужденный

нейтралитет на начальном этапе войны, но суть и последствия этого акта в итоге замкнули общую цепь событий, неумолимо ведущих к роковой развязке.

Немедленно вступить в войну с Германией, учитывая весьма уклончивую и двусмысленную позицию западных стран, СССР просто не мог. В стремительно меняющейся, нестабильной, накаленной до предела обстановке нейтралитет западных стран в войне имел краткосрочный и непрочный характер и усугублял риск для СССР не только оказаться в изоляции, но и попасть под удар объединенных сил всей Европы. Более того, война началась бы в любом случае, она была неизбежна. И, вероятнее всего, объектом нападения явилась бы Польша, но на этом Гитлер вряд ли бы остановился и, вне всякого сомнения, нанес бы свой основной удар по Советскому Союзу.

Черчилль предельно точно выразил смысл кризисной ситуации, обусловившей внешнеполитические действия СССР: «В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на Запад исходные позиции германских армий, с тем, чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи. Им нужно было силой или обманом оккупировать Прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодно расчетливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной» [14, с. 183-184].

Таким образом, альтернативой Пакту мог быть только договор между Великобританией и Германией за счет Советского Союза, который мог привести к совместному «крестовому походу» единой Европы против СССР и к тяжелой войне.

Следует констатировать, что Пакт Молотова-Риббентропа от 23 августа 1939 г., по сути, не изменил баланс сил: он не устанавливал военного союза между нацистской Германией и СССР. В тот момент уже было ясно, что «большая» война неизбежна и разгром Польши неминуем. После Мюнхенских соглашений 1938 г. советско-германский Пакт о ненападении 1939 г. являлся

логическим продолжением системного кризиса Версальской системы межвоенного периода, который охватил Европу в конце 1930-х годов. Пакт Молотова-Риббентропа никак не повлиял на намерение Германии развязать войну. У Германии и так были сильнейшие противоречия с Польшей. Это не повлияло на изначальное решение Гитлера напасть на Польшу. А воевать со всей Европой и со всем миром Сталин не мог, поскольку за Великобританией стояли США, а в Азии Советскому Союзу угрожала милитаристская Япония. Тем более, он не был уверен в том, что западные государства вступят в коалицию с СССР против Германии, а не будут выжидать, пока Гитлер направит свои силы на Советский Союз и уничтожит его. Черчилль прекрасно осознавал все риски, исходившие от сложившейся ситуации: «Советский Союз был один на один с Германией в Европе, а на другом конце мира над ним нависла Япония» [14, с.141]. Это единственно верный анализ сложившейся ситуации. Пакт о ненападении был заключен во время боевых действий на Халкин-Голе между СССР и Японией, союзницей Германии по Антикоминтерновскому пакту.

Таким образом, стратегической целью советского руководства было не допустить войны на два фронта – как в Европе, так и в Азии. СССР избежал перспективы войны с объединенными силами Запада. Без содействия Польши, помимо Англии и Франции, Германия не смогла бы так легко и безболезненно, без всяких военных действий, пойти на расчленение Чехословакии. Еще в марте 1938 г. Гитлеру позволили совершить аншлюс – «воссоединение» Германии с Австрией, хотя она никогда не была частью Германии и всегда была конкурентом Пруссии в борьбе за контроль над другими немецкими землями. Вхождение Австрии в германский Рейх изменило его границы и увеличило его территорию.

В советско-германском Пакте о ненападении есть секретная часть о разделе сфер влияния над определенными территориями. Это достоверно известно, и подлинники этих документов были размещены на официальном сайте МИД РФ [10]. Это была договоренность о разделе сфер влияния, а не об

установлении точных границ государств. Отличительной чертой Пакта являлся прилагаемый к нему Секретный дополнительный протокол о разграничении между сторонами сфер интересов в Восточной Европе на случай «территориально-политического переустройства». Секретный протокол предусматривал включение Латвии, Эстонии, Финляндии, восточных «областей, входящих в состав Польского государства» и Бессарабии в сферу интересов СССР. Литва и западная часть Польши были отнесены в сферу интересов Германии.

Вместе с тем совершенно очевидно, что западные государства еще раньше, в 1938 году в Мюнхене, пошли на открытый сговор с Гитлером. По факту был произведен раздел независимого демократического государства – Чехословакии, а также поглощение его гитлеровским Рейхом. В этом участвовал не только Гитлер, но и руководители европейских государств. Именно это обстоятельство, а отнюдь не Пакты, открывало Гитлеру возможность движения на восток и послужило причиной начала Второй мировой войны. Иными словами, Гитлер овладевал территорией европейских стран пока без военных действий, и этому способствовали западные страны, уверовавшие в то, что гитлеровские экспансионистские устремления не затронут их собственные территории. Справедливы суждения президента РФ В.В. Путина о том, что «в результате “мюнхенского сговора” на растерзание нацистской Германии была отдана Чехословакия, и западные партнеры как бы показали Гитлеру, куда надо идти для того, чтобы реализовать его растущие амбиции – на Восток. С целью обеспечения своих интересов и своей безопасности на западных рубежах Советский Союз пошел на подписание этого Пакта Молотова-Риббентропа с Германией» [11].

Договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г.:

мотивация и суть

Советско-германский Договор о дружбе и границе от 28 сентября [5] был подписан в условиях, когда уже началась Вторая мировая война. В нем

были «скорректированы» намерения, обозначенные в Секретных протоколах к Пакту о ненападении от 23 августа 1939 г.

Конечно, вопросы о новой советско-германской границе решались по ходу развития складывающейся обстановки между СССР и Германией. 23 августа 1939 г. точная линия границ «раздела сфер влияния» не была утверждена, а в сентябре 1939 г. еще шли политические переговоры о «точном начертании этой линии» соприкосновения между СССР и Германией. То есть только к середине сентября 1939 г., в ходе дополнительных переговоров между Молотовым с нашей стороны и Гитлером с немецкой, стала складываться более или менее ясная линия разграничения советских и германских войск, примерно по старой «линии Керзона». После этих переговоров, к 28 сентября 1939 года, эта линия оформляется в четкую границу в договоре о дружбе и границах, скорректировав разграничение сфер влияния, зафиксированных в Секретных протоколах к Пакту о ненападении от 23 августа 1939 г. Именно гитлеровский вермахт начал войну против Польши, им была разгромлена регулярная польская армия, польское правительство бежало в Лондон, бросив свой народ. Сталин выждал определенное время, и 17 сентября 1939 г. в пределы «Восточной Польши» вошли советские войска для защиты украинцев и белорусов от германской агрессии. В середине сентября 1939 г. прошли дополнительные политические переговоры относительно точного начертания демаркационной линии, и немцам пришлось передавать эти объекты советским войскам [5]. Таким образом, между СССР и Германией были общие договоренности с учетом обозначенной «линии Керзона», которые окончательно стали утрясаться именно в тот момент, когда Германия уже начала войну и разгромила Польшу. Сталин отреагировал на это по ходу развития событий вокруг СССР и принял те решения, которые были необходимы в национальных интересах СССР в конкретных исторических условиях. Надо признать, что Сталин переиграл Гитлера в стратегическом плане и фактически без военных действий, не встречая сопротивления, ввел войска в Восточную Польшу, определив возможную линию соприкосновения

в случае вторжения Гитлера в Польшу как «линию Керзона». Это вполне устраивало Сталина, так как согласно этой условной линии СССР перешли только исторически принадлежащие России земли с этническим преобладанием украинцев и белорусов. По такому же принципу он вернул Молдове земли молдаван, а Литве – литовские земли, ранее захваченные той же Польшей или Румынией.

Сталин, восстановив старую имперскую границу России, о чем были предварительные договоренности с Гитлером 23 августа 1939 г. при подписании Пакта о ненападении, впоследствии узаконил ее Договором о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. Он считал это окончательным урегулированием вопроса о границе, а Запад воспринял это как насильственный раздел Польши и начало войны на востоке, при этом даже не предполагая, что Гитлер затем обернет свою агрессию именно против тех западных стран, которые сами подталкивали его к войне, ставшей мировой. Сталин же был до поры до времени уверен в том, что договорами с Гитлером он хотя бы временно обезопасил себя и что Гитлер «увязнет» в войне против Англии и Франции, а если он и вступит в войну, то в более благоприятной обстановке, с ослабленным противником и на своих условиях. Просчитались все. Катастрофа настигла всех, война приняла всеобщий характер, и потребовалось выработать новую стратегию в борьбе с общим врагом – гитлеровской Германией.

Запад не признал свою ответственность за заключение Мюнхенского соглашения 1938 г., который открыто способствовал дележу территорий чужих государств и в котором были заложены основы для организации содействия Гитлеру в развязывании будущей войны в Европе.

Советско-германский Пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. «перерос» в советско-германский Договор о дружбе и границе от 28 августа 1939 г. В результате СССР получил общую границу с Германией, что усугубило ситуацию и увеличило риски для СССР. Однако Германия определяла не только судьбы малых суверенных государств, но и судьбы мира

в Европе, что в то время не противоречило интересам СССР. Вместе с тем именно Германия является виновником развязывания войны.

Прибалтика: механизм вхождения в состав СССР

Отдельно следует рассматривать проблему насильственной «оккупации» Прибалтийских государств. Ясно, что Прибалтика по своему территориальному положению всегда являлась сферой пересечения интересов многих держав – Германии, Англии, СССР. В 1940 г. советские войска мирно вошли в Латвию, Литву и Эстонию, на основе специальных соглашений, заключенных с законными правительствами этих стран, на которые те шли весьма охотно. Никакой аннексии Прибалтики не происходило и с точки зрения самих прибалтийских руководителей. Это была внешнеполитическая акция советского правительства, совершенно оправданная в период, предшествовавший нападению Германии, и связанная с решением геополитических интересов с целью укрепления безопасности СССР. Эти акции, в принципе, не могли быть эффективно проведены без сотрудничества с прибалтийскими политиками, которые выторговывали соответствующие условия для себя лично, а не для своих стран. Германия, устремленная к Балтийскому морю, никогда бы не пошла на передачу Литве Клайпеды, Вильнюса и других территорий, поэтому коренные интересы Прибалтики с нацистской Германией объективно никак не могли стать «гармоничными». Тем не менее, как справедливо полагал Черчилль, при заключении Советской Россией Пактов о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой «немцы охотно пожертвовали Прибалтийскими государствами при заключении сделки с русскими» [14, с. 231-232]. Возникает вполне резонный вопрос: кто заставил руководителей Прибалтийских государств подписать с СССР все эти договоры о взаимопомощи даже при условии оказания на них сильного давления. Ведь одно дело – согласиться на размещение иностранных войск на своей территории в оборонительных целях, что вполне понятно, поскольку уже шла война. Но пойти на то, чтобы поменять состав своих правительств по

настоянию СССР, не обратиться за поддержкой к собственному народу и в результате согласиться на вхождение своих государств в состав СССР на условиях ущемления собственного государственного суверенитета – все это явно свидетельствовало о слабости политических режимов этих государств в проведении, по сути, соглашательской политики собственными руководителями.

Прибалтийские республики вошли в состав СССР в 1940 году на основании вполне законных с юридической точки зрения международных соглашений. Механизм вхождения Прибалтики в состав СССР был предопределен Секретными протоколами к Пакту о ненападении от 23 августа 1939 г. Получается, что прибалты, лишённые германского покровительства, достаточно легко пошли на сотрудничество с СССР и затем вошли в его состав. Тем более что Литва получила часть своей исконной земли от Польши (с городом Вильно – ныне столицей Литвы Вильнюсом), а также обеспечила защиту от возможного нападения вероятного противника. Начало процессу вхождения Прибалтийских республик в состав СССР положил именно советско-германский Пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. [5].

Таким образом, события в Прибалтике – пример многоходовой комбинации советской внешней политики. Приход СССР в Прибалтику во многом зависел от разгрома англо-французских войск в Западной Европе, поскольку Прибалтийские государства вначале ориентировались не только на немцев, но и на англичан. Крах иллюзий относительно поддержки со стороны Англии и Франции был для них не меньшим ударом, чем уступка Советскому Союзу Германией их территорий в качестве сферы интересов СССР. Однако народы Прибалтики в глазах Англии и Германии были лишь «разменной монетой» в стратегических отношениях с Советским Союзом.

Старые проблемы в новых границах

Надо ясно осознавать, что объективно государства распадаются и сливаются вновь и их границы подвижны. Происходят сложные

миграционные процессы, а также естественные процессы ассимиляции населения. Поэтому совершенно очевидно, что в настоящее время «чистых» этносов не существует. Не может какая-либо одна единственная нация занимать доминирующее положение в государстве на основе предоставления ей особых прав и исключительных привилегий. Следствием этого всегда является дискриминация и поражение в правах других наций, что, соответственно, неуклонно ведет к распространению национализма и разжиганию междоусобиц. На территориях различных государственных образований проживают люди разных национальностей, этносов и конфессий, и нельзя административным путем принудить их жить в согласии в составе государства, лишаящего их автономии, конституции и т.д. Кроме того, нельзя решать проблемы одной единственной национальности в многонациональном государственном образовании в ущерб другим и строить для нее отдельное государство, с особыми правами и привилегиями, навязывая большинству населения неадекватную языковую политику и, таким образом, дискриминируя другие национальности и этносы.

Во второй половине 1980-х гг. аннулирование Секретных протоколов к Пакту 1939 г. дало импульс пересмотру существовавших границ СССР. Был утрачен советский суверенитет над тремя Прибалтийскими республиками, западными областями Украины и Белоруссии, Северной Буковины и Молдавии, северной частью Ленинградской области (Карельским перешейком и северным берегом Ладожского озера) и частью Карельской АССР. Именно с этого времени начался развал Советского Союза, хотя распался он в силу объективных исторических причин. Между тем на Западе пытались возложить ответственность за развязывание Второй мировой войны на СССР, апеллируя к предвоенным Пактам.

«Отложенные» конфликты: отголоски в XXI веке

Граница СССР на конец 1991 г. начала формироваться в результате событий, последовавших после заключения Пакта о ненападении от 23 августа

1939 г. В дальнейшем эти границы были подтверждены Ялтинскими соглашениями после Второй мировой войны.

Сам Союз ССР был создан при активном участии Наркома по делам национальностей Сталина еще в 1922 г., и в него вошли все основные советские республики, кроме Прибалтийских. Именно Пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. определил будущее трех Прибалтийских государств.

Более того, после Второй мировой войны Польша прирастила свою территорию за счет восточных земель Германии, поверженной в войне. После распада СССР Украина и Белоруссия оставили в границах своих земель территории Западной Украины и Западной Белоруссии, доставшиеся им в свое время согласно тем же Пактам Молотова-Риббентропа 1939 г. Никто не спешит отказаться от этих территорий, у России же территориальных претензий нет.

Еще один важный аспект этой проблемы: кто выиграл, заключая Пакт Молотова-Риббентропа о ненападении от 23 августа 1939 г.? Для Советского Союза было затишье. Однако в это затишье СССР воевал с Финляндией, присоединил к себе Прибалтийские страны и часть Румынии. Естественно, в это затишье СССР воевал в Польше и присоединил к себе Западную Украину и Западную Белоруссию. А в Азии СССР сражался с милитаристской Японией на озере Хасан и реке Халкин-Гол, посягавшей на советскую территорию вплоть до Иркутска. Видимое затишье было, но только до того момента, пока Гитлер, с которым заключались соглашения, не аннулировал их, напав на СССР 22 июня 1941 г. Значит, не только СССР мог лучше подготовиться к войне, но и Германия усиливалась за счет потенциала завоеванных ею европейских стран. В связи с этим никакой неожиданности в нападении Гитлера на СССР, как и для Сталина, не было. Гитлер уже развязал войну, конечной целью которой был СССР.

Главный момент заключается в том, что по Секретным протоколам к Пакту о ненападении от 23 августа 1939 г. СССР получил те страны (прежде всего, Прибалтийские республики), которые стали триггером, «спусковым

крючком» развала Советского Союза. Присоединив к себе Прибалтийские страны благодаря Секретным протоколам, Сталин заложил мину под развал Советского Союза – ту самую геополитическую катастрофу, которая постигла нашу страну. Конечно, границы между советскими республиками, которые вовсе не были этнически однородными, проводились по национально-этническому принципу еще с момента образования СССР, с обозначением «титულიной» нации в каждой советской республике. Но импульс развалу дали именно события 1939 г., зафиксированные в Пактах 1939 г. и Секретных протоколах, которые являются неотъемлемой частью Пакта. Прошло 50 лет (с 1939 по 1989 г.), и все это взорвалось. Эту мину замедленного действия заложил именно Сталин своими Секретными протоколами. Это надо помнить. Триггером развала Союза послужила политическая позиция Балтийских стран, которые были присоединены к Советскому Союзу в результате Секретных протоколов Молотова-Риббентропа 1939 г.

Следует осознавать суть исторических свидетельств о несовершенстве территориально-административного деления СССР с границами территорий, произвольно определенными в свое время, без учета особенностей компактного проживания на них различных национальностей, этносов, конфессий и без выявления изъянов проводимой тогда советской национальной политики и созданной экономической плановой системы. Последствия решений, принимаемых советскими властями, негативно отозвались в XXI веке. Конечно, трудно было представить, что границы между советскими республиками, определенные в свое время без учета полиэтнического и многонационального состава проживавшего в них населения, после распада СССР материализуются, станут реальными, и на бывшей ранее общей территории единого Советского государства возникнут новые суверенные государства, в которых активно идет процесс национальной самоидентификации, и, более того, происходит осознание несправедливости установленных ранее границ для новых государств. Этот болезненный процесс проходит очень сложно и зачастую приводит к неизбежным

международным региональным конфликтам. Поиск разумного компромисса неизбежен. Новой войны не должно быть! История открывает свои архивы, которые раньше были недоступны исследователям. Нет сомнения в том, что историческая правда и справедливость в итоге восторжествуют.

Литература

1. Версальский мирный договор: Полный перевод с французского подлинника. Литиздат НКВД. 1925.
2. *Гришаева Л.Е.* От Версаля к войне... О роли «буферных государств // Дипломатическая служба. 2019. №2 (83). С. 16-40; *Гришаева Л.Е.* Начало и итоги Второй мировой войны: спорные вопросы // Дипломатическая служба. 2019. № 6 (87). С. 15–41; *Вершинин А.А.* «Беспокойная история неустойчивого мира»: к 100-летию Версальского мирного договора // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 4. С. 148-165, и т.д.
3. Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, 1939 г. // Режим доступа: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument (дата обращения – 25.04.2022).
4. Документы внешней политики СССР. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1959.
5. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937 – 1939. В 2-х т. М.: Политиздат, 1981; Год кризиса. 1938-1939. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1990.
6. Документы по истории мюнхенского сговора. 1937-1939. М.: Политиздат, 1979.
7. *Ленин В.И.* ПСС. Т. 41. С. 324.
8. *Молотов В.М.* О внешней политике Советского Союза // Известия. 1 ноября. 1939 г.

9. Накануне и после Мюнхена. Архивные документы рассказывают. К 80-летию «Мюнхенского соглашения» // Режим доступа: historyrussia.org › 80-letie-myunkhenskogo-soglashenie-1938-goda (дата обращения – 25.04.2022)
10. О «Пакте Молотова-Риббентропа». Информационно-справочные материалы // Историко-документальный департамент (ИДД) МИД России // Режим доступа: <https://idd.mid.ru> › ob-istoriko-dokumental-nom-departamente-mid-rossii – Дата обращения – 25.04.2022 г.
11. *Путин В.В.* Интервью словацким СМИ. 22.02.2005 г. / Режим доступа: <https://rg.ru/2005/02/22/putin-intervyu-anons.html> (дата обращения - 25.04.2022).
12. *Судоплатов П.А.* Победа в тайной войне. 1941-1945 гг. М: Алгоритм, 2019. С. 93-104.
13. *Черчилль У.* Вторая мировая война. В 3-х кн. Т. II: Их звездный час. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. С. 594.
14. *Черчилль У.* Вторая мировая война. В 3-х кн. Т. I: Надвигающаяся буря. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. С. С. 13 – 24.
15. *Черчилль У.* Никогда не сдаваться! Лучшие речи Черчилля. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. С. 255 – 256.

Мустафабейли Али Мидхатович,
кандидат исторических наук, заместитель директора Института
актуальных международных проблем, Дипломатическая академия
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
e-mail: Gulara1972@gmail.com

Ali M. Mustafabeyli,
Ph.D. (History), Deputy Director of the Institute of Contemporary International
Problems, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation
e-mail: Gulara1972@gmail.com

ИРАН НА ПРОСТРАНСТВЕ ЗАКАВКАЗЬЯ: ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

IRAN IN THE SPACE OF TRANSCAUCASIA: FROM THE PAST TO THE PRESENT

Аннотация: Иран рассматривает Южный Кавказ – Азербайджан, Армению и Грузию – в качестве зоны своих национальных интересов. С каждой из этих стран отношения Ирана складывались по-разному. Различаются они и сейчас. Иранская дипломатия всегда выстраивалась с учетом политических процессов, происходящих в регионе, государствах Южного Кавказа и вокруг них. Однако во все времена Тегеран претендовал на одну из ведущих ролей.

Ключевые слова: древняя цивилизация, исламская революция, Южный Кавказ, блокада, мирный договор.

Abstract. Tehran regards the South Caucasus (Azerbaijan, Armenia and Georgia) as a zone of its national interests. Iran's relations with each of the Transcaucasian countries developed in different ways. They differ even now. Iranian diplomacy has always been built taking into account the political processes taking place in the region, in the states of the South Caucasus and around them. Tehran, however, at all times claimed to have one of the leading roles.

Keywords: ancient civilization, Islamic revolution, South Caucasian, blockade, peaceful agreement.

Генетический код заложен в каждом народе и влияет на его восприятие самого себя, окружающей действительности, формирование менталитета, мировоззрения и в конечном счете поведение.

Персы – наследники великой древней цивилизации и культуры, властелины народов и обширных территорий в пору империй Ахеменидов, Сасанидов, державы Сефевидов, основатели двух мировых гуманистических религий – зороастризма (VII–VI вв. до н.э.) и бахаизма (XIX в.).

Отметим, что численность практикующих в настоящее время последователей зороастризма не превышает 200 тыс. Зороастрийцы проживают в Иране, Индии, Пакистане, Афганистане, Азербайджане, США, Великобритании, некоторых странах Персидского залива. В Иране зороастрийская община объединяет до 50 тыс. верующих. С учетом скрыто исповедующих эту религию их может быть значительно больше. В Исламской Республике зороастризм официально признан. За его приверженцами в парламенте закреплено одно депутатское место [1].

Число бахаитов достигает 6 миллионов. Наиболее крупные общины в Индии (более 1 млн) и Иране (300 тыс.). В России они проживают в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, ряде других городов. Точная их численность неизвестна. В Иране бахаизм признан вероотступничеством. Бахаиты подвергаются репрессиям вплоть до уголовных наказаний [2].

Исламская революция также являлась своеобразным проявлением величия народа, восставшего против американского диктата. Первое в мире теократическое государство, заняв заметное место в ряду немногих стран, отвергнувших гегемонию США, ощутило себя одной из ключевых сил в регионе, мусульманском сообществе, на международной арене в целом, объявило об экспорте исламской, а по сути, шиитской революции, чем создало повод для начала войны Саддама Хусейна против Ирана. Тегеран,

вмешавшись в арабо-израильский конфликт, объявил о непризнании Израиля. Лидеры Исламской Республики Иран (ИРИ) поставили перед страной задачу развивать мирную ядерную программу, основа которой была заложена при шахском режиме.

Южный Кавказ персы считают зоной своих интересов и влияния, хотя отстаивать свои права на него на разных исторических этапах приходилось в противоборстве то с Римом, то с Византией, то с османами.

Армяне, также являющиеся народом древней государственности и культуры, всегда занимали свою собственную нишу во внутренних и региональных построениях иранцев. Ценность армян заключалась в их способности адаптироваться к новым условиям, проявляя особый талант в предпринимательстве. Шах Аббас Великий (27 января 1571 – 19 января 1629), главный представитель династии Сефевидов, при котором Персия вновь обрела силу и авторитет, насильственно переселив около 300 тыс. армян вглубь страны в условиях военного противостояния с Турцией, создал, тем не менее, благоприятные условия для торговых дел армянских купцов. Их доля в иранском экспорте с течением времени доходила до 30–50%, а в импорте – до 30–60%.

Армяне не могли занимать административные посты, уплачивали дополнительные налоги. В то же время Армянская церковь была освобождена от уплаты налогов с земель, находившихся в ее собственности.

Туркманчайский мирный договор, заключенный в 1828 г. после победы России в войне с каджарской Персией, предусматривал в числе прочего добровольное переселение армян в Закавказье, отошедшее к Российской империи, а мусульман – в Персию. Значительная часть армянского населения перебралась в Россию, некоторое число осталось в Иране. Массовое переселение армян произошло, как известно, в результате геноцида 1915–1920 гг. Беженцы расселялись по всему миру, образовав диаспоры в нескольких десятках стран, включая Иран.

Персы, как правило, доверяли армянам, справедливо отмечая их управляемость, стремление приносить реальную пользу власти, которой служили. В период правления династии Пехлеви, последней в истории Ирана, армяне смогли внедриться в важнейшие отрасли экономики страны, в том числе нефтяную промышленность, производство и продажу черной икры, занять видное положение в науке и искусстве [3, с. 128].

Новая теократическая власть продолжала проявлять лояльность к армянской диаспоре. Однако внутривластная борьба первых лет, война с Ираком, непривычные и неудобные для христиан исламские установки, касающиеся, в том числе, мусульманского дресс-кода – хиджаба (мусульманская форма одежды, покрывающая голову и все тело по щиколотку; в Иране принят наиболее свободный вариант хиджаба, позволяющий не закрывать лица и не покрывать голову полностью), обусловили многочисленную эмиграцию армян в различные страны, в основном европейские, США и Канаду. В настоящее время в Исламской Республике, по неофициальным оценкам, проживает около 70 тыс. армян. В Тегеране действует 11 школ, а также институт Марьям, в который входят четыре средние школы и одно высшее учебное заведение. Семь из одиннадцати школ патронируются армянской епархией в Иране, две школы опекаются армянской католической церковью. В Исфагане функционирует институт, созданный по образцу тегеранского института Марьям. В столице и Исфагане открыты культурные центры для армян.

В сегодняшнем Иране представители армянской общины занимаются главным образом торговлей товарами первой необходимости, реже коврами, ювелирным искусством, другими художественными ремеслами. Армяне занимают заметное положение в медицине, науке и культуре. Уровень их жизни ощутимо выше, чем у других религиозных меньшинств, включая мусульман-суннитов, зороастрийцев и даже евреев – традиционных коммерсантов. В парламенте армянская диаспора представлена двумя депутатами.

Армяне ценят уважительное отношение государства к их религиозным святыням. В достойном состоянии поддерживаются 24 церкви и 2 монастыря, находящиеся в Иранском Азербайджане – Святого Фаддея и Святого Стефана, к которым совершают паломничество армяне всего мира. Главный храм Армянской апостольской церкви в Иране – Ванкский собор. Армянские святыни одновременно выполняют роль и некой рекламной вывески теократического строя, демонстрирующей поддержку руководством страны и самим Верховным лидером А.С. Хаменеи авраамических верований. Это важно с учетом того, что Тегеран регулярно подвергается критике со стороны Запада за нарушение прав человека, в том числе прав бахаитов.

В Иране выходят две газеты на армянском языке – «Алик» и «Аракс», периодически издаются книги армянских авторов об истории и культуре народа.

Образование суверенной Армении Тегеран встретил с воодушевлением. Уже вскоре она стала рассматриваться политической элитой Исламской Республики как опора в Закавказском регионе.

23 сентября 1991 г. Верховный совет Армении объявил о ее независимости, которая уже 25 декабря того же года была признана Ираном. 9 февраля 1992 г. две страны подписали Декларацию об установлении дипломатических отношений, а также Декларацию о принципах и целях отношений, в которой было зафиксировано намерение сторон развивать многовекторное сотрудничество.

Договоренности о широком ирано-армянском взаимодействии были достигнуты на фоне шедшей полным ходом войны между Арменией и Азербайджаном за Нагорный Карабах. Исламский Иран, позиционировавший себя в качестве защитника всемирного мусульманства, на первых порах оказывал Азербайджану моральную и иную поддержку. Однако вскоре Тегеран счел нужным занять более престижное и выгодное для себя положение посредника, рассчитывая на то, что противоборствовавшие стороны отнесутся к такой миссии Ирана с уважением. 14 марта 1992 г. по

инициативе иранцев в Тегеране состоялась трехсторонняя встреча на высшем уровне. По итогам было достигнуто согласие представителей Азербайджана и Армении о временном прекращении огня. В ходе встречи обсуждалась возможность снятия азербайджанской блокады Армении, которая устанавливалась поэтапно, начиная с конца 1980-х – начала 1990-х гг. прошлого столетия, размещения военных наблюдателей, а также обмена военнопленными. 15 марта армянская и азербайджанская делегации подписали декларацию о преодолении конфликта. 19 марта Генеральный секретарь ООН Б. Бутрос Гали выразил в послании иранскому министру иностранных дел признательность за усилия Ирана по предотвращению эскалации карабахского конфликта.

Тем не менее наступательные действия армянских сил продолжались. Азербайджан утрачивал все новые и новые территории. Тегеран спешил возобновить миротворчество. Под ударом оказались престиж и авторитет Ирана. 8 мая 1992 г. исполнявший обязанности президента Азербайджана Я.Д. Мамедов, президент Армении Л.А. Тер-Петросян при посредничестве президента Ирана А. Хашеми Рафсанджани подписали в Тегеране совместное заявление, содержащее обязательство сторон регулярно встречаться для обсуждения путей преодоления конфликта мирными методами на основе международного права. Однако договоренности вновь оказались формальными. Спустя 5 часов после переговоров армянские войска начали очередную армейскую операцию, в результате которой были заняты стратегически важные города – Шуша и Лачин. Иранское руководство выразило возмущение по этому поводу. На этом посреднические усилия Ирана были исчерпаны [4].

4–5 мая 1994 г. по инициативе Межпарламентской ассамблеи СНГ, парламента Кыргызской Республики, Федерального собрания и Министерства иностранных дел Российской Федерации в Бишкеке состоялась встреча, участники которой подписали Заявление, известное в дальнейшем как Бишкекский протокол. В нем выражалась решимость всемерно

способствовать прекращению вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе и вокруг него; утверждалась активная роль Содружества и Межпарламентской ассамблеи в прекращении конфликта, реализации связанных с этим принципов, целей и конкретных решений ООН и ОБСЕ; противоборствовавшие стороны призывались прекратить огонь и самой интенсивной работой в кратчайшие дни закрепить это путем подписания надежного, юридически обязывавшего соглашения, предусматривавшего механизм обеспечения невозобновления военных и враждебных действий, вывод войск с занятых территорий и восстановление функционирования коммуникаций, возвращение беженцев, продолжение переговорного процесса [5].

Через несколько дней после подписания Бишкекского протокола между Арменией, непризнанной Нагорно-Карабахской Республикой с одной стороны и Азербайджаном с другой стороны было заключено Соглашение о прекращении огня с 12 мая 1994 г.

Иран по-прежнему проявлял заинтересованность в участии в карабахском урегулировании на основе подходов, идентичных позиции России, Армении и Минской группы ОБСЕ, – признание территориальной целостности Азербайджана при решении всех спорных вопросов мирными средствами. Тегеран продолжал контакты с обеими конфликтующими сторонами, однако явно с акцентом на Армению.

С февраля 1992 г. по февраль 2019 г. армянские руководители высокого и высшего уровней совершили 34 визита в Иран.

Одним из примечательных был официальный визит в Тегеран премьер-министра Армении Н.В. Пашиняна, состоявшийся 27–28 февраля 2019 г. В аэропорту его встречал почетный караул. Армянского руководителя принял Верховный лидер Исламской Республики, хотя по традиционному протоколу он встречается только с главами мусульманских государств и особо важных для Ирана держав. В беседе, которая прошла в доброжелательной атмосфере (карабахская проблема затрагивалась коротко по касательной), А.С. Хаменеи

заявил, что Иран и Армения останутся дружественными странами и руководство Исламской Республики нацелено на развитие отношений. Визит имел политическую направленность. По его итогам были подписаны только два меморандума о взаимопонимании по торгово-экономическому сотрудничеству.

Столь же дружественный характер имела встреча Н.В. Пашиняна с президентом Исламской Республики И. Раиси (президент Ирана с 3 августа 2021 г., представляет консервативное сообщество страны). Она прошла 5 августа 2021 г. на полях мероприятий, связанных с инаугурацией президента. Стороны отметили важность расширения торгово-экономических связей. И. Раиси подчеркнул, что для Тегерана ключевое значение имеет сохранение прочного мира и стабильности в регионе [6].

С февраля 1992 г. по ноябрь 2017 г. представители Исламской Республики 24 раза побывали в Армении с рабочими и официальными визитами. Пять раз Армению посетили президенты Ирана: трижды И. Ахмадинежад, по одному визиту осуществили М. Хатами и Х. Рухани. Несколько контактов состоялось и после 2017 г. [7].

Весьма активные политические связи, несомненно, были полезными для обеих сторон, особенно для Армении, нуждавшейся в плече соседа, на которое можно было опереться в условиях враждебного окружения в регионе. Общность интересов, связанных с антитурецким и антиазербайджанским настроением в обществе (в Иране среди персидского населения), в руководстве обоих государств укрепляла узы дружбы и внешнеполитическое взаимодействие.

Торгово-экономическое сотрудничество было и остается обремененным, прежде всего, внешними проблемами: односторонние антииранские санкции США, отсутствие прочного юридически закреплённого мира между Арменией и Азербайджаном, пробуксовывающий процесс делимитации границ между двумя государствами после завершения Второй

Карабахской войны 2020 г. и продолжающаяся азербайджано-турецкая блокада Армении.

Тем не менее Иран пока продолжает играть весьма значимую роль как один из выходов Армении во внешний мир. Вторым является Грузия. В 1990-х гг. Исламская Республика обеспечивала Армению продуктами питания, горючим, строительными материалами. На нынешнем этапе из Ирана в Армению завозится 30% всей импортируемой продукции, остальные 70% поставляются через Грузию. Иран – пятый по объему торговый партнер Армении после России, Китая, Швейцарии и Германии [8].

Расширению двусторонних связей способствовали введение в августе 2016 г. безвизового режима между двумя странами, открытие на границе с Ираном Мегринской свободной экономической зоны. Особую важность для обеих сторон представляет бартерная сделка «газ в обмен на электроэнергию», осуществляемая с 2008 года. Газ экспортируется по газопроводу протяженностью 140 км, электроэнергия поставляется по двум высоковольтным линиям электропередачи. В настоящее время сооружается третья линия. В 2016 г. была осуществлена программа газоснабжения приграничных с Ираном населенных пунктов. В числе реализованных проектов также находятся мост через реку Аракс, ветряные электростанции на Пушкинском перевале.

Основа армянского экспорта – электричество, мясо, древесина, металлические отходы. Иран экспортирует в Армению газ, нефтепродукты, полимеры, удобрения, строительные материалы.

В Армении зарегистрировано более 5 тыс. иранских компаний, представляющих, однако, индивидуальных предпринимателей [7].

Новые возможности для активизации ирано-армянского взаимодействия открылись с подписанием Временного соглашения между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Ираном (вступило в силу 27 октября 2019 г.), ведущего к образованию зоны свободной торговли. Особая роль Армении

состоит в том, что она является единственной страной ЕАЭС, имеющей сухопутную границу с Ираном.

С 1995 года действует ирано-армянская Межправительственная комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству. На сегодняшний день главная ее задача заключается в координации деятельности сторон по осуществлению имеющихся и разработке новых проектов.

Интенсивность и объем товарообмена, несомненно, увеличатся в результате разблокировки транспортных коммуникаций в регионе.

Иранцы всячески поощряют размышления грузинских исследователей об общности цивилизационных корней двух народов. Однако их история изобилует трагическими событиями в жизни грузин, связанными с непрекращавшимися в течение столетий войнами, борьбой персов и римлян, иранцев и османов за Грузию, стремившуюся к самостоятельности.

При шахе Аббасе Великом грузин постигла та же участь, что и армян. Они были насильственно переселены со своих земель в Персию. Так в Иране образовалась грузинская диаспора численностью от 200 до 300 тыс. В отличие от армян абсолютное большинство грузин приняло ислам, принудительно ассимилировавшись в иранской среде. В Иране никогда не было, нет и сейчас грузинских школ, культурных центров. Язык удалось сохранить лишь на бытовом уровне.

Грузию, вошедшую в состав Российского государства, иранцы со временем стали воспринимать как некую европеизированную часть их собственной древней цивилизации. Грузины не возражали, гостеприимно и доброжелательно принимая частых гостей из Ирана, посещавших Тифлис в коммерческих и развлекательных целях. В советский период контакты, разумеется, прекратились.

Дипломатические отношения между Исламской Республикой и независимой Грузией были установлены 15 мая 1992 г. Налаживание связей Тегерана с Тбилиси происходило в чрезвычайно сложных условиях внутригрузинского вооруженного конфликта, войны в Абхазии и Южной

Осетии, вызвавших политический кризис и экономическую разруху. Определенные сложности создавала и внешнеполитическая разновекторность. В Грузии распространялись антироссийские настроения под предлогом якобы поддержки Москвой своеволия абхазов и югоосетин. Проблемы сепаратизма сближали Грузию с Азербайджаном, поддерживаемым Турцией. Иран считает Россию стратегическим партнером. Турция и Азербайджан рассматриваются Тегераном в качестве внешнеполитических оппонентов и соперников в экономической сфере.

Попытки запуска торгово-экономического сотрудничества все-таки активно предпринимались как Ираном, так и Грузией. Базовые документы о взаимодействии были подписаны по итогам визита в Тегеран президента Э. Шеварднадзе (1993). В ходе пребывания в Тбилиси президента А. Хашеми Рафсанджани (1995) рассматривались уже конкретные проекты. Исламская Республика выделила тогда Грузии квоту в свободной экономической зоне острова Киш в Персидском заливе. Тегеран был сосредоточен на том, чтобы держать в поле зрения развивавшуюся обстановку в Грузии и вокруг нее. Одновременно прорабатывалась возможность договориться с Тбилиси о транзите иранских товаров через грузинскую территорию к черноморским портам Батуми и Поти.

В целом к концу 1990-х гг. стороны остались с выдвинутыми идеями и неосуществленными проектами. Товарооборот в то время составлял всего 10–12 млн долл. [9]. Положение особо не изменилось и в начале 2000-х годов. Иран проигрывал конкуренцию России, Турции, Азербайджану и Украине. Вместе с тем в критической ситуации, когда Грузия в январе 2006 г. рисковала остаться без газа, поставляемого из России (произошла авария из-за двух взрывов, выведших из строя газопровод), топливо в необходимом объеме предоставила Исламская Республика [10].

Политический переворот 22 ноября 2003 г., в результате которого 4 января 2004 г. к власти пришло сориентированное на Запад правительство М.Н. Саакашвили, несколько насторожил иранцев, но не оттолкнул от Грузии.

8–9 июля 2004 г. прошел визит грузинского президента в Иран. Состоявшиеся переговоры продемонстрировали намерения сторон поддерживать дружественные отношения и принять меры для продвижения намеченных экономических проектов. Саакашвили заверил иранское руководство, что с территории его страны не будет исходить угрозы для Исламской Республики.

Развязанная в июле 2008 г. Саакашвили война в Южной Осетии и Абхазии, проведенная Россией военная «операция по принуждению к миру» создали для Тегерана весьма сложное положение. Необходимо было выработать позицию, не противоречившую действиям России, но и не ущемлявшую суверенитета Грузии. В итоге Иран заявил об уважении территориальной целостности республики, выразив в то же время готовность оказывать помощь в восстановлении пострадавших от войны районов.

Ирано-грузинский диалог, двусторонние связи продолжались, не утрачивая своей интенсивности, невзирая на грузино-израильское военно-техническое сотрудничество, а также Хартию о стратегическом партнерстве между США и Грузией (9 января 2009 г.), содержащую целый раздел о взаимодействии в сферах обороны и безопасности. Цель Ирана состояла в том, чтобы сохранить Грузию в зоне политической и торгово-экономической доступности. Задача Тбилиси заключалась в развитии активных региональных связей как с Турцией, так и с Ираном в политической и экономической сферах в противовес России. Грузины не без основания рассчитывали на привлекательность своей страны для емких инвестиций Исламской Республики в энергетике, инженерии, транспорте, строительстве, туризме.

2010 год стал прорывным в ирано-грузинских отношениях. В ходе визита в Тбилиси министра иностранных дел Ирана М. Моттаки были достигнуты договоренности о введении безвизового режима, открытии в Батуми генерального консульства ИРИ, установлении прямого авиасообщения между двумя странами. Отмена виз, естественно, оживила торгово-экономические связи. Новые условия дали толчок притоку в Грузию иранских предпринимателей и, соответственно, финансовых средств. Иранцы стали

приобретать недвижимость, рассчитывая получить вид на жительство, позволяющий осуществлять коммерческие контакты с партнерами за пределами Грузии (27 июня 2014 г. состоялось подписание Соглашения об ассоциации Грузии с Евросоюзом). Заметно выросли иранские инвестиции в сферу услуг республики, особенно в туристическую отрасль. За период снятия визовых ограничений число иранских туристов увеличилось на 320%, достигнув 90 тыс. Небывалая ранее активность бизнесменов из Исламской Республики проявилась и в открытии после 2010 г. 2 тыс. компаний.

Наблюдая за успешной деятельностью представителей иранских деловых кругов на грузинском рынке, попытками воспользоваться им для выхода на европейские площадки, американцы ожидаемо стали оказывать давление на Тбилиси, принуждая руководство страны блокировать продвижение иранского капитала. В результате в 2013 г. Грузия в одностороннем порядке отменила безвизовый режим, хотя товарооборот между двумя странами в 2013 г., в сравнении с 2010 г., вырос на 140%, достигнув 100 млн долл. Иранцы продолжали работать, не придавая значения деструктивному решению грузинских властей, принятому под нажимом Вашингтона. В апреле 2013 г. по предложению Ирана было подписано соглашение о сотрудничестве в сфере свободных экономических зон. В августе 2013 г. президент Ирана Х. Рухани и Саакашвили обменялись посланиями, в которых выразили стремление углублять дружественные отношения и расширять экономические связи. В марте 2014 г. Тбилиси посетил заместитель министра иностранных дел Ирана И. Рахимпур. Стороны обсудили положение дел в различных областях двустороннего сотрудничества и наметили пути его активизации.

Работа Межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству стала приобретать более конкретный и целенаправленный характер. В ходе пятого заседания Комиссии стороны, в частности, договорились вести дело к введению преференциальных таможенных тарифов в контексте преодоления застоя в торгово-экономическом сотрудничестве. В

течение целого ряда лет товарооборот не превышал 200 млн долл. Определенный интерес как с политической, так и экономической точек зрения представляло решение сторон о побратимстве Тегерана и Тбилиси, налаживании прямых гуманитарных и экономических связей между двумя столицами.

Вслед за заключением ядерной сделки между Исламской Республикой и шестью государствами-посредниками (14 июля 2015 г. Иран и страны «шестерки» – Россия, Китай, США, Франция, Великобритания, Германия – достигли соглашения по иранской ядерной программе (Совместный всеобъемлющий план действий – СВПД)) Грузия 15 февраля 2016 г. восстановила безвизовый режим с Ираном. В результате уже вскоре поток иранских туристов увеличился на 127% и составил 170–180 тыс. В 2017 г. иранские инвестиции в Грузию приблизились к полутора миллионам долларов. В Тбилиси рассчитывали на более объемные капиталовложения Ирана, освободившегося от санкционных ограничителей. Об этом шла речь на организованном в апреле 2017 г. в Тбилиси бизнес-форуме, в котором участвовали 22 иранские компании и 75 грузинских. Однако внимание иранского истеблишмента и деловых кругов было сосредоточено на восстановлении бизнес-контактов с европейскими партнерами.

Выход США из СВПД 8 мая 2018 г. и восстановление односторонних американских санкций против Ирана, ответные действия Тегерана, ирано-американский кризис, социально-экономические проблемы Исламской Республики не могли не сказаться на ирано-грузинских отношениях. В Тбилиси было принято решение руководствоваться действиями европейских участников СВПД, которые на данном этапе дожидаются результатов переговоров по ядерной сделке в Вене.

Тегеран, несмотря на весьма сложный для себя текущий момент, по-прежнему стремится сохранить Грузию в поле своих политических и экономических интересов. Тбилиси, со своей стороны, проявляет желание

быть политически рядом с одной из ведущих региональных держав в противовес влиятельному присутствию в регионе России и Турции.

В течение последних нескольких лет активность сторон в торгово-экономическом сотрудничестве несколько возросла [11].

Азербайджанцы, в отличие от армян и грузин, являются частью иранской общности издревле и по сей день. Будучи потомками автохтонных народностей Восточного Закавказья и северо-западного Ирана, в эпоху Сасанидской державы они ассимилировались с персами. Тюркизация азербайджанцев началась в XI в. с завоевания региона сельджуками и продолжалась в XII в. в период монгольских завоеваний (большая часть монгольского войска состояла из воинов тюркоязычных племен). Формирование тюркоязычного азербайджанского этноса в основном завершилось к началу XVI в. – в эпоху правления в Иране династии тюрок-азербайджанцев Сефевидов. Установившаяся в то время граница между Сефевидским государством, провозгласившим шиизм своей религией, и Османской империей, приверженной исламу суннитского толка, стала этнической азербайджано-турецкой границей. С тех пор соперничество за доминирование в регионе между иранцами и турками, неоднократно приводившее к военным конфликтам, продолжается и до настоящего времени.

Нахождение тюрок-азербайджанцев у власти в Иране в течение трехсот лет обусловило недоброжелательное, а порой и враждебное отношение к ним персов. Династия Пехлеви (особенно ее родоначальник Реза-Шах) принимала все возможные меры, в том числе насильственные, по ассимиляции азербайджанцев и других национальных меньшинств. Примечательно, что императрица Фарах Пехлеви, супруга последнего иранского монарха, была азербайджанкой.

Вождь Исламской революции и основоположник теократического государства Рухулла Хомейни нашел решение, как он считал, проблемы персо-азербайджанских отношений. В качестве своего преемника – Верховного лидера Ирана – он определил азербайджанца С.А. Хаменеи.

Азербайджанцы стали занимать высокие должности в государственных структурах, в том числе в правительстве и вооруженных силах. Премьер-министром был назначен азербайджанец М.Х. Мусави. Азербайджанцы усилили свое положение в бизнес-сообществе. В новых условиях, по замыслу Хомейни, утверждения азербайджанских националистов об отсутствии равенства должны были утратить всякий смысл. Тем не менее их претензии в связи с отсутствием национальных школ и средств массовой информации, обучением в вузах только на персидском языке и т.д. сохранили актуальность.

Образование независимого Азербайджана с первых же дней его самостоятельности вызывало тревогу иранских властей, подкреплявшуюся постоянно звучавшим лозунгом о воссоединении разделенного народа. Для Тегерана нереальность, популизм этого лозунга были очевидны. Однако раздававшиеся из Баку обвинения в адрес руководства Исламской Республики в несправедливом отношении к иранским азербайджанцам, лишенным национального образования, а значит и национальной культуры, все-таки провоцировали протестные настроения в некоторых кругах интеллигенции. В 2002 г. правительство Азербайджана предоставило политическое убежище профессору Тебризского университета М. Чохраганлы, обвиненному иранскими властями в распространении идей федерализации Исламской Республики и автономии Иранского Азербайджана [12].

Наиболее же существенным фактором, осложняющим двусторонние отношения, были, несомненно, с одной стороны, подчеркнута дружественные, тесные связи Ирана с Арменией, торгово-экономическое взаимодействие между ними, нарушавшее азербайджано-турецкую блокаду, с другой – азербайджано-израильское военно-техническое сотрудничество.

Карабахская война между Азербайджаном и Арменией (27 сентября–10 ноября 2020 г.), ее итоги изменили внешнеполитический ландшафт в регионе, расшевелили ведущие региональные державы, активизировав их соперничество на Южном Кавказе и вокруг него. Турция выполняла свои союзнические функции. Хорошо известно, что азербайджанская армия

является плодом ее советнических усилий. Азербайджаном использовалось турецкое оружие, как, впрочем, и российское, и израильское. Анкара, как всегда, играла собственную игру, продолжает это делать и сейчас, не пересекаясь, однако, в Закавказье с российскими интересами. Турция неоднократно выражала поддержку миротворческой миссии России. Анкара и на деле в нее не вмешивалась. С учетом этого российское руководство приняло выверенное решение о партнерском взаимодействии с Турцией, в рамках которого продолжается совместная работа в Центре по контролю за прекращением огня.

Иран, поддерживавший особые отношения с Арменией, постоянно сохранявший на контроле связи с Азербайджаном, находящий пути и средства взаимовыгодного взаимодействия с Турцией, развивавший разноплановое сотрудничество с Россией, неожиданно для себя оказался вне политических, в том числе миротворческих, процессов, связанных с Карабахской войной. Сначала Тегеран заявил о себе несколько двусмысленно. Советник по международным делам Верховного лидера Исламской Республики С. Хаменеи А. Велаяти, впервые четко обозначив необходимость освобождения оккупированных территорий, упрекнул в то же время Турцию в разжигании военного конфликта. Одновременно к границе Нахичеванской Автономной Республики Азербайджана подтянулись сухопутные войска и силы ПВО, развертывание которых объяснялось шальными обстрелами иранской территории в ходе боевых действий. Позже, несколько остыв, Тегеран осуществил уже хорошо продуманное внешнеполитическое предприятие. Министр иностранных дел того времени М. Зариф совершил вояж по всему региону, посетив (в хронологическом порядке) Азербайджан, Россию, Армению, Грузию, Турцию и пограничный с Ираном Нахичевань. Задача заключалась в том, чтобы вписаться в развивающуюся ситуацию, стать участником разворачивавшейся деятельности в регионе.

Азербайджану была обещана помощь в восстановлении пострадавших от войны регионов. Армянам предложено создание совместных предприятий,

кооперация в реализации логистических и других проектов. Армянская сторона была заверена в непоколебимой дружбе. В Грузии Зариф отметил, чтобы подтвердить самостоятельный курс Ирана в отношении этой страны.

На встрече с Р. Эрдоганом был обсужден выдвинутый Анкарой и Баку формат карабахского многоаспектного урегулирования «3+3» (Россия, Азербайджан, Армения, Иран, Грузия, Турция). Иранская сторона восприняла турецкую инициативу с воодушевлением.

По итогам переговоров с министром иностранных дел России С.В. Лавровым стороны выразили единую точку зрения о важности регионального партнерства, нацеленного на создание в Закавказье зоны безопасности и экономического процветания. Относительно формата «3+3» было достигнуто понимание о необходимости более детального рассмотрения предложенной идеи.

Президент И. Раиси, заявив о намерении содействовать развитию дружественных отношений и сотрудничества с Арменией и Азербайджаном, подчеркнул необходимость взаимодействия и координации деятельности в том, что касается обеспечения безопасности в регионе [13].

В нынешних условиях тотальной политической, экономической, информационной войны коллективного Запада с Россией, аналогичных его действий против Исламской Республики, ее возможности, опыт и влияние служат основой для креативного двустороннего сотрудничества, направленного на противодействие экспансионизму США и их союзников, в частности в Закавказье. Единство позиций Москвы и Тегерана по базовым проблемам международного права, о чем свидетельствует вхождение обоих государств в Группу друзей в защиту Устава ООН, позволяет строить планы совместной деятельности на перспективу. По итогам визита в Тегеран министра иностранных дел С.В. Лаврова (22 июня 2022 г.) достигнута договоренность об ускоренной подготовке нового документа о стратегической кооперации на ближайшие 20 лет. Сотрудничество на южнокавказском направлении, в том числе в осуществлении таких важнейших транспортных

проектов, как завершение прокладки транспортных коридоров Север-Юг, а также Зангезурского, несомненно, найдет в нем свое место. Очевидно, что России, Ирану, странам региона нужен прежде всего устойчивый мир для реализации долгосрочных социально-экономических, гуманитарных программ, нацеленных на укрепление реального суверенитета, повышение уровня жизни народов Южного Кавказа.

Литература

1. Зейналова Р. Зороастризм в Иране: от зарождения к возрождению [Электронный ресурс]. URL: <http://iransegodnya.ru/post/view/2627>.
2. Бахаи. Религия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/77700.html>.
3. Папава В. Иранские армяне в период династии Пехлеви // Караван. 2019. № 72.
4. Сидоров И.В. Иранское посредничество в карабахском конфликте как фактор ирано-азербайджанских отношений [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iranskoe-posrednichestvo-v-karabahskom-konflikte-kak-faktor-irano-azerbaydzhanskih-otnosheniy/viewer>.
5. URL: <https://www.aniarc.am/2015/05/05/-tezt-bishkek-protokol/>.
6. Пашинян встретился с новоизбранным президентом Ирана [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/world/46957729-pashinyan-vstretilsya-s-novoizbrannym-prezidentom-irana/>.
7. Иран [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.am/ru/bilateral-relations/ir>.
8. Саркисян Л. Торговля между Арменией и Ираном: как изменится жизнь перевозчиков после введения виз [Электронный ресурс]. URL: <https://blognews.am/rus/news/667324/torgovlya-mezhdu-armenieiy-i-iranom-kak-izmenitsya-zhizn-perevozchikov-posle-vvedeniya-viz.html>.
9. Месамед В.И. Торгово-экономическое сотрудничество между Грузией и Ираном (часть 1) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iimes.ru/?p=21792>.
10. Месамед В.И. Торгово-экономическое сотрудничество между Грузией и Ираном (часть 2) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iimes.ru/=21810>.
11. URL: <https://www.newsgeorgia.ge/>.

12. Сепаратизм в Иране. Разрушат ли единство страны внутренние конфликты? [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/86067-separatizm-v-irane-razrushat-li-edinstvo-strany-vnutrennie-konflikty.html>.

13. Раиси обнародовал свою стратегию по Азербайджану [Электронный ресурс]. URL: <https://haggin.az/217304>.

Сидорова Лидия Николаевна,
доцент кафедры политологии и политической философии
Дипломатической академии МИД России,
e-mail: lid.nik.sidorova@gmail.com

Lidiia N. Sidorova,
Ph.D. (Political Science)
Department of Political Science and Political Philosophy
Diplomatic Academy of
the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
e-mail: lid.nik.sidorova@gmail.com

**ПАМЯТЬ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ
В ОЦЕНКАХ ЗАПАДНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
THE SECOND WORLD WAR MEMORY IN WESTERN RESEARCH**

Аннотация: статья посвящена анализу новых трактовок в рамках исторических исследований, появившихся в научной и научно-популярной иностранной литературе после 2015 года. Особое внимание уделяется так называемому неолиберальному направлению в историографии, ставящему цель обосновать ответственность и вину Советского Союза за развязывание войны, бесчеловечность советского режима и варварство Советской Армии. Отмечены также тренды антропологизации войны, внимание военных историков к расовому и гендерному вопросам.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, политика памяти, партизанское движение, нацизм, фашизм, день Д, Второй фронт.

Annotation: the article is devoted to the analysis of new interpretations within the framework of historical research that appeared in scientific and popular foreign literature after 2015. Special attention is paid to the so-called neoliberal trend in historiography, which aims to justify the responsibility and guilt of the Soviet Union for the outbreak of war, the inhumanity of the Soviet regime and the barbarity of the Soviet Army. Trends in the anthropologization of war, the attention of military historians to racial and gender issues are also noted.

Keywords: World War II, the Great Patriotic War, the politics of memory, the partisan movement, Nazism, fascism, D-Day, the second Front.

«Общий горизонт» пока за гранью досягаемости

«Битвы памяти» в поле медийного политического дискурса о Второй мировой войне (заявления глав государств бывших союзных республик о том, что «это была не наша война», резолюция Европарламента в сентябре 2019 г. об «общей вине двух тоталитарных режимов в развязывании войны») становятся все ожесточеннее.

Норвежский историк и социолог Генри Редигер с группой коллег провел в 2019 г. междисциплинарное исследование о конкуренции между национальными воспоминаниями о Второй мировой войне [29], в результате которого был сделан вывод о том, что потомки всех без исключения народов (были опрошены представители 1 338 человек из 11 стран: 8 союзников и 3 – жители стран «оси») склонны к преувеличению своей роли. В этом исследовании, основанном на количественных методах, дается четкое и обоснованное объяснение, почему американцы считают себя победателями и в Первой, и во Второй мировых войнах, а также убедительно показано, что никакой ввод новых данных не способен поменять мнение респондентов относительно вклада своей родины в победу.

Развернувшийся сейчас процесс «упорядочивания воспоминаний», происходящий на уровне родовой, семейной, поколенческой памяти, напрямую влияет на сосредоточение исторической науки на исследовательском микроуровне, что в свою очередь провоцирует углубление антропологизации. Но как только все сведения домашних, поселенческих и более крупных архивов окажутся каталогизированными, отцифрованными и введенными в научный оборот, тогда и начнется период нового, холистического взгляда на события Второй мировой войны, против политизации которых стоит бороться, только располагая достаточным количеством достоверных исторических источников.

Глубокая ценностно-эмоциональная заряженность проблематики Великой Отечественной и Второй мировой войны в течение ближайших 10-15 лет, видимо,

не позволит выработать сколько-нибудь согласованный подход к оценкам событий тех лет. Одной из наиболее успешных попыток такого рода стало совместное российско-германское пособие «Россия — Германия. Вехи совместной истории в коллективной памяти», предназначенное для учителей средней школы. Из 20 глав выпущенного в 2015 г. пособия только у 14 – по два автора (с российской и германской стороны). Остальные шесть глав состоят из двух статей каждая: ответственным за эти главы ученым из России и Германии не удалось согласовать единый текст, так что в итоге каждый написал и разместил свою версию событий. К числу неподдающихся консенсусу тем относятся, в частности, тема германо-советского договора о ненападении 1939 года и Сталинградская битва. Попытка реализации аналогичного российско-украинского проекта была провалена.

Историческая наука: общее и особенное в оценках

В плоскости научного дискурса после 2015 года сохраняются тенденции, отмеченные академиком А.О. Чубарьяном еще в 2016 году: сдвиг фокуса исторических исследований с военных действий на широкую панораму жизнедеятельности общества и отдельного человека в условиях войны, её отражение в массовом сознании [5]. При этом в зарубежной историографии особенно широко освещается роль женщин, детей, представителей меньшинств и др., жизнь в плену, тылу и т.д.

Массовыми становятся примеры изданий потомками участников событий тех лет мемуаров дедов и прадедов (часто рядовых участников). Эти работы выходят на разных языках как отдельными фолиантами, так и в сборниках. К примеру, в 2020 г. в Словении, Канаде на русском и английском языках были выпущены сборники, составленные участниками акции «Бессмертный полк».

В целом это способствует созданию нового нарратива: благодаря эмоциональному заряду этих текстов они вызывают интерес у широкой читательской публики, не знакомой даже с основными приемами работы с

мемуарной литературой, что создает благодатное поле для изменения акцентов и представлений о сути происходившего.

Помимо антропологизации истории повсеместно наблюдается смещение в направлении популяризации научной литературы о войне. Она прослеживается не только в стиле изложения, но и в тематиках исследования, и в названиях издаваемых трудов, как, например, клише «нерассказанная история», «война, какой мы ее не знали».

Общее в оценках российских и зарубежных авторов – лишь определение Второй мировой войны как самого кровавого, смертоносного и трагического события XX века. Западные исследователи по-прежнему применяют вместо «Великой Отечественной войны» термин «Восточный фронт», а в целом пользуются рамочным определением World War II (американская традиция) либо The Second World War (британский вариант; хотя это деление становится всё более условным). При этом Германия, Италия, Япония в большинстве случаев именуется «странами оси», а победители – «союзниками».

В Польше и странах Балтии продолжается раскручивание идеи «двух оккупаций». Отдельные молдавские и белорусские исследователи всё активнее продвигают идею о «не нашей войне». На этом фоне исключением выглядит высокий уровень профессионализма и активности словацких историков, публикующих сборники и монографии как на словацком, так и на русском языках о процессах, происходивших на территории их страны вне пресловутой рамки «череды оккупаций», и уделяющих особое внимание изучению партизанского движения.

При этом в историографии «союзников» (США и Великобритании) общих точек соприкосновения по мере удаления от изучаемого исторического отрезка становится всё меньше. Традиционно сконцентрированная на тихоокеанском театре американская историография, кажется, пока никак не отреагировала на «новое европейское слово» в возложении вины за развязывание войны на СССР. Хотя от обозначения СССР как «партнера нацистской Германии» (так Советский Союз обозначен, к примеру, у Виктора Дэвиса Хансона – автора одного из

американских бестселлеров последних лет, вышедшего в 2017 г. и переизданного в 2020 г. [19]) до ответственного за злодеяния – уже рукой подать.

Приметным фактом последнего пятилетия стало более активное использование терминологии глобальных исследований в трудах по истории международных отношений. Так, только что упомянутая работа Виктора Хансона, старшего научного сотрудника Гуверовского института Стэнфордского университета и почетного профессора классических наук Калифорнийского государственного университета во Фресно, автора более двух десятков книг, охватывающих войны от древней Греции до современной Америки, вышла с подзаголовком «Как разворачивался и был выигран первый глобальный конфликт». Обращает на себя внимание и первая часть названия книги – «The Second World Wars», где конфликт обозначен через множественное число.

Военный историк отмечает, что изначально вооруженных столкновений, которые мы сегодня называем WWII, было как минимум три: «Германия внезапно вторглась на территорию своего союзника СССР»; Япония, воюя с Китаем, атаковала тихоокеанские и азиатские базы США и Великобритании; 11 декабря 1941 г. Германия объявляет войну США. Однако такой принцип деления на войны у Хансона не является единственным. Главы (со второй по шестую) озаглавлены «Воздух» (Air), «Вода» (Water), «Земля» (Earth), «Огонь» (Fire) и «Люди» (People), что означает, что боевые действия в воздухе, на море и на суше рассмотрены в сквозном порядке – каждый срез как самостоятельная война. Нельзя сказать, что книга посвящена исключительно военным действиям. Напротив, она, скорее, о логистике и материально-техническом обеспечении войны, организации производства и снабжении армий, времени и гигантских расстояниях, позволяющих назвать конфликт глобальным.

В работе Хансона «Вторые мировые войны» есть еще как минимум два момента, достойных упоминания. Во-первых, называя первый глобальный конфликт ресурсно не просчитанным, стратегически не подготовленным, американский историк постоянно подчеркивает, что «британцы были необходимы на протяжении всей войны, а не только в начале, из-за их

способности к бомбардировкам, взлому кодов и другим методам». Очевидно, что это замечание – ответ на давно наметившуюся в американской историографии тенденцию принижения роли и вклада Великобритании в победу в сравнении с США.

Во-вторых, Хансон продолжает давнюю американскую традицию необходимости и обоснованности применения США ядерного оружия в отношении Японии. Причем он настолько убедителен в этом сюжете, что один из читателей в отзыве о книге на «Амазоне» написал буквально следующее: «...Я лучше понимаю моральную уместность взрывов в Дрездене, взрывов в Токио, атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Эти взрывы были реакцией свободных наций мира на новое явление: промышленный государственный режим, готовый систематически убивать десятки миллионов людей» [2]. Ядерные удары как реакция свободных наций на зверства режимов – очередной «ящик пандоры» открыт. Вопрос атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки затронут и в исследовании Марка Галиккио «Безусловная: капитуляция Японии во Второй мировой войне» (2020 г.), где автор отмечает, что дискуссии об использовании этого оружия против японских сил обороны возникли только ПОСЛЕ того, как Хиросима и Нагасаки были уничтожены атомными бомбами [16].

В целом критики оценивают труд Виктора Хансона как «текст поколения», сравнивая его с работами Герхарда Вейнберга «Мир с оружием в руках: глобальная история Второй мировой войны» [32] (1994 г.) и Ричарда Овери «Почему союзники победили» [27] (1995 г.).

Несмотря на то, что военные кампании Второй мировой войны считаются довольно хорошо изученными, в последние годы вышел целый ряд книг, посвященных военным действиям на море. Так, Крейг Л. Саймондс, заслуженный профессор истории мореплавания Эрнеста Дж. Кинга в Военно-морском колледже США, а также почетный профессор Военно-морской академии США, синхронно описывает события в обоих океанах: от военно-морских договоров после Первой мировой войны до капитуляции Японии на палубе американского

военного корабля «Миссури» в 1945 г. [3]. Кроме того, в исследовании даны политические портреты «самопровозглашенных моряков» (Рузвельт и Черчилль), а также адмиралов всех флотов (Карл Дёниц, Франсуа Дарлан, Эрнест Кинг, Исороку Ямамото, Эрих Редер, Иниго Кампioni, Луи Маунтбеттен, Уильям Халси и др.).

Помимо этого, именно в ключе освещения отдельных битв продолжает работать и скандально известный в России британский «историк первого ранга» Энтони Бивор, автор монографии «Сталинград», которая из-за очернения солдат Красной Армии и фактических ошибок одно время даже изымалась из городских библиотек. В 2015 г. выходит его работа «Арденны 1944: последняя игра Гитлера», в 2018 г. – «Битва при Арнеме» [7]. Однако труды военных историков всё чаще уступают лидирующие позиции не менее политизированным исследованиям социально-политического характера.

Неолиберальное прочтение: вина за развязывание WWII – на тоталитарных режимах

Еще в 1931 г. Карлтон Хейс, американский дипломат (посол США в Испании в годы войны), специалист по исследованию национализма, профессор истории в Колумбийском университете, впоследствии избранный президентом Американской исторической ассоциации, на первом академическом симпозиуме, посвященном природе тоталитарных государств, объяснил, что тоталитаризм является феноменом буржуазного общества и не работает вне его. Хейс относил Италию Муссолини и гитлеровскую Германию к тоталитарным режимам. Сталинский Советский Союз, по его мнению, был совершенно другим типом государства [20]. Политический симпозиум, состоявшийся в США в 1952 г., ввел термин «тоталитаризм» в научный оборот. Но уже в американской «Энциклопедии социальных наук» 1968 г. тоталитаризм обоснованно назван «ненаучной концепцией». Сегодня теоретики политической науки считают тоталитаризм скорее метафорой, клише, и смысл этого понятия постоянно меняется в угоду политической ситуации.

Традиция «уравнения тоталитаризмов» – фашистского и большевистского – берет своё начало еще в 1950-х гг. в «Истоках тоталитаризма» Ханны Арендт. Пытаясь понять причины появления могущественных политических режимов, полностью ставящих под контроль все уровни функционирования общества, чудом спасшаяся от нацистов немецкая еврейка эти «истоки» увидела в «массовых движениях» конца XIX – начала XX в. Переселение огромных потоков людей из деревень в города диктовалось логикой развития промышленных производств, что в корне ломало традиционные общественные устои и картину мира каждого человека: он оказывался свободным от контролирующих «пут» соседства и родства, фактически утрачивал всю систему горизонтальных связей. Но такая картина типична для всех обществ, переживающих индустриализацию. Тоталитарными же Арендт называет те режимы, которые стремятся не к формированию новых горизонтальных связей, а к сохранению ситуации их отсутствия, параллельно укрепляя единственную вертикальную связь «гражданин – верховный правитель». Таким образом, даже по логике Ханны Арендт прямой связи между особенностями политического режима, обозначаемого ей как тоталитаризм, и завоевательной внешней политикой нет. Сама же автор делила тоталитаризм на «правый» и «левый» на основе идеологической принадлежности. Поэтому прямая увязка внутривнутриполитического режима (как бы он не именовался) и ответственности за развязывание Второй мировой войны изначально теоретически ложна. Содержание идеологии имеет решающее значение.

Если вчитываться в текст Резолюции Европарламента от 19 сентября 2019 г., то из него явствует, что Вторая мировая война «была начата как непосредственный результат печально известного нацистско-советского договора о ненападении от 23 августа 1939 года, известного также как Пакт Молотова-Риббентропа, и его секретных протоколов, в соответствии с которыми два тоталитарных режима, разделявшие цель завоевания мира, разделили Европу на две зоны влияния» [11]. Помимо отсутствия упоминаний о Мюнхенском соглашении, подписанном Англией, Францией, Германией и Италией, об отторжении чехословацких Судетов в пользу Германии и Цешинской Силезии в пользу Польши, аншлюса Австрии

(всего того, что в российской историографии называется «политикой умиротворения агрессора»), обращает на себя внимание отсылка к Секретным протоколам Пакта, оригиналы которых так и не были найдены².

Заключает Резолюцию Европарламента очередная попытка проведения нового водораздела между агрессорами и жертвами WWII: «Россия остается величайшей жертвой коммунистического тоталитаризма и ее развитие в демократическое государство будет тормозиться до тех пор, пока правительство, политическая элита и политическая пропаганда будут продолжать обелять коммунистические преступления и прославлять советский тоталитарный режим». В связи с этим россияне призывают «примириться со своим трагическим прошлым» [11].

Таким образом, почти четвертьвековая история усилий представителей неолиберального направления венчает официальная позиция ЕС, которая в схематичном виде может быть реконструирована следующим образом: народы – это жертвы, а агрессоры – правители и элиты, создавшие чудовищные политические режимы. Политический режим современности, не признающий преступлений тоталитаризма, сам по природе тоталитаристский. А россияне – дважды жертвы, поскольку снова «идентифицируются с агрессором».

Вкратце, идея «советской агрессии» четко изложена в статье американского либертарианца Ричарда Эбелинга «Как Сталин использовал Гитлера для того, чтобы начать Вторую мировую войну» [9]. Согласно его трактовке Сталин заключением Пакта разворачивал Гитлера в сторону схватки с капиталистическим англо-французским блоком, в ходе которой обе стороны будут истощены, а СССР сможет ударить по Рейху с тыла. А когда «нацисты потерпят поражение, неизбежно последует советизация Германии и будет установлено коммунистическое правительство». И если война достаточно ослабит западных союзников, «это также обеспечит советизацию Франции».

Уже из названия статьи понятно, что «абсолютное зло» окончательно персонифицировано и отождествлено не с фигурой Гитлера, а с образом Сталина,

² Отсылка к «секретному протоколу» Пакта о ненападении впервые возникает только в 1948 г. в американском сборнике *Nazi-Soviet Relations 1939–1941*. – Washington, 1948.

который, приняв точку зрения Ленина о мировой революции, «хотел действовать последним», склонив чашу весов в свою пользу, что в итоге и получилось: ценой жизней «64 миллионов невинных мужчин, женщин и детей, убитых во имя социалистического рая», «удалось на полвека навязать коммунизм половине Европы» [9].

Далее из текста статьи явствует, что 64 миллиона – это советские граждане, погибшие в период Второй мировой войны. Однако эта цифра, будучи вынесенной в подзаголовок, выглядит двояко и при малейшей невнимательности со стороны читателя может быть истолкована как численность жертв сталинизма. Следует отметить, что эта идея подспудно намечается в европейской исторической литературе неолиберального толка. Она является продолжением линии возложения вины за развязывание Второй мировой войны на тоталитарные режимы. В этой статье, как и во многих монографиях, идут отсылки на некие рассекреченные архивные документы, названия и данные хранения которых не указываются.

Справедливости ради следует отметить, что далеко не все современные европейские исследователи согласны с трактовкой глобального конфликта как поединка двух кровавых диктаторов. Так, Джорджио Приорелли в работе «Итальянские фашисты и испанские фалангисты в сравнении. Конструируя нацию» подчеркивает, что успехи стран «оси» Рим – Берлин – Токио предвещали реализацию нового антибольшевистского и антидемократического мирового порядка, в котором доминировали бы нацистско-фашистские державы. Итальянские фашисты и испанские фалангисты вынашивали планы «новой цивилизации», и в начале Второй мировой войны одинаково рьяно были готовы бороться и с большевиками, и с демократами. По мнению Приорелли, представители профашистских движений провозглашали себя носителями «новаторских», «прогрессивных» идей, якобы шедших на смену того, что уже, по их мнению, «отжило» [28]. Таким образом, расстановка сил между тремя идеологемами у Приорелли диаметрально противоположна той, которая описана, в частности, у Эбелинга.

Британские историки, в отличие от континентальных, изучая причины и обстоятельства начала Второй мировой войны, по-прежнему интересуются проблемой «умиротворения агрессора» то с позиции поиска «guilty men», то оправдывая действия правительства Н. Чемберлена. Так, историк П. Финни за истекшее десятилетие опубликовал серию статей и монографий, посвященных истокам Второй мировой войны в британской и российской традициях в рамках теории культурной и исторической памяти [13].

Автор в целом следует логике, заложенной еще в 2014 г. в работе Р.Хьюэса «Поствоенное наследие умиротворения. Британская международная политика с 1945 г.», о влиянии исторической памяти политики умиротворения на решения, принимавшиеся британскими лидерами во второй половине XX — начале XXI в., где сделан вывод о том, что умиротворение прочно врезалось в память британской нации и стало символом слабости и малодушия, уступок, ведущих к широкомасштабным конфликтам [1].

Таким образом, эффективными контрмерами противодействия неолиберальному подходу на теоретическом уровне представляются, во-первых, активная работа в направлении доказательства псевдонаучности концепции тоталитаризма, во-вторых, инициирование источниковедческого расследования относительно факта существования Секретного протокола Пакта Молотова-Риббентропа.

Если рассматривать неолиберальную парадигму в контексте эволюции идеологий, то эксперты-теоретики отмечают ее постепенный, но неумолимый закат. В сфере идеологий ему на смену идет постлиберализм, реабилитирующий значение государственного суверенитета. В сфере методологии его давно и успешно вытесняет конструктивизм, который заточен на работу с субъективными факторами, оказывающими влияние на реальность, представляющую собой конструкт – пересечение горизонтов миропредставлений всех участников: от простых смертных до руководителей высшего ранга.

Антропологизация войны

Разворот в сторону антропологического подхода (когда в качестве исходного инварианта рассматривается человек как представитель вида, а не общество как система) наблюдается в социогуманитарном знании уже несколько десятилетий. То есть эта тенденция реализуется не только, и не столько в отношении ВОВ или военных конфликтов. Отчасти она расценивается как последствия постмодерна, где микроуровень реальности определяется как единственно существующий. Применительно ко Второй мировой войне это выливается в такие характерные тематики, как «человек на фронте», «человек в тылу», «человек в оккупации», «человек в плену», «человек в партизанском отряде», «человек-коллаборационист».

Наложение такой теоретической рамки на период истории, когда индустриализация порождает однонаправленный массовый миграционный поток (из деревни в город), а промышленное производство требует организации людей в масштабные коллективы (вне зависимости от идеологически установленного пути развития), что в целом становится основанием для массовизации, дает весьма странный эффект.

Мемуарная литература, имевшая ранее статус специфической группы исторических источников, становится основной. Мемуаристика специфична, поскольку отражает горизонт восприятия отдельного человека, основана на воспоминаниях, как на непосредственных, т.е. после событий (дневники, путевые заметки), так и по прошествии многих лет (как известно из латинской поговорки «Когда гордость настаивает, память предпочитает уступить»). Мемуары, как правило, крайне эмоциональны и редко точны в деталях.

Создается впечатление, что такой подход применяется не просто для того, чтобы «вдохнуть жизнь» в сухие и многочисленные факты о войне (через постмодернистскую чувствительность: заставить сопереживать, поставить себя или своего деда на место рядового), но и как-то «отыграть» у XX в. с промышленным гигантизмом его невнимание к человеку, его потребностям, тяготам и несчастьям.

Таковы издания серии «За линией фронта. Мемуары», в которой в 2017 г. выходят воспоминания Вильгельма Приюллера «Солдат на войне. Фронтовые хроники обер-лейтенанта вермахта», Эдельберта Холля «Пехотинец в Сталинграде. Военный дневник командира роты», «После Сталинграда. Семь лет в советском плену». В 2016 г. издательство «Центрполитграф» переводит на русский язык бестселлер Оскара Скейи «Выжить любой ценой. Немецкий пехотинец на Восточном фронте 1941-1945 гг.», издательство «Альпина» переиздает бестселлер Макса Хейстингса «Вторая Мировая война. Ад на земле» 2012 г. и т.д.

Практически во всех странах созданы ресурсы по аккумуляции и обработке личных историй, дневниковых записей, фотографий военных лет [6]. Поэтому в ближайшие годы следует ожидать аналитику, основанную на этом новом типе исторических источников.

Говоря об антропологизации, нельзя пройти мимо действительно профессионально проведенных исследований двух американских историков – Питера Фриче и Уильяма Клингамана. Питер Фриче – профессор истории в Университете Иллинойса, автор отмеченной наградами «Жизни и смерти в Третьем рейхе» (2009 г.) в 2016 г. выпускает книгу «Железный ветер: Европа при Гитлере» [15], которая служит примером социальной истории в ее наиболее цельном виде: с многочисленными дневниками, письмами, мемуарами, передающими фактуру повседневной жизни французских, польских и швейцарских граждан во время Второй мировой войны.

Работа Уильяма К. Клингамана «Самый темный год: американский фронт, 1941-1942 гг.» [23] может стать отличным источником для изучения состояния национального самосознания американцев в напряженные месяцы после нападения японцев на Перл-Харбор.

Интернирование федеральным правительством около 120 000 американцев японского происхождения во время Второй мировой войны считается позорным эпизодом в американской истории. Антияпонские настроения, резко контрастирующие с чувствами к американцам немецкого и итальянского

происхождения, вскоре усилились, и большинство американцев поддержали интернирование (некоторые, как демонстрирует Клингаман, в самых уродливых проявлениях). Первые месяцы войны были катастрофическими для войск США, но правда о потерях союзников в значительной степени скрывалась от общественности. Моральный дух в те первые месяцы был низким, хотя наблюдатели отмечали повсеместное самоуспокоение, которое Клингаман объясняет «продолжающимся отказом военных цензоров ... и представителей администрации признать зловещее значение череды ошеломляющих поражений страны, особенно в Тихом океане».

Конечно, политические портреты виднейших фигур любой эпохи до сих пор в чести. Однако и на них антропологизация оказывает своё воздействие, и на их образы: они представляются не титанами-вершителями, покрытыми легкой патиной героики и мифа (а иногда и не легкой), а людьми во всей противоречивости их характеров и поступков.

Лидерство по числу обращений к персоналии среди англоязычных авторов по-прежнему удерживает Уинстон Черчилль. Так, в феврале 2020 г. американский автор бестселлеров Эрик Ларссон опубликовал новую работу о нем под названием «Великолепие и мерзость: сага о Черчилле, семье и неповиновении во время блиц-игры» [24]. У Черчилля есть и парные портреты – с Рузвельтом [25], и портреты в купе с британскими стратегами, и на фоне эпохи.

«Парный» же портрет в интерьере Европы первой половины XX в. есть у фигур, в которых предельно персонифицировано зло. Кристиан Гешель, преподаватель современной европейской истории в Манчестере и Флоренции, автор «Самоубийства в нацистской Германии» (2009 г.), в сентябре 2018 г. в издательстве Йельского университета публикует монографию, сфокусированную на изучении встреч и взаимного влияния Гитлера и Муссолини [17]. Автор, в частности, утверждает, что влияние Иль Дуче на идеи и линию проводимой Гитлером политики в современной науке недооценено. Текст создан в лучших традициях академического письма.

В том же году вышел еще один политический портрет Муссолини, где автор представляет его как человека, который создал, а затем потерял контроль над фашистским движением [12].

Венчает галерею работ, посвященных первым лицам государств, втянутых в глобальный конфликт, квартет, взаимовлияние в рамках которого начиная с 1937 г. описано Бенямином Хеттом – автором уже ставшей знаменитой истории падения Веймарской республики «Смерть демократии» (2018 г.) – в исследовании «Нацистская угроза: Гитлер, Черчилль, Рузвельт, Сталин и дорога к войне» [21].

Тенденция к «очеловечиванию» имеет и свои оборотные стороны: кроме гуманного сочувствия не только в отношении воюющих на стороне союзников, но и к рядовым армий оси, и осознания глубины трагедий отдельных судеб, она ведет к зачастую излишней физиологизации картины (как брились, спали бойцы и т.п.), а также к раздуванию темы проступков и преступлений военного времени (мародерства, грабежи, изнасилования, зверские убийства и т.д.).

Приведем один из примеров. Такэси Томита, почетный профессор университета Сэйкей (Япония) в ходе выступления на конференции в Южно-Сахалинске заявил, что японское гражданское население, особенно аграрные переселенцы (колонизаторы) в Маньчжурии, пережили большую трагедию, оказавшись жертвами нападения советских войск в августе 1945 г. Так, по его сведениям, которые историк приводит, ссылаясь на работу с недавно рассекреченными материалами в архиве ФСБ, «число всех гражданских жертв в Маньчжурии, включая жертвы голода, мороза и болезней зимой 1945-46 годов, достигает 245 000 человек. Среди них число умерших колонизаторов – 80 000 человек, в том числе умершие в результате вышеуказанных зверских убийств (после изнасилований женщин). Почему российские историки молчали об этом?» [4].

Заявление выглядит так, будто советские военные изнасиловали и убили 80 тысяч аграрных переселенцев. Но само построение фразы – «жертвы голода, мороза и болезней... среди них ... умершие в результате убийств (после изнасилований)» – вызывает массу вопросов. А что же было «выше указано»?

10 августа в Машане (провинция Туньян) более 400 женщин и детей, зная о приближении советских частей, либо совершили самоубийства, либо были застрелены мужчинами. А 14 августа около Гогэнь-мяо (ламаистский храм, провинция Коан) жители, эвакуированные из города Коан, были застрелены бойцами советской танковой части (вероятно, ротой 61-й танковой дивизии, 39-й армии). Скончалось более тысячи человек, в том числе были и те, кто покончил жизнь самоубийством. 27 августа на старой площади бывшей колонии земляков из Садо (провинция Туньян) в результате артиллерийской стрельбы советскими войсками были убиты около 2 000 человек, это было реваншем за убийства пилотов советского самолета, совершившего вынужденную посадку 24 августа [4]. Снова отделить совершивших самоубийство от убийства или убийство от военных действий не представляется возможным.

В антропологической же традиции написан и любопытный труд украинской исследовательницы Ольги Гнатюк «Мужество и страх», посвященный Львову и его жителям в период Второй мировой войны. Даже несмотря на то, что повествование выстроено в рамках «трех оккупаций» (советской, нацистской и снова советской) [22], автор старается быть объективной и следовать конструктивистской парадигме.

«Нерядовые» рядовые: гендерный, расовый и национальный вопросы

Базовый феминистский принцип – «сделать женщин видимыми», т.е. показать их роль не только в приватном пространстве дома и семьи, но и вклад в общественные процессы. Войны – как раз такие периоды, где на женщин выпадают основные тяготы и лишения как фронтовой и прифронтовой жизни, так и выживания в тылу и на оккупированных территориях.

Героини книги американской журналистки Сары Роуз – три женщины из 39, которых завербовало британское Управление специальных операций (SOE) для осуществления саботажа на территории оккупированной Франции [30]. Голодающая парижанка Андре Боррель взрывает линии электропередач, когда гестапо идет по пятам; сбежавшая от семейного быта Одетт Сансом и член

французского колониального высшего общества Лиз де Бэссак уничтожают железнодорожные пути, составляют планы побегов из тюрем – одним словом, закладывают основу для вторжения в день Д (открытие «Второго фронта» в июне 1944 г.). Критики назвали эту историю, вышедшую весной 2020 г., шпионским триллером, который был основан на раскритикованных материалах и в котором Уинстону Черчиллю отведена лишь эпизодическая роль.

Фигуре уже упомянутой британской разведчицы Одетт Сансом, родившейся во Франции, посвящена книга Ларри Лофтиса «Кодовое имя: Лиза» [26], ставшая лучшей книгой января 2019 г. по версии Amazon.

Британская исследовательница Джулия Готтлиб в книге «“Виновницы”, международная политика и умиротворение в межвоенные годы», написанной в академической манере, проанализировала роль женщин, приближенных к первым лицам государств. Готтлиб пришла к выводу о том, что дамы, хотя и не принимали окончательных решений, однако обладали определенной степенью влияния на «виновников» и занимались активной пропагандой политики, проводимой их мужьями и близкими родственниками [18].

Женские образы в ситуации глобального конфликта, вплетенные в контекст расово-этнической специфики, что называется, «бьют наотмашь». В последние годы вышло несколько исследований о женщинах-военных почтальонах. Но если текст Марка Кроули посвящен работе и работницам британской почты во время войны [8] (в 2021 г. под его же редакцией выходит основанная на устных интервью, альбомах, личных письмах, дневниках, газетных статьях, материалах массовых наблюдений и мемуарах «Женский опыт Второй мировой войны: высылка, оккупация и повседневность» [33] о жизни в оккупации и с оккупантами в Эльзасе, Париже, Амстердаме, городах Японии и Новой Зеландии), то материал журналистки Кристины Фишер посвящен батальону американских чернокожих женщин, из которых по прибытии в Англию сформировали почтовую бригаду (Six Triple Eight). С января 1945 г. они доставили более 17 миллионов писем и пакетов, адресованных военным союзникам, разбросанным по всей Европе [14]. «Устоявшие перед белой мужской армией», афроамериканки (среди которых

была Черети Адамс – первая темнокожая женщина, ставшая войсковым командиром за рубежом) и в ходе службы, и по возвращении домой, и до самой смерти боролись с сегрегацией и предвзятым отношением.

Тема геноцида еврейского народа, освещенная через женские судьбы, продолжает поэтапную работу над осознанием человечеством ужасов дегуманизации, к которым приводит этническая нетерпимость. Книга Иохима Шлёра «Побег из нацистской Германии: эмиграция одной женщины из Хайльбронна в Англию», основанная на анализе личных писем Алисы Шваб, наиболее заметна среди подобных работ [31].

Летом 2021 г. вышла книга генерал-майора армии США в отставке Мари Эдор о 15 женщинах-героинях, чьи подвиги времен Второй мировой войны до сих пор оставались незамеченными, но, судя по подзаголовку, «изменили ход Второй мировой» [10]. В униформе и без они делали историю: спасали от тифа молодую Анну Франк, контрабандой возили меха и ювелирные изделия, чтобы помочь беженцам в Лондоне, бежали из Австрии, чтобы впоследствии стать выдающимися американскими радиологами и т.д.

Представленный обзор не претендует на историографическую полноту. Он лишь призван выявить основные направления исследований и интерпретаций исторического материала времен Второй мировой войны западными историками. Понятно, что, несмотря на усилия авторов и издателей по адаптации сложнокомпонентных лонгридов к потребностям широкой читательской аудитории, такая литература на Западе, как и во всем мире, остается востребованной у профессиональной аудитории и лишь небольшого сегмента массового читателя. Однако именно из созданных историками текстов рождаются идеи, которые впоследствии редуцируются в общественном сознании до монохромных клише и паттернов, формирующих нарративы.

Литература

1. *Коробицына Л.В.* Истоки Второй мировой войны в современной отечественной и британской историографии: траектория интерпретаций <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/55649/1/iurg-2017-169-16.pdf>
2. Комментарий читателя на Амазоне // Режим доступа: https://www.amazon.com/Second-World-Wars-Global-Conflict/dp/1541674103/ref=pd_sbs_14_7?_encoding=UTF8&pd_rd_i=1541674103&pd_rd_r=990312fb-daaa-4a70-8fea-37b56f6fad02&pd_rd_w=lilTa&pd_rd_wg=nOu0s&pf_rd_p=ed1e2146-ecfe-435e-b3b5-d79fa072fd58&pf_rd_r=9N8X36G56Q1ASTFA2SNK&psc=1&refRID=9N8X36G56Q1ASTFA2SNK (дата обращения: 23.05.2022).
3. *Саймондс К.* Вторая мировая война на море: глобальная история. 2018 г.
4. *Томита Т.* Японо-советская война августа 1945 г.: оставленные солдаты и жители. Мисудзу-сёбоу, 2020. С. 229-238 (на японском языке); тезисы выступления Томита Т. на III конференции в г. Южно-Сахалинске 02 сентября 2020 г. <http://www.lessonsofwar.ru/uploads/materials/reports/section-5/tomita.pdf> (дата обращения 01.12.2021)
5. *Чубарьян А.О.* Вторая Мировая война в современной историографии и общественном сознании // Вестник Российской Академии Наук, 2016, том 86, № 5, с. 387–395.
6. 75th Commemoration #WWII2020 // Режим доступа: <https://www.75thwwiicommemoration.org/share-your-story> (дата обращения: 10.12.2021).
7. *Beevor A.* Ardennes 1944: The Battle of the Bulge Nov 3, 2015; The Battle of Arnhem: The Deadliest Airborne Operation of World War II Sep 11, 2018.
8. *Crowley M.J.* Post Office Women at War, 1939–45: Gender, Conflict and Public Service Employment. Выход анонсирован на 2022 г.
9. *Ebeling R.M.* How Stalin Used Hitler To Start World War II // Capitalism magazine May 2016 <https://www.capitalismmagazine.com/2016/05/how-stalin-used-hitler-to-start-world-war-ii/> (дата обращения: 23.06.2019).
10. *Eder M.K.* The Girls Who Stepped Out of Line Untold Stories of the Women Who Changed the Course of World War II // <https://www.amazon.com/Girls-Who-Stepped-Out-Line/dp/1728230926#:~:text=For%20fans%20of%20Radium%20Girls,is%20a%20legacy%20destined%20to> (дата обращения: 10.12.2021).
11. European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP)) // Режим доступа: <https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/popups/summary.do?id=1592277&t=e&l=en> (дата обращения: 23.10.2019).
12. *Farrell N.* Mussolini // Режим доступа: https://www.amazon.com/Mussolini-Nicholas-Farrell-ebook/dp/B07B5JGXW5/ref=pd_sim_4?pd_rd_w=TJdrf&pf_rd_p=52622570-

- ce87-4046-87cf-402c2bd33577&pf_rd_r=3HTKQZPK2HARYFAM456A&pd_rd_r=942fceба-40d0-4d7d-9fa0-18e2eaf52a40&pd_rd_wg=hKpxP&pd_rd_i=B07B5JGXW5&psc=1 (дата обращения: 10.12.2020).
13. *Finney P.* Politics and Technologies of Authenticity: the Second World War at the Close of Living Memory // *Rethinking History*. 2017. № 21. P. 154–170.
 14. *Fisher C.B.* The Black Female Battalion That Stood Up to a White Male Army // *Beyond the World War II We Know*, Project of the New York Times Magazine <https://www.nytimes.com/2020/06/17/magazine/6888th-battalion-charity-adams.html> (дата обращения: 10.12.2020).
 15. *Fritzsche P.* An Iron Wind: Europe Under Hitler. 2016
 16. *Galliechio M.* Unconditional: The Japanese Surrender in World War II Режим доступа: https://www.amazon.com/Unconditional-Japanese-Surrender-Pivotal-American-ebook/dp/B08B8VP775/ref=pf_rd_sim_2?pd_rd_w=m8ZIF&pf_rd_p=52622570-ce87-4046-87cf-402c2bd33577&pf_rd_r=PQQQH4ZV6PKB4DFM0QP&pd_rd_r=b6d20fb9-c713-47ae-886b-ae36ebe41775&pd_rd_wg=AInaG&pd_rd_i=B08B8VP775&psc=1 (дата обращения: 01.11.2020).
 17. *Goeschel C.* Mussolini and Hitler: The Forging of the Fascist Alliance // Режим доступа: https://www.amazon.com/Mussolini-Hitler-Forging-Fascist-Alliance-ebook/dp/B07H3XBJLT/ref=sr_1_1?dchild=1&keywords=Mussolini+and+Hitler%3A+The+Forging+of+the+Fascist+Alliance&qid=1608515402&sr=8-1 (дата обращения: 10.12.2021).
 18. *Gottlieb J. V.* ‘Guilty Women’, Foreign Policy, and Appeasement in inter-war Britain. London : Palgrave, 2015.
 19. *Hanson V.D.* The Second World Wars: How the First Global Conflict Was Fought and Won Paperback 2017, переиздана в 2020 // <https://www.amazon.com/Second-World-Wars-Global-Conflict/dp/1541674103> (дата обращения: 23.11.2021).
 20. *Hayes Carlton J. H.* Analytical survey of modern European history. New York: Macmillan, 1930-31.
 21. *Hett B.C.* The Nazi Menace: Hitler, Churchill, Roosevelt, Stalin, and the Road to War Kindle Edition https://www.amazon.com/Nazi-Menace-Hitler-Churchill-Roosevelt-ebook/dp/B07X1BKJZB/ref=sr_1_fkmr0_1?dchild=1&keywords=The+Nazi+Menace%3A+Hitler%2C+Churchill%2C+Roosevelt%2C+Stalin%2C+and+the+Road+to+War+Hardcover+%E2%80%93+Illustrated%2C+August+4%2C+2020+by+Benjamin+Carter+Hett&qid=1608518438&s=digital-text&sr=1-1-fkmr0 (дата обращения: 20.05.2022).
 22. *Hnatiuk O.* Courage and Fear (Ukrainian Studies), 2020
 23. *Klingaman W. K.* The Darkest Year: The American Home Front 1941-1942. 2019.
 24. *Larson E.* The Splendid and the Vile: A Saga of Churchill, Family, and Defiance During the Blitz // Режим доступа: <https://www.amazon.com/Splendid-Vile->

- Churchill-Family-Defiance/dp/0385348711/ref=zg_bs_5031_1?encoding=UTF8&psc=1&refRID=E3Q9QC2GRKFX1FE57SEP (дата обращения: 10.12.2021).
25. *Lehrman L.* Churchill, Roosevelt & Company Paperback – Illustrated, June 26, 2020
26. *Loftis L.* Code Name: Lise: The True Story of the Woman Who Became WWII's Most Highly Decorated Spy https://www.amazon.com/Code-Name-Became-Highly-Deco-rated/dp/1501198661/ref=pd_sbs_5?pd_rd_w=AlKOa&pf_rd_p=ed1e2146-ecfe-435e-b3b5-d79fa072fd58&pf_rd_r=68SV8HJM9V8ZJYH93AWB&pd_rd_r=123c5e2a-a689-4298-9a4e-d1008593d24c&pd_rd_wg=megVw&pd_rd_i=1501198661&psc=1 (дата обращения: 10.12.2021).
27. *Overy R.* Why the Allies Won. 1995
28. *Priorelli G.* Italian Fascism and Spanish Falangism in Comparison: Constructing the Nation. Palgrave Studies in Political History, 2020 // https://www.springer.com/gp/book/9783030460556?utm_campaign=3_pier05_buy_print&utm_content=en_08082017&utm_medium=referral&utm_source=google_books#otherversion=9783030460563 (дата обращения: 21.11.2020).
29. *Roediger H.* Competing national memories of World War II. PNAS, 2019. DOI: 10.1073/pnas.1907992116 // <https://www.pnas.org/content/116/34/16678> (дата обращения: 21.11.2020)
30. *Rose S.* D-Day Girls: The Spies Who Armed the Resistance, Sabotaged the Nazis, and Helped Win World War II // https://www.amazon.com/D-Day-Girls-Resistance-Sabotaged-Helped/dp/0451495098/ref=pd_lpo_14_t_1/133-6544813-8865451?_encoding=UTF8&pd_rd_i=0451495098&pd_rd_r=8a868cc7-05c6-4256-b0f8-2e8214e6ad40&pd_rd_w=nkNj8&pd_rd_wg=46VTe&pf_rd_p=7b36d496-f366-4631-94d3-61b87b52511b&pf_rd_r=C5Y6EP7MX7TTZCQXV7NW&psc=1&refRID=C5Y6EP7MX7TTZCQXV7NW (дата обращения: 10.12.2021).
31. *Schlör J.* Escaping Nazi Germany: One Woman's Emigration from Heilbronn to England // https://www.amazon.com/Escaping-Nazi-Germany-Emigration-Heilbronn-ebook/dp/B08KPF4MZ8/ref=sr_1_3?crid=3R7RN9GX6RWLU&dchild=1&keywords=joachim+schlor&qid=1608496914&srefix=Joachim+Schl%C3%B6%2Cstripbooks-intl-ship%2C290&sr=8-3 (дата обращения: 10.02.2022).
32. *Weinberg G.L.* A World at Arms: A Global History of World War II. 1178 pp, Cambridge University Press, 1994.
33. Women's Experiences of the Second World War: Exile, Occupation and Everyday Life. Ed. Crowley M.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Добровольский Леонид Валерьевич,
аспирант, Дипломатическая академия МИД России,
e-mail: dobrovolsky.l@mail.ru

Ногмова Аделина Шафиковна,
декан факультета подготовки кадров высшей квалификации, кандидат
политических наук,
Дипломатическая академия МИД России

Leonid V. Dobrovolsky,
Master's student of the Faculty of World Economy,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
e-mail: dobrovolsky.l@mail.ru

Adelina Sh. Nogmova,
Dean for the Training of Scientific and Pedagogical Personnel, Candidate of
Political Sciences,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

РОЛЬ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

ROLE OF NUCLEAR POWER IN DEVELOPMENT OF RUSSIAN ECONOMY

Аннотация: в статье раскрыты роль и значение атомного энергопромышленного комплекса в развитии экономики Российской Федерации, приведены общая характеристика и основные факторы, препятствующие развитию отрасли. Обобщены и изложены перспективы и приоритетные подходы к организации и обеспечению дальнейшего развития атомной энергетики Российской Федерации, предусмотренные Доктриной энергетической безопасности Российской Федерации, Энергетической стратегией Российской Федерации на период до 2035 года и государственной программой «Развитие атомного энергопромышленного комплекса». Проанализированы цели, задачи, структурные компоненты (подпрограммы) и основные мероприятия государственной программы, их влияние на развитие

атомной энергетической отрасли и экономики Российской Федерации. Исследованы подходы к решению проблем критического состояния ядерного наследия и обеспечения ядерной и радиационной безопасности Российской Федерации в рамках последовательной реализации федеральных целевых программ «Обеспечение ядерной и радиационной безопасности на 2008 год и на период до 2015 года» (ФЦП ЯРБ – 1) и «Обеспечение ядерной и радиационной безопасности на 2016 - 2020 годы и на период до 2030 года» (ФЦП ЯРБ – 2). В выводах обобщены результаты проведенного исследования, подтверждающие непосредственное участие атомного энергопромышленного комплекса в развитии российской энергетической системы как ключевого фактора повышения эффективности социально-экономического развития страны.

Ключевые слова: Атомный энергопромышленный комплекс, Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации, Энергетическая стратегия Российской Федерации, ядерное наследие, отработавшее ядерное топливо, радиоактивные отходы, радиационная безопасность.

Annotation: The article reveals the role and importance of the nuclear power-industrial complex in the development of the economy of the Russian Federation, provides general characteristics and main factors that hinder the development of the industry. The prospects and priority approaches to the organization and provision of further development of the atomic energy of the Russian Federation, provided for by the Doctrine of Energy Security of the Russian Federation, the Energy Strategy of the Russian Federation for the period up to 2035 and the state program "Development of the Atomic Energy Industrial Complex" are summarized and outlined. The goals, objectives, structural components (subprograms) and main activities of the state program, their impact on the development of the nuclear energy industry and the economy of the Russian Federation are analyzed. The approaches to solving the problems of the critical state of the nuclear legacy and ensuring the nuclear and radiation safety of the Russian Federation have been investigated within

the framework of the sequential implementation of the federal target programs “Ensuring nuclear and radiation safety for 2008 and for the period up to 2015” (FTP NRS - 1) and "Ensuring Nuclear and Radiation Safety for 2016 - 2020 and for the Period until 2030" (FTP NRS - 2). The conclusions summarize the results of the study, confirming the direct participation of the nuclear power industry in the development of the Russian energy system as a key factor in increasing the efficiency of the country's socio-economic development.

Key words: Nuclear Power Industry Complex, Doctrine of Energy Security of the Russian Federation, Energy Strategy of the Russian Federation, nuclear legacy, spent nuclear fuel, radioactive waste, radiation safety.

Введение

Один из ключевых факторов повышения эффективности российской экономики — постоянное наращивание объемов энергообеспечения всех сфер жизнедеятельности личности, общества и государства, обуславливающее объективную потребность последовательного увеличения производительности Единой энергетической системы страны, важнейшей составляющей которой является атомный энергопромышленный комплекс.

Осуществление в СССР после окончания Гражданской войны планов электрификации и индустриализации заложило фундаментальные основы не только военно-технического обеспечения безопасности государства, но и гарантировало высокую динамику его социально-экономического развития. Все это, несомненно, способствовало достижению победы в Великой Отечественной войне, последующему после ее окончания восстановлению в короткие сроки хозяйства, разрушенного войной, а также совершению в послевоенный период глобального прорыва в области ядерных исследований с использованием ядерной энергии в оборонных и мирных целях.

Наглядным подтверждением сказанному является не только испытание атомной бомбы в 1949 г., сорвавшее реализацию агрессивных планов нанесения внезапных массированных ядерных ударов по территории СССР со

стороны США и НАТО (план «Дропшот» и др.), но и ввод в эксплуатацию в 1954 г. первой в мире атомной электростанции (г. Обнинск Калужской обл.) и первого в мире атомного ледокола (1959 г.), свидетельствующие о широких возможностях использования атомной энергии в социально-экономическом развитии мирового сообщества в условиях непрерывного возрастания объемов потребления им энергии.

Многokратное возрастание в послевоенный период потребности в электроэнергии, истощение большинством стран возможностей для дальнейшего наращивания объемов ее выработки с традиционным использованием топливных и гидроэнергетических систем и ресурсов, связанное с увеличением цен на энергоносители. Это привело к формированию и утверждению взглядов мирового сообщества на необходимость развития атомной энергетики, обладающей широким спектром преимуществ перед существующими системами энергетики (тепловая энергетика, гидроэнергетика, ветроэнергетика, гелиоэнергетика, водородная, приливотливная, геотермальная энергетика и др.).

К очевидным преимуществам атомной энергетики относятся высокая плотность энергии и высокий коэффициент ее выработки из единицы ядерного топлива, показывающий, что 1 кг этого топлива обеспечивает возможность выработки такого же количества энергии, которое может быть получено при сжигании 2 500 тонн ископаемого топлива (каменного угля).

Функционирование АЭС, обладающих высокой конструктивной надежностью, при обеспечении безаварийной эксплуатации не влечет за собой опасностей радиоактивного заражения населения и окружающей природной среды.

В отличие от тепловых энергетических установок (ТЭЦ), в процессе эксплуатации которых мировым сообществом в атмосферу ежегодно выбрасывается более 250 млн тонн золы и до 60 млн тонн сернистого ангидрида, безаварийная эксплуатация АЭС гарантированно исключает

загрязнение атмосферы и биосферы, так как не связана с поглощением кислорода и выделением парниковых газов.

Объекты ядерной энергетики (АЭС) могут быть построены в любом районе независимо от его энергетических ресурсов и отличаются высокой компактностью размещения, в то время как создание, например, объектов гидроэнергетики (ГЭС) неизменно связано с затоплением под водохранилища обширных территорий с последующим возникновением комплекса проблем в области содержания искусственных водоемов, сохранения их биоресурсов и др.

Образующиеся при эксплуатации АЭС радиоактивные отходы обладают сравнительно малыми весогабаритными характеристиками и высокой компактностью, что в совокупности обеспечивает возможность их гарантированного безопасного хранения и системной производственной утилизации [12; 14].

Это, несомненно, способствует превращению атомной энергетики в одно из перспективных направлений развития общей системы энергетики мирового сообщества. В выступлении президента Российской Федерации в сентябре 2000 г. в Организации Объединенных Наций на Саммите тысячелетия мировое сообщество призывалось к сотрудничеству в разработке и реализации международных проектов развития атомной энергетики при участии МАГАТЭ [15].

Вместе с тем интенсивному развитию мировой атомной энергетики препятствует целый ряд объективных факторов, основные из которых показаны на рис. 1.

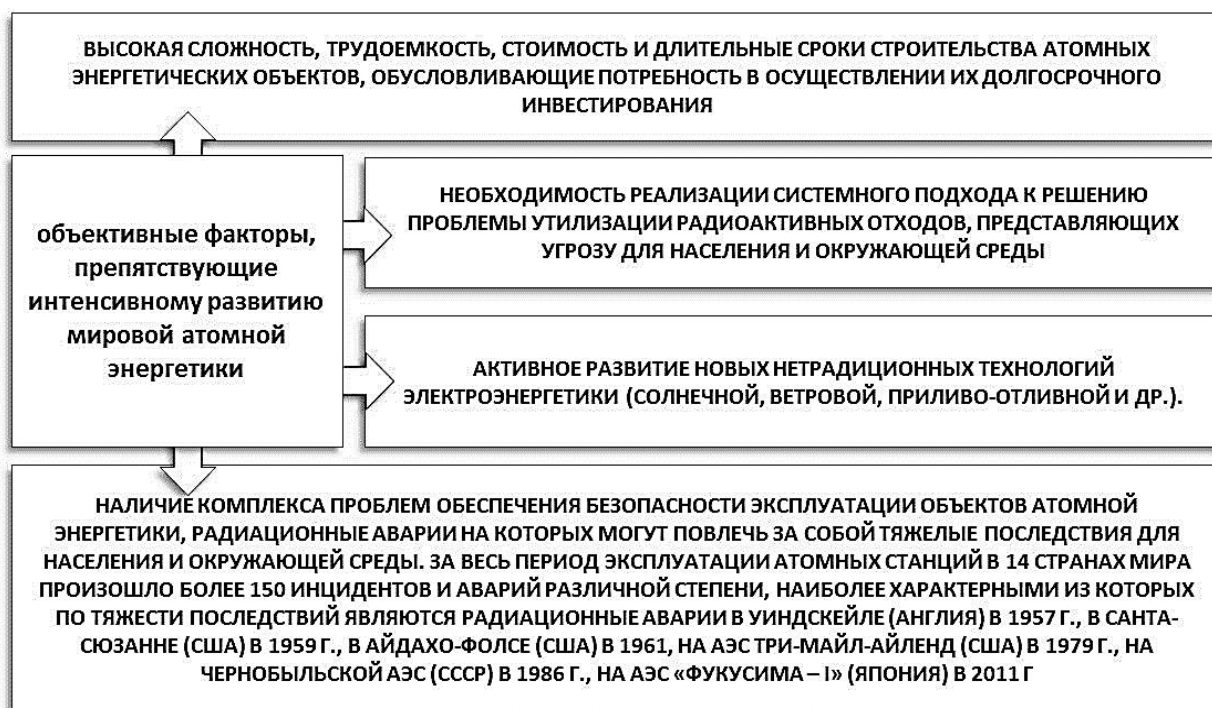

Рис. 1. Основные недостатки, препятствующие развитию атомной энергетики

Источник: составлен авторами [7; 11; 12].

Экономика России отличается постоянным возрастанием доли энергоёмких отраслей промышленности, доминированием энергозатратных технологий, большими прямыми и косвенными потерями в транспортной сетевой энергетической системе, производственной и социально-бытовой сферах. Это актуализирует необходимость выработки и осуществления в рамках государственной энергетической политики Российской Федерации комплекса приоритетных мер и действий по обеспечению энергетической безопасности, под которой понимается «Состояние защищённости экономики и населения страны от угроз национальной безопасности в сфере энергетики, при котором обеспечивается выполнение предусмотренных законодательством Российской Федерации требований к топливо- и энергоснабжению потребителей, а также выполнение экспортных контрактов и международных обязательств Российской Федерации» [1].

К числу основных приоритетов обеспечения энергетической безопасности и развития энергетической системы Российской Федерации официально отнесены развитие производственных мощностей и увеличение объемов атомной энергетики.

Динамика видов и объемов выработки электроэнергии в Российской Федерации в 2000–2020 гг. показана на рис. 2 [11; 12; 13].

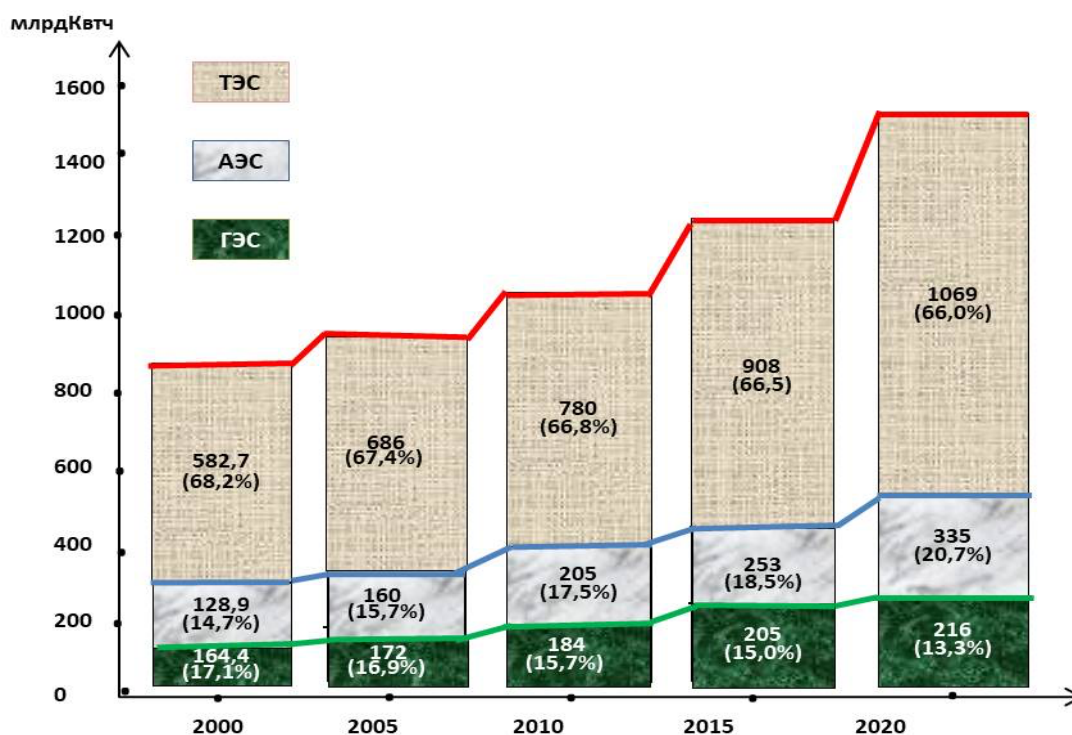

Рис. 2. Динамика структуры и объемов выработки электроэнергии в Российской Федерации в 2000–2020 гг.

Источник: составлен авторами [11; 12; 13].

Атомная электроэнергетика как основной продукт производственной деятельности атомного энергопромышленного комплекса страны по праву занимает достойное место в Единой энергетической системе страны. Доля вырабатываемой АЭС электроэнергии с 2008 по 2018 г. увеличилась на 25% и в настоящее время составляет 335 млрд кВтч, или более 20,5% ее общего объема, вырабатываемого в Единой энергетической системе страны.

Исследование состояния и направлений развития атомного энергопромышленного комплекса Российской Федерации

Атомный энергопромышленный комплекс Российской Федерации представляет собой «высокотехнологичную и конкурентоспособную на мировом рынке отрасль, во многом определяющую развитие других отраслей российской экономики, включая металлургическую промышленность, энергетическое и иное машиностроение, строительную и транспортную индустрию, судостроение, ракетно-космическую и радиоэлектронную промышленность, информационно-коммуникационные технологии, медицину и др.» [11; 12].

Атомный энергопромышленный комплекс страны относится к сектору наукоемких и высокотехнологичных отраслей российской экономики. Он включает в свой состав более 300 организаций, в которых работает более 250 тыс. высококвалифицированных специалистов [10; 11; 12].

Производственную основу атомного энергопромышленного комплекса в настоящее время составляют 10 АЭС, функционирующих на территории страны и использующих 31 энергоблок (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика действующих АЭС России

НАЗВАНИЕ АЭС	ОБЩАЯ МОЩНОСТЬ, МВт	КОЛИЧЕСТВО И ТИП РЕАКТОРОВ
ЛЕНИНГРАДСКАЯ	4000	4ХРМБК-1000
КОЛЬСКАЯ	1760	4ХВВЭР-440
КУРСКАЯ	4000	4ХРМБК-1000
НОВОВОРОНЕЖСКАЯ	1834	2ХВВЭР-440 1ХВВЭР-1000
СМОЛЕНСКАЯ	3000	3ХРМБК-1000
КАЛИНИНСКАЯ	3000	3ХВВЭР-1000
БАЛАКОВСКАЯ	4000	4ХВВЭР-1000
БЕЛОЯРСКАЯ	600	1ХБН-600
БИЛИБИНСКАЯ	48	4ХЭКП-12
ВОЛГОДОНСКАЯ	1000	1ХВВЭР-1000

Четырнадцать атомных электростанций и атомных станций теплоснабжения (АЭС и АСТ) находятся в стадии проектирования, строительства или временно законсервированном состоянии [12; 13; 14].

Создание государственной корпорации «Росатом» (2007 г.), несомненно, способствовало обеспечению практической реализации государственного системного подхода к развитию атомной энергетики страны, увеличению имеющихся у нее конкурентных преимуществ на мировом рынке атомных энергетических технологий. В годовом отчете корпорации за 2018 г. отмечается, что по итогам года портфель зарубежных заказов на 10 лет составил \$133,2 млрд, а годовая выручка достигла \$6,5 млрд [10].

Общие сведения о зарубежных заказах государственной корпорации «Росатом» и других ведущих участников рынка приведены в табл. 2 [12; 13; 14].

Таблица 2

Портфель зарубежных заказов на сооружение АЭС по ведущим участникам рынка*

КОМПАНИЯ	ЭНЕРГОБЛОКИ, ед.	ДОЛЯ РЫНКА, %
AREVA	5	9,6
CNNC	2	3,8
KEPCO	4	7,7
WESTINGHOUSE	7	13,5
ГК «РОСАТОМ»	34	65,4

* Источник: Годовой отчет госкорпорации «Росатом» за 2016 г. – URL: <http://www.rosatom.ru/upload/iblock/d9a/d9a7d8a9569667eb38bcfc153a70-16fe.pdf> [8].

Наличие у корпорации обширного портфеля зарубежных заказов на рынке строительства новых энергоблоков предоставляет возможность для уверенного прогнозирования ее дальнейшего развития на среднесрочную перспективу и непосредственного эффективного участия в развитии российской экономики.

Перспективы и приоритеты в организации дальнейшего развития атомной энергетики страны определены Доктриной энергетической безопасности Российской Федерации и Энергетической стратегией Российской Федерации на период до 2035 г., обеспечивающими практическую реализацию в сфере энергетики стратегий национальной безопасности и научно-технологического развития Российской Федерации, а также целого ряда других документов стратегического планирования в области обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития страны.

В указанных документах проведен глубокий и всесторонний анализ современного состояния, тенденций, угроз и вызовов развитию мировой и российской энергетики, в том числе атомной. Сформулированы стратегические цели развития атомной энергетики, к которым отнесены «обеспечение энергетической безопасности страны, диверсификация топливно-энергетического баланса, сбережение ценных ресурсов невозобновляемого ископаемого топлива для неэнергетического использования, повышение доли высокотехнологичных и наукоемких продуктов в экспорте, радикальное решение проблемы выбросов парниковых газов» [1; 2].

В документах установлены приоритетные направления деятельности по реализации государственной энергетической политики, обеспечивающие полное и эффективное удовлетворение потребностей социально-экономического развития страны, осуществление экспорта продукции, технологий, работ и услуг в сфере энергетики, вхождение России в число пяти крупнейших экономик мира. Определены основные задачи в области атомной энергетики (рис. 3).

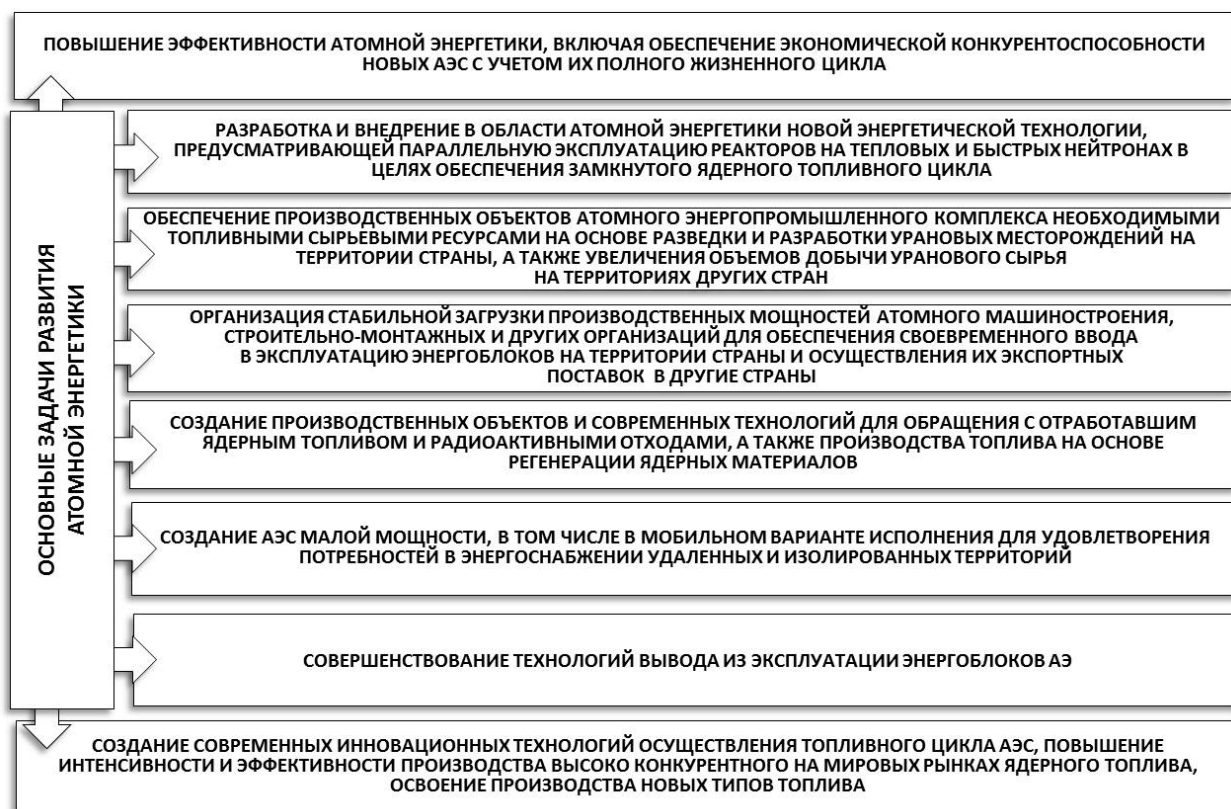

Рис. 3. Основные задачи в области развития атомной энергетики

Источник: составлено авторами [1; 2].

Итоговым интегральным показателем повышения эффективности атомной энергетики, обеспечения высокой экономической рентабельности и конкурентоспособности АЭС в Энергетической стратегии установлена доля АЭС нового поколения («3+») и действующих модернизированных энергоблоков АЭС в установленной мощности атомной генерации в Российской Федерации, которая должна составлять к 2018 г. 13 %, к 2024 г. – 26 % и к 2035 г. – 40 % [2].

В качестве показателя разработки и внедрения в атомной энергетике инновационной технологии, обеспечивающей параллельную эксплуатацию реакторов на тепловых и быстрых нейтронах в целях обеспечения замкнутого ядерного топливного цикла, Энергетической стратегией определена установленная мощность реакторов на быстрых нейтронах, обеспечивающих замыкание ядерного топливного цикла, составляющая к 2018 г. 1,48 ГВт, к 2024 г. – 1,48 ГВт и к 2035 г. – 1,78 ГВт [2].

Важнейшим инструментом, предоставляющим материальную основу для практической реализации в рамках Энергетической стратегии основ государственной политики в области атомной энергетики, является государственная программа Российской Федерации «Развитие атомного энергопромышленного комплекса» (в ред. 2019 г.), утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 2.06.2014 г. № 506-12 [7].

Предназначение, цели, основные задачи, состав и объемы финансирования государственной программы приведены в рис. 4, 5.

Рис. 4. Предназначение, цели и основные задачи реализации государственной программы «Развитие атомного энергопромышленного комплекса»

Источник: составлен авторами [7; 11; 12; 13; 14].

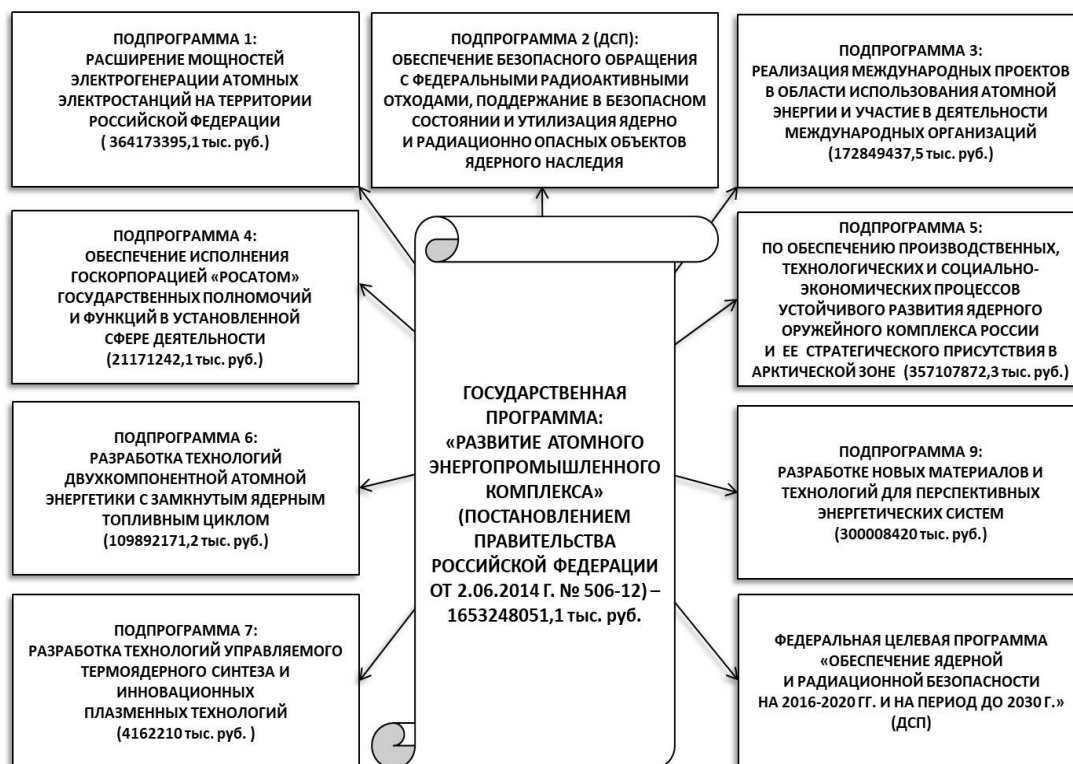

Рис. 5. Состав и объемы финансирования государственной программы «Развитие атомного энергопромышленного комплекса»

Источник: составлен авторами [7].

Сроки реализации государственной программы установлены на период 2012-2027 гг.

Достижение целей и задач государственной программы обеспечивается обобщенными результатами практического выполнения мероприятий по ее структурным элементам (подпрограммам), к основным из которых, с учетом положений Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации, Энергетической стратегии Российской Федерации до 2035 г. и реального вклада в развитие российской экономики, могут быть отнесены:

- **в области расширения мощностей электрогенерации атомных электростанций на территории Российской Федерации (Подпрограмма 1):** увеличение в четыре раза к 2030 г. мощности, вырабатываемой АЭС, связанное с этим приоритетное завершение строительства и ввода в эксплуатацию энергоблоков высокой степени готовности (17 энергоблоков) на новых пло-

щадках Ростовской, Белоярской, Нововоронежской, Ленинградской и Курской АЭС, а также ввод в эксплуатацию в целях замещения выбывающих энергетических мощностей Билибинской АЭС плавучей атомной теплоэлектростанции мощностью 70 МВт (г. Певек Чукотского автономного округа), которая может быть использована не только для выработки тепловой и электрической энергии, но и для опреснения морской воды с суточной производительностью 40-240 тыс. тонн. Предусмотрено развертывание строительства новых энергоблоков, проектирование и интенсивное строительство АЭС малой мощности, а также последовательное проведение на современной технико-технологической основе глубокой модернизации действующих АЭС. Одновременно с наращиванием мощностей атомной энергетики планируется проведение всего комплекса мероприятий по обеспечению гарантированно устойчивой и безопасной работы энергоблоков действующих АЭС атомного энергопромышленного комплекса страны. Установлены виды и сроки проведения работ по увеличению объемов отечественного производства урана в Курганской области, Бурятии, строительство в Забайкальском крае нового уранодобывающего рудника, а также расширение совместных проектов по разработке иностранных урановых месторождений, в совокупности обеспечивающих потребности атомного энергопромышленного комплекса страны и увеличение объемов поставки низкообогащенного урана на мировой рынок [7; 11; 14];

➤ **в области обеспечения безопасного обращения с федеральными радиоактивными отходами, поддержания в безопасном состоянии и утилизация ядерно и радиационно опасных объектов ядерного наследия (Подпрограмма 2 ДСП):** первоочередным и неотложным является выполнение комплекса работ по глубинным пунктам захоронения жидких радиоактивных отходов, обращению с федеральными радиоактивными отходами, а также по поддержанию в безопасном состоянии ядерно и радиационно опасных объектов. Разработана система мероприятий и технологий по осуществлению промышленной утилизации выводимых из эксплуатации атомных подводных лодок, надводных кораблей с ядерными энергетическими установками, судов

атомного ледокольного флота, а также технологического обслуживания и реабилитации радиационно опасных объектов. Предусматривается всестороннее обеспечение подготовки и постоянного функционирования штатных аварийно-спасательных формирований в сфере атомного энергопромышленного комплекса, полное оснащение их современным оборудованием и средствами защиты [7; 11; 14];

➤ **в области реализации международных проектов использования атомной энергии и участия в деятельности международных организаций** (Подпрограмма 3): предусматривается продолжение активного участия подразделений и организаций госкорпорации «Росатом» в работах по реализации проектов создания в Европе международного термоядерного экспериментального реактора ИТЭР (г. Кадараш, Франция), предназначенного для демонстрации возможностей коммерческого использования термоядерного реактора и решения возникающих в процессе его опытной эксплуатации физических и технологических проблем, а также строительству международного ускорительного комплекса (г. Дармштадт, Германия) для исследования ионов и антипротонов. Для исполнения российских обязательств по программе ИТЭР предусмотрено создание к 2027 г. не менее 59 технологий (зарегистрированных ноу-хау), используемых в проекте международного термоядерного экспериментального реактора. Наряду с этим приоритетными зарубежными проектами является также строительство в соответствии с заключенными договорами АЭСМ в Индии, Китае, Беларуси, Бангладеш, Турции, Финляндии, Венгрии, Египте, Узбекистане и др. [7; 11; 14];

➤ **в области обеспечения исполнения госкорпорацией «Росатом» государственных полномочий и функций в установленной сфере деятельности** (Подпрограмма 4): основные усилия и выделяемые средства сосредотачиваются на практическом и эффективном выполнении государственных полномочий, возложенных на корпорацию. Предусмотрены завершение разработки и ввод в эксплуатацию Единой государственной информационной системы учета и контроля (ЕГИСУиК) за обращением с отходами I и II классов

опасности, а также трех дополнительных инфраструктурных объектов по обращению с отходами и четырех межрегиональных производственно-технических комплексов по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов I и II классов опасности, созданных путем перепрофилирования объектов уничтожения химического оружия [6; 7];

➤ **в области обеспечения производственных, технологических и социально-экономических процессов устойчивого развития ядерного оружейного комплекса России и ее стратегического присутствия в Арктической зоне** (Подпрограмма 5): наряду с военно-техническим обеспечением надежной обороны и национальной безопасности страны, отражения внезапной агрессии с арктических направлений, к числу основных приоритетов отнесено строительство атомных ледоколов нового поколения, морских инфраструктурных объектов и сооружений для поддержания стратегического присутствия Российской Федерации в закрепленной за ней Арктической зоне, а также навигационно-гидрографического, аварийно-спасательного и других видов всестороннего обеспечения непрерывного функционирования Северного морского пути с доведением к 2024 г. объема перевозок в его акватории до 80 млн т. [5; 6; 7];

➤ **в области разработки технологий двухкомпонентной атомной энергетики с замкнутым ядерным топливным циклом** (Подпрограмма 6): основные усилия и средства направляются на разработку технологий двухкомпонентной атомной энергетики на базе реакторов на быстрых нейтронах для создания на их основе конкурентоспособных на мировом рынке ядерных энергетических комплексов. Предусмотрены ввод в эксплуатацию к 2026 г. опытно-демонстрационного энергоблока с реактором на быстрых нейтронах со свинцовым теплоносителем, а также перспективное создание и оснащение современным оборудованием экспериментально-стендовой и полигонной испытательной базы двухкомпонентной атомной энергетики, модернизация с продлением технических ресурсов и сроков эксплуатации действующих объектов научно-исследовательской базы атомной энергетики [7];

➤ **в области разработки технологий управляемого термоядерного синтеза и инновационных плазменных технологий** (Подпрограмма 7): выделяются необходимые объемы материальных и финансовых средств на создание семи установок и объектов стендовой базы для проведения исследований в области управляемого термоядерного синтеза, завершение тестирования и осуществление подготовки к физическому пуску токамака Т-15МД. Предусматриваются разработка технического проекта плазменного ускорителя, продолжение широкого фронта исследований и разработок по гибридным реакторным технологиям и системам, а также в области лазерных технологий и управляемого термоядерного синтеза [7];

➤ **в области разработки новых материалов и технологий для перспективных энергетических систем** (Подпрограмма 9): приоритетным направлением является создание к 2024 г. уникального комплекса по синтезу сверхтяжелых элементов, комплекса разделения изотопов на базе высокоэффективного масс-сепаратора нового поколения, семи аддитивных центров для отработки технологий и исследования параметров взаимодействия пучков энергии, а также разработка материалов технического проекта реакторной установки экспериментального жидкосолевого реактора с модулем переработки отработавшего ядерного топлива. Предусмотрено создание необходимых инфраструктурных компонентов системы для разработки материалов с использованием новых физических принципов, а также проведения комплексных исследований свойств веществ в экстремальном состоянии и обоснования инновационных ядерных энергетических установок [7].

В государственной программе особое внимание обращено на практическое решение комплекса наиболее актуальных проблем обеспечения ядерной и радиационной безопасности населения, территорий и окружающей природной среды Российской Федерации.

Важность и сложность решения этих проблем обусловлена наличием в Российской Федерации более 1500 радиационно опасных объектов, более 70% основных производственных фондов и оборудования которых выслужили

технический ресурс и установленные сроки эксплуатации. В условиях отсутствия в 1995-2005 гг. государственной финансовой поддержки большинство таких объектов было в крайне опасном состоянии. Кроме того, в критическом состоянии находилось доставшееся России ядерное наследие СССР в виде переполненных хранилищ отработавшего ядерного топлива (ОЯТ) и радиоактивных отходов (РАО), загрязненных радиоактивными веществами территорий, водоемов и др., представлявших серьезнейшую угрозу возникновения в ряде субъектов Российской Федерации техногенных чрезвычайных ситуаций регионального масштаба.

Все это потребовало принятия комплекса неотложных мер и действий, которые были включены для обеспечения их практической реализации в принятую в 2007 г. федеральную целевую программу «Обеспечение ядерной и радиационной безопасности на 2008 год и на период до 2015 года» (ФЦП ЯРБ – 1).

Основными целями этой программы являлись «снятие риска масштабных аварий и приведение в стабильное контролируемое состояние ядерно и радиационно опасных объектов, создание эффективного механизма накопления материальных средств для гарантированного обеспечения ядерной и радиационной безопасности в долгосрочной перспективе, а также разработка правовых норм для регулирования вопросов в области отработавшего ядерного топлива, радиоактивных отходов и вывода из эксплуатации ядерных и радиационно опасных объектов» [8].

На реализацию программы было направлено 141,5 млрд руб., в том числе 123,2 млрд руб. из средств федерального бюджета.

В процессе осуществления указанной программы было организовано выполнение комплекса мероприятий по решению проблем критического состояния ряда объектов ядерного наследия, в соответствии с которыми:

➤ **в области хранения и переработки отработавшего ядерного топлива (ОЯТ):** созданы объекты централизованной инфраструктуры для обеспечения долговременного хранения ОЯТ общей емкостью до 30,9 тыс. т

(введено в строй «сухое» долговременное хранилище, увеличена мощность «морского» хранилища до 8,6 тыс. т). Введен в эксплуатацию пусковой комплекс для отработки технологий радиохимической переработки ОЯТ. С объектов атомного энергопромышленного комплекса (АЭС) вывезено и размещено на централизованное хранение более 23,8 тыс. ед. отработавших тепловыделяющих элементов (ТВЭЛ). Все это в совокупности обеспечило снижение до 49% уровня заполнения хранилищ ОЯТ и снятие рисков остановки АЭС [8];

➤ **в области снижения безопасности радиоактивных отходов (РАО):** выполнены работы по консервации открытых бассейнов-хранилищ РАО, в том числе озера Карачай (Челябинская обл.). Прекращен сброс РАО в промышленные водоемы. Установлена система очистки вод, содержащих среднеактивные вещества химико-металлургического производства. Снижено образование и активность РАО, переведенных в безопасное состояние – $30 \cdot 10^{18}$ Бк [8];

➤ **в области обеспечения безопасной эксплуатации ядерно и радиационно опасных объектов (ЯРОО):** проведена полная инвентаризация 270 ЯРОО, из которых 188 объектов подготовлены к выводу из эксплуатации. Ликвидировано 42 ЯРОО, остановлено и демонтировано 12 промышленных реакторов-наработчиков оружейного плутония. Реабилитировано более 15 млн м² радиационно загрязненных территорий. Проведен комплекс работ по утилизации судов атомного технологического обслуживания в Мурманской обл. (п/тб «Володарский» и «Лепсе»). Завершены работы по выводу из эксплуатации и утилизации радиоизотопных источников электроэнергии – радиоизотопных термоэлектрических генераторов (РИТЭГ), в процессе выполнения которых 502 таких генератора выведено из эксплуатации и 446 утилизировано; от данного вида оборудования, обладающего высокой радиоактивностью, очищены территории российских исследовательских станций на Антарктиде, морские пути Дальнего Востока и Северный морской путь [8];

➤ **в области управления и контроля обеспечения ядерной и радиационной безопасности:** организовано создание Единой государственной

автоматизированной системы контроля радиационной обстановки (ЕГАСКРО), создано 7 ее ведомственных и 25 региональных подсистем. Продолжалось формирование и развитие системы государственного учета и контроля радиоактивных веществ и радиоактивных отходов (СГУК РВ и РАО). Организовано создание (восстановление) системы инженерной и физической защиты на РОО Минпромторга, Минобрнауки и «Росатома» [8].

Итоговые результаты выполнения Федеральной целевой программы «Обеспечение ядерной и радиационной безопасности на 2008 год и на период до 2015 года» приведены в табл. 3 (составлена авторами).

Таблица 3

**Эффективность реализации федеральной целевой программы
«Обеспечение ядерной
и радиационной безопасности на 2008 год и на период до 2015 года»
[9; 14]**

МЕРОПРИЯТИЯ	ПЛАН	ФАКТИЧ.	ХАРАКТЕРИСТИКА ВЫПОЛНЕНИЯ
РЕАБИЛИТАЦИЯ РАДИАЦИОННО ЗАГРЯЗНЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ, МЛН. м ²	1,8	2,7	УВЕЛИЧЕНИЕ В 1,5 РАЗА. УДЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ РЕАБИЛИТАЦИИ 1 М ² В СРАВНЕНИИ С 2009 Г. СНИЖЕНА В 4 РАЗА И СОСТАВИЛА 2,0 ТЫС. РУБ.
ЛИКВИДАЦИЯ ОПАСНЫХ ОБЪЕКТОВ, шт.	42	53	УВЕЛИЧЕНИЕ В 1,3 РАЗА
УДЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ ВЫВОЗА ОДНОЙ ОТВС РБМК-1000 НА ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЕ ХРАНЕНИЕ, ТЫС. РУБ.: 2013 г./2015 г.		723/227	СНИЖЕНИЕ В 2,3 РАЗА
УДЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ ХРАНЕНИЯ 1 М ³ НАКОПЛЕННЫХ РАДИОАКТИВНЫХ ОТХОДОВ, тыс. руб.: 2008 г./2015 г.		32.4/3.8	СНИЖЕНИЕ В 8,5 РАЗ
СТЕПЕНЬ ДОСТИЖЕНИЯ ОСНОВНОЙ ЦЕЛИ ПРОГРАММЫ, %	100	108.5	

Дальнейшее решение на системной основе проблем обеспечения радиационной безопасности населения, объектов, территорий и окружающей природной среды Российской Федерации осуществляется в настоящее время в рамках реализации федеральной целевой программы «Обеспечение ядерной и радиационной безопасности на 2016–2020 годы и на период до 2030 года» (ФЦП ЯРБ – 2).

Основными целями данной программы являются «перевод объектов ядерного наследия в безопасное состояние с их последующей ликвидацией, создание инфраструктуры по переработке и окончательной изоляции федеральных отходов ядерного топлива и радиоактивных отходов, окончательная изоляция накопленных федеральных удаляемых радиоактивных отходов» [9; 14].

Программа ориентирована на создание наиболее сложных объектов инфраструктуры единой государственной системы эффективного и безопасного обращения с радиоактивными отходами и отработавшим ядерным топливом (РАО и ОЯТ). Основные усилия при ее реализации предусматривается направить на перевод бывших потенциально опасных объектов из контролируемого в окончательно безопасное состояние с проведением комплекса работ на основе технологий, созданных в рамках реализации предыдущей программы (ФЦП ЯРБ – 1).

Структура федеральной целевой программы ЯРБ – 2 (объем финансирования – 584 млрд руб.) приведена в табл. 4 (составлена авторами) [9; 12; 14].

Таблица 4

Структура ФЦП ЯРБ–2 на 2016–2030 гг.

НАПРАВЛЕНИЯ ПРОГРАММЫ	ОСНОВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ
НАПРАВЛЕНИЕ 1 ПЕРЕВОД ОБЪЕКТОВ ЯДЕРНОГО НАСЛЕДИЯ В БЕЗОПАСНОЕ СОСТОЯНИЕ С ИХ ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ЛИКВИДАЦИЕЙ	УДАЛЕНИЕ ИЗ ХРАНИЛИЩ АЭС И РАЗМЕЩЕНИЕ ОЯТ НА ДОЛГОВРЕМЕННОЕ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЕ ХРАНЕНИЕ; БЕЗОПАСНОЕ УДАЛЕНИЕ ИЗ ВРЕМЕННЫХ ХРАНИЛИЩ И ПЕРЕРАБОТКА ОЯТ; ВЫВОД ИЗ ЭКСПЛУАТАЦИИ (ЛИКВИДАЦИЯ) ЯРОО РЕАБИЛИТАЦИЯ РАДИАЦИОННО ЗАГРЯЗНЁННЫХ ТЕРРИТОРИЙ; БЕЗОПАСНОЕ УДАЛЕНИЕ РАО ИЗ ПУНКТОВ ХРАНЕНИЯ И ЗАХОРОНЕНИЕ РАО.
НАПРАВЛЕНИЕ 2 СОЗДАНИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПО ПЕРЕРАБОТКЕ И ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ОЯТ И РАО	СТРОИТЕЛЬСТВО И РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБЪЕКТОВ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПО ОБРАЩЕНИЮ С НАКОПЛЕННЫМ ОЯТ; СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ ОБЪЕКТОВ ИНФРАСТРУКТУРЫ ОБРАЩЕНИЯ С НАКОПЛЕННЫМИ РАО.
НАПРАВЛЕНИЕ 3 РАЗВИТИЕ СИСТЕМ КОНТРОЛЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЯДЕРНОЙ И РАДИАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И КОНТРОЛЯ ЯРБ ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ; МЕДИКО-САНИТАРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАДИАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ АТОМНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.
НАПРАВЛЕНИЕ 4 НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАБОТ В ОБЛАСТИ ЯРБ	РАЗРАБОТКА ОПЫТНО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОБРАЩЕНИЯ С ОЯТ, РАО И ВЭ ЯРОО; РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧЕТА И КОНТРОЛЯ РАДИОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ, РАО И ЯДЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ; МОНИТОРИНГ СОСТОЯНИЯ ЯРБ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОГРАММНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ.

Анализ и обобщение основных мероприятий и показателей федеральной целевой программы «Обеспечение ядерной и радиационной безопасности на

2016–2020 годы и на период до 2030 года» (ФЦП ЯРБ – 2) служат наглядным подтверждением системного подхода к решению актуальнейшей проблемы обеспечения радиационной безопасности не только в отрасли атомной энергетики, но и во всех других сферах жизнедеятельности Российской Федерации, способствующей успешной реализации всей государственной программы развития атомного энергопромышленного комплекса как одной из важнейших составляющих эффективного развития экономики страны. Основные направления и целевые показатели выполнения ФЦП ЯРБ–2 на 2016–2030 гг. приведены в табл. 5.

Таблица 5

Целевые показатели ФЦП ЯРБ–2 на 2016–2030 гг.

(Составлена авторами) [9; 12; 14]

НАИМЕНОВАНИЕ ПОКАЗАТЕЛЯ	ЗНАЧЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЯ ПРОГРАММЫ	
	ЗА 2016 – 2030 ГГ., ПЛАН	ЗА 2008 – 2015 ГГ., ФАКТИЧЕСКИ
ВВОД В ЭКСПЛУАТАЦИЮ ОБЪЕКТОВ ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ РАДИОАКТИВНЫХ ОТХОДОВ, тыс. м ³	234,8	ОБЪЕКТЫ НЕ ВВОДИЛИСЬ
ВЫВОЗ НА ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЕ ХРАНЕНИЕ ОТВС, шт.	82944	29386
ПЕРЕРАБОТКА ОТРАБОТАВШЕГО ЯДЕРНОГО ТОПЛИВА, т.	3081,4	83,9
КОНСЕРВАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ УРАН-ГРАФИТОВЫХ РЕАКТОРОВ, ед.	7	-
ВЫВОД ИЗ ЭКСПЛУАТАЦИИ ЯРОО, шт.	82	53
РЕАБИЛИТАЦИЯ ТЕРРИТОРИЙ, тыс. м ²	4259176,3	2699
ЗАХОРОНЕНИЕ РАДИОАКТИВНЫХ ОТХОДОВ, тыс. м ³	176,3	НЕ ЗАХОРАНИВАЛИСЬ
ОСНАЩЕННОСТЬ ЦЕНТРОВ ГИГИЕНЫ И ЭПИДЕМИОЛОГИИ ФМБА РОССИИ, %	100	16

Выводы:

1. Атомный энергопромышленный комплекс как неотъемлемая составляющая ядерно-оружейной отрасли оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации играет важную роль в увеличении мощности Единой энергетической системы, являющейся генератором развития российской экономики.

2. Необходимость решения широкого спектра проблем, сформировавшихся в атомной энергетике и связанных с многократным снижением объема фундаментальных исследований в области ядерной физики после распада СССР, наличием оставшегося потенциально опасного ядерного

наследия в виде большого количества многократно выработавших установленные сроки эксплуатации радиационно опасных объектов (РОО) и оборудования, переполненных хранилищ отработавшего ядерного топлива (ОЯТ) и радиоактивных отходов (РАО), радиоактивного загрязнения обширных территорий и водоемов, в совокупности представляющего серьезнейшую угрозу обеспечению радиационной безопасности населения, территорий и окружающей природной среды, актуализировали принятие и обеспечение реализации государственной программы «Развитие атомного энергопромышленного комплекса».

3. Достижение установленных целей, задач и ожидаемых организационных, научно-практических и технико-технологических результатов в процессе реализации государственной и федеральных целевых программ в области атомной энергетики и радиационной безопасности населения, территорий и природной среды обеспечивает не только решение проблем ядерного наследия и радиационной безопасности, но и повышение уровня энергообеспечения всех сфер жизнедеятельности и отраслей промышленности, способствуя развитию российской экономики.

Литература

1. Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 г. № 216.
2. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года: Распоряжение Правительства РФ от 9 июня 2020 г. № 1523-р
3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683.
4. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208.

5. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204.
6. О государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»: Федеральный закон Российской Федерации от 1 декабря 2007 года № 317-ФЗ.
7. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие атомного энергопромышленного комплекса»: Постановление Правительства Российской Федерации от 2 июня 2014 г. № 506-12 (с изменениями и дополнениями).
8. Обеспечение ядерной и радиационной безопасности на 2008 год и на период до 2015 года: Федеральная целевая программа (ФЦП – ЯРБ-1). – URL: https://bellona.ru/assets/sites/4/2015/06/fil_Bellona-Working-Paper-FEDPROG-RU1.pdf (Дата обращения 27.05.2021 г.).
9. Обеспечение ядерной и радиационной безопасности на 2016 - 2020 годы и на период до 2030 года: Федеральная целевая программа (ФЦП ЯРБ – 2). – URL: <http://фцп-ярб2030.рф/>. (Дата обращения 27.05.2021 г.).
10. Годовой отчет госкорпорации «Росатом» за 2016 г. – URL: <http://www.rosatom.ru/upload/iblock/d9a/d9a7d8a9569667eb38bcfc153a70-16fe.pdf> (Дата обращения 27.05.2021 г.).
11. Значение атомной энергетики в экономике Российской Федерации. – URL: <https://www.myuniversity.ru> (Дата обращения 25.05.2021 г.).
12. Балашова М. А., Науменко И. Ю., Цвигун И. В. О роли атомной энергетики в повышении конкурентоспособности России. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-atomnoy-energetiki-v-povyshenii-konkurentosposobnosti-rossii> (Дата обращения 24.05.2021 г.).
13. Дубовцев Д. Г. Развитие института госкорпораций как фактор модернизации промышленности России (на примере атомной энергетики): диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук.

14. Рачков В.И. Стратегия развития атомной энергетики России. – URL: https://www.rosteplo.ru/Tech_stat/stat_shablon.php?id=2584 (Дата обращения 25.05.2021 г.).

15. Выступление Президента Российской Федерации на пленарном заседании Генеральной ассамблеи Организации Объединенных Наций («Саммите тысячелетия») 6.09.2000 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22231> (Дата обращения – 20.4.2021 г.).

Фаркова Наталья Анатольевна,
к.ф.-м.н., доцент кафедры мировой экономики
Дипломатической академии МИД России,
e-mail: nfrk7@yandex.ru

Худякова Ольга Юрьевна,
к.т.н., доцент кафедры мировой экономики
Дипломатической академии МИД России,
e-mail: hudyakova.olga@mail.ru

Харланов Алексей Сергеевич,
д.э.н., к.т.н., профессор кафедры мировой экономики
Дипломатической Академии МИД России,
e-mail: kharlanov2009@mail.ru

Мустафин Тимур Абдулхалимович,
к.э.н., доцент кафедры мировой экономики
Дипломатической академии МИД России,
e-mail: ntv-mmm@mail.ru

Natalya A. Farkova,
Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Associate Professor of the Department of World Economy
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
e-mail: nfrk7@yandex.ru

Olga Y. Khudyakova,
Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor of the Department of World Economy
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
e-mail: hudyakova.olga@mail.ru

Alexey S. Kharlanov,
Doctor of Economics, Ph.D., Professor of the Department
of World Economy,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
e-mail: kharlanov2009@mail.ru

Timur A. Mustafin,
Candidate of Economics,
Associate Professor of the Department of World Economy
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
e-mail: ntv-mmm@mail.ru

ЭКОНОМЕТРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РОСТА ЭКОНОМИКИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

ECONOMETRIC MODEL OF GROWTH OF UK ECONOMY

Аннотация: в настоящее время при исследовании экономической ситуации отдельного региона или страны уделяется большое внимание построению и анализу эконометрической модели исследуемого экономического процесса. Практический интерес вызывает анализ детерминант процесса и устойчивый рост показателей эффективности экономики.

Ключевые слова: эконометрическая модель, модель роста, детерминанты процесса, адекватность прогнозов.

Abstract: currently, when studying the economic situation of a particular region or country, much attention is paid to the construction, analysis and study of an econometric model of the economic process under study. Of practical interest is the analysis of the determinants of the process and the steady growth of economic efficiency indicators.

Key words: econometric model, growth model, determinants of the process, adequacy of forecasts.

В системе мировых экономических отношений огромную роль играет Великобритания. Традиционно она является образцом экономической стабильности, инновационного развития и роста благосостояния населения, что и определило выбор страны для исследования. В качестве показателей, характеризующих в целом экономику Великобритании, рассматриваются основные макроэкономические показатели страны. Для анализа используется эконометрическая методология изучения взаимосвязей нестационарных временных рядов.

Комплексное исследование любого экономического процесса всегда связано с построением экономико-математической модели и учетом большого числа возникающих проблем и ограничений, которые следует учитывать. Эконометрический подход в исследовании характеризуется относительной

простотой исполнения и высокой результативностью, что привлекает как зарубежных, так и российских исследователей [1; 2].

В работе рассмотрены основные макроэкономические показатели, определяющие экономику страны в период с 2000 по 2020 год: ВВП (GDP), население (x_1 , млн чел.), потребление домашних хозяйств (x_2 , % от ВВП), экспорт товаров и услуг (x_3 , млрд долл.), импорт товаров и услуг (x_4 , млрд долл.), прямые иностранные инвестиции в текущих ценах (x_5 , млрд долл.), государственный долг (x_6 , % ВВП), приток портфельных инвестиций (x_7 , млрд долл.), сбережения (x_8 , % ВВП), уровень безработицы (x_9 , %), инфляция (x_{10} , %), среднегодовой курс доллара (x_{11} , фунт стерлингов), золотовалютные резервы (x_{12} , млрд долл.), среднегодовая цена на нефть (x_{13} , долл.).

Эконометрическую модель взаимосвязи факторов можно строить с использованием традиционного МНК, если все показатели представлены стационарными временными рядами, элементы которых – случайные величины с постоянным математическим ожиданием и дисперсией, или в случае, если временные ряды являются коинтегрированными. Коинтегрированность – важное свойство многих экономических переменных, состоящее в том, что, несмотря на случайный (малопредсказуемый) характер изменения отдельных экономических переменных, существует долгосрочная зависимость между ними, которая приводит к некоторому совместному, взаимосвязанному изменению.

Проверка с использованием расширенного теста Дики-Фулера показала, что половина исследуемых факторов представляет собой стационарные временные ряды, а именно: «население», «прямые иностранные инвестиции», «государственный долг», «приток портфельных инвестиций», «сбережения», «инфляция», «золотовалютные резервы» (табл.1).

**P-значение статистики при тестировании по расширенному тесту
Дики-Фуллера**

	Y	X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7	X8	X9	X10	X11	X12	X13
Модель без константы	0,63	0,047	0,37	0,10	0,12	0,13	0,02	0,00	0,56	0,84	0,37	0,41	0,00	0,42
Модель с константой	0,26	0,00	0,81	0,79	0,85	0,00	0,84	0,00	0,38	0,15	0,03	0,07	0,16	0,28
Модель с трендом и константой	0,12	0,13	0,48	0,10	0,12	0,01	0,18	0,00	0,03	0,15	0,03	0,26	0,07	0,11

К сожалению, достаточно часто «паразитная» связь между переменными (ложная корреляция) мешает построению прогнозной модели изучаемого процесса. Такая связь возникает из-за наличия у переменных как детерминированных, так и стохастических трендов. Попробуем, используя процедуру взятия разности, получить стационарные ряды. Применяя расширенный тест Дики-Фуллера к разностям первого порядка соответствующих рядов («ВВП», «потребление домашних хозяйств», «экспорт товаров и услуг», «импорт товаров и услуг», «уровень безработицы», «среднегодовой курс доллара», «среднегодовая цена на нефть»), получаем подтверждение гипотезы о стационарности и порядке интеграции 1 для данных рядов (табл.2).

Таблица 2

**P-значение статистики при тестировании первых разностей
нестационарных рядов по расширенному тесту Дики-Фуллера**

	dY	dX2	dX3	dX4	dX9	dX11	dX13
Модель без константы	0,00	0,00	0,01	0,00	0,02	0,01	0,00
Модель с константой	0,00	0,00	0,00	0,00	0,03	0,01	0,00
Модель с трендом и константой	0,00	0,00	0,00	0,00	0,03	0,01	0,00

Выявлена коинтеграция в исследуемых рядах. Как было отмечено выше, наличие коинтеграции между переменными определяет долгосрочное взаимодействие между ними.

Определим коинтеграционное соотношение между исследуемыми переменными, два из них оказываются незначимыми (табл.3).

Таблица 3

Коинтеграционные соотношения между переменными

Коинтеграционное соотношение	R ²	Значимость статистики F-
$Y=35,178 - 0,503 \cdot X2$	0,684	$6,79 \cdot 10^{-6}$
$Y=0,602 + 0,003 \cdot X3$	0,894	$3,19 \cdot 10^{-10}$
$Y=0,445 + 0,003 \cdot X4$	0,922	$2,17 \cdot 10^{-11}$
$Y=2,273 + 0,042 \cdot X9$	0,015	0,602
$Y=2,882 - 0,583 \cdot X11$	0,010	0,668
$Y=1,777 + 0,011 \cdot X13$	0,514	0,0004

Для исключения ложной корреляции будем рассматривать матрицу парных коэффициентов корреляций относительно первых разностей исследуемых нестационарных рядов (табл.4).

Матрица корреляций первых разностей факторов

	<i>dY</i>	<i>dx2</i>	<i>dx3</i>	<i>dx4</i>	<i>dx9</i>	<i>dx11</i>	<i>dx13</i>
dY	1						
dx2	-0,562	1					
dx3	0,754	-0,491	1				
dx4	0,759	-0,473	0,986	1			
dx9	-0,368	0,048	-0,254	-0,325	1		
dx11	-0,786	0,491	-0,788	-0,810	0,274	1	
dx13	0,514	-0,123	0,811	0,794	0,047	-0,496	1

Мультиколлинеарность после взятия первых разностей и исключения ложной корреляции снизилась. Линейно зависимыми остались факторы: экспорт и импорт, экспорт и среднегодовой курс доллара, экспорт и среднегодовая цена на нефть, импорт и среднегодовой курс доллара, импорт и среднегодовая цена на нефть. Одновременно такие факторы входить в модель не могут, поскольку описывают одни и те же характеристики процесса. Детерминантами процесса являются показатели экспорта, импорта и среднегодовой курс доллара. Исключая мультиколлинеарность факторов, построим три многофакторные регрессии (табл.5).

Таблица 5

Регрессионные модели, определяющие рост экономики, и их адекватность

№ модели	Факторы	Коэффициенты модели	Значимость t-статистики параметра регрессии	Качество модели
1	const	16,937	0,000	Radj ² =0,947 Значимость F-статистики= 5,33*10 ⁻¹¹ Asp=3,5%
	X2	-0,239	0,000	
	X3	0,002	0,000	
	X9	-0,049	0,027	
2	const	14,035	0,001	Radj ² =0,950

	X2	-0,198	0,002	Значимость F-статистики= $3,02 \cdot 10^{-11}$ $A_{cp}=3,5\%$
	X4	0,002	0,000	
	X9	-0,038	0,074	
3	const	30,025	0,000	Radj ² =0,899 Значимость F-статистики= $4,51 \cdot 10^{-8}$ $A_{cp}=4,7\%$
	X2	-0,429	0,000	
	X9	-0,167	0,000	
	X11	1,124	0,034	
	X13	0,009	0,005	

Тестирование по методу восходящих и нисходящих серий показало, что отсутствует тенденция в динамике следующих показателей: ВВП, прямые иностранные инвестиции в текущих ценах, приток портфельных инвестиций, сбережения, инфляция, среднегодовой курс доллара. Надо отметить, что все они являются также и интегрируемыми нестационарными рядами.

Построены две трехфакторные и одна 4-факторная регрессионные модели, скорректированный коэффициент каждой из них объясняет 82–95% вариации реального ВВП. Это говорит о высоком качестве и адекватности построенных моделей. Все уравнения регрессии значимы, то есть модели адекватны по F-критерию Фишера, t-критерию Стьюдента, средней ошибке аппроксимации. Это подтверждает графический анализ фактических и предсказанных по моделям значений, предсказанные кривые хорошо аппроксимируют фактическую (рис.1).

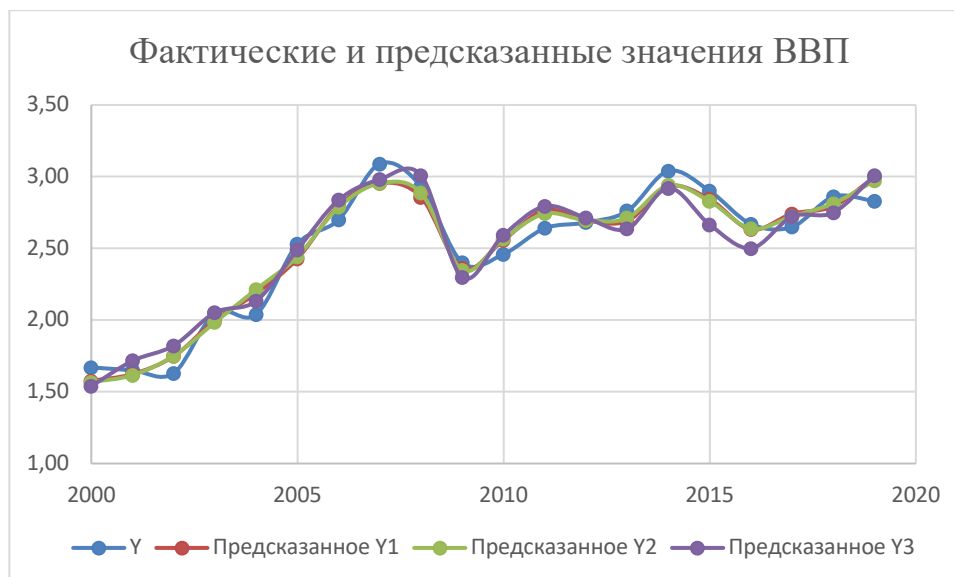

Рис.1. Фактические и предсказанные по трем моделям значения ВВП

Прирост на единицу потребления домашних хозяйств приведет к снижению ВВП на 0,2–0,4 трлн долл. США. Увеличение экспорта товаров и услуг на 1 млрд долл. позволит ВВП вырасти на 0,003 трлн долл. США, а рост импорта приведет к повышению ВВП до 0,002 трлн долл. США. Снижение уровня безработицы на 1% позволит увеличить ВВП на 0,05–0,24 трлн долл. Повышение среднегодовой цены на нефть на 1 доллар, как и увеличение среднегодовой цены на нефть на 1 долл., приведет к росту ВВП на 0,012 млрд долл. США.

Остальные факторы оказывают отрицательное или нулевое воздействие на ВВП: повышение среднегодового курса доллара на 0,1 снизит ВВП на 0,1–0,4 млрд долл., рост сбережений на 1% сократит ВВП на 0,17 трл долл. США.

Потребление домашних хозяйств, государственный долг, приток портфельных инвестиций оказываются незначимыми по сравнению с другими факторами. Незначительные колебания инфляции могут разнонаправленно заявить о себе: как положительно сказаться на экономике, так и отрицательно. Все зависит от совокупного влияния факторов на результативный показатель. Интересно, что положительное влияние на ВВП оказывает инфляция, если она

рассматривается в совокупности с ПИИ, среднегодовым курсом доллара и ценой на нефть. При этом, исходя из здравого смысла и просматривая отмененные Ямайской конференцией зависимости Бреттон-Вудских договоренностей в привязке к золотодевизному наполнению как самого доллара США, так и британского фунта стерлингов, видно, что проблемы по самому ВВП Великобритании растут даже с отказом от колониального владычества и процессов Брекзита. Поэтому необходимо рассчитывать не только многофакторные модели подорожания жизни и обесценения денег, но и видеть усложняющуюся функцию зависимости от растущего количества «черных лебедей» мировой экономики, таких как коронавирус, циклические рыночные пузыри, их схлопывание в периоды недостаточной определенности развития всех уровней экономических состояний от нано до мега. Требуется более глубокое осознание, что полностью меняющиеся как привычные и низковолатильные бизнес-модели, так и перестраивающие всю систему МЭО и МРТ глобального информационного общества на условиях упрощенных временных схем трансформаций суверенных государств становятся токсичными не только во внешней среде, но и отравляют линейные зависимости внутри самих национальных экономик (микро- и мезоуровней). При этом и сами подходы к расчетам макроэкономических показателей становятся более специфическими и требующими более строгой корреляции к выбору аргументов в построении прогнозов и к их адекватности с ростом временных промежутков искомых параметров [3].

Для анализа динамики основных макроэкономических показателей Великобритании использована эконометрическая методология изучения взаимосвязей нестационарных временных рядов, включающая тестирование на стационарность, коинтеграцию, причинность. В результате исследования определена группа стационарных временных рядов и группа нестационарных, установлена коинтеграция между отдельными факторами, даны коинтегрирующие соотношения результативного фактора с объясняющими факторами, характеризующие долговременную взаимосвязь. Показано, что

основными детерминантами роста экономики страны являются объемы экспорта и импорта, курс доллара США и цена на нефть.

Литература

1. Солодкая Т.И., Индустриев М.А. Эконометрическое моделирование экономического роста Российской Федерации / Математическое и компьютерное моделирование в экономике, страховании и управлении рисками. №4. Саратов, 2019. С.75-79.

2. Фаркова Н.А., Худякова О.Ю. Математический инструментарий в экономике / NEW CHALLENGES IN NEW SCIENCE: сборник статей Международной научно-практической конференции (25 ноября 2020 г.) – Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2020. – с.160-167.

3. Харланов А.С., Мустафин Т.А. Сравнительный анализ особенностей реализации Industry 4.0 в США, Германии и России / Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2021, №2 (28). С.41-55.

4. Ногмова А.Ш., Шангараев Р.Н. Евразийская интеграция в контексте модернизационных проектов и системы экономических связей // Актуальные проблемы международных отношений. Взгляд политологов и экономистов. Сборник подготовлен Центром мировой экономики ИАМП, Кафедрой государственного управления и национальной безопасности и Кафедрой мировой экономики Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации. Москва, 2015. С. 60-65.

Трибуна молодых ученых

Куликов Артемий Михайлович,

магистрант,
Дипломатическая академия Министерства
иностраннных дел Российской Федерации,
e-mail: artemy.kulikoff@yandex.ru

Artemy M. Kulikov,

Master's Degree Student,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation,
e-mail: artemy.kulikoff@yandex.ru

ЗАЩИТА НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В РАМКАХ ОРГАНА ПО РАЗРЕШЕНИЮ СПОРОВ ВТО

PROTECTION OF RUSSIA'S NATIONAL INTERESTS IN THE SPHERE OF REGULATION OF PUBLIC PROCUREMENT WITHIN THE FRAMEWORK OF THE WTO DISPUTE SETTLEMENT BODY

Аннотация: статья затрагивает объективность правовой оценки обращения DS604, направленного Европейским союзом Российской Федерации, по некоторым мерам в отношении отечественных и иностранных товаров и услуг. В статье рассматриваются меры, в том числе с точки зрения понятия «торговая инвестиционная мера», и предлагаются возможные сценарии разрешения спора DS604. Дается оценка совместимости функций ВТО и внешнего экономического давления.

Ключевые слова: право, ВТО, ГАТТ, ГАТС, ТРИМС, международная торговая система, государственные закупки, DS604.

Abstract: The article touches upon the objectivity of the legal assessment of the appeal DS604, sent by the European Union to the Russian Federation, on certain measures in relation to domestic and foreign goods and services. The article considers the measures, including in terms of the concept of trade investment

measure and proposes possible scenarios for the development of the DS604 dispute resolution. Gives an assessment of the compatibility of WTO functions and external economic pressure.

Keywords: law, WTO, GATT, GATS, TRIMS, international trade system, public procurement, DS604.

Правила ВТО и национальные интересы

Всемирная торговая организация (ВТО) учреждена для либерализации и регулирования внешней торговли, основываясь на принципах справедливой конкуренции, отсутствия дискриминации и прозрачности, закрепленных в общеобязательных и факультативных соглашениях. Однако правила ВТО также предусматривают ряд исключений, позволяющих обходить общеобязательные положения, если выполнение обязательств несет существенную угрозу национальной безопасности, а также если дело касается закупок в интересах государства. Тем не менее другие участники могут не согласиться с подобным объяснением, если прослеживается протекционистская политика и запросить консультации для разрешения сложившейся ситуации. В настоящей работе дается правовая оценка запроса Европейского союза WT/DS604/1 к Российской Федерации, исследуется, насколько он юридически обоснован, какие перспективы развития и последствия для сторон он может иметь, а также проводится соотношение запроса с общеобязательными соглашениями ВТО.

Запрос Европейского союза

Европейский союз запросил консультации с Российской Федерацией относительно мер, которые, с точки зрения ЕС, являются частью программы импортозамещения. Надо отметить, что политика импортозамещения появилась как ответная мера на односторонние санкции в отношении России. Такая мера отвечает принципам соразмерности полученного от санкций ущерба и является симметричной. Запрос был направлен 22 июля 2021 года.

В рамках проведенных консультаций, по мнению ЕС, спор не был разрешен, и последовала просьба об учреждении панели арбитров (третейской группы). 29 ноября 2021 года Россия заблокировала просьбу о создании третейской группы и продолжила настаивать на продолжении консультаций по выдвинутому запросу.

Однако на заседании 20 декабря 2021 года Орган по разрешению споров ВТО поддержал вторую просьбу ЕС об учреждении панели и сообщил о начале ее формирования для разрешения спора между Европейским союзом и Российской Федерацией. Таким образом, началась процедура формирования третейской группы, которая рассмотрит претензии в отношении России, связанные с программой импортозамещения и правовым регулированием госзакупок, а также доступом к ним иностранных лиц [4]. Евросоюз считает, что принимаемые Россией меры нарушают принцип справедливой конкуренции: меры предоставляют импортируемой продукции менее благоприятный режим, чем тот, который обеспечивается аналогичной продукции национального происхождения.

Европейский союз выдвигает претензии в отношении трех норм, действующих в Российской Федерации: ценовые преференции для российских поставщиков, участвующих в государственных закупках; норма, которая предписывает государственным компаниям получать предварительное разрешение на закупку машиностроительной продукции за рубежом; минимальный объем закупок российских товаров определенных категорий для государственных компаний.

Европейский союз в своей претензии, в части, касающейся правил ценовых преференций для связанных с государством организаций, ссылается на ГАТТ-94: пункт 4, пункт 8 (а) статьи III; ГАТС: пункт 1, 1(с) и 2 статьи XVII, статью XIII; Пункт 2 Протокола о присоединении Российской Федерации (WT/MIN(11)/24 WT/L/839) в сочетании с Докладом Рабочей группы о присоединении Российской Федерации к ВТО (WT/ACC/RUS/70, WT/MIN(11)/2), в частности параграфами 98, 99 и 1450.

В части, посвященной проводимой политике импортозамещения машиностроительной продукции, – на пункт 2 Протокола о присоединении Российской Федерации (WT/MIN(11)/24 WT/L/839) в сочетании с Докладом Рабочей группы о присоединении Российской Федерации к ВТО (WT/ACC/RUS/70, WT/MIN(11)/2), в частности параграфами 98, 99 и 1450; ГАТТ-94 статьи: пункт 4 и 8(а) статьи III, статью XI, пункт 1(с) и 2 статьи XVII, а также в отношении минимальных квот на отечественную продукцию в закупочных процедурах: пункт 2 Протокола о присоединении Российской Федерации (WT/MIN(11)/24 WT/L/839) в сочетании с Докладом Рабочей группы о присоединении Российской Федерации к ВТО (WT/ACC/RUS/70, WT/MIN(11)/2), и в частности параграфами 98, 99 и 1450; Статьи ГАТТ-94: пункт 4 и 8 статьи III, пункт 1(с) и 2 статьи XVII.

В претензии заявитель дает оценку российскому законодательству в сфере регулирования закупок и считает, что положения Федерального закона от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», включая государственные предприятия и государственные торговые предприятия, а также Федеральный закон № 488-ФЗ от 31 декабря 2014 года «О промышленной политике в Российской Федерации», который устанавливает политику импортозамещения Российской Федерации в отношении промышленной продукции, не соответствуют обязательствам Российской Федерации в рамках ВТО [11].

Заявитель указывает, что стоимость тендеров в России за 2019 год составила 23,5 триллиона рублей (290 миллиардов евро), что составляет примерно 20% ВВП Российской Федерации. Дополнительно указывается, что компании стран ЕС находятся в невыгодном положении при продаже товаров и услуг российским государственным организациям [11]. Стоит отметить, что в обзоре торговой политики от 22 сентября 2021 года содержится иная цифра – 8,24 триллиона рублей за 2019 год (или около 7,5 % ВВП) [2]. По всей видимости, заявитель учел общий объем закупок, проводимых как государственными, так и коммерческими предприятиями в совокупности.

Такой прием со стороны заявителя искажает реальное положение дел в попытке выдать общий объем закупок предприятий всех видов собственности за государственный.

Разрешение споров в рамках ВТО

Когда консультации не дают удовлетворительного результата для заявителя, процедура переходит на стадию панели, в рамках которой ему предоставляется возможность защитить свои права в соответствии со статьей XXIII ГАТТ [1] и положениями Договоренности о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров [6]. Процедура важна, так как дает возможность государству отстаивать свои права, поскольку оно может не согласиться с заявителем либо по фактам, либо по верности интерпретации обязательств или преимуществ в соответствии с принятыми обязательствами в ВТО.

Участие в третейской группе зарезервировал ряд членов ВТО. Как правило, в течение нескольких месяцев третейская группа готовит рекомендации для сторон. В случае если стороны не будут согласны с окончательными рекомендациями, пересмотр можно осуществить в Апелляционном органе (не функционирует с декабря 2019 года).

Возможны два сценария развития событий в отношении спора DS604. В первом случае претензия Евросоюза будет считаться ничтожной, так как будет доказано, что правоприменительная практика в национальном законодательстве Российской Федерации полностью соответствует положению Соглашений ВТО. Во втором случае, если не получится доказать недостоверность претензии, заявитель имеет право ввести ограничительные меры в отношении второй стороны, которые будут соразмерны объему торговли, который был затронут. Сам процесс введения соразмерных ограничений, как правило, не предается всеобщей огласке, но согласовывается с ВТО. С высокой долей вероятности ни одна из сторон не сможет добиться апелляции рекомендаций комиссии в связи с тем, что США с конца 2019 года

блокируют назначение новых членов в Апелляционный орган, который не может принимать решения, если нет простого большинства голосов [3].

Позиция России

Российская Федерация указала, что соглашение ВТО по госзакупкам, на которое ссылается ЕС, не подписывалось РФ, а также является факультативным и не должно выполняться Российской Федерацией. Параграфы Доклада Рабочей группы по присоединению Российской Федерации к Всемирной торговой организации, указанные в претензии, направленной Евросоюзом (98, 99 и 1450), и содержащие специфические обязательства, действуют в отношении закупок для проведения коммерческой деятельности предприятий, находящихся в собственности или под контролем Российской Федерации, что не отменяет возможности импортозамещения для обеспечения некоммерческой деятельности в сфере государственного управления.

С точки зрения Российской Федерации, претензии Евросоюза не имеют реальных оснований. По оценке автора, есть несколько возможных вариантов аргументации позиции Российской Федерации. В первую очередь просматривается возможность придерживаться ранее принятого решения и характеризовать закупки государственных учреждений и компаний как закупки товаров и услуг в интересах государства, которые являются исключением в соответствии с пунктом 8 статьи III ГАТТ и статьей XIII ГАТС.

Также необходимо обратить внимание, что меры, принимаемые Россией в отношении собственных государственных закупок, нацелены на поддержку поставщиков и производителей в условиях пандемии COVID-19. Косвенно такие меры имеют отношение к безопасности страны в условиях, когда нарушены цепочки поставок и есть глобальные логистические трудности, которые могут существенно затруднить функционирование государственных органов, подведомственных органов и иных предприятий с государственным участием (прямым или косвенным). Автор считает, что шаги, предпринятые

Правительством Российской Федерации в условиях пандемии [5] обоснованы и необходимы для поддержания безопасности государства согласно статье XXI ГАТТ-94. Закупки для нужд и в интересах государства, а также вопросы национальной безопасности являются главными причинами проведения политики импортозамещения.

Общеобязательные нормы ВТО

Учитывая тот факт, что импортозамещение – форма количественных ограничений “performance requirements”, а также политика в сфере местного содержания, есть сходные признаки с понятием «торговая инвестиционная мера», примеры которой приводятся в Соглашении по инвестиционным мерам, связанным с торговлей [7]. Здесь возникает определенный дуализм в соотношении подходов и толкований. С одной стороны, существует исключение для закупок в интересах государства, с другой – в перечень государственных учреждений могут входить и те, что оказывают значительное влияние на рынок и работают с целью формирования прибыли для бюджета. Программа импортозамещения не нарушает правил ВТО в отношении ТРИМС, но имеет довольно категоричный подход, так как возможны и другие варианты для проведения подобной политики.

Также стоит отметить, что Россия является не единственной страной, которая проводит политику импортозамещения / местного содержания. В числе наиболее известных примеров – политика Норвегии, Китая, Канады, а также программа “reshoring” в США, которую тоже можно отнести к стимулированию производства отечественного компонента, не говоря уже о “Buy American Act” 1933 года, который был восстановлен в 2009 году на фоне финансового кризиса 2008 года [8]. По сути, вышеперечисленные примеры создают приоритетные условия для национальных производителей, и их общие признаки имеют схожие черты с политикой импортозамещения в Российской Федерации.

Отдельно необходимо отметить, что успех решений по защите национальной экономики связан с политическим весом и экономическим развитием страны. Развитым странам намного проще обосновывать необходимость тех или иных ограничений посредством отсылки к национальной безопасности. Так, в связи с эмбарго Никарагуа США в 1985 году Никарагуа запросила консультации в соответствии с пунктом 1 статьи XXII, США отказали в проведении консультаций по данному вопросу и, соответственно, представители Никарагуа затребовали создание третейской группы. Представитель Соединенных Штатов возразил против создания группы, аргументировав это тем, что меры, предпринятые против Никарагуа, подпадают под действие статьи XXI. Это положение оставляет за каждой договаривающейся стороной право решать, какие действия она считает необходимыми для защиты своих существенных интересов безопасности. Поэтому третейская группа не могла рассматривать ни обоснованность, ни мотивы ссылки США на часть iii пункта b статьи XXI [10]. Таким образом, мы наблюдаем тенденцию, когда санкционная политика США и Европы не имеет отражения в рамках правил ВТО, а полностью является недобросовестным экономическим давлением, идущим вразрез с целями ВТО.

Считаем необходимым дать дополнительную оценку санкциям Евросоюза, поскольку они вводятся в одностороннем порядке и накладывают ограничения как на покупку, так и на продажу определенной продукции, которая производится на территории стран ЕС. В теории можно считать санкции торговой инвестиционной мерой обратного действия, которая оказывает искажающее воздействие на международную торговую систему и международное торговое право. В первую очередь ограничительные меры в отношении собственных производств на поставку определенной продукции за рубеж негативно влияют на экономику страны, в особенности если были заключены долгосрочные контракты, а теперь компании не могут исполнять обязательства по ним. В случае если одна из таких компаний является иностранным инвестором, то можно говорить о торговой инвестиционной

мере, но обратного характера. Несмотря на то что в Соглашении ТРИМС не приводится определение торговой инвестиционной меры, по логике, вытекающей из иллюстративного перечня, содержащегося в Соглашении, и пункта 4 статьи III, а также пункта 1 статьи XI ГАТТ, можно сделать вывод, что по своему значению торговая инвестиционная мера – это ограничение, которое вводится государством в отношении деятельности компаний, сформированных иностранными лицами, и ущемляет возможности свободно выбирать рынки поставки и сбыта.

Необходимо отметить, что косвенная или прямая продажа товаров отдельным российским компаниям запрещена санкциями, введенными Евросоюзом в отношении российских компаний. Возникает вывод, что ЕС не является надежным поставщиком продукции для государственных организаций. Очевидно, что для стабильного функционирования государства возможность полагаться на закупку продукции, поток продукции которой может внезапно ограничиться, не соответствует национальным интересам.

Стоит отметить, что Европейский союз также по своему усмотрению принимает необходимые меры, чтобы обезопасить своих производителей от товаров, которые, по их мнению, подрывают рыночную ситуацию в странах ЕС. В соответствии с политикой по защите торговли Комиссия по защите торговли в праве принимать доказательства того, что существует факт нарушения или подрыва рыночной стабильности, и соответствующие меры, которые ограничат действие отдельных юридических лиц или продажу отдельной категории товара [9]. Становится ясно, что каждый член ВТО в первую очередь стремится улучшить свое благосостояние и экономику. Подобного рода решения были особенно актуальны во время пандемии, так как наличие товаров первой необходимости в условиях глобального кризиса здравоохранения можно было обеспечить путем ограничения торговли. Таким образом, мы видим, что разного рода меры, защищающие национальных производителей, применяются не только в российской экономике, но и в европейской. Разница состоит лишь в механизме и в самом процессе

реализации. В первом случае предусмотрен ряд предписывающих норм, во втором – действует механизм по созданию предписаний для импортеров и экспортеров.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что по формальным признакам и с точки зрения порядка подачи претензии в ОРС ВТО к Европейскому союзу замечаний нет, но с точки зрения правового, логического обоснования и юридического содержания самой претензии возникает сомнение в юридической последовательности приведенных претензий, так как правовая позиция Российской Федерации и ее обязательства в ВТО допускают использование мер, связанных с импортозамещением в механизме госзакупок, а также в интересах обеспечения национальной безопасности с учетом положений статьи XXI ГАТТ.

Вне зависимости от доклада третьей группы рекомендации, направленные сторонам, в настоящее время не могут быть обжалованы в Апелляционном органе ВТО, а значит – исполняются исключительно на добровольной основе и не содержат обязательств для обеих сторон. Ссылки на общеобязательные статьи соглашений ВТО, содержащиеся в претензии DS604, по формальным признакам могут быть рассмотрены и как торговые инвестиционные меры, но такая оценка будет вторична по отношению к действующей практике, так как сфера регулирования находится в плоскости государственных закупок государств членов ВТО, которые осуществляют их самостоятельно для обеспечения бесперебойной работы государственного управления, а также для обеспечения безопасности и обороноспособности страны. Односторонний отказ отдельных членов ВТО в предоставлении России режима наибольшего благоприятствования является нарушением принципов ВТО и лишь демонстрирует, насколько импортозамещение является оправданной и необходимой мерой для обеспечения безопасности страны и защиты ее национальных интересов.

Литература

1. Генеральное соглашение о тарифах и торговле (1994) // Сайт Всемирной торговой организации. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://wto.ru/about-WTO/WTO-agreements/> (дата обращения: 20.12.2021).
2. Доклад Секретариата ВТО по обзору торговой политики России WT/TPR/S/416 • Russian Federation // Сайт Всемирной торговой организации. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/tp_r_e/s416_e.pdf (дата обращения: 23.12.2021).
3. *Калачигин Г.М.* Коллапс Апелляционного органа как определяющий фактор будущего ВТО // Вестник международных организаций. 2021. Т. 16. №3. С. 238–255.
4. *Панкратов М.В.* Регулирование сферы государственных закупок в рамках ВТО и ЕАЭС // Московский экономический журнал. 2021. №5.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 03.12.2020 № 2013 «О минимальной доле закупок товаров российского происхождения» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012070006> (дата обращения: 17.12.2021).
6. Соглашение об учреждении ВТО (1994) // Сайт Всемирной торговой организации [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://wto.ru/about-WTO/WTO-agreements/> (дата обращения: 20.12.2021).
7. Соглашение по инвестиционным мерам, связанным с торговлей (1994) // Сайт Всемирной торговой организации. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://wto.ru/about-WTO/WTO-agreements/> (дата обращения: 20.12.2021).

8. *Зенкин И.В.* Право Всемирной торговой организации. – М.: Международные отношения, 2014. – 792 с.
9. The EU's trade defence policy // Сайт Европейской Комиссии [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ec.europa.eu/trade/policy/accessing-markets/trade-defence/> (дата обращения: 14.12.2021).
10. UNITED STATES - TRADE MEASURES AFFECTING NICARAGUA Report by the Panel (L/6053) // Сайт Всемирной торговой организации [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/gatt_e/85embarg.pdf (дата обращения: 23.12.2021).
11. WT/DS604/1 Российская Федерация – некоторые меры в отношении отечественных и иностранных товаров и услуг запрос Европейского Союза о проведении консультаций // Сайт Всемирной торговой организации [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds604_e.htm (дата обращения: 17.12.2021).

К сведению авторов

Правила предоставления рукописей для публикации в научном электронном журнале «Вестник ученых-международников»

В редакцию журнала предоставляется авторский оригинал статьи (на русском языке) в распечатанном виде (с датой и подписью автора) или в электронной форме по электронной почте, содержащей текст в формате «Word» (версия 1997–2003).

Весь текст набирается шрифтом TimesNewRoman Cyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца — 0,7 см, абзацы четко обозначены.

Поля (в см): слева и сверху — 2, справа и снизу — 1,5. Нумерация — «от центра» с первой страницы. Объем статьи — не более 15–16 тыс. знаков с пробелами (с учетом аннотаций, ключевых слов, примечаний, списков источников).

Структура текста:

1. **Сведения об авторе / авторах на русском и английском языках:** имя, отчество, фамилия, должность, место работы, ученое звание, ученая степень, домашний адрес (с индексом), контактные телефоны (раб., дом.), адрес электронной почты, — размещаются перед названием статьи в указанной выше последовательности (с выравниванием по правому краю).

2. **Название статьи на русском и английском языках**

3. **Аннотация статьи на русском и английском языках** (3–10 строк) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах, размещается после названия статьи (курсивом).

4. **Ключевые слова на русском и английском языках** по содержанию статьи (8–10 слов), которые размещаются после аннотации.

5. **Основной текст статьи**, желательно разбитый на подразделы (с подзаголовками).

6. **Список источников и литературы**

Сокращения типа т.е., т.к. и подобные набираются через неразрывный пробел.

В тексте используются кавычки «...», если встречаются внутренние и внешние кавычки, то внешними выступают «елочки», внутренними «лапки».

В тексте используется длинное тире (-), получаемое путем одновременного нажатия клавиш «Ctrl» + «Alt» + «-», а также дефис (-).

Таблицы, схемы, рисунки и формулы в тексте должны нумероваться; схемы и таблицы должны иметь заголовки, размещенные над схемой или полем таблицы, а каждый рисунок — подрисуночную подпись.

Список источников и литературы оформляется в соответствии с принятыми стандартами и выносится в конец статьи. Источники даются в алфавитном порядке (русский, другие языки). Отсылки к списку в основном тексте даются в квадратных скобках [номер источника в списке, страница].

Примечания нумеруются арабскими цифрами (с использованием кнопки меню текстового редактора «надстрочный знак» — x2). При оформлении библиографических источников, примечаний и ссылок автоматические «сноски» текстового редактора не используются.

Подписуемые подписи оформляются по схеме: название/номер файла иллюстрации — пояснения к ней. Номера файлов в списке должны соответствовать названиям/номерам предоставляемых фотоматериалов.

Иллюстративные материалы — в электронной форме (фотография автора обязательна, иллюстрации) — отдельными файлами в форматах TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Не допускается предоставление иллюстраций, импортированных в «Word», а также их ксерокопий.

Ко всем изображениям автором предоставляются подписуемые подписи (включаются в файл с авторским текстом).

Заполненный в электронной форме Договор авторского заказа (высылается дополнительно).

Рецензия обязательна для всех авторов статей, кроме тех, кто входит в Редакционный совет или Редакционную коллегию Журнала. Рекомендательное письмо научного руководителя обязательно для публикации статей аспирантов и соискателей.

Авторы статей несут ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не всегда разделяет мнения авторов и не несет ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

Редакция вправе изъять уже опубликованную статью, если выяснится, что в процессе публикации статьи были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики.

О факте изъятия статьи редакция сообщает автору, который представил статью, рецензенту и организации, где работа выполнялась.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Статьи и предоставленные тексты, другие материалы не возвращаются.

Статьи, оформленные без учета вышеизложенных Правил, к публикации не принимаются.

Правила составлены с учетом требований, изложенных в приказе Министерства образования и науки РФ от 25.07.2014 № 793.

The rules for submission of manuscripts for publication in the Academic periodic electronic journal «IR SCIENTISTS HERALD»

In the journal is the author's original article (in Russian) in printed form (with date and signature of the author) and in electronic form containing the text in Word (version 1997-2003).

All the text is typed in Times New Roman Cyr, font 14 pt, with single line spacing. The indents at the beginning of the paragraph — 0.7 cm, paragraphs clearly marked. Field (in cm): left and top — 2, right and bottom is 1.5. Numbering — «from the heart» from the first page. The volume of the article — no more than 15-16 thousand characters with spaces (including abstracts, keywords, notes, list of sources).

The structure of the text:

Information about author / authors: name, patronymic, surname, position, affiliation, academic title, academic degree, address (including zip code), phone numbers (work, home), the email address is placed before the title in the above sequence (right-aligned).

The title of the article

The abstract (lines 3-10) on the relevance and novelty of the topic, the main substantive aspects, is placed after the article title (in italics).

Keywords on the content of the article (8-10 words), which are placed after the abstract.

The main text of the article, preferably split into sub-sections (with headings).

The initials in the text are drawn through a non-breaking space name (by pressing the keys «**Ctrl**» + «**Shift**» + «**space**»). Between the initials no spaces.

Reduction type i.e., as and the like are drawn through a non-breaking space.

In the text, use quotation marks «...», if there are internal and external quotation marks, the external act «Christmas tree», the internal «legs».

The text uses a dash (-), obtained by simultaneously pressing the keys «**Ctrl**» + «**Alt**» + «-», and the hyphen (-).

Tables, charts, figures, and formulas in the text should be numbered; diagrams and tables should have captions placed above the diagram or table field, and each picture is a caption.

List of references / sources used (if included in the list of electronic resources) shall be in accordance with accepted standards and shall be made at the end of the article. Sources are given in alphabetical order (Russian, other languages). Reference to the list in the main text are given in square brackets [the number of the source in the list, the page]

Notes are numbered with Arabic numerals (using the menu buttons text editor «Superscript a» — x2). In the design of bibliographic sources, notes and references automatic «footnotes» text editor is not used. «Footnote» is given in the interlinear on the 1st page in case the instructions on the continuation of the article and/or the source of the publication.

Captions are under the scheme: name/file number of illustrations notes thereto (what/who is where; for images of book covers and their contents bibliographic

description; etc.). The file numbers in the list must match the names/numbers of the provided photographs.

Materials in English — about the author/authors, title, abstract, keywords (in hard copy and in electronic form (second separate file on a email) containing the text in Word (version 1997-2003).

Illustrative materials in electronic form (photo by the author, illustrations) — separate files in TIFF/JPG with resolution not less than 300 dpi.

Not permitted to provide illustrations, imported into «Word» and also the copies thereof.

All images by the author include captions (included in file with the author).

Filled in the electronic form of the Contract of author's order (sent separately)

Recommendation letter of the supervisor — required for the publication of articles by graduate students and applicants.

The authors are responsible for the content of the articles and for the fact of their publication.

The editors do not always share the views of the authors and is not responsible for the inaccuracy of published data.

The editorial Board assumes no responsibility to the author and/or third parties and organizations for any possible damage caused by the publication.

The editors have the right to withdraw the published article, if it turns out that in the process of publishing the article were violated someone's rights or generally accepted norms of scientific ethics.

The fact of withdrawal, the editorial Board informs the author who submitted the article, the reviewer and the organization where the work was performed.

Articles and other materials will not be returned.

The articles prepared without taking into account the above Rules, it will not be accepted.

These arrangements meet the requirements set by the letter of Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia 25.07.2014 № 793

Научный электронный периодический журнал
ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ
2022. № 2 (20)

ISSN: 2687-0193

Издается Советом молодых ученых Дипломатической академии
Министерства иностранных дел Российской Федерации

Адрес Редакции Журнала: 119021, г. Москва, Остоженка 53/2 стр. 1, каб.220

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

Электронный адрес размещения выпуска Журнала:

1. <http://www.dipacademy.ru/periodical/zhurnal-vestnik-molodykh-uchenykh-i-diplomatov/>
2. <http://www.vestnikum.ru/>

Научный редактор выпуска Журнала: О.Г. Карпович (д.п.н., д.ю.н.).

Редакционная коллегия выпуска Журнала: Шангараев Р.Н. (к.э.н.),
Тимакова О.А. (к.п.н.), Козюлин В.Б. (к.п.н.), Сидорова Л.Н. (к.п.н.),
Анисимов И.О. (к.ю.н.), Гуляева Е.Е. (к.ю.н.), Фаустова Н.А. (к.ф.н.),
Кашина А.А. (к.п.н.), Мартынова Д.О. (к.п.н.)

Технический редактор выпуска Журнала:

Верстка: Р.Н. Шангараев

Оформление: Р.Н. Шангараев

Опубликовано 30.07.2022.
